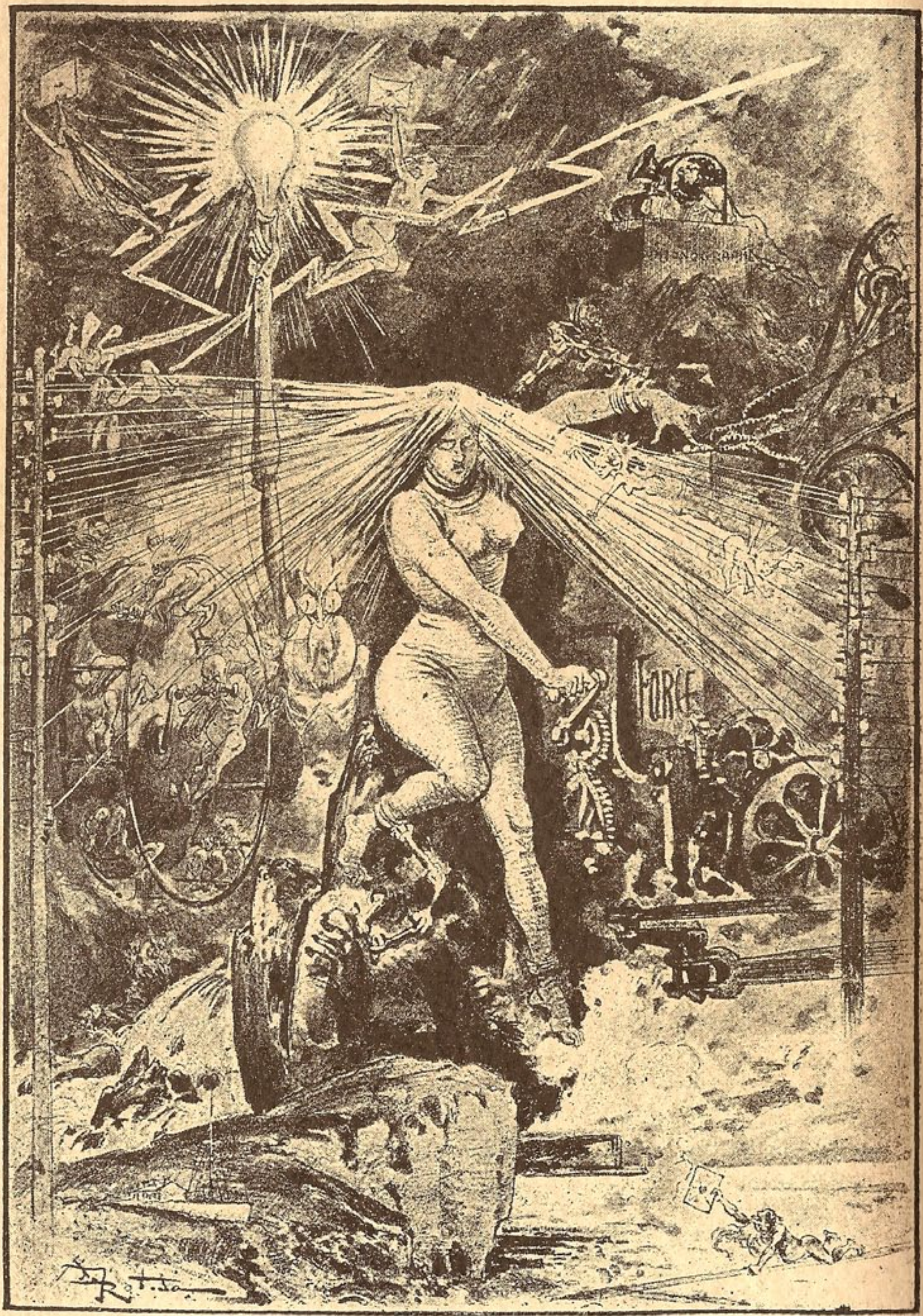
А. РОБИДА.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Электричество.

(Могучая, но невполнѣ еще прирученная рабыня).

ДВАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Текстъ и рисунки А. РОБИДА.

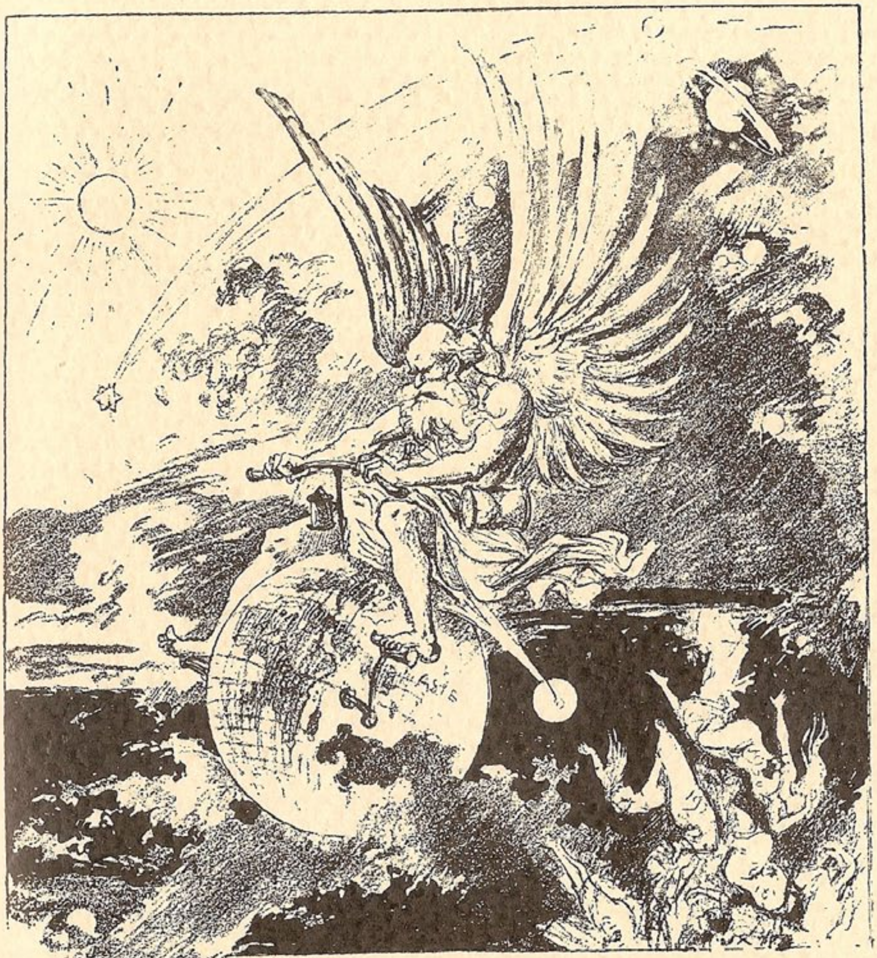
Переводъ В. Ранцова.

Безплатное приложеніе
къ «Вѣстнику Иностранной Литературы» 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1894.

Дозволено цензурою. Спб., 7 Ноября 1893 г.

Впередъ, безъ оглядки!

ДВАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Электрическая жизнь.

I.

Несчастный случай съ большимъ резервуаромъ электричества подъ литерой N.— Искусственная оттепель.— Великій ученый Филоксенъ Лоррисъ излагаетъ своему сыну средство, съ помощью котораго разсчитываетъ побороть въ немъ неблагопріятное наслѣдственное предрасположеніе.—Родительскія увѣщанія по телефоноскопу прерываются неожиданно.

Послѣ полудня 12 декабря 1955 года, вслѣдствіе какой-то случайности, причина которой такъ и осталась невыясненной, разразилась надъ всею западной Европой страшная электри-

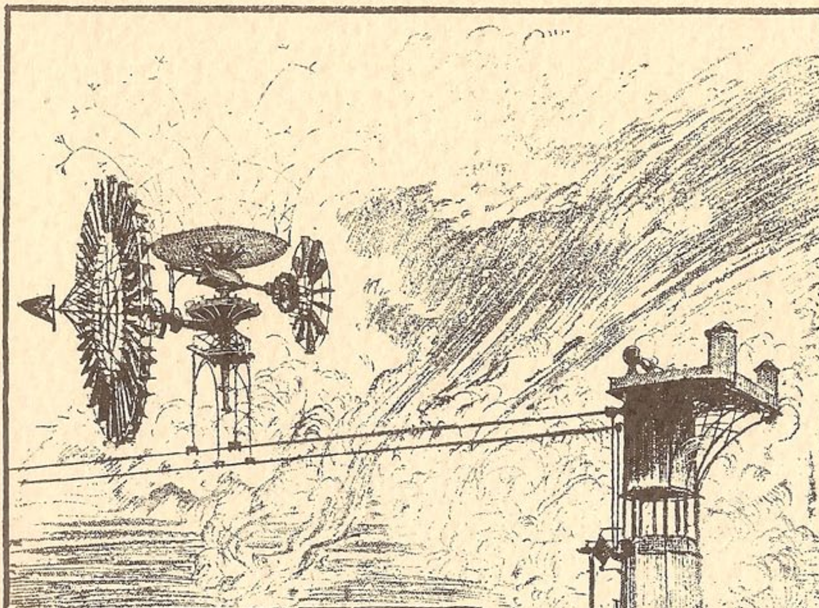
ческая буря, — такъ называемое торнадо. Причинивъ глубокія пертурбаціи въ правильномъ теченіи общественной и государственной жизни, буря эта принесла съ собою много неожиданностей лицамъ, которыхъ мы будемъ имѣть честь вскорѣ представить читателю.

За двѣ недѣли передъ тѣмъ выпало много снѣга, покрывшаго всю Францію, за исключеніемъ узкой полосы на самомъ югѣ, густымъ, великолѣпнымъ, но чрезвычайно неудобнымъ бѣлымъ ковромъ. Министерство воздушныхъ и земныхъ путей сообщенія, какъ и слѣдовало ожидать, тотчасъ же предписало произвести искусственную оттепель. Техническая команда при большомъ резервуарѣ электричества подъ литерой N (въ Ардешскомъ департаментѣ), которой было поручено выполнить распоряженіе министерства, успѣла, менѣе чѣмъ въ пятичасовой срокъ, освободить весь сѣверо-западъ европейскаго материка отъ этого снѣга — бѣлаго савана, печально закрывавшаго въ былыя времена по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ всю природу, и безъ того уже окутанную пасмурной зимнею мглою.

Современная наука сравнительно лишь недавно снабдила человѣка могущественными орудіями, доставившими ему возможность побѣдоносно бороться со стихіями. Благодаря ей онъ съумѣлъ подчинить себѣ даже безпощадную зиму, ледяную суровость которой долженъ былъ прежде выносить скрѣпя сердце, кутаясь и законопачиваясь у себя дома возлѣ хорошо нагрѣтой печи. Теперь метеорологическія обсерваторіи не довольствуются уже пассивнымъ записываніемъ перемѣнъ погоды. Имѣя подъ рукой все необходимое для борьбы съ неудобными или несвоевременными капризами атмосферы, обсерваторіи эти берутъ на себя активную роль и, по возможности, исправляютъ недосмотры матери-природы, которая позволяетъ погодѣ слишкомъ уже своевольничать.

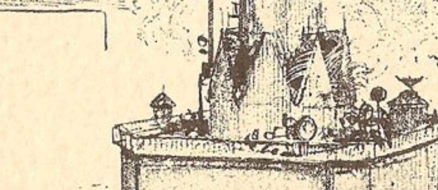
Какъ только свирѣпые аквилоны начинаютъ приносить къ намъ холодное вѣяніе полярныхъ льдовъ, наши электротехники немедленно противупоставляютъ сѣвернымъ воздушнымъ теченіямъ другія, болѣе сильныя теченія въ противуположномъ направленіи, заворачивающія ихъ въ громадныя спирали. Образованные такимъ образомъ искусственные циклоны посылаются въ африканскую Сагару, или же въ раскаленныя азіатскія пустыни. Тамъ они нагрѣваются сами и, въ благодарность за

это, разражаются проливными дождями. Съ помощью такихъ остроумныхъ приспособленій удалось возвратить земледѣлію безплодныя до тѣхъ поръ пустыни въ Африкѣ, Азіи и Австраліи. Прежніе раскаленные нубійскіе и аравійскіе пески стали зем-

Приборы для электрическаго улавливанія воздушныхъ теченій и для завѣдыванія дождями.

нымъ раемъ, приносящимъ, благодаря обильному орошенію, богатыя жатвы. Зато, когда лѣтнее солнце нещадно печетъ европейскія равнины, доводя чуть не до кипѣнія кровь и мозги злополучныхъ горожанъ и крестьянъ, искусственные воздушные токи устанавливаютъ освѣжающее сообщеніе между Европой и Ледовитымъ океаномъ.

Метеорологическая Управа.

Погода, по прежнему, старается поддержать свою репутацію вѣтренности, но ея капризы, иногда столь вредные и раз

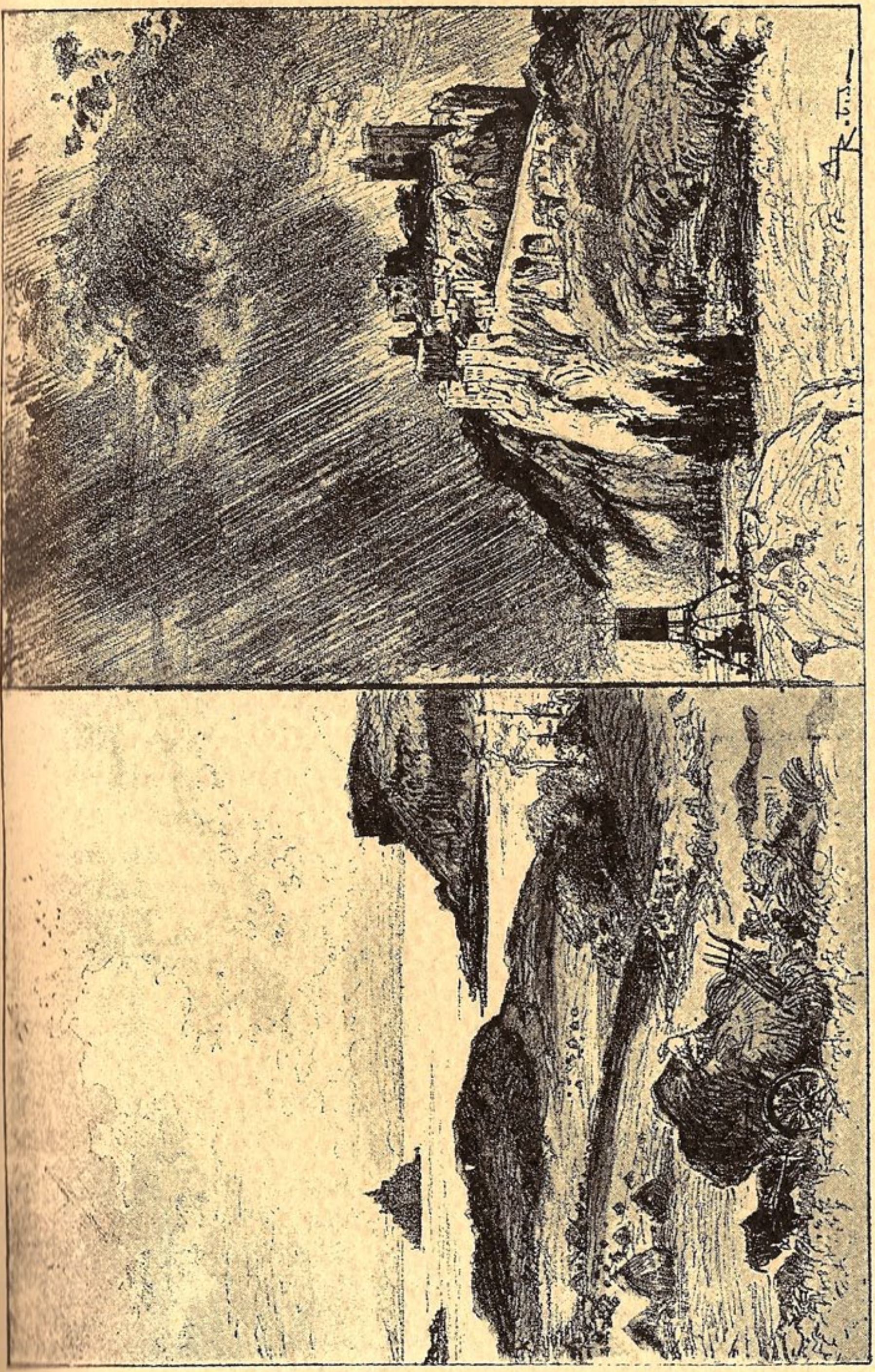
рушительные, не имѣютъ уже теперь для человѣка значенія приговоровъ судьбы, противъ которыхъ немыслима никакая борьба. Человѣкъ не уподобляется болѣе смиренному, робкому, запуганному насѣкомому, которое, чувствуя себя беззащитнымъ передъ слѣпою яростью стихій, безропотно предается волѣ рока. Для него не существуетъ теперь безусловной необходимости выносить періодическіе ужасы долгихъ зимъ или скоропреходящіе, но разрушительные порывы бурь, вихрей, ураганов и землетрясеній.

Роли перемѣнились. Природа, покоренная человѣкомъ, должна сама сообразоваться съ разумною его волей, научившейся измѣнять по собственному усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности вѣчный круговоротъ временъ года. Принимая во вниманіе потребности разныхъ мѣстностей земного шара, каждой изъ нихъ ежедневно отпускается надлежащее количество теплоты, прохлады, или орошенія. Такимъ образомъ устраняются и чрезмѣрныя засухи, и излишекъ сырости. Современное человѣчество не расположено безъ всякаго разумнаго основанія дрожать отъ стужи, или жариться въ собственномъ соку.

Упорядочивъ времена года, ихъ распредѣлили также болѣе выгоднымъ образомъ. Съ помощью электрическихъ приборовъ для улавливанія дождевыхъ тучъ получилась возможность по произволу управлять ихъ движеніями. Ливни, грозящіе помѣшать уборкѣ хлѣбовъ, перехватываются на пути и отводятся туда, гдѣ земледѣліе нуждается во влагѣ, чтобъ напоить жаждущія нивы.

Въ 1953 году минуло всего лишь какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наукѣ удалось достигнуть такихъ дивныхъ успѣховъ, а между тѣмъ успѣхи эти во многихъ мѣстностяхъ совершенно измѣнили лицо земли. Слывшія почти необитаемыми, пустыни, покрытыя до тѣхъ поръ лишь безплодными песками да вывѣтрившимися каменными глыбами, среди которыхъ съ трудомъ прозябало малочисленное населеніе, мучимое голодомъ и жаждой, разцвѣли пышной кипучей жизнью.

Древняя Нубія воскресла. Выжженныя палящимъ солнцемъ персидскія степи, усѣянныя развалинами, воспоминаніе о которыхѣ сохранилось лишь на скрижаляхъ исторіи, одѣлись снова роскошнымъ покровомъ зелени. Изсохшіе было сосцы праматери народовъ Азіи, опять обильно питаютъ своимъ млекомъ родъ человѣческій.

Распорядительность Метеорологической Управы.

Окончательное подчиненіе себѣ электричества, этого таинственнаго двигателя міровъ, дозволило человѣку измѣнить казавшееся неизмѣннымъ, преобразовать порядокъ вещей, существовавшій съ незапамятныхъ временъ, усовершенствовать созданное и передѣлать то, что, повидимому, должно было остаться для людей навсегда недосягаемымъ.

Поработивъ электричество, человѣкъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ могущественнаго слугу. Дыханіе вселенной, жизненная струя, пробѣгающая по жиламъ земнымъ и пронизывающая эфиръ безпредѣльнаго пространства прихотливыми молніеносными своими зигзагами, — электричество было уловлено, заковано въ цѣпи и приручено.

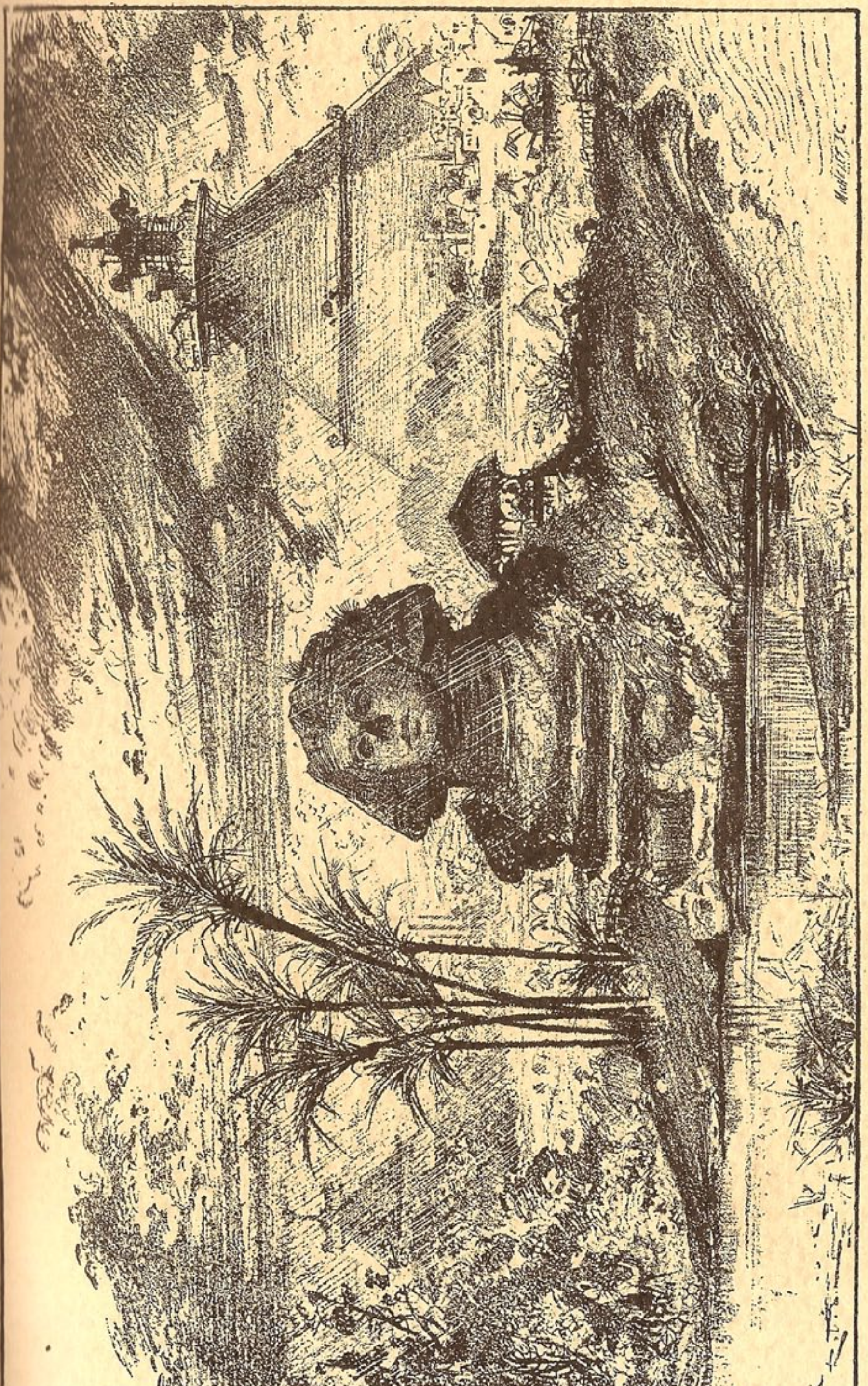
Оно выполняетъ теперь приказанія человѣка, когда-то съ ужасомъ взиравшаго на проявленія непонятнаго ему стихійнаго могущества. Оно смиренно и покорно идетъ туда, куда ему предписываютъ, работаетъ и трудится для людей.

Электричество служитъ неистощимымъ источникомъ тепла, свѣта и механической силы. Порабощенная его энергія приводитъ въ движеніе какъ громадныя скопленія колоссальныхъ машинъ на милліонахъ заводовъ и фабрикъ, такъ и самые нѣжные механизмы усовершенствованныхъ физическихъ приборовъ. Оно мгновенно передаетъ звукъ человѣческаго голоса съ одного конца свѣта въ другой, устраняетъ предѣлъ человѣческому зрѣнію и носитъ по воздуху своего повелителя, человѣка, — неуклюжее существо, казавшееся осужденнымъ ползать по землѣ, словно гусеница, недожившая еще до превращенія въ бабочку.

Недовольствуясь тѣмъ, что является могущественнымъ орудіемъ производства, яркимъ свѣточемъ, рупоромъ, передающимъ голосъ на какія угодно разстоянія на сушѣ, черезъ моря и межпланетныя пространства *), электричество выполняетъ кромѣ того еще тысячи различныхъ другихъ обязанностей. Между прочимъ оно служитъ въ рукахъ человѣка также оружіемъ,— грознымъ смертоноснымъ оружіемъ на поляхъ сраженій...

Рабъ, котораго мы принудили доставлять намъ такъ много

*) Вопросъ о телефонированіи съ одного небеснаго свѣтила на другое хотя еще не разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ, но очевидно близится къ разрѣшенію.

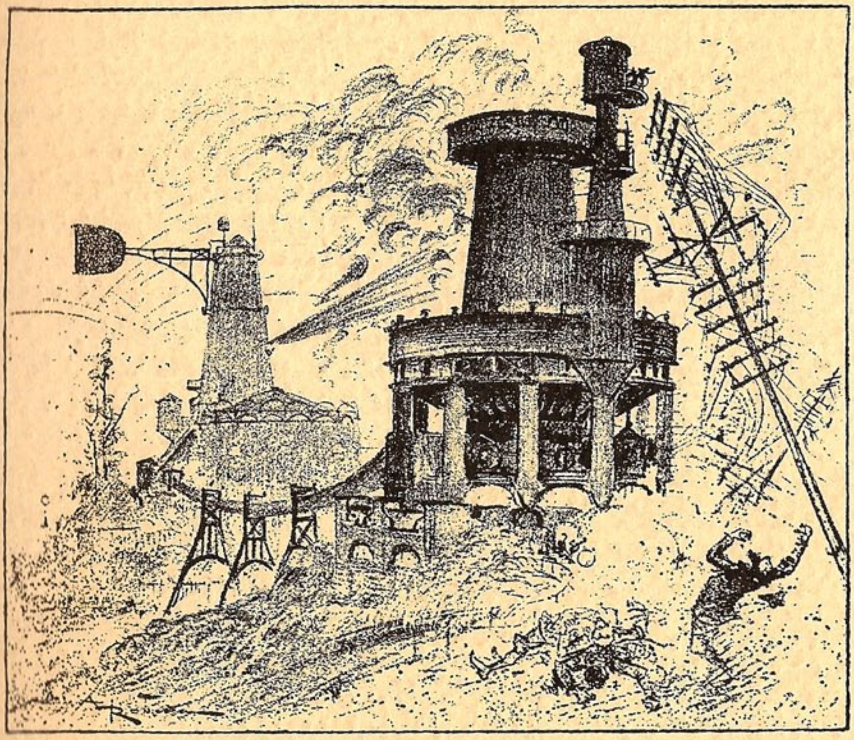
Возрожденіе нубійскихъ пустынь къ новой жизни.

разнообразныхъ услугъ, оказывается, однако, еще не вполнѣ прирученнымъ. Цѣпи, въ которыя онъ закованъ, недостаточно прочны для того, чтобъ устранить всякую возможность неповиновенія и бунта. За электричествомъ необходимъ строжайшій неусыпный надзоръ, такъ какъ малѣйшее упущеніе,—ничтожнѣйшій недосмотръ, или невнимательность, могутъ доставить ему случай къ неожиданному яростному нападенію на безпечнаго своего властелина, или даже къ грозному пробужденію свирѣпой энергіи, способной вызвать стихійную катастрофу.

Какъ-разъ 12 декабря именно и произошло, къ несчастью, такое случайное упущеніе, вызванное мгновенной разсѣянностью кого-нибудь изъ дежурныхъ электротехниковъ, завѣдывавшихъ искусственной оттепелью, которая такъ успѣшно производилась технической командой при главномъ электрическомъ резервуарѣ подъ лит. N. Въ то самое мгновенье, когда эта метеорологическая операція была уже благополучно окончена, обнаружилась течь въ большомъ резервуарѣ электрической энергіи. Это произошло до такой степени внезапно и съ такой неудержимой стремительностью, что командѣ удалось изъ двѣнадцати запасныхъ магазиновъ спасти только два. Вся электрическая энергія десяти магазиновъ вырвалась на свободу и произвела страшную катастрофу. Внезапное нарушеніе атмосфернаго равновѣсія неизбѣжно должно было вызвать опустошительную электрическую бурю,—грозное торнадо, не составляющее, впрочемъ, рѣдкости въ электрическихъ центрахъ, которымъ, несмотря на всѣ мѣры предосторожности и предусмотрительности, ежегодно приходится переживать по нѣсколько такихъ бурь.

Надо поневолѣ мириться съ этими катастрофами, точно также какъ и съ тысячами крупныхъ и мелкихъ несчастныхъ случайностей, которымъ мы подвергаемся, лавируя въ хитросплетенныхъ сѣтяхъ нашей архинаучной цивилизаціи. Торнадо, исходившее изъ резервуара N (подъ № 17), распространялось сперва прихотливыми извилинами въ линейномъ направленіи. При этомъ, на пути торнадо, изъ числа разговаривавшихъ по телефону, нѣсколько человѣкъ были убиты наповалъ, другіе-же парализованы электрическимъ ударомъ. Затѣмъ свободный, или, какъ принято его называть, неправильный электрическій токъ, притянувъ къ себѣ съ непреодолимою силой сосѣдніе запасы

электричества, находившагося въ скрытомъ состоянiи, прiобрѣлъ быстрое вращательное движенiе, превратился въ циклонъ, причинилъ множество несчастныхъ случайностей въ мѣстностяхъ, черезъ которыя пробѣжалъ и произвелъ ужасающiя пертурбацiи въ обычномъ теченiи частной и общественной жизни. Эти безпорядки неукоснительно привели-бы къ какому-нибудь страшному мѣстному катаклизму, еслибъ съ перваго-же момента не были приведены въ дѣйствiе въ угрожаемыхъ мѣстностяхъ всѣ

Несчастный случай съ резервуаромъ подъ литерой N.

приспособленiя для улавливанiя свободныхъ токовъ. Электротехники, однако, не дремали и торнадо, надѣлавъ по обыкновенiю множество болѣе или менѣе крупныхъ бѣдъ, должно было разсѣяться. Неправильный токъ уловили и отвели куда слѣдуетъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ причинить особенно крупную катастрофу.

Въ Парижѣ, въ великолѣпномъ домѣ XLII общины на саннуазскихъ холмахъ, отецъ читалъ строгiй выговоръ сыну какъ разъ въ то время, когда разразилось торнадо. Отецъ этотъ былъ никто иной, какъ знаменитой Филоксенъ Лоррисъ,—великiй изо-

брѣтатель,—извѣстный ученый,—спеціалистъ по всѣмъ отраслямъ знанія,—тузъ изъ тузовъ современной научной промышленности.

Филоксенъ Лоррисъ совсѣмъ не похожъ на прежнихъ типичныхъ робкихъ и добродушныхъ ученыхъ, которые даже и съ очками обыкновенно ничего не видали у себя подъ носомъ. Рослый, дородный, краснощекій и бородатый Филоксенъ—человѣкъ съ самоувѣренными рѣшительными манерами, энергическими, быстрыми движеніями и нѣсколько грубоватымъ тономъ голоса. Родители его, мирные простолюдины, жили изо дня въ день, или лучше сказать прозябали, на какіе нибудь ничтожные 10.000 руб. ежегоднаго дохода. Онъ самъ создалъ выдающееся свое положеніе въ свѣтѣ. Окончивъ первымъ, сначала Политехническую школу, а затѣмъ Международный Институтъ Научной Промышленности, онъ отклонилъ предложенія группы финансистовъ, намѣревавшихся его эксплоатировать общепринятымъ порядкомъ и выпустилъ самъ четыре тысячи акцій по тысячѣ двѣсти пятидесяти рублей каждая, для эксплоатаціи геніальныхъ своихъ идей втеченіе ближайшаго десятилѣтія. Благодаря громкой репутаціи, которою онъ пользовался уже и въ то время, всѣ эти акціи были разобраны въ самый день выпуска.

Заручившись такимъ образомъ пятью милліонами франковъ, Филоксенъ Лоррисъ тотчасъ-же построилъ большой заводъ по совершенно новому, заранѣе обдуманному и тщательно изученному плану. Барыши отъ этого предпріятія оказались такими значительными, что, на обезпеченную себѣ по договору крупную ихъ часть, Лоррисъ пріобрѣлъ возможность еще до истеченія четвертаго года скупить всѣ свои акціи. Съ тѣхъ поръ дѣла его пошли по истинѣ блистательнымъ образомъ. Онъ обзавелся превосходно организованной лабораторіей для новыхъ изслѣдованій, окружилъ себя сотрудниками изъ первоклассныхъ ученыхъ и послѣдовательно пустилъ въ ходъ дюжину колоссальныхъ, необычайно выгодныхъ промышленныхъ предпріятій, въ основѣ которыхъ лежали собственныя его геніальныя открытія и изобрѣтенія.

Слава, почести и деньги сыпались градомъ на счастливаго Филоксена Лорриса. Деньги нужны были ему въ качествѣ оборотнаго капитала для грандіозныхъ предпріятій: фабрикъ, заводовъ, лабораторій, пробныхъ мастерскихъ и безчисленнаго множества конторъ, разбросанныхъ по всему свѣту. Разрабо-

тывавшіяся уже предпріятія доставляли въ изобиліи фонды для осуществленія новыхъ предпріятій, только что задуманныхъ и непрошедшихъ еще черезъ горнило практическаго опыта. Что касается до почестей, то Филоксенъ Лоррисъ ими не пренебрегалъ. Онъ сдѣлался вскорѣ членомъ всѣхъ академій и научныхъ институтовъ, а также кавалеромъ многочисленныхъ орденовъ какъ старой Европы и зрѣлой Америки, такъ и юной Океаніи.

Сооруженіе линіи прямого сообщенія между Парижемъ и Пекиномъ по пневматическимъ трубамъ изъ металлизированной бумаги доставило Филоксену Лоррису санъ китайскаго мандарина съ изумруднымъ шарикомъ на шапкѣ и титулъ князя Тифлисскаго въ Закавказьѣ. Къ тому времени онъ былъ уже графомъ Лоррисомъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (гдѣ нѣсколько времени тому назадъ признано было необходимымъ узаконить пожалованіе дворянскаго достоинства за важныя заслуги), барономъ Придунайскаго королевства и т. д. и т. д. Болѣе всего, разумѣется, гордился онъ просто на-просто тѣмъ, что былъ Филоксеномъ Лоррисомъ. Это не мѣшало ему, однако, выставлять при случаѣ длинную вереницу своихъ титуловъ, производившую всегда сильное впечатлѣніе въ объявленіяхъ и рекламахъ.

Объявленіе отъ Общества эксплоатаціи геніальныхъ идей Филоксена Лорриса.

Само собою разумѣется, что Филоксенъ Лоррисъ былъ по уши погруженъ въ научныя изслѣдованія и коммерческія предпріятія. Несмотря на это, онъ, благодаря изумительной дѣятельности, находилъ время наслаждаться жизнью и доставлять кипучей своей натурѣ всѣ истинныя наслажденія, доступныя въ здѣшнемъ мірѣ богатому человѣку, пользующемуся здра-

вымъ умомъ въ здравомъ тѣлѣ. Женившись въ промежуткѣ между двумя открытіями и изобрѣтеніями, онъ прижилъ отъ этого брака всего только одного сына, Жоржа Лорриса, которому, какъ уже упомянуто, и читалъ строгій выговоръ въ тотъ самый день, когда разразилось торнадо.

Жоржъ Лоррисъ—красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, или двадцати восьми, наслѣдовавшій отъ отца крупный ростъ и крѣпкое сложеніе, обладалъ, въ качествѣ особой примѣты, длинными свѣтлорусыми усами, придававшими его лицу характерное энергическое выраженіе. Онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, отвѣчая иногда пріятнымъ, звучнымъ голосомъ на родительскія увѣщанія.

Отецъ его въ эту минуту находится, впрочемъ, въ тысячѣ двухстахъ верстахъ отъ Парижа, въ Каталонскихъ горахъ, въ домѣ главнаго инженера принадлежащихъ ему ванадіевыхъ рудниковъ, но является словно живой на зеркальной пластинкѣ телефоноскопа, этого дивнаго изобрѣтенія, существенно улучшившаго простой телефонографъ и недавно лишь доведеннаго до высшей степени совершенства самимъ Филоксеномъ Лоррисомъ.

Это изобрѣтеніе не только дозволяетъ вести на произвольно далекомъ разстояніи разговоръ съ каждымъ изъ абонентовъ „Электрическаго сообщенія по сѣти всемірныхъ проводовъ“, но также и видѣть своего собесѣдника въ той обстановкѣ, въ которой онъ на самомъ дѣлѣ находится въ моментъ разговора. Такимъ образомъ уничтожается до извѣстной степени разстояніе, къ великому счастію семейныхъ кружковъ, члены которыхъ нерѣдко разбросаны въ нашъ дѣловой вѣкъ по всему свѣту, и несмотря на то, могутъ теперь каждый вечеръ обѣдать вмѣстѣ, хотя и за различными столами, отстоящими иной разъ на нѣсколько тысячъ верстъ другъ отъ друга, но тѣмъ не менѣе образующими въ совокупности какъ бы одинъ общій семейный столъ.

Въ *теле*пластинкѣ, какъ сокращенно называютъ у насъ телефоноскопъ, видѣнъ Филоксенъ Лоррисъ, тоже прогуливающійся по комнатѣ, съ сигарой въ зубахъ и заложивъ руки за спину. Онъ говоритъ:

— Дѣло въ томъ, любезнѣйшій, что всѣ мои попытки обработать и улучшить твои мозги остались тщетными. Вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти такого сына, какого я, Филоксенъ Лор-

рисъ, былъ вправѣ ожидать и требовать, т. е. усовершенствованнаго, утонченнаго культурой, однимъ словомъ самаго высокопробнаго Лорриса, я получилъ... кого-же, спрашивается?.. —Жоржа Лорриса!—не спорю, славнаго малаго, очень и очень неглупаго... но... и все тутъ! Ты вѣдь теперь только поручикъ химической артиллеріи, а между тѣмъ, скажи-ка на милость, сколько тебѣ лѣтъ?

— Увы, цѣлыхъ двадцать семь!—отвѣчалъ Жоржъ, обращаясь съ улыбкою къ зеркалу телефоноскопа.

— Я вѣдь, душа моя, не смѣюсь, такъ и ты постарайся быть хоть немного посерьезнѣе!—съ горячностью возразилъ Филоксенъ Лоррисъ, энергически пытаясь раскурить свою сигару.

— Она у тебя погасла,—замѣтилъ ему сынъ.—Надѣюсь, ты извинишь за дальностью разстоянія, что я не предлагаю тебѣ спичекъ?

— Видишь-ли,—продолжалъ отецъ,—я въ твои годы пустилъ уже въ ходъ первыя мои крупныя промышленныя предпріятія; я былъ уже знаменитымъ Филоксеномъ Лоррисомъ, тогда какъ ты довольствуешься ролью папенькинаго сынка и позволяешь своей жизни протекать въ мирномъ бездѣйствіи... Скажи, чего ты въ сущности достигъ собственными твоими заслугами? Ты не ознаменовалъ себя рѣшительно ничѣмъ; окончилъ всѣ высшія учебныя заведенія, не выдѣляясь изъ толпы простыхъ смертныхъ, и теперь служишь въ химической артиллеріи въ чинѣ какого-то поручика...

— Что же прикажете дѣлать!—возразилъ молодой человѣкъ, въ то время, какъ его отецъ, въ пластинкѣ телефоноскопа, сердито оборачивался къ нему спиной и уходилъ въ противуположный конецъ своей комнаты.—Чѣмъ-же я виноватъ, папаша, что ты открылъ, изобрѣлъ и устроилъ рѣшительно все, что было можно открывать, изобрѣтать и устраивать! Я слишкомъ поздно явился на свѣтъ Божій и нашелъ уже его отлично улаженнымъ. Ты самъ предвосхитилъ у насъ все и поставилъ насъ въ невозможность придумать что нибудь крупное.

— Пустяки!.. Современная наука еще въ младенчествѣ и только лишь начинаетъ лепетать. Въ будущемъ столѣтіи станутъ смѣяться надъ нашимъ невѣжествомъ! Впрочемъ, мы съ тобой отклоняемся теперь отъ дѣла... Милѣйшій мой Жоржъ!

Сожалѣю до крайности, что ты, благополучно отслуживъ срокъ воинской повинности, всетаки, кажется, не можешь съ честью продолжать мои работы, т. е. завѣдывать большой моей лабораторіей,—лабораторіей Филоксена Лорриса, пользующейся столь заслуженной всемірной извѣстностью,—и выполнять обязанности главнаго директора двухсотъ заводовъ и фабрикъ, эксплоатирующихъ мои открытія.

— Развѣ ты собираешься ужь удалиться на покой?

— Ни подъ какимъ видомъ!—энергически воскликнулъ Филоксенъ.—Я имѣлъ только въ виду пріобщить тебя, какъ говорится, къ моимъ работамъ,—идти вмѣстѣ съ тобою на поиски новыхъ открытій,—заниматься новыми изслѣдованіями и опытами... Какъ мало сдѣлано еще мною по сравненію съ тѣмъ, что можно было-бы сдѣлать двумъ такимъ людямъ, какъ я, которые стали-бы думать и дѣйствовать сообща!.. Къ несчастью, другъ мой, ты не можешь быть вторымъ Филоксеномъ. Жаль! Очень жаль!.. Я не обратилъ своевременно вниманія на законы проявленія атавистической наслѣдственности и не собралъ необходимыхъ справокъ!.. Что-жъ дѣлать, не даромъ вѣдь говорятъ: „молодо зелено“! Я хоть и вышелъ первымъ изъ Международнаго института научной промышленности, но всетаки оказался легкомысленнымъ юнцомъ! Да, милый сынокъ, надо сознаться, что нельзя вполнѣ возлагать на тебя отвѣтственность за недостаточно научное строеніе твоего мозга. Кругомъ виноватой оказывается въ этомъ твоя мать или, лучше сказать, виноватъ одинъ изъ ея предковъ... Я слишкомъ поздно навелъ необходимыя справки, а потому, пожалуй, часть вины падаетъ также и на меня. Тѣмъ не менѣе я произвелъ строгое разслѣдованіе и открылъ въ семьѣ твоей матери...

— Что-же ты открылъ?—спросилъ очевидно заинтересованный Жоржъ Лоррисъ.

— Прослѣдивъ всего только три предшествовавшихъ поколѣнія, я нашелъ тамъ изъ рукъ вонъ дурную отмѣтку, пагубный порокъ, страшную язву, способную передаваться по наслѣдству...

— Язву?

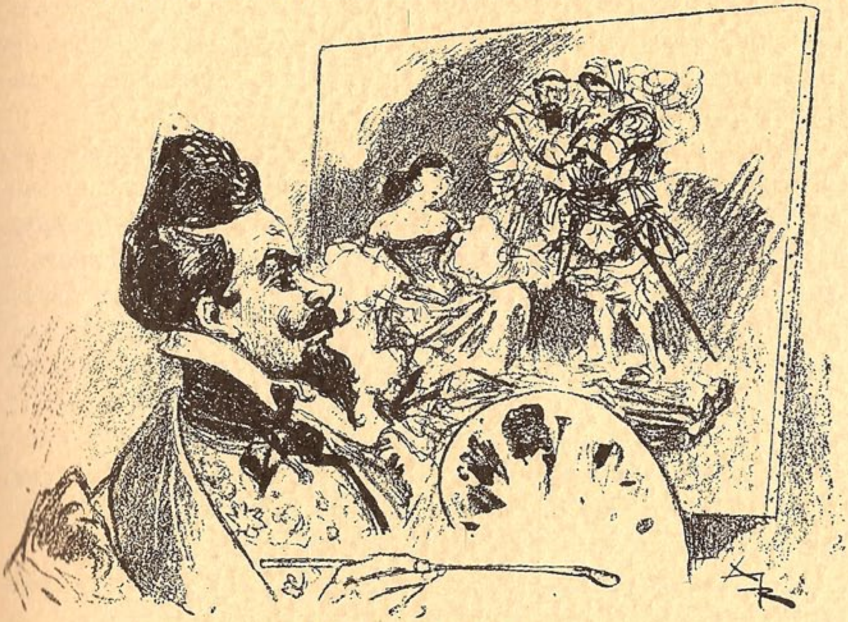
— Да! Видишь-ли, прапрадѣдъ твоей матери, т. е. твой прапрапращуръ, былъ сто пятнадцать лѣтъ тому назадъ, приблизительно въ 1840 году...

— Чѣмъ-же онъ былъ? Что ты хочешь сказать? Ты меня пугаешь!..

— Художникомъ!—воскликнулъ тономъ глубокаго соболѣзнованія Филоксенъ Лоррисъ, безсильно опускаясь въ кресла.

Жоржъ Лоррисъ не могъ удержаться отъ смѣха, вѣроятно, показавшагося его папашѣ не совсѣмъ почтительнымъ. По крайней мѣрѣ, Филоксенъ Лоррисъ, словно укушенный змѣей, вскочилъ на ноги въ пластинкѣ телефоноскопа.

— Да, это былъ художникъ!—воскликнулъ онъ,—и къ тому

Невыгодный предокъ.

же художникъ-идеалистъ изъ школы тогдашнихъ туманныхъ романтиковъ,—мечтатель, вѣчно гонявшійся за призрачными созданіями своей фантазіи, не имѣвшими прочной реальной подкладки! Ты понимаешь, что я навелъ на этотъ счетъ самыя точныя справки... Желая въ точности опредѣлить размѣры постигшаго меня бѣдствія, я совѣтовался съ величайшими изъ современныхъ художниковъ, съ фотоживописцами нашей Академіи... Теперь я знаю, какъ нельзя лучше, кто такой былъ твой прапрапрадѣдъ!.. Небось, онъ не изобрѣлъ бы тригонометріи!.. По всему видно, что въ его распоряженіи имѣлись такіе же легковѣсные вѣтреные мозги, какъ и твои, — лишенные,

опять таки, подобно твоимъ мозгамъ, извилинъ серьезности. Отъ него именно ты и наслѣдовалъ недостатокъ способностей къ точнымъ наукамъ, который я всегда ставилъ тебѣ въ укоръ. Да; тутъ положительно дѣйствуетъ атавизмъ! Какимъ образомъ, спрашивается теперь, уничтожить вліяніе возродившагося въ тебѣ прапрапрадѣда? Какъ убить этого злодѣя? Надѣюсь, вѣдь ты понимаешь мое рѣшеніе бороться съ нимъ и убить его во что бы ни стало...

— Что то мудрено убить человѣка, умершаго болѣе ста лѣтъ тому назадъ!—замѣтилъ улыбаясь Жоржъ Лоррисъ.— Предупреждаю тебя кстати, папаша, о твердомъ моемъ намѣреніи защищать предка, горделиваго твоего презрѣнія къ которому я вовсе не раздѣляю.

— Я тѣмъ не менѣе рѣшилъ его уничтожить, разумѣется, уничтожить нравственно, такъ какъ злодѣй, разрушившій мои планы, оказывается матеріально недосягаемымъ! Во всякомъ случаѣ я намѣренъ бороться съ его зловреднымъ вліяніемъ и во что бы ни стало одержать надъ нимъ верхъ... Само собой разумѣется, сынъ мой, что я не хочу отъ тебя отрекаться. Бѣдное дитя! Ты вѣдь не столько виноватъ, сколько несчастливъ! Все таки-же ты, вѣдь, моя плоть и кровь... Нѣтъ, я отъ тебя не отказываюсь!.. Правда, я не могу тебя передѣлать или хотя-бы отдать снова, какъ это мнѣ приходило было на умъ, лѣтъ на пять, или на шесть въ Интенсивно-научный институтъ...

— Благодарю покорно, я предпочту употребить эти годы иначе!—съ ужасомъ воскликнулъ Жоржъ.

— У меня есть другой планъ, несравненно лучшій, такъ какъ вѣдь ты, чего добраго, не особенно много вынесъ бы даже изъ этого института!..

— Въ чемъ же заключается этотъ лучшій планъ?

— Я тебя женю и спасу насъ всѣхъ этой женитьбой...

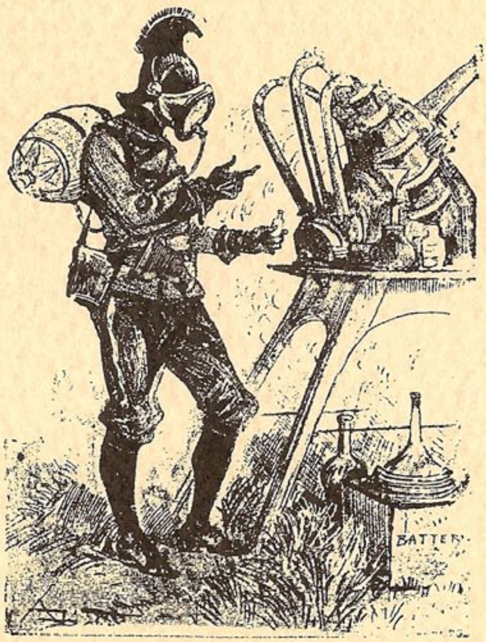
— Женитьбой?—съ изумленіемъ повторилъ Жоржъ.

— Пойми же, вѣдь рѣчь идетъ о строго обдуманномъ разумномъ бракѣ, въ которомъ я позабочусь, чтобы всѣ выгодные шансы были на нашей сторонѣ. Мнѣ необходимы четыре внука или внучки (я предпочелъ бы, впрочемъ, мужескій полъ)—однимъ словомъ четыре отпрыска отъ Филоксено-Лоррисовскаго древа. Одного я сдѣлаю химикомъ, другого естествовѣдомъ, третьяго

врачомъ, а четвертаго механикомъ. Взаимно пополняя другъ друга, они увѣковѣчатъ научную династію Филоксено-Лоррисовъ... Промежуточное звено между ними и мною я считаю неудавшимся...

— Покорнѣйше благодарю!..

— Совершенно неудавшимся! Это не имѣющій рыночной цѣнности продуктъ, который остается только списать со счетовъ магазина. Не возлагая никакихъ надеждъ на промежуточное звено, я устроиваюсь такъ, чтобъ передать дѣло изъ

Поручикъ химической артиллеріи
Жоржъ Лоррисъ.

рукъ въ руки непосредственно внучатамъ. Въ этомъ-то именно и заключается мой проектъ. Приступая къ его осуществленію, я не намѣренъ терять попусту время, а потому прежде всего долженъ женить тебя, любезнѣйшій!

— Надѣюсь, мнѣ позволительно будетъ освѣдомиться, на комъ именно?

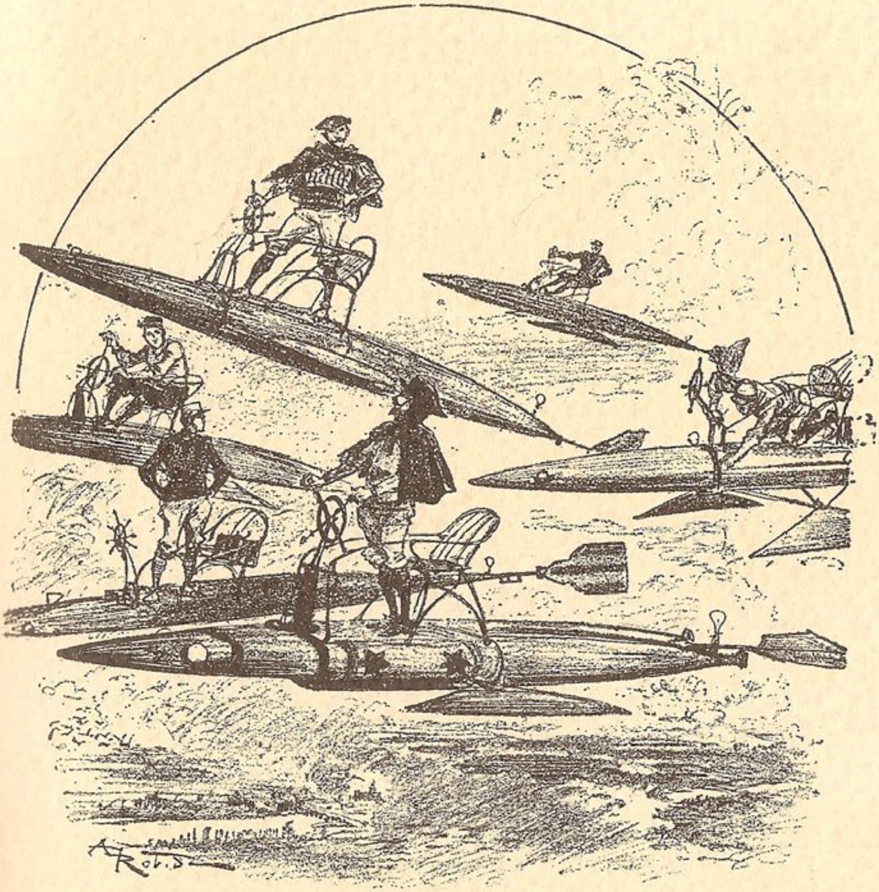
— Это не твое дѣло!.. Къ тому же я и самъ пока еще не знаю хорошенько, на комъ тебя женить. Надо вѣдь, пріискать невѣсту съ истинно-научными мозгами, по возможности доста-

точно зрѣлую для того, чтобъ въ головѣ у нея не было и тѣни вѣтреныхъ мыслей!..

Жоржъ собирался что-то отвѣтить, когда по всему дому пробѣжало первое электрическое сотрясеніе, вызванное несчастнымъ случаемъ съ резервуаромъ за № 17. Юный поручикъ бросился въ кресла и поспѣшно поднялъ ноги вверхъ, чтобъ избѣжать соприкосновенія съ поломъ, передававшимъ новыя сотрясенія. Что касается до его отца, то онъ остался совершенно спокойнымъ.

— Видишь, какой у тебя вѣтеръ въ головѣ! Ты не позаботился надѣть изолированныя подошвы и путешествуешь такимъ неосторожнымъ образомъ по дому, пронизанному во всѣхъ направленіяхъ сѣтью проводниковъ, гдѣ электричество течетъ, словно кровь въ человѣческихъ жилахъ! Сейчасъ подвяжи себѣ подошвы и слушай внимательно, что я тебѣ говорю! У васъ тамъ гдѣ-нибудь по сосѣдству обнаружилась течь изъ электрическаго резервуара. Это очень непріятный казусъ, послѣдствій котораго заранѣе предвидѣть нельзя... Однако же, мнѣ некогда!.. До свиданія. Къ тому же въ сообщеніяхъ между нами начинается уже путаница...

Дѣйствительно, образъ Филоксена Лорриса, чрезвычайно ясно отражавшійся до тѣхъ поръ въ теле-пластинкѣ, внезапно ослабѣлъ. Контуры его утратили свою опредѣленность и вскорѣ совершенно разсѣялись, уступивъ мѣсто хаотическому сборищу неясныхъ, трепетныхъ пятенъ.

Состязаніе на призы.

II.

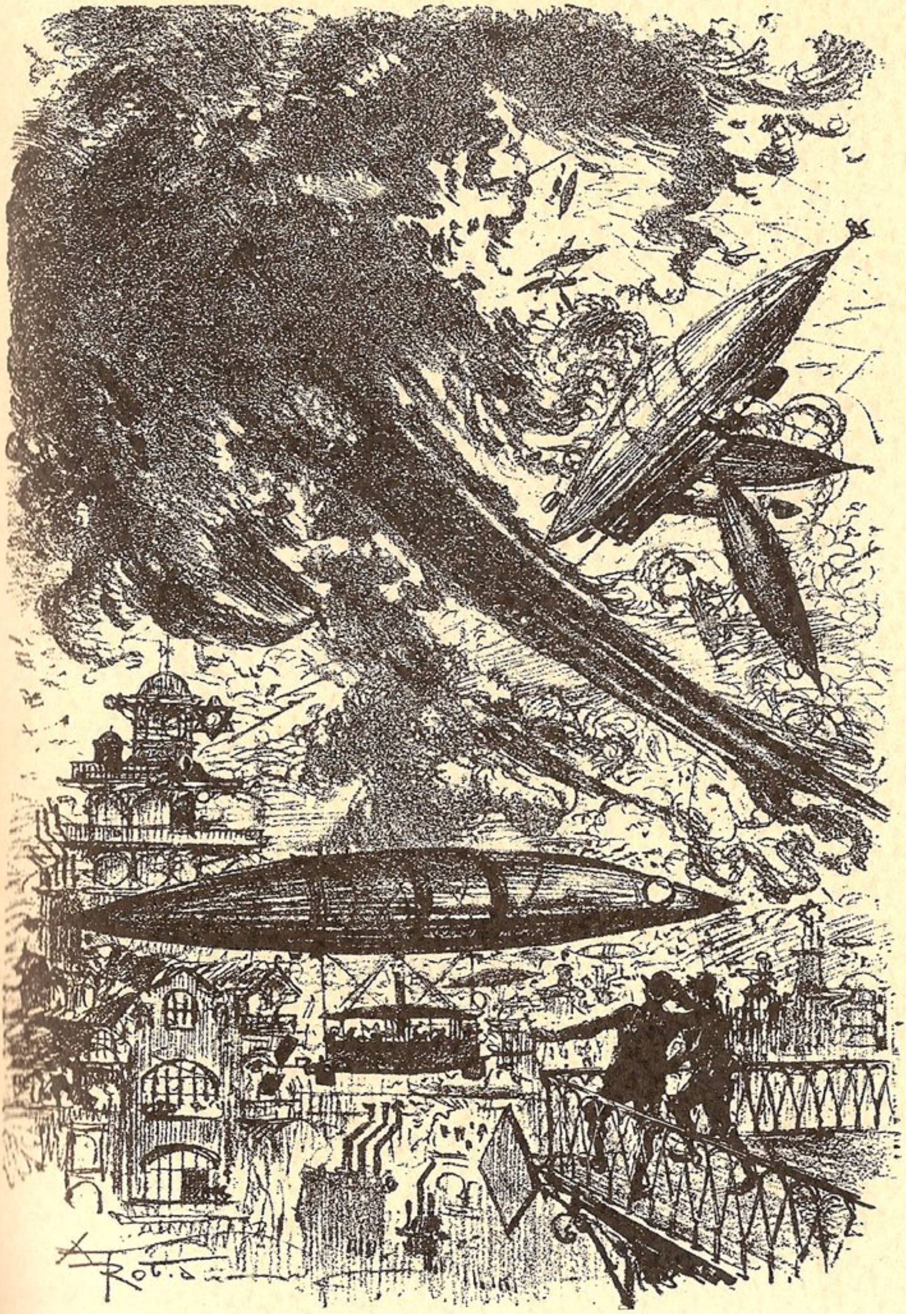
Свободный токъ.—Катастрофа съ туренскимъ клубомъ воздухоплаванія. — Знакомство по телефоноскопу съ семьей старшаго инспектора альпійскихъ маяковъ, инженера Лакомба.

Торнадо было въ полномъ разгарѣ. Свободный токъ сорвавшагося, если можно такъ выразиться, съ цѣпи электричества—грозной могущественной стихійной силы, которая съ негодованіемъ лишь подчинялась человѣку, дерзнувшему наложить на нее свою властную руку,—охватывалъ теперь вихревыми своими струями приблизительно пятую часть Европы и безпощадно свирѣпствовалъ на всемъ этомъ протяженіи. Втеченіе цѣлаго уже часа всѣ электрическія сообщенія были прерваны, что, разумѣется, вызвало величайшее разстройство какъ въ

частныхъ такъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Сообщенія по воздуху тоже прекратились. Воздушные корабли и экипажи всевозможныхъ наименованій почти мгновенно исчезли изъ небесной выси, гдѣ бушевалъ съ обычной своей безцеремонностью ураганъ. Несмотря, однако, на то, что всѣ воздушныя суда, по первому же сигналу своихъ электрометровъ, приняли всѣ возможныя мѣры предосторожности, произошло нѣсколько крушеній. Воздушные кабріолеты, оказавшіеся на пути электрическаго смерча, въ первое мгновеніе послѣ того какъ онъ вырвался изъ резервуара и проносился надъ Ліономъ, были уничтожены безслѣдно въ буквальномъ значеніи этого слова, такъ какъ отъ нихъ не уцѣлѣло ни единой щепы. Нѣсколько воздушныхъ кораблей, захваченныхъ врасплохъ, прежде чѣмъ успѣли окружить себя облакомъ изолирующаго газа, играющаго роль масла въ буряхъ на морѣ, упали стремглавъ съ вышины вслѣдствіе внезапной поломки механизмовъ. При этомъ пассажиры и экипажъ были разумѣется убиты, или, въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, тяжело ранены.

Самая страшная воздушная катастрофа произошла между Орлеаномъ и Туромъ. Туренское общество воздухоплаванія ежегодно устраиваетъ, какъ-разъ 12 іюля, большую гонку на призы. Отъ тысячи до тысячи двухсотъ воздушныхъ экипажей всякихъ размѣровъ и формъ съ интересомъ слѣдили и на этотъ разъ за перипетіями большого состязанія на почетный призъ, въ которомъ участвовало двадцать восемь быстроходныхъ „воздушныхъ стрѣлъ". Вниманіе было до такой степени сосредоточено на гонкѣ, что въ большинствѣ воздушныхъ экипажей даже не замѣтили, какъ стрѣлка электрометра начала вдругъ вертѣться словно угорѣлая. Среди громкихъ ура и возгласовъ со стороны закладчиковъ не слышали даже сигнала тревоги, поданнаго звонками электрометровъ.

Бѣда была такъ сказать уже на носу, когда ее наконецъ усмотрѣли. Тогда вся масса воздушныхъ экипажей ринулась въ самомъ фантастическомъ безпорядкѣ внизъ, чтобъ какъ нибудь укрыться отъ настигавшаго ее урагана. Болѣе чѣмъ тысячная толпа разнообразнѣйшихъ летательныхъ снарядовъ перепуталась въ хаотическую груду, причемъ дѣло не обошлось безъ столкновеній, сопровождавшихся во многихъ случаяхъ серьезными аваріями. Торнадо, налетѣвшее съ быстротою молніи, унесло

Крушеніе воздушныхъ экипажей.

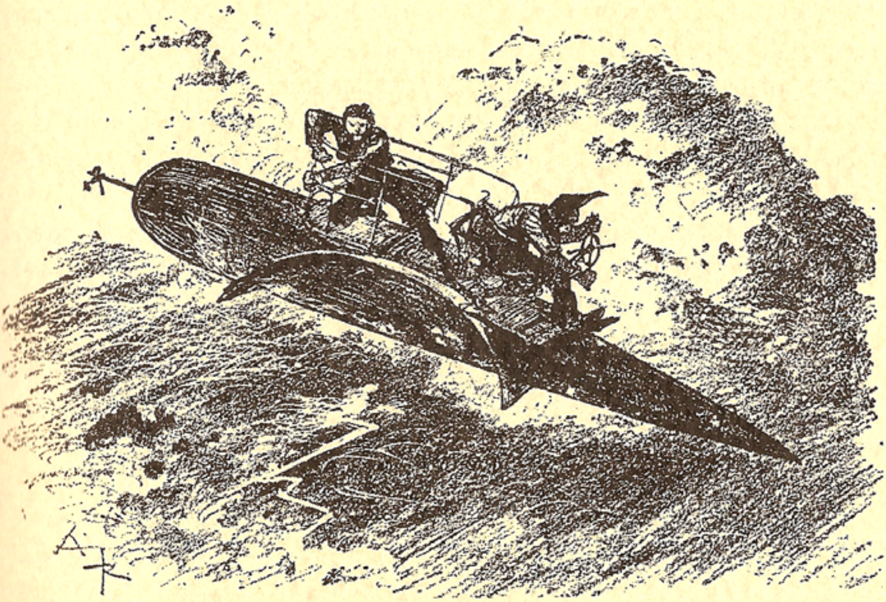
съ неудержимою силой все, что не успѣло своевременно спастись бѣгствомъ. Злополучные воздушные корабли, захваченные ураганомъ, были нѣсколько секундъ спустя брошены въ изуродованномъ видѣ на земь въ двухстахъ верстахъ отъ Тура. Счастье еще, что большія воздушныя суда, на которыхъ находились члены воздухоплавательнаго клуба со своими семьями, были снабжены новоизобрѣтеннымъ приборомъ, соединявшимъ электрометръ и резервуаръ изолирующаго газа съ автоматически дѣйствующимъ клапаномъ. Какъ только отклоненіе стрѣлки электрометра перешло за извѣстный предѣлъ и указало существованіе въ атмосферѣ опаснаго напряженія, клапанъ открылся самъ собою, и воздушныя суда, окруженныя надежнымъ изолирующимъ облакомъ, были въ состояніи благополучно достигнуть пристани клуба, выдержавъ, впрочемъ, на пути сильнѣйшую качку.

Вернемся, однако, въ Парижъ, въ великолѣпный домъ Филоксена Лорриса. Весь саннуазскій кварталъ, въ которомъ находился этотъ домъ, представлялъ во время торнадо по истинѣ ужасающее зрѣлище. Отовсюду сверкали страшныя молніи, а кругомъ раздавался оглушительный грохотъ, раскаты котораго, отражаясь отъ холмовъ многоголосымъ эхо, замирали, казалось, лишь для того, чтобъ возродиться снова съ удвоенною силой.

Жоржъ Лоррисъ въ изолирующихъ туфляхъ и перчаткахъ смотритъ изъ окна своей комнаты на бушующую грозу. Онъ понимаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ остается только вооружиться терпѣніемъ и въ благоразумномъ бездѣйствіи ожидать, пока бѣснующійся свободный токъ будетъ, наконецъ, уловленъ.

Вдругъ, послѣ кресчендо электрическихъ разрядовъ и ужасающаго грохота, сопровождавшаго грандіознѣйшія столбовыя и змѣевидныя молніи, природа какъ бы испустила вздохъ радостнаго облегченія, и всюду мгновенно возстановилось спокойствіе. Геройское мужество инженеровъ и нижнихъ чиновъ электротехническаго поста № 28 въ Амьенѣ разбило, наконецъ, торнадо и, захвативъ свободный токъ, отвело его въ соотвѣтственный резервуаръ. Помощникъ старшаго инженера и тринадцать рядовыхъ пали жертвами служебнаго своего долга, но за то электрическая буря прекратилась и новыхъ катастрофъ болѣе уже не предстояло впредь до слѣдующей ближайшей несчастной случайности.

Опасность была устранена, но и по миновании ея не удалось тотчасъ-же устранить причиненные бурею безпорядки въ электрическихъ сообщеніяхъ. На зеркальной пластинкѣ телефоноскопа у Жоржа Лорриса, какъ и на прочихъ телепластинкахъ района, охваченнаго электрическимъ смерчемъ, мелькали съ баснословной быстротой тысячи хаотическихъ образовъ. Звуки, приносившіеся отовсюду, наполняли весь домъ шумомъ и гуломъ, походившимъ на завываніе новой, еще бо-

Застигнуты ураганомъ.

лѣе свирѣпой бури. Можно представить себѣ что такое это было, принимая во вниманіе, что каждый телефонъ добросовѣстно передавалъ всѣ звуки, слышавшіеся по сосѣдству отъ пріемныхъ аппаратовъ на протяженіи 1.600 квадратныхъ миль. Звуки эти, слагаясь съ ужасающей силой въ одинъ общій шумъ, воспроизводились во всей ихъ совокупности каждымъ изъ телефоноскоповъ.

Самъ по себѣ этотъ фактъ не представлялъ ничего удивительнаго. Электрическая буря не могла не произвести серьезныхъ пертурбацій на центральной телефоноскопической станціи. Тамъ, какъ и на главныхъ линіяхъ, изоляція проводни-

ковъ кое-гдѣ пострадала, проволоки мѣстами расплавились и вступили въ металлическое соединеніе другъ съ другомъ. Все это разумѣется были мелочи, неспособныя причинить самомалѣйшаго вреда никому, кромѣ тѣхъ, кто вздумалъ бы развѣ прикоснуться къ электрическимъ приборамъ. Жоржъ Лоррисъ, развернувъ книжку съ фотографическими иллюстраціями, усѣлся въ кресло съ твердымъ намѣреніемъ терпѣливо выждать окончанія телефоноскопическаго кризиса. Оно не заставило себя долго ждать. Минутъ черезъ двадцать адскій шумъ внезапно замолкъ. Центральная станція отвела неправильные токи въ землю. Тѣмъ не менѣе на исправленіе всѣхъ поврежденій по линіи требовалось еще не менѣе двухъ или трехъ часовъ, а въ ожиданіи этого каждый изъ аппаратовъ оказался въ постоянномъ сообщеніи съ какимъ-либо другимъ теле. Это случайно установившееся сообщеніе не могло быть прервано раньше приведенія станціонныхъ приборовъ въ совершенный порядокъ.

Въ пластинкѣ телефоноскопа у Жоржа Лорриса хаотическій безпорядокъ постепенно улегся. Фигуры перестали мелькать и смѣняться одна другою, а взамѣнъ того начали принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Наконецъ получилось отчетливое и совершенно ясное изображеніе, неизмѣнно остановившееся въ зеркалѣ.

Это была простенькая небольшая комнатка съ свѣтленькими обоями, вся меблировка которой состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ и стола, заваленнаго книгами и тетрадями. На одномъ изъ стульевъ возлѣ камина лежалъ женскій рабочій несессеръ. Въ комнаткѣ никого не было, кромѣ молодой дѣвушки, которая, забившись въ уголъ и припавъ почти на колѣни, казалась все еще до нельзя испуганной. Она закрывала глаза руками и отнимала руки отъ лица лишь для того, чтобы съ отчаяніемъ затыкать себѣ уши.

Жоржъ Лоррисъ обратилъ сперва вниманіе только на граціозный, стройный станъ дѣвушки, изящныя маленькія ея ручки и великолѣпные свѣтлорусые волосы, пришедшіе слегка въ безпорядокъ. Желая ободрить незнакомку, казавшуюся парализованной отъ ужаса, онъ рѣшился съ нею заговорить и сначала сказалъ потихоньку:

— Извините меня, сударыня...

Дѣвица, очевидно, не слышала этихъ словъ. Уши у нея

были заткнуты, а страшный шумъ, который только что успѣлъ прекратиться, еще отдавался въ головѣ.

— Сударыня!—громко крикнулъ ей тогда Жоржъ.

Молодая дѣвушка, все еще продолжая затыкать уши, не трогалась съ мѣста и ограничилась тѣмъ, что, повернувъ го-

Сударыня!—крикнулъ наконецъ Жоржъ.

лову, взглянула съ растеряннымъ видомъ на свой телефоноскопъ.

— Опасность совершенно миновала, сударыня! Успокойтесь, — ласково продолжалъ Жоржъ. — Надѣюсь, вы меня слышите?

Она отвѣчала лишь утвердительнымъ кивкомъ головы.

— Теперь нечего болѣе опасаться. Электрическая буря прекратилась...

— Убѣждены вы, что эти ужасы не возобновятся? — освѣдомилась молодая дѣвушка. Голосъ ея такъ дрожалъ, что Жоржъ Лоррисъ съ трудомъ лишь понялъ, что именно она хотѣла ему сказать.

— Они благополучно окончились. Все приведено въ порядокъ, и страшный шумъ, который, повидимому, васъ такъ сильно встревожилъ, совершенно уже прекратился...

— Ахъ, сударь, какъ я перепугалась! Вы и представить себѣ не можете, какъ мнѣ было страшно!—вскричала молодая дѣвушка, едва осмѣливаясь выпрямиться.

— Да вѣдь на васъ нѣтъ изолирующихъ туфель!—замѣтилъ укоризненнымъ тономъ Жоржъ, увидѣвъ при ея движеніи маленькую ножку, обутую въ крохотный башмачекъ.

— Нѣтъ, туфли остались наверху въ уборной! Я не посмѣла сходить туда за ними.

— Да вѣдь васъ, бѣдняжку, могла убить молнія, еслибъ вашъ домъ оказался какъ разъ на пути вырвавшагося на свободу электрическаго тока! Будьте впередъ осторожнѣе! Такія серьезныя случайности, какъ нынѣшнее торнадо, сравнительно рѣдки, но всетаки необходимо быть всегда на-готовѣ и держать гдѣнибудь поблизости предохранительныя средства, которыя наука даетъ намъ въ руки... или надѣваетъ на ноги... противъ опасностей, создаваемыхъ ею-же самой!..

— Пожалуй, что наука поступила-бы гораздо лучше, еслибъ создавала поменьше поводовъ къ опасности!—сказала, слегка надувъ губки, молодая дѣвица.

— Признаюсь, что это и мое мнѣніе,—подтвердилъ улыбаясь Жоржъ Лоррисъ.—Вижу, сударыня, что вы начинаете успокоиваться. Вы-бы хорошо сдѣлали, еслибъ потрудились сейчасъ же сходить за изолирующими туфлями.

— Развѣ опасность еще не миновала?

— Электрическая буря совершенно разсѣялась, но она произвела всюду безпорядки, которые могутъ повлечь за собою кое-гдѣ мѣстные несчастные случаи. Торнадо повредило безъ сомнѣнія въ большей или меньшей степени всѣ линіи электрическихъ сообщеній. Вслѣдствіе индукціи могли образоваться скопленія электричества въ скрытомъ состояніи, способныя

внезапно превратиться въ свободную энергію и т. п. Надо еще часокъ—другой соблюдать всѣ мѣры благоразумной предосторожности.

— Бѣгу за изоляторами!—вскричала дѣвица.

Минуты черезъ двѣ она вернулась въ изолирующихъ туфляхъ, надѣтыхъ поверхъ башмачковъ. Войдя въ комнату, она прежде всего бросила взглядъ на телепластинку и была, повидимому, очень изумлена, увидѣвъ тамъ опять Жоржа Лорриса.

Находя ея удивленіе совершенно понятнымъ, молодой человѣкъ счелъ долгомъ объясниться.

— Прошу васъ, сударыня, принять во вниманіе,—сказалъ онъ,—что торнадо произвело маленькую путаницу въ телефоноскопическихъ сообщеніяхъ. Пока на главной станціи чинятъ испорченные провода, исправляютъ поврежденную изоляцію и т. п., пришлось наугадъ соединить всѣ приборы попарно другъ съ другомъ. Судьбѣ угодно было установить между нами сообщеніе, но, разумѣется, лишь не надолго. Поэтому прошу васъ не пугаться... Позвольте, однако, вамъ представиться: Жоржъ Лоррисъ изъ Парижа, инженеръ, какихъ нынче развелось много!

Вслѣдствіе поврежденій телефоноскопическихъ сообщеній слышатся одновременно звуки и шумъ со всей линіи.

— Эстелла Лакомбъ со станціи Лаутербрунненъ въ Швейцаріи. Тоже инженеръ, или почти инженеръ, такъ какъ мой отецъ, здѣшній инспекторъ горныхъ маяковъ, хочетъ опредѣлить меня на службу къ себѣ въ участокъ.

— Очень благодаренъ, сударыня, счастливому случаю, позволившему мнѣ хоть немного васъ успокоить. Вы кажется, очень перепугались?

— Да, очень! Я осталась дома съ одной лишь нашей служанкой Гретли, которая еще пугливѣе меня. Она теперь ужь цѣ-

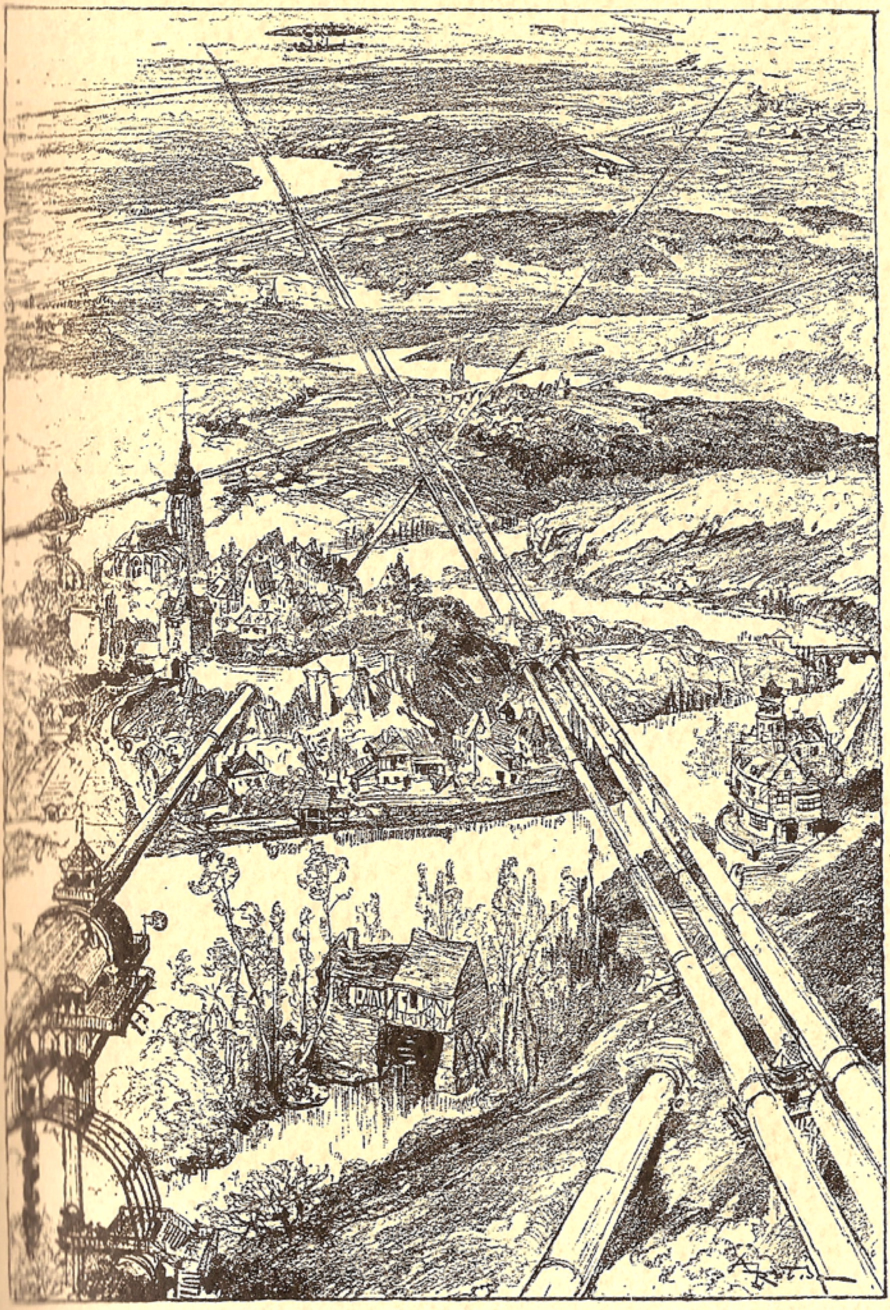
лыхъ два часа сидитъ въ кухнѣ, забившись въ уголъ и накрывъ себѣ голову платкомъ. До сихъ поръ еще она и не шелохнулась... Отецъ уѣхалъ осматривать маяки, а мамаша отправилась въ четверть перваго пополудни съ поѣздомъ пневматической дороги въ Парижъ, купить тамъ кое-какія мелочи... Дай Богъ только, чтобъ не случилось какого-нибудь несчастья съ пневматическими трубами! Мамашѣ слѣдовало вернуться въ семнадцать минутъ шестого, а теперь, вѣдь, уже тридцать пять минутъ восьмого...

— Отправленіе пневматическихъ поѣздовъ пріостановлено на время электрическаго урагана, но запоздавшіе поѣзда будутъ безотлагательно отправлены, и ваша мамаша, безъ сомнѣнія, не замедлитъ вернуться...

Эстелла Лакомбъ очевидно еще не совсѣмъ успокоилась. Она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ и, чтобы взглянуть на небо, отъ времени до времени подходила къ окну, изъ котораго, сколько можно судить, открывался видъ на ущелье, глубоко прорѣзавшееся въ горномъ кряжѣ. Жоржъ Лоррисъ, чтобъ успокоить свою собесѣдницу, принялся обстоятельно излагать ей теорію электрическихъ вихрей, объясняя причины этихъ вихрей и производимыя ими катастрофы, зачастую очень сходныя съ результатами обыкновенныхъ землетрясеній. Эстелла слушала его молча и казалась все еще блѣдной и взволнованной, а потому онъ призналъ умѣстнымъ прочитать ей длиннѣйшую лекцію объ электрическихъ смерчахъ, въ которой доказывалъ, что они возникаютъ все рѣже, благодаря тщательнымъ мѣрамъ предосторожности, принимаемымъ электротехниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ также и катастрофы, производимыя смерчами, становятся съ каждымъ часомъ все менѣе грозными, по мѣрѣ совершенствованія приборовъ, предназначенныхъ для улавливанія электрическихъ токовъ, вырвавшихся на свободу.

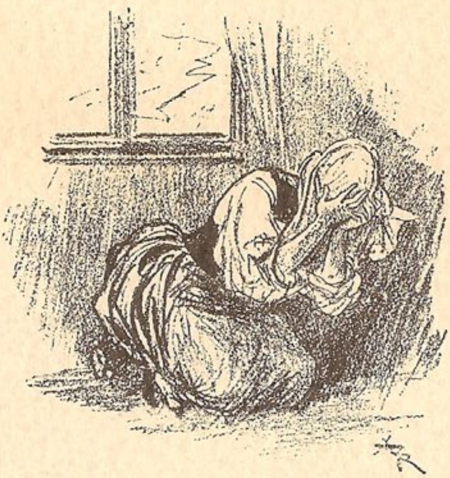
— Впрочемъ, вамъ это извѣстно также хорошо, какъ и мнѣ самому, такъ какъ вы, вѣдь, тоже инженеръ! — сказалъ онъ, внезапно прерывая свои объясненія, слегка отзывавшіяся, по его мнѣнію, педантизмомъ.

— Нѣтъ, я вамъ очень благодарна, сударь! Мнѣ предстоитъ еще выдержать государственное повѣрочное испытаніе для полученія диплома, и, представьте себѣ... я два раза уже безуспѣшно являлась на экзаменъ! Теперь я продолжаю слушать по

Трубы электро-пневматическаго сообщенія.

фонографу лекціи въ Цюрихскомъ университетѣ, готовлюсь въ третій разъ къ экзамену, работаю самымъ усерднымъ образомъ, блѣднѣю надъ тетрадками, но, кажется, не особенно бойко подвигаюсь впередъ... Увы, наука дается мнѣ не легко, а между тѣмъ непремѣнно надо заручиться дипломомъ, чтобъ опредѣлиться въ департаментъ горныхъ маяковъ, гдѣ служитъ папаша. Отъ этого зависитъ моя карьера!.. Теперь, впрочемъ, я прекрасно поняла все, что вы мнѣ говорили, и съ вашего позволенія сейчасъ же запишу самое существенное, пока оно еще свѣжо у меня въ памяти. Завтра, чего добраго, въ головѣ все уже перепутается.

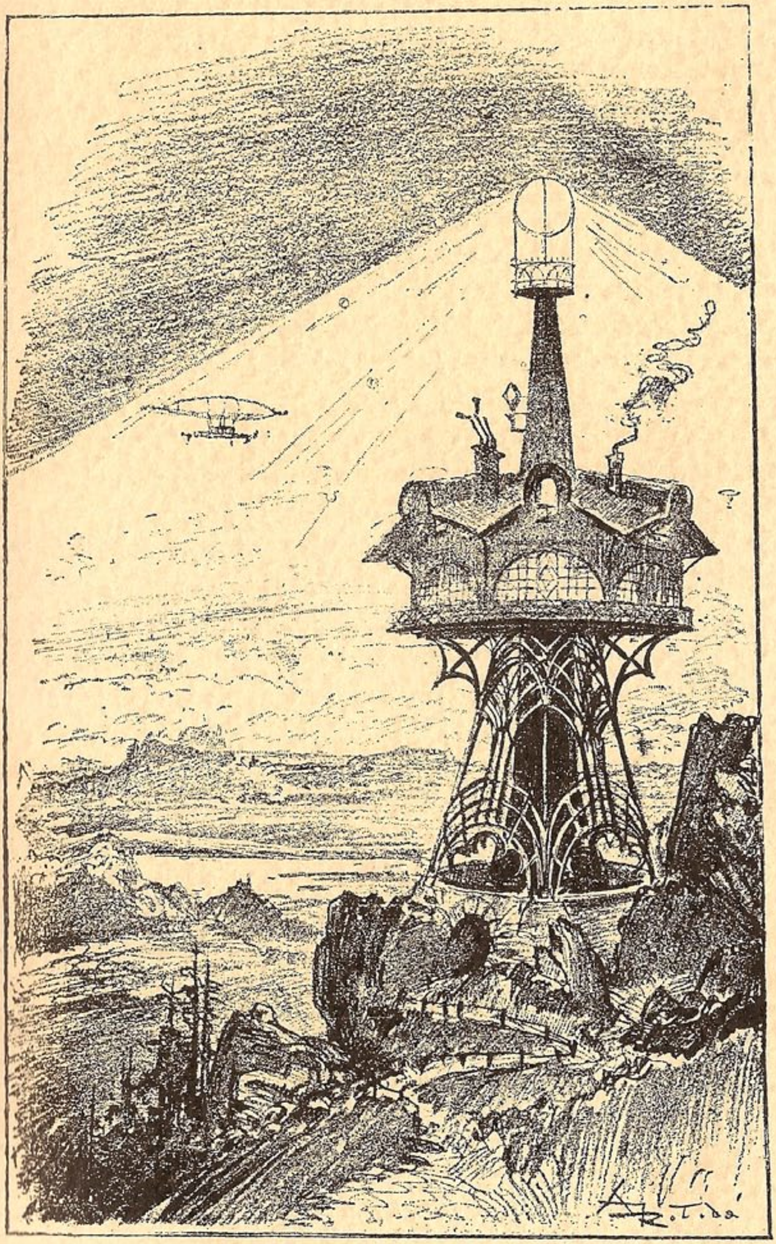

Кухарка Гретли во время электрической бури.

Пока молодая дѣвушка, успѣвшая теперь до нѣкоторой степени собраться съ духомъ, отыскивала среди груды книгъ, тетрадей и фонограммъ, загромождавшихъ рабочій ея столъ, свою записную книжку и набрасывала въ ней сокращенными знаками надлежащія замѣтки, Жоржъ Лоррисъ пристально глядѣлъ на нее, невольно восхищаясь граціозными ея позами и естественнымъ изяществомъ которымъ она была проникнута вся насквозь и которое сказывалось между прочимъ въ ея костюмѣ, несмотря на всю его простоту и скромность. Когда Эстелла подымала голову, Жоржъ любовался тонкими, правильными чертами ея лица, граціознымъ изгибомъ носика, дивными ясными глазками и высокимъ челомъ, осѣненнымъ словно золотымъ шлемомъ прелестныхъ свѣтлорусыхъ волосъ, заплетенныхъ въ косы.

Эстелла Лакомбъ была единственная дочь одного изъ старшихъ инспекторовъ швейцарскаго отдѣла въ департаментѣ горныхъ маяковъ. Съ развитіемъ воздухоплаванія пришлось устроить въ горахъ, на разныхъ высотахъ, маяки, съ которыми могли бы сообразоваться въ своемъ курсѣ воздушные корабли. Такъ напримѣръ во Франціи: Овернскія горы, цѣпь Пиринеевъ

и Альпы — снабжены, какъ извѣстно, нѣсколькими рядами

Лаутербрунненскій горный маякъ.

маяковъ, различающихся другъ отъ друга огнями. Высота въ полверсты указывается всюду цвѣтными огнями, отстоящими

другъ отъ друга на версту. Черезъ каждыя полверсты въ вышину тянется другой рядъ цвѣтныхъ огней иного колера. Ущелья, перевалы и устья долинъ обозначены вращающимися огнями; наконецъ, на всѣхъ горныхъ вершинахъ и выдающихся шпицахъ сооружены первокласные маяки, сверкающіе, словно звѣзды среди вѣчныхъ снѣговъ, которые окутываютъ ихъ подножія. Жителямъ сосѣднихъ равнинъ огни этихъ маяковъ, безъ сомнѣнія, кажутся настоящими звѣздами.

Участковый инспекторъ горныхъ маяковъ, Лакомбъ, жилъ уже восемь лѣтъ на Лаутербрунненской станціи, въ хорошенькомъ швейцарскомъ домикѣ, построенномъ близь маяка, вверху Лаутербрунненскаго подъема, на цѣлую версту выше живописной долины и какъ-разъ напротивъ извѣстнаго Штаубахскаго водопада. Пользуясь заслуженной репутаціей дѣльнаго инженера и добросовѣстнаго служащаго, Лакомбъ былъ очень занятъ. Обыкновенно весь день, а зачастую также и вечеръ, уходилъ у него на разъѣзды, донесенія и надзоръ за работами на маякахъ въ его участкѣ. Г-жа Лакомбъ, родомъ парижанка, довольно много выѣзжала до выхода своего замужъ и считала себя какъ-бы въ ссылкѣ теперь, когда ей приходилось жить на живописной Лаутербрунненской станціи, гдѣ, приблизительно въ верстѣ надъ прежнимъ Лаутербрунненомъ, выросло новое селеніе съ подъемной воздухо-лѣчебницей, ввидѣ изящнаго казино, которое послѣ полудня подымалось на семьсотъ или восемьсотъ метровъ вверхъ, а по захожденіи солнца спускалось опять до прежняго уровня.

Живя лѣтомъ на Лаутербрунненской станціи, въ домикѣ, прицѣпленномъ словно балконъ надъ горнымъ обрывомъ, а зимой внизу въ Интерлакенѣ, въ столь-же уютномъ помѣщеніи, г-жа Лакомбъ скучала и грустила по своемъ родномъ, шумномъ Парижѣ.

Она не могла, однако, строго говоря, жаловаться на недостатокъ развлеченій. Мимо станціи ежедневно мелькало множество воздушныхъ кораблей и яхтъ. Суда быстроходнаго воздушнаго почтово-пассажирскаго сообщенія между Лондономъ, Римомъ и Каиромъ посѣщали эту станцію четырежды въ сутки, каждый разъ оставляя на ней нѣсколькихъ туристовъ, желавшихъ короче ознакомиться съ прелестями Швейцаріи. Кромѣ того подъемное лаутербрунненское казино, въ лѣтнее

время всегда переполненное посѣтителями, еженедѣльно устроивало для своихъ больныхъ великолѣпные балы и каждый вечеръ угощало ихъ концертами, или драматическими представленiями по телефоноскопу. Несмотря на все это, г-жа Лакомбъ скучала и пользовалась всевозможными случаями и предлогами, чтобъ снова окунуться въ атмосферу дорогого ея сердцу Парижа.

Ей надоѣло присутствовать, только при посредствѣ телепластинки, на маленькихъ вечерахъ у своихъ прiятельницъ, оставшихся парижанками. Отъ времени до времени она отправлялась съ электропневматическимъ поѣздомъ, или быстроходнымъ воздушнымъ кораблемъ, чтобъ окунуться въ столичную жизнь и появиться на нѣсколькихъ великосвѣтскихъ собранiяхъ, — такъ называемыхъ „six o'clock“, гдѣ, угощаясь модными лѣкарственными средствами отъ малокровiя дамы переби-

Лаутербрунненская станцiя.

раютъ самоновѣйшія сплетни и впитываютъ въ себя обильно носящіеся въ воздухѣ міазмы злословія и клеветы. Случалось также, что г-жа Лакомбъ заглядывала на биржу, гдѣ иногда играла, въ разсчетѣ привести такимъ путемъ въ равновѣсіе свой бюджетъ, зачастую страдавшій избыткомъ расходовъ надъ доходами. Биржевая маклерша, служившая ей руководительницей, нерѣдко ошибалась въ своихъ предположеніяхъ, и тогда г-жа Лакомбъ съ трудомъ лишь сводила у себя въ хозяйствѣ концы съ концами. Доходы ея мужа ограничивались жалованьемъ въ девять тысячъ рублей при готовой квартирѣ, а на эти средства, разумѣется, можно было лишь кое-какъ жить въ деревнѣ, да и то только при соблюденіи строжайшей экономіи. Все это оказывалось тѣмъ прискорбнѣе для г-жи Лакомбъ, что она была большой любительницей посѣщать магазины. Вмѣсто того, чтобы безъ хлопотъ выбирать по телефоноскопу матеріи или модные товары для себя самой и для дочери, она предпочитала лично странствовать по большимъ парижскимъ магазинамъ и, изъ-за всякихъ пустяковъ, напр. изъ-за какой-нибудь ленточки, мысль о которой случайно мелькнула у ней въ головѣ, готова была тотчасъ же воспользоваться пневматической трубой, или быстроходнымъ воздушнымъ кораблемъ, и умчаться въ столицу.

Скромное финансовое положеніе, до такой степени тяготившее г-жу Лакомбъ, могло бы оказаться несравненно болѣе благопріятнымъ, еслибъ она сама обладала высшими дипломами. Къ несчастью, въ дни ея молодости, въ 1930 годахъ, когда жизнь обходилась много дешевле, не обращали надлежащаго вниманія на образованіе молодыхъ дѣвицъ. Она не получила диплома на званіе инженера и, окончивъ курсъ лишь кандидаткой историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, разумѣется не могла получить мѣста въ департаментѣ горныхъ маяковъ, гдѣ служилъ ея мужъ.

Наученный горькимъ опытомъ г-нъ Лакомбъ рѣшился дать своей дочери возможно болѣе солидное образованіе. Онъ хотѣлъ, чтобъ она поступила на государственную службу и надѣялся, что въ возрастѣ двадцатичетырехъ лѣтъ, окончивъ техническій университетъ съ необходимыми дипломами, она будетъ зачислена въ сверхштатные инженеры съ годичнымъ содержаніемъ въ тысячу пятьсотъ рублей и увѣренностью добраться

до чина инспектора лѣтъ черезъ пятнадцать, когда ей будетъ уже подъ сорокъ. Существованіе Эстеллы оказалось бы тогда обезпеченнымъ какъ вслучаѣ еслибъ ей пришлось остаться въ дѣвушкахъ, такъ и при выходѣ замужъ за чиновника, вродѣ ея самой.

Лекція по телефоноскопу.

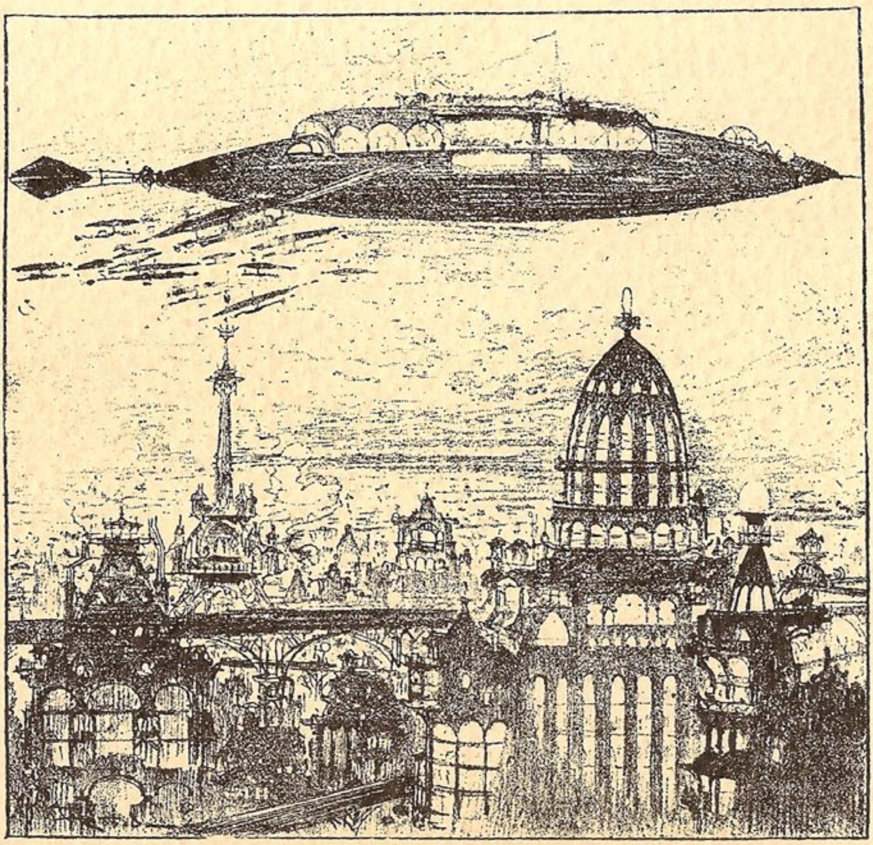
Эстелла уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста начала проходить курсъ цюрихскаго политехническаго института. Благодаря телефоноскопу, она слушала тамъ лекціи, не выходя изъ дому. Такой способъ пріобрѣтенія знаній является особенно драгоцѣннымъ для семьи, живущей вдалекѣ отъ большихъ центровъ, уже потому, что избавляетъ отъ необходимости помѣщать дѣтей въ закрытыя заведенія. Эстелла очень успѣшно училась по телефоноскопу, не выходя изъ своей комнаты швейцарскаго домика, въ которомъ жили ея родители. Нѣсколько позднѣе она, съ помощью все того-же телефоноскопа, прошла курсъ центральной парижской электрической школы и, сверхъ того, брала

фонографическіе приватные уроки у нѣсколькихъ знаменитыхъ профессоровъ.

Къ несчастью для Эстеллы, ей нельзя было экзаменоваться по телефоноскопу. Этому препятствовали старинные, все еще остававшіеся въ силѣ, экзаменные уставы, а между тѣмъ застѣнчивость, отчасти унаслѣдованная быть можетъ отъ отца, заставляла молодую дѣвушку совершенно теряться въ присутствіи профессоровъ на публичныхъ испытаніяхъ и мѣшала ей пріобрѣтать дипломы, соотвѣтствовавшіе дѣйствительнымъ ея знаніямъ.

Надо поскорѣе надѣть изолирующія туфли.

Приближается громадный воздушный корабль.

III.

Душевныя муки кандидатки на инженера.—Лекціи по телефонографу —Страстная посѣтительница моднаго магазина подъ фирмой «Новый Вавилонъ».—Испуганная служанка лавируетъ между электрическими приборами.—Телефонная газета.

Эстелла почти совершенно уже успокоилась, а потому Жоржъ Лоррисъ могъ-бы безъ всякихъ угрызеній совѣсти съ нею проститься. Вмѣсто того, однако, онъ, не пытаясь отдавать себѣ отчета въ причинахъ, побуждавшихъ его остаться, продолжалъ бесѣдовать съ дѣвушкой по телефоноскопу. Разговоръ шелъ, впрочемъ, все о матеріяхъ важныхъ. Они бесѣдовали о могуществѣ прикладныхъ знаній, объ электричествѣ,—новыхъ основахъ нравственности,—народномъ образованіи и научной политикѣ. Молодая дѣвушка, узнавъ, что случай свелъ ее по телефоноскопу съ сыномъ великаго Филоксена, тотчасъ-же

наивно вошла по отношенію къ Жоржу въ роль ученицы, что заставило его совершенно искренно расхохотаться.

— Я дѣйствительно сынъ знаменитаго Филоксена, какъ вамъ угодно называть моего папашу, но гожусь самъ скорѣе въ ученики, чѣмъ въ учителя. Вы отъ меня не скрыли вашихъ неудачъ на экзаменахъ. Это даетъ мнѣ смѣлость сообщить вамъ, что не далѣе какъ сегодня, въ ту самую минуту, когда разразилось торнадо, папаша производилъ мнѣ жесточайшую головомойку, упрекая въ недостаточномъ знакомствѣ съ точными науками. Долженъ признаться, что эти упреки были заслуженными,—вполнѣ заслуженными!...

— Помилуйте, я съ этимъ ни за что не соглашусь! Я очень хорошо понимаю, что знаніе, кажущееся для великаго Филоксена Лорриса недостаточнымъ, должно являться для меня настоящей бездной премудрости... Ахъ, еслибъ мнѣ только выдержать экзаменъ на первый инженерный чинъ!

— Вы навѣрное вздохнули бы тогда съ облегченнымъ сердцемъ и забросили всѣ свои книжки! — замѣтилъ со смѣхомъ Жоржъ.

Эстелла молча улыбнулась и многозначительно отодвинула отъ себя груду книгъ и тетрадей, покрывавшихъ письменный ея столъ.

— Если это вамъ можетъ на что нибудь пригодиться, то я пришлю вамъ, сударыня, кое-какія тетрадки и фонограммы нѣсколькихъ лекцій, читанныхъ моимъ отцомъ инженерамъ его лабораторіи.

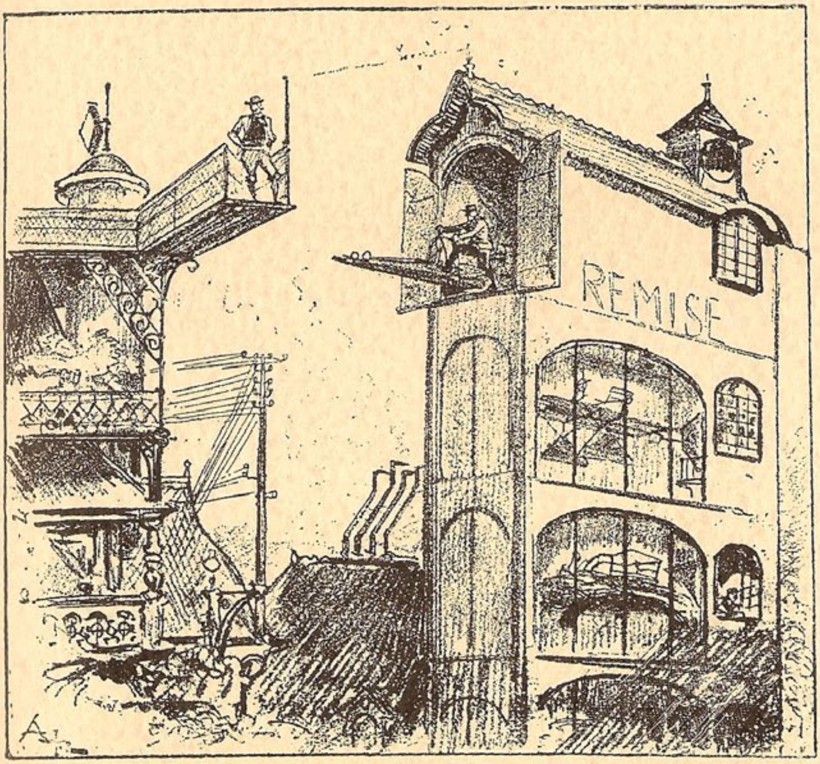
— Вы меня чрезвычайно обяжете. Обѣщаю вамъ, что постараюсь ихъ понять и усвоить себѣ. За прилежаніемъ у меня дѣло не станетъ...

Внезапно раздался звонокъ и телепластинка померкла. Образъ молодой дѣвушки исчезъ, и Жоржъ остался одинъ въ комнатѣ. Поврежденія, причиненныя электрической бурей на центральной станціи телефоноскоповъ, были уже исправлены,— аппараты могли дѣйствовать нормальнымъ образомъ и случайныя временныя сообщенія были всюду прекращены.

Взглянувъ на часы, Жоржъ убѣдился, что въ разговорѣ съ Эстеллой время текло для него очень быстро. Пора была уже явиться въ лабораторію. Поэтому онъ нажалъ соотвѣтственную кнопку и дверь комнаты тотчасъ-же растворилась сама со-

бою. Усѣвшись въ кресла остановившейся у дверей подъемной платформы, молодой человѣкъ оказался спустя четверть минуты на верхней пристани—въ роскошномъ высокомъ крытомъ павильонѣ, устроенномъ надъ параднымъ входомъ въ домъ Филоксена Лорриса.

Дворницкая, которая теперь, при употребленіи воздушныхъ экипажей, устраивается всегда близъ верхняго подъѣзда на терассѣ, служащей пристанью, совершенно отсутствовала у Фи-

Жоржу Лоррису подаютъ кабріолетъ.

локсена. Ее, да и самого дворника замѣняла особая планшетка, которая, благодаря системѣ электрическихъ кнопокъ, выполняла все, что только можно было разумнымъ образомъ отъ нея требовать.

Воздушный кабріолетъ, самъ выдвинувшійся по желѣзному рельсу изъ сарая, поджидалъ уже Жоржа на пристани. Прежде, чѣмъ сѣсть въ него, молодой человѣкъ окинулъ взглядомъ громаду Парижа, раскинувшагося въ долинѣ Сены на

необозримое протяженіе до самаго Фонтенебло, къ которому примыкало южное предмѣстье столицы. Прекратившееся во время электрической бури оживленное движеніе по воздуху успѣло уже возобновиться. По небу рѣяли во всѣхъ направленіяхъ воздушные экипажи; аеродилижансы тянулись другъ за другомъ длинною вереницей, стараясь наверстать потерянное время. Быстроходныя — такъ называемыя — воздушныя стрѣлы, поддерживавшія почтовое сообщеніе съ провинціальными и заграничными городами, мчались съ головокружительной быстротою. Цѣлые рои воздушныхъ каретъ и кабріолетовъ тѣснились около станцій электропневматическихъ трубъ, откуда задержанные смерчемъ поѣзда отправлялись почти безостановочно другъ за другомъ. Съ запада величественно приближался, выдѣляясь въ туманной дали, коллосальный воздушный корабль южно-американскаго почтово-пассажирскаго сообщенія. Еслибъ онъ случайно не задержался въ дорогѣ, то былъ бы непремѣнно захваченъ смерчемъ, и лѣтопись крупныхъ катастрофъ обогатилась бы тогда новою главою.

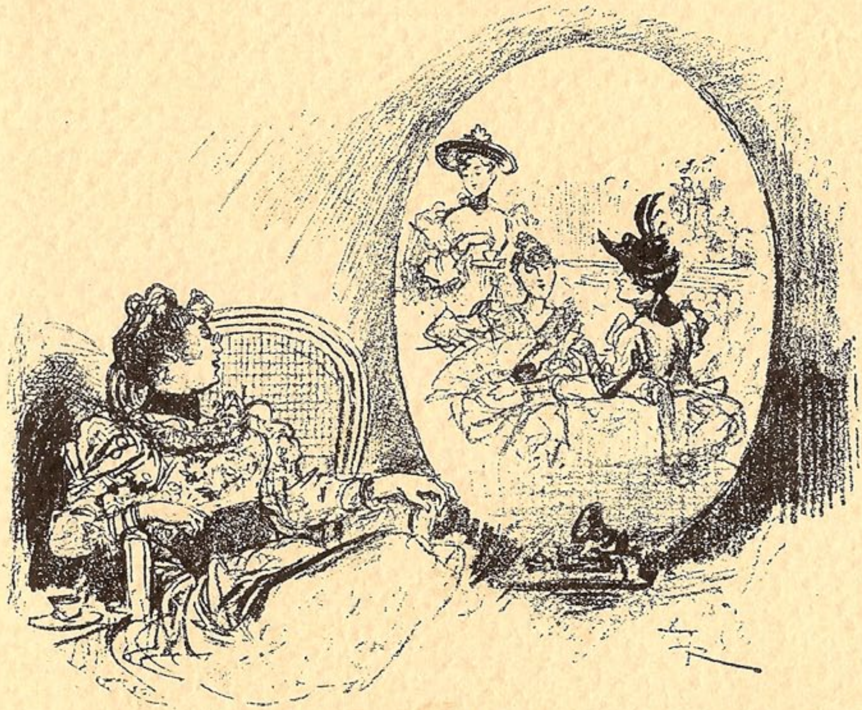
— Надо приняться за работу,—сказалъ, наконецъ, Жоржъ, освобождая отъ зацѣпленія съ рельсомъ воздушный свой кабріолетъ, и направляя его къ одной изъ лабораторій Филоксена Лорриса, устроенной, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ заводовъ и фабрикъ для практическихъ опытовъ, въ Гонесской равнинѣ, гдѣ всѣ они въ общей сложности занимали протяженіе въ сорокъ гектаровъ.

Тѣмъ временемъ Эстелла Лакомбъ, оставшись одна на Лаутербрунненской станціи, не замедлила покинуть свои тетрадки. Подбѣжавъ къ окну, она тревожно вглядывалась въ даль. Вѣдь во время урагана могло случиться какое нибудь несчастье съ ея мамашей, уѣхавшей въ Парижъ, или съ отцомъ, осматривавшимъ по долгу службы горные маяки! Правда, что теперь въ горахъ все стихло, и установилась прекраснѣйшая погода. Воздушное казино, спустившееся при первомъ же сигналѣ опасности на Лаутербрунненскую станцію, тихонько подымалось опять въ верхніе слои атмосферы, чтобы доставить своимъ посѣтителямъ зрѣлище захожденія солнца за снѣговыя вершины Оберланда.

Эстеллѣ недолго пришлось безпокоиться. Вдали не замедлилъ показаться летѣвшій изъ Интерлакена воздушный кабріо-

летъ. Молодая дѣвушка узнала съ помощью бинокля свою мать, которая выглядывала сквозь раскрытыя дверцы экипажа и очевидно торопила механика. Въ это самое мгновенье звонокъ телефоноскопа заставилъ дѣвушку обернуться. Она вскрикнула отъ радости, увидѣвъ на телепластинкѣ изображеніе отца.

Инспекторъ Лакомбъ, находившійся на одномъ изъ своихъ маяковъ, спросилъ съ обычной поспѣшностью занятого человѣка:

Въ гостяхъ по телефоноскопу.

— Ну что, дочурка, все ли у васъ тутъ благополучно? Надѣюсь, это проклятое торнадо ничего не переломало?... Ну и прекрасно! Посылаю тебѣ воздушный поцѣлуй! Признаться, я порядкомъ безпокоился... Гдѣ же твоя мать?

— Мамаша сейчасъ пріѣдетъ. Она только что вернулась изъ Парижа.

— Этого только недоставало! Надо вѣдь ей было ѣхать въ Парижъ во время такого урагана! Еслибъ я зналъ, что она въ дорогѣ, я бы сталъ еще сильнѣе тревожиться.

— Да вотъ и она сама...

— Мнѣ теперь некогда; выбрани ее за меня! Я пережидалъ смерчъ на маякѣ 189 въ Беллинцонѣ и буду домой лишь къ девяти часамъ вечера. Не ждите меня къ обѣду...

— Дзиннъ!.. и г-нъ Лакомбъ мгновенно исчезъ съ пластинки телефоноскопа. Въ то самое мгновенье его супруга, только что успѣвшая сойти на балконъ, поспѣшно расплачивалась съ механикомъ воздушнаго кабріолета. Дверь, выходившая на балконъ, отворилась, и почтенная дама, обремененная покупками, тяжело опустилась въ кресло.

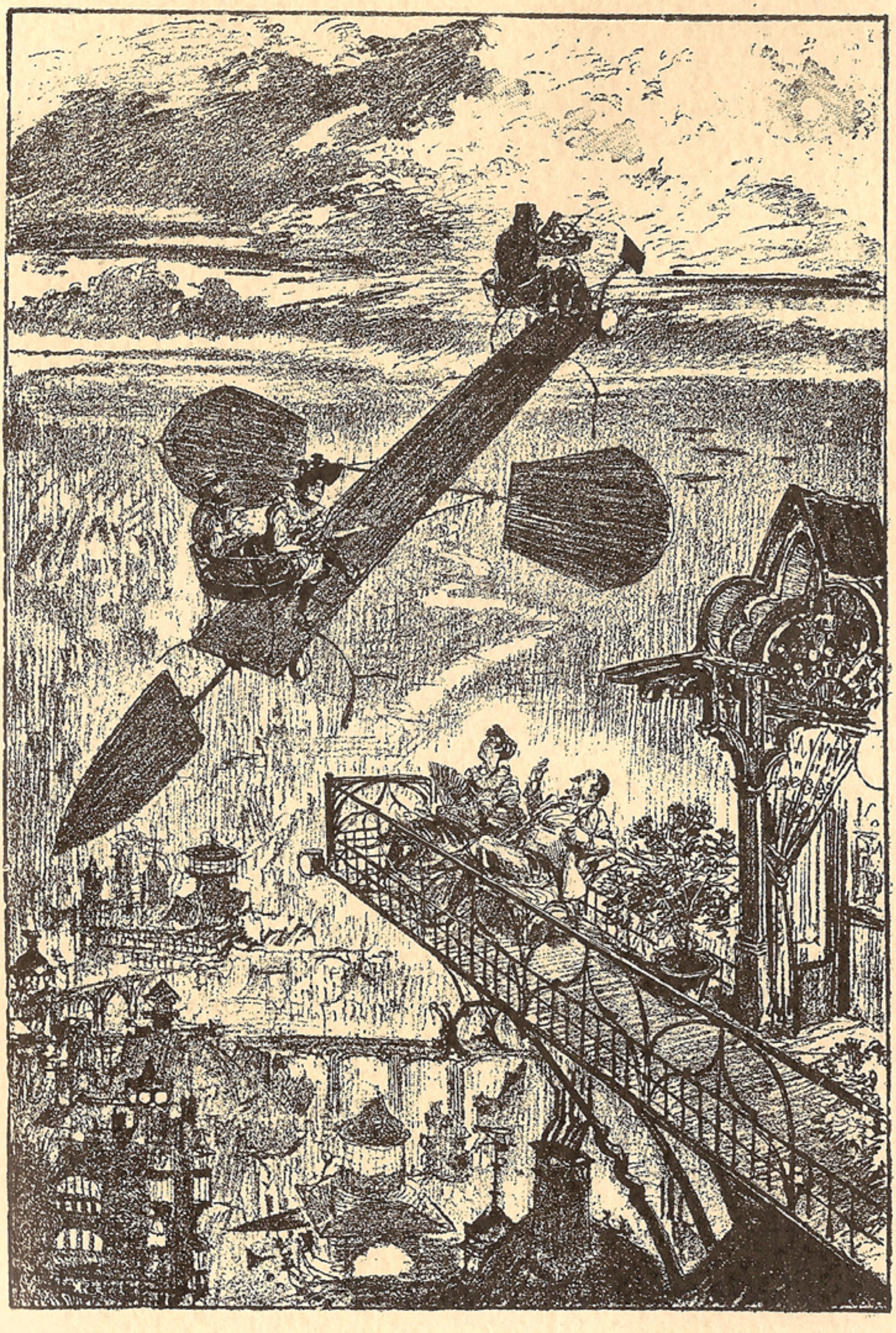

Благодаря телефоноскопу можно купить что угодно не выходя изъ дому.

— Ахъ, милочка, сколько страху я натерпѣлась! Представь себѣ, что я была свидѣтельницей нѣсколькихъ катастрофъ...—объяснила она.

— Папаша только что говорилъ со мной по телефоноскопу,—отвѣчала Эстелла, цѣлуясь съ матерью.—Онъ на 189 въ Беллинцонѣ и благополучно переждалъ бурю. Ну, а ты, какъ себя чувствуешь?

— Ахъ, милочка, я просто умираю! Ну да ужъ, признаться, и буря была! Такого жестокаго торнадо давненько у насъ не случалось. Подробности ты узнаешь сегодня вечеромъ изъ телефонной газеты. Ужасъ да и только! Представь себѣ,

Прогулка въ воздушномъ кабріолетѣ.

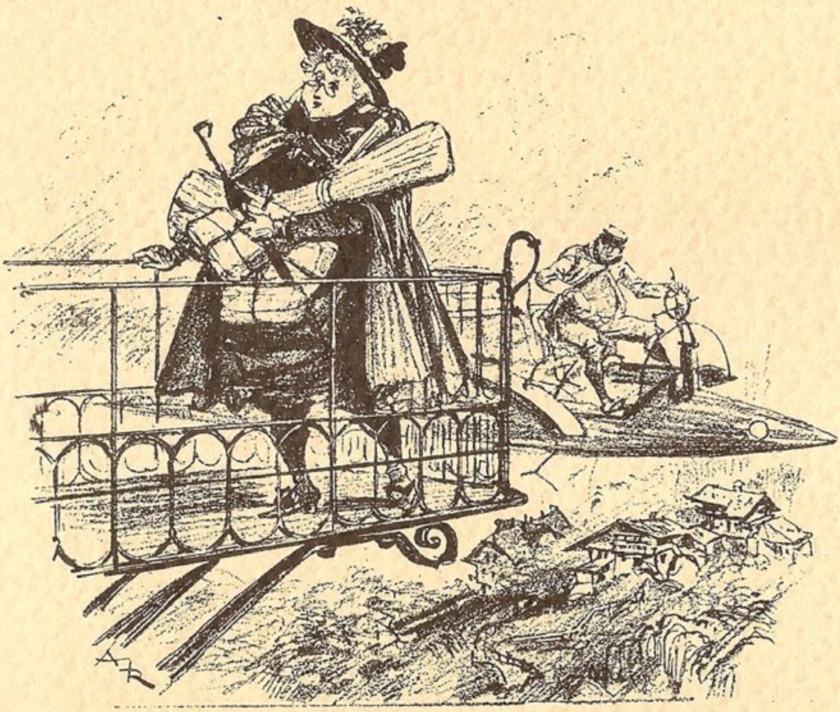
что, хорошенько обдумавъ, я всетаки рѣшила купить розовую шляпку... И вообрази, что торнадо разразилось какъ разъ, когда я была въ Ново-Вавилонскомъ магазинѣ! Мнѣ пришлось остаться тамъ цѣлыхъ три часа, такъ какъ я положительно обезумѣла отъ страха. Это не помѣшало мнѣ, впрочемъ, воспользоваться случаемъ и осмотрѣть всѣ новинки въ отдѣлѣ шелковыхъ матерій по четырнадцати съ половиною франковъ аршинъ... Какъ-разъ передъ магазиномъ упало нѣсколько обломковъ воздушныхъ кораблей, да и вообще въ Парижѣ была масса несчастныхъ случаевъ!.. Въ отдѣленіи кружевъ для воротниковъ и рукавчиковъ я нашла прелестныя вещицы и сравнительно недорого... Да, милое дитя! Я собственными глазами видѣла съ платформы Вавилонскаго магазина, среди молній проносившагося электрическаго смерча, столкновеніе двухъ воздушныхъ кораблей... Страшно даже и вспомнить!.. Не забыла-ли я, однако, какой-нибудь изъ моихъ покупокъ?.. Нѣтъ, слава Богу, все на лицо!.. И вѣдь какъ я безпокоилась все время, милочка. Когда разрѣшено было выходить, я бросилась въ залу телефоноскоповъ, чтобъ повидаться съ тобой и предостеречь тебя на всякій случай, но всѣ аппараты словно обезумѣли... И чего только смотритъ правительство! Просто на-просто и смѣхъ, и горе! И это еще называютъ наукой! Представь себѣ, что я хочу установить сообщеніе съ тобою. Дзиннъ... и передо мной открывается казарменная зала съ маіоромъ, читающимъ своей ротѣ лекцію объ устройствѣ непрерывно дѣйствующей картечницы... Я теперь знаю это устройство, какъ свои пять пальцевъ. И сколько ругательствъ пришлось мнѣ выслушать, милочка!.. Самыхъ страшнѣйшихъ ругательствъ... Видишь-ли, одинъ изъ солдатъ оказался глупъ какъ пробка, или „какъ сто чертей", выражаясь словами маіора. Представь себѣ, онъ не въ состояніи былъ понять даже такого простого механизма!.. Подумай только! Во всѣхъ двадцати четырехъ вавилонскихъ телефоноскопахъ можно было наслаждаться единственно лишь сценами въ подобномъ-же вкусѣ! Всюду установились сообщенія, которыя низачто нельзя было прервать... Нечего сказать, хороша наша администрація!..

— Да, маменька, мнѣ тоже извѣстно, что во время исправленія поврежденій на центральной станціи пришлось установить между каждыми двумя аппаратами случайныя сообщенія.

— Надѣюсь, дитя мое, что по крайней мѣрѣ тебѣ не сдѣлали при этомъ особенно непріятнаго сюрприза...

— Нѣтъ, мамаша, совсѣмъ напротивъ! т. е. я хотѣла сказать,—пояснила слегка покраснѣвъ Эстелла,—что у насъ здѣсь было установлено сообщеніе съ однимъ очень приличнымъ молодымъ человѣкомъ...

Г-жа Лакомбъ взволновалась до такой степени, что даже привскочила въ креслѣ.

Г-жа Лакомбъ возвращается домой съ покупками.

— Съ молодымъ человѣкомъ! Объяснись пожалуйста, милочка! Ты меня совсѣмъ перепугала!.. Боже мой, что это за администрація! Просто курамъ на смѣхъ, да и только! Она становится положительно неприличной со своими промахами и несчастными случайностями. По всему видно, что барышни на главной станціи телефоноскоповъ всѣ сплошь и рядомъ пустоголовыя вертушки! Онѣ только и знаютъ, что молоть всякій вздоръ, сплетничать, да смѣяться надъ абонентами, подшучивая надъ секретами, которые удается выудить... Тебя,

значитъ, соединили съ молодымъ человѣкомъ? Хорошо!.. Я буду жаловаться!..

— Погоди, мамаша, не горячись!.. Этотъ молодой человѣкъ сынъ Филоксена Лорриса.

— Сынъ Филоксена Лорриса?—вскричала г-жа Лакомбъ.— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ты отъ него не убѣжала!.. Ты говорила вѣдь съ нимъ?

— Да, маменька...

— Разумѣется было-бы лучше, еслибъ насъ соединили съ самимъ великимъ Филоксеномъ Лоррисомъ. Боюсь только, что ты растерялась словно дурочка, и повѣсила носъ, какъ дѣлаешь всегда на экзаменахъ...

— Я была, маменька, очень испугана страшной электрической бурей... Онъ меня успокоилъ...

— Надѣюсь, ты ему дала всетаки понять нѣсколькими остроумными техническими фразами насчетъ электрическихъ смерчей, что ты не какая-нибудь невѣжда и обладаешь хорошими свѣдѣніями въ наукахъ. Вѣдь ты упомянула ему про свои дипломы?..

— Не знаю хорошенько, что именно я ему говорила... Во всякомъ случаѣ этотъ молодой человѣкъ былъ очень любезенъ и, усмотрѣвъ недостаточность моихъ знаній, обѣщалъ прислать мнѣ свои собственныя замѣтки и фонограммы лекцій своего отца.

— Его отца — знаменитаго Филоксена Лорриса? Какое счастье! Да; нельзя отрицать, что даже и путаница у этихъ теле оказывается иной разъ кстати!.. Онъ пошлетъ тебѣ фонограммы, а я сдѣлаю его отцу маленькій благодарственный визитъ и переговорю о твоемъ родителѣ, который киснетъ здѣсь на второстепенной должности въ департаментѣ горныхъ маяковъ. Съ рекомендаціей великаго Филоксена Лорриса твой отецъ разомъ выдвинется впередъ... Я берусь все устроить! Поцѣлуй меня, милочка!..

Дзинъ... Дзинъ... раздался звонокъ по телефону и на телепластинкѣ снова появился г-нъ Лакомбъ.

— Что, милочка, мамаша твоя вернулась? А, да ты уже здѣсь, Аврелія! Я, признаться, побаивался за тебя! Однако, до свиданія, мнѣ некогда! Не ждите меня къ обѣду. Я пріѣду лишь въ половинѣ десятаго...

Дзинъ... Дзинъ... и г-нъ Лакомбъ исчезъ съ телепластинки.

Не знаемъ, былъ-ли сонъ Эстеллы нарушенъ новымъ знакомствомъ по телефоноскопу, доставленнымъ ей случайностями электрическаго смерча, но ея мамаша въ эту ночь видѣла очаровательные сны, въ которыхъ Филоксенъ Лоррисъ и его сынъ играли далеко не послѣднюю роль.

Инспекторъ горныхъ маяковъ, инженеръ Лакомбъ.

На другой день утромъ, только что вставъ съ постели, г-жа Лакомбъ заставила дочь пересказать ей еще разъ всѣ подробности разговора съ сыномъ великаго Филоксена Лорриса. Какъ разъ въ это самое время воздушная баржа со станціи электро-пневматическаго пути сообщенія, прибывшая съ пассажирами изъ Интерлакена, привезла только что полученную изъ Парижа по пневматической трубѣ посылку на имя дѣвицы Эстеллы Лакомбъ.

Въ посылкѣ этой было упаковано штукъ двадцать фонографическихъ клише съ лекцій самого Филоксена и одного знаменитаго профессора, у котораго занимался Жоржъ Лоррисъ. Молодой человѣкъ сдержалъ свое обѣщаніе.

— Ахъ, какъ я рада!—воскликнула г-жа Лакомбъ.—Я въ полдень-же лечу по пневматической трубѣ съ визитомъ къ Филоксену Лоррису. Мой сонъ начинаетъ уже сбываться на яву! Я видѣла во снѣ, будто пріѣхала въ гости къ великому изобрѣтателю. Онъ повелъ меня къ себѣ въ лабораторію и очень любезно объяснялъ тамъ всякую всячину, а подъ конецъ привелъ къ послѣднему своему изобрѣтенію:—къ такой, видишь-ли, сложной машинѣ, душечка, что у меня просто умъ за разумъ зашелъ!..—Это, сударыня,—сказалъ онъ,—электрическій приборъ для увеличенія жалованья служащимъ. Позвольте мнѣ презентовать его для вашего супруга...

— Опять за старую пѣсню!—замѣтилъ, усмѣхнувшись, г-нъ Лакомбъ.

— Неужели ты думаешь, что мнѣ такъ пріятно жить однѣми только лишеніями, не смѣя даже мечтать о розовой шляпкѣ вродѣ той, которую видѣла вчера въ Вавилонскомъ магазинѣ? Знаешь что, я куплю эту шляпку мимоѣздомъ, когда отправлюсь навѣстить Филоксена Лорриса...

— Нѣтъ, моя милая, я тебя это категорически запрещаю, т. е. не розовую шляпку,—ты можешь себѣ ее выписать, если хочешь, а визитъ къ Филоксену Лоррису... Обождемъ немного! Если Эстелла выдержитъ экзаменъ и, благодаря лекціямъ, присланнымъ ей г-мъ Лоррисомъ, будетъ произведена въ инженеры, то отчего же и не сдѣлать маленькаго благодарственнаго визита... разумѣется, по телофоноскопу... чтобы не показаться слишкомъ навязчивыми.

— Скажу тебѣ на это, другъ мой, что ты со своей застѣн-

чивостью никогда не устроишь себѣ карьеры! — объявила г-жа Лакомбъ.

Появленіе служанки Гретли, принесшей завтракъ, прервало въ самомъ началѣ проповѣдь, которую г-жа Лакомбъ по обыкновенію собиралась прочесть мужу предъ отправленіемъ его на службу. Бѣдная служанка, едва оправившаяся отъ вчерашняго испуга, жила все время какъ-бы въ состояніи хрониче-

Испуганно лавируя среди электрическихъ приспособленій, кухарка роняетъ чашки съ подноса.

скаго ужаса. Сельское населеніе, выросшее въ полѣ и освоившееся только съ безхитростной, грубой обстановкой своей жизни на лонѣ матери-природы, обладаетъ неповоротливыми мозгами, почти непроницаемыми для научныхъ идей. Когда этимъ невѣждамъ приходится попасть въ городъ, гдѣ ихъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ наша въ высшей степени сложная цивилизація, требующая отъ всѣхъ и каждаго такого громаднаго количества

знаній, эти несчастливцы безпрерывно переходятъ отъ изумленія и недоумѣнія къ паническому страху. Измученныя и запуганныя дѣти природы даже не пытаются постигнуть фантастическій механизмъ городской жизни. Они думаютъ лишь о томъ, какъ бы уцѣлѣть самимъ и поскорѣе вернуться въ родное гнѣздо,—въ какую-нибудь деревушку, забытую всеобщимъ прогрессомъ. Злополучная Гретли,— простая невѣжественная деревенская дѣвушка съ косами, напоминавшими чесаный ленъ, жила у своихъ господъ въ вѣчномъ страхѣ, не понимая ничего, что ее окружало. Она старалась какъ можно рѣже выходить изъ своего уголка на кухнѣ и не смѣла прикасаться къ различнымъ усовершенствованнымъ приборамъ, изобрѣтеніе которыхъ сдѣлало изъ порабощеннаго электричества могущественнаго, но послушнаго слугу. Подавая на столъ и стараясь держаться какъ можно дальше отъ всѣхъ этихъ приборовъ, чтобъ не зацѣпить какъ нибудь за электрическія кнопки, или за ключъ утренней и вечерней фонографической телегазеты, Гретли уронила подносъ и разбила одну или двѣ чашки. Какъ и слѣдовало ожидать, это обстоятельство заставило г-жу Лакомбъ обрушить на нее волны негодующаго своего краснорѣчія.

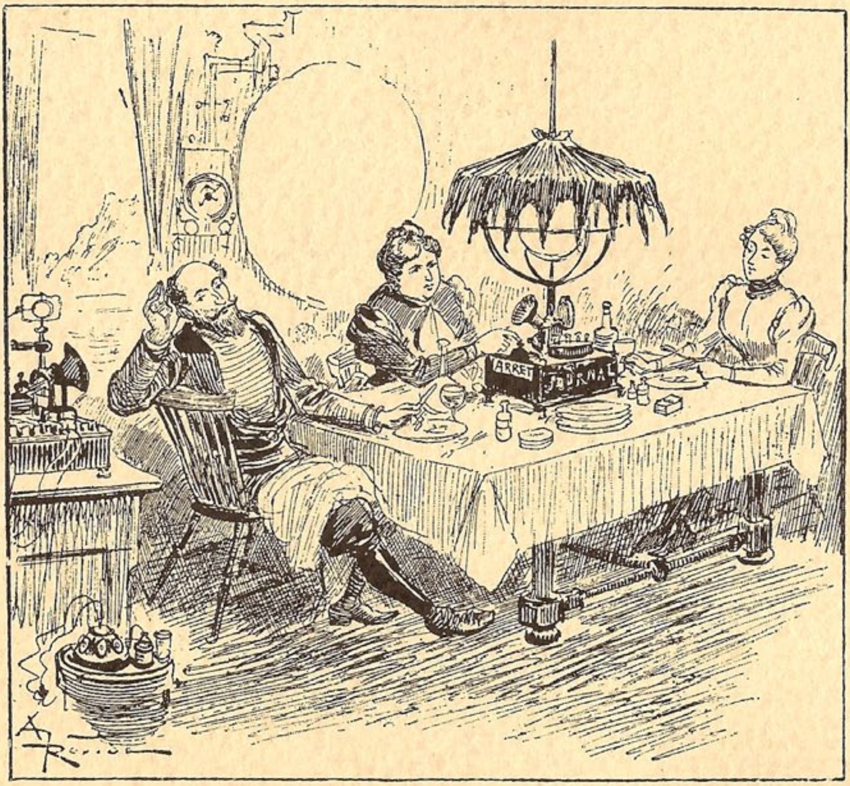
Почтенный инспекторъ альпійскихъ маяковъ искусно воспользовался этой диверсіей и довершилъ ее, повернувъ ключъ телегазеты, которая немедленно же начала симпатичнымъ, внятнымъ голосомъ докладывать политическое обозрѣніе. Необходимо замѣтить, что г-нъ Лакомбъ любилъ услаждать имъ свой утренній кофе. Газета сообщила:

„Судя по всему, затрудненія, съ которыми сопряжена ликвидація прежнихъ займовъ Коста-Рикской республики, нельзя будетъ уладить дипломатическимъ путемъ и одна лишь Беллона окажется въ состояніи распутать хитросплетенные счеты, представленные обѣими тяжущимися сторонами. За то, съ другой стороны, можно съ живѣйшимъ удовольствіемъ отмѣтить, что внутренняя наша политика склоняется въ пользу примиренія и соглашенія между всѣми партіями.

„Благодаря вступленію въ кабинетъ предводительницы женской партіи, г-жи Луизы Мюшъ (депутата Сенскаго департамента), согласившейся принять портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, новому кабинету примиренія всѣхъ партій обезпечена поддержка еще сорока пяти женскихъ голосовъ въ па-

латѣ депутатовъ, такъ что онъ располагаетъ теперь солиднымъ парламентскимъ большинствомъ"...

Въ тотъ же день послѣ полудня, въ то время, когда Эстелла углубилась въ слушаніе лекцій Филоксена Лорриса, въ которыхъ не находила, впрочемъ, особеннаго удовольствія, какъ это можно было замѣтить по тому, что она прижимала лѣвую руку ко лбу, стараясь заносить въ записную свою книжку

Утренняя телегазета.

кое-какія замѣтки,—неожиданно раздался у самаго уха дѣвушки звонокъ телефоноскопа, доставившій ей благовидный предлогъ освободиться отъ научныхъ занятій.

Фонографъ воспроизводилъ какъ разъ лекціи Филоксена Лорриса. Ясный и отчетливый голосъ ученаго излагалъ во всей подробности собственные его опыты надъ ускореніемъ и улучшеніемъ роста хлѣбовъ при помощи электризаціи засѣянныхъ полей. Эстелла немедленно остановила фонографъ и прервала рѣчь уче-

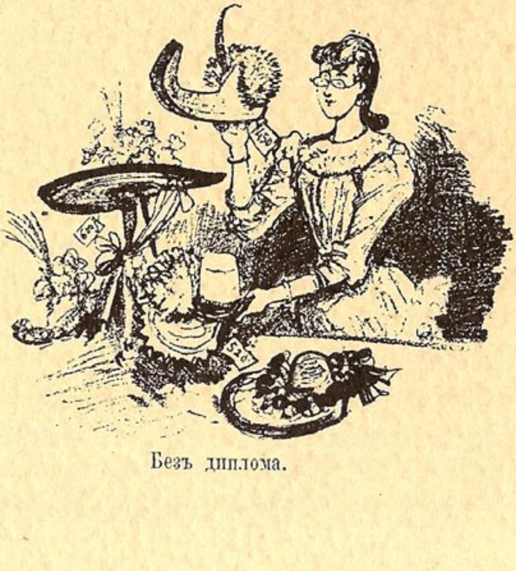
наго на половинѣ какого-то сложнаго вычисленія. Подбѣжавъ къ телефоноскопу, она установила сообщеніе съ главной станціей и увидѣла передъ собою на телепластинкѣ сына знаменитаго Филоксена.

Жоржъ Лоррисъ, стоявшій передъ собственнымъ своимъ телефоноскопомъ въ Парижѣ, вѣжливо поклонился молодой дѣвушкѣ.

— Извините, сударыня, если я осмѣливаюсь спросить, вполнѣ-ли вы оправились отъ вчерашняго вашего маленькаго потрясенія? Вы показались мнѣ до такой степени встревоженной...—сказалъ онъ.

— Вы слишкомъ добры, милостивый государь,—отвѣчала, слегка покраснѣвъ Эстелла.—Правда, что я вчера не выказала особеннаго мужества, но, благодаря вамъ, испугъ мой сравнительно скоро разсѣялся... Впрочемъ, я вамъ премного обязана! Присланныя вами фонограммы мною получены и, какъ вы видите, я...

— Слушали лекціи моего родителя,—со смѣхомъ добавилъ Жоржъ.—Для этого необходима изрядная доля нравственнаго мужества, сударыня. Желаю вамъ всякаго успѣха!..

Безъ диплома.

Вліяніе предковъ на потомка.

IV.

Какъ принимаетъ гостей великій Филоксенъ Лоррисъ.—Дѣвица Лакомбъ еще разъ рѣжется на государственномъ экзаменѣ.—Неожиданное сватовство.—Теоретическія соображенія Филоксена Лорриса объ атавизмѣ.—Докторъ Софія Бардо и сенаторъ отъ Сартскаго департамента дѣвица Купаръ.

Жоржъ Лоррисъ довольно частенько вступалъ въ телефоноскопическое сообщеніе съ швейцарскимъ домикомъ на Лаутербрунненской станціи. Ему надо было понавѣдаться объ успѣхахъ Эстеллы Лакомбъ, распросить, не пригодятся-ли ей какія-нибудь новыя фонографическія лекціи, или, наконецъ, просто освѣдомиться о состояніи здоровья ея самой и ея мамаши. Постепенно у него вошло въ привычку видѣться съ молодой дѣвушкой. Вскорѣ онъ началъ доставлять себѣ каждый разъ послѣ полудня, въ качествѣ отдыха отъ умственнаго труда и лабораторныхъ занятій, нѣсколько минутъ пріятной бесѣды съ лаутербрунненской кандидаткой въ инженеры.

Благодаря его совѣтамъ и лекціямъ, которыя онъ присылалъ, Эстелла дѣлала большіе успѣхи. Жоржъ, котораго отецъ безцеремонно называлъ „мазилкой“ въ наукѣ, что. безъ сомнѣнія, являлось чрезмѣрно строгимъ и не вполнѣ справедливымъ

эпитетомъ, былъ на самомъ дѣлѣ солиднымъ ученымъ, который для Эстеллы казался неисчерпаемымъ кладеземъ знанія. Къ тому-же въ тѣхъ случаяхъ, когда юная инженеръ-кандидатка наталкивалась на какія-нибудь серьезныя научныя трудности, Жоржъ Лоррисъ, запасшись маленькимъ карманнымъ фонографомъ, устроивался такъ, чтобъ завести за столомъ разговоръ на эту тему. Такимъ образомъ онъ побуждалъ отца изложить свой взглядъ на сущность этихъ научныхъ трудностей. Полученная безъ вѣдома великаго Филоксена фонограмма его объясненій безотлагательно посылалась на Лаутербрунненскую станцію.

Вопреки строгому запрещенію мужа, г-жа Лакомбъ между

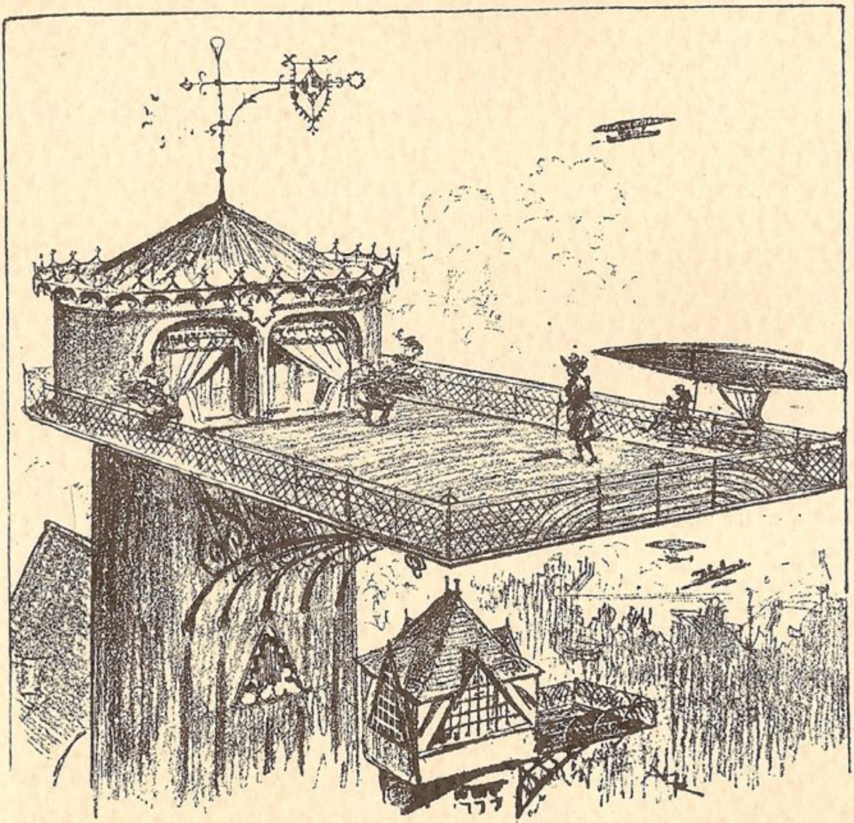
На биржѣ.

двумя визитами на женскую биржу, гдѣ она выиграла двѣ тысячи франковъ, и въ Ново-Вавилонскій магазинъ, гдѣ издержала двѣ тысячи пять франковъ, рѣшилась однажды посѣтить Филоксена Лорриса подъ предлогомъ изъявленія ему чувствительнѣйшей своей благодарности.

На воздушномъ дебаркадерѣ въ павильонѣ, замѣнявшемъ переднюю, она нашла рядъ звонковъ съ именами всѣхъ обитателей дома, а именно: самого Филоксена Лорриса; его супруги; Жоржа Лорриса; Сюльфатена (состоявшаго домашнимъ секретаремъ у великаго Филоксена) и т. д. и т. д. Восхищаясь изяществомъ электрическихъ приспособленій, она обратила вниманіе на отсутствіе при этихъ именахъ обычныхъ помѣтокъ: „Дома нѣтъ“, „Дома“, „Занятъ“, сберегающихъ время посѣтителей и предотвращающихъ лишнія хлопоты.

— Это, очевидно, ужъ вышло изъ моды!—сказала она самой себѣ.—Рѣшительно всѣ обзавелись ужъ такимъ механизмомъ, и отъ него несетъ чѣмъ-то мѣщанскимъ! Я непремѣнно распоряжусь, чтобъ и у насъ убрали его изъ прихожей!

Достопочтенная дама нажала на кнопку звонка, украшенную именемъ самого домохозяина. Двери тотчасъ-же предъ

Г-жа Лакомбъ прилетѣла съ визитомъ къ Филоксену Лоррису.

ней растворились, и къ нимъ придвинулась подъемная платформа съ кресломъ, на которое мать Эстеллы и сѣла. Платформа медленно двинулась, а затѣмъ остановилась, какъ-бы приглашая г-жу Лакомбъ сойти. Передъ ней открылись тогда сами собою другія двери, войдя въ которыя она очутилась въ большой комнатѣ, гдѣ всѣ стѣны сверху до низу были увѣшены большими раскрашенными чертежами и фотографическими снимками съ чрезвычайно сложныхъ приборовъ. Посреди комнаты

стоялъ большой столъ, а вокругъ него—нѣсколько креселъ. Г-жа Лакомбъ не видала еще во всемъ домѣ живой души. Даже прислуга блистала тамъ отсутствіемъ. Изумленная гостья усѣлась въ кресло, съ любопытствомъ ожидая, что будетъ дальше.

Она начала было уже приходить въ нетерпѣніе, какъ вдругъ услышала вопросъ:

— Что вамъ угодно?

Съ этимъ вопросомъ обратился къ ней фонографъ, помѣщенный какъ разъ по серединѣ стола.

— Потрудитесь сообщить ваше имя и цѣль вашего посѣщенія!—добавилъ фонографъ.

Это было произнесено голосомъ самого Филоксена Лорриса. Г-жа Лакомбъ знала его по фонограммамъ лекцій, полученныхъ Эстеллой. Тѣмъ не менѣе она до извѣстной степени обидѣлась такимъ способомъ принимать гостей.

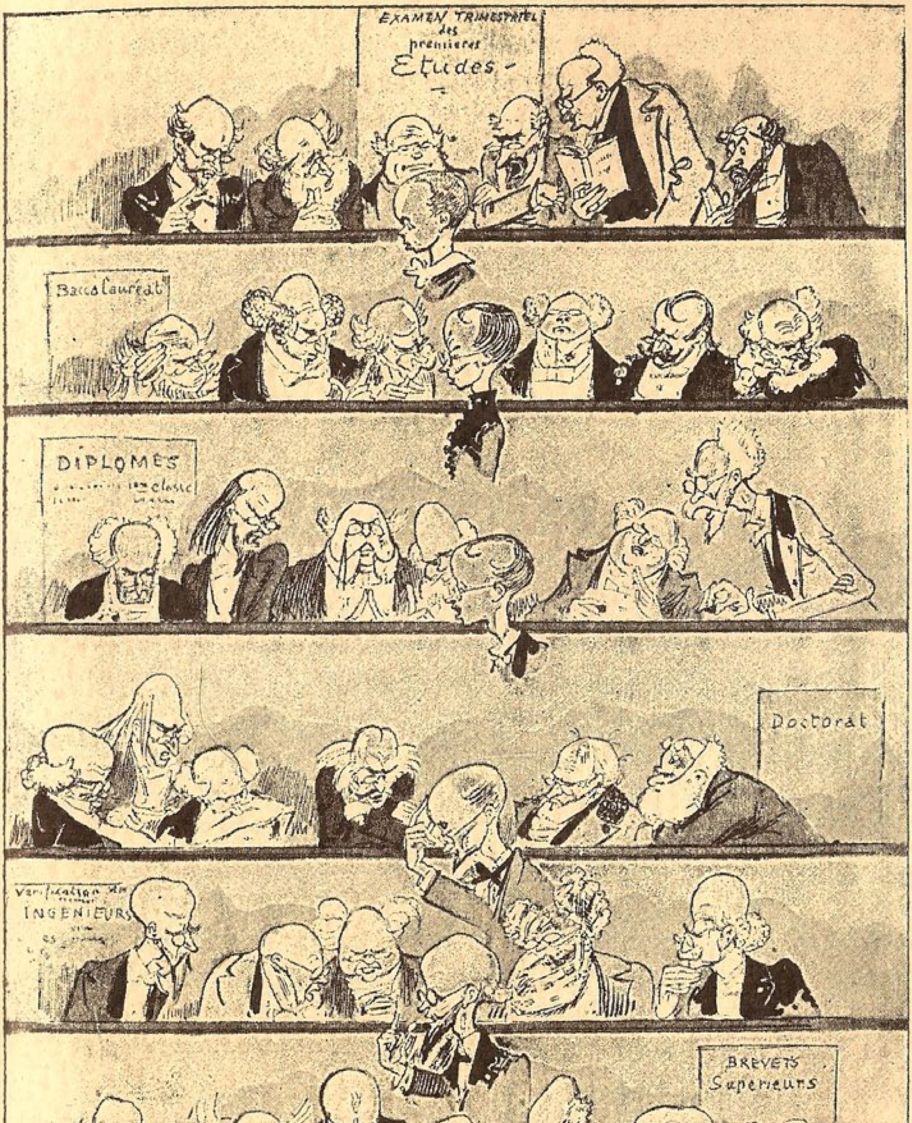
— Однако же это очень безцеремонно!—вскричала она.—Быть можетъ и очень удобно оставлять наединѣ съ фонографомъ особъ, которыя взяли на себя трудъ пожаловать лично и притомъ издалека, но съ точки зрѣнія общепринятой вѣжливости такой способъ обращаться съ порядочными людьми наврядъ-ли можно признать удовлетворительнымъ. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь вѣжливость понимаютъ какъ-нибудь по своему?

— Я теперь въ Шотландіи и занятъ очень важными дѣлами,—продолжалъ фонографъ,—но тѣмъ не менѣе, соблаговолите говорить, я васъ слушаю!

Г-жа Лакомбъ не знала, что Филоксенъ Лоррисъ былъ на первое время для всѣхъ вообще посѣтителей въ Шотландіи, или другихъ мѣстахъ, еще болѣе отдаленныхъ, но что телефонная проволока передавала ему въ кабинетъ имя гостя. Если знаменитому ученому благоугодно было принять посѣтителя, онъ нажималъ кнопку, и фонографъ пріемной залы вѣжливо приглашалъ гостя пройти въ такія-то двери, воспользоваться такою-то подъемной платформой до корридора за нумеромъ такимъ-то, и дойти тамъ до дверей, которыя отворятся передъ нимъ сами собою.

— Я г-жа Лакомбъ. Мой мужъ, инспекторъ горныхъ маяковъ, поручилъ выразить вамъ свою благодарность... искреннѣйшую благодарность...

Г-жа Лакомбъ принадлежала къ весьма рѣшительнымъ осо-

Въ прогимназіи.

Выпускной гимназическій.

Университетскій.

На доктора наукъ.

Повѣрочный на инженера.

На высшую ученую степень.

Съ экзамена на экзаменъ.

бамъ прекраснаго пола и не привыкла тереться передъ неожиданностями, но тѣмъ не менѣе до извѣстной степени смутилась и положительно не знала, что ей сказать этому проклятому фонографу. Она имѣла намѣреніе подѣйствовать на Филоксена Лорриса обаяніемъ изящныхъ своихъ манеръ и остроумнаго разговора, но вовсе не подготовилась къ свиданію съ фонографомъ.

— Меня вы не проведете,—сказала она, вставая съ негодованіемъ.—Я вполнѣ убѣждена, что вы точно также въ Шотландіи, какъ и я сама. Мнѣ уже и раньше доводилось слышать, что вы, сударь, настоящій медвѣдь, а теперь я убѣдилась на опытѣ въ справедливости этой оцѣнки. Вы съ вашимъ фонографомъ медвѣдь въ кубѣ, да еще изъ самыхъ невѣжливыхъ! Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я возьму на себя трудъ бесѣдовать съ вашей машиной...

— Продолжайте, я слушаю,—сказалъ фонографъ.

— Онъ слушаетъ! Этого еще только недоставало,—возразила г-жа Лакомбъ.—Неужели вы думаете, что я проѣхала восемьсотъ верстъ единственно лишь для удовольствія поговорить съ вами, г-нъ фонографъ? Можешь слушать сколько угодно, голубчикъ! Развѣсь уши пошире!— Я ухожу! Я знаю теперь, что Филоксенъ Лоррисъ настоящій медвѣдь, но это не мѣшаетъ его сыну, Жоржу Лоррису, быть очень милымъ молодымъ человѣкомъ, къ счастію, вовсе не похожимъ на своего папашу. Онъ, вѣроятно, унаслѣдовалъ приличныя манеры и умѣнье держать себя отъ матери. Мнѣ, право, жаль её бѣдняжку! Ей должно быть очень несладко жить съ ученымъ медвѣдемъ вмѣсто мужа. Впрочемъ, я даже кое-что слышала о томъ, что они живутъ другъ съ другомъ, какъ кошка съ собакой!.. Теперь я вполнѣ убѣждена, что въ этомъ виноватъ именно ея медвѣдь-мужъ со своими фонографами...

— Вы кончили?— освѣдомился фонографъ.— Я записалъ все до послѣдняго слова...

— Ахъ ты Господи!—вскричала внезапно, испугавшись, г-жа Лакомбъ.—Этотъ негодяй все записалъ. Что я надѣлала? Мнѣ и въ голову не пришло, что онъ не только говоритъ, но и записываетъ... Теперь онъ повторитъ все, что я сказала. Это чистое предательство!.. Право не знаю, что теперь и дѣлать! Какъ зачеркнуть теперь написанное? Ахъ ты, мерзкая негод-

ная машина! Погоди-же, я тебя проведу! „Ао! Мой котѣлъ вамъ сказайтъ... Мой аглицкой дамъ, мистриссъ Арабелла Гогсонъ изъ Бирмингемъ, выражайтъ сердечна свой восторкъ отъ знаменита Филлоксъ Лоррисъ...“

Порывшись съ лихорадочной поспѣшностью въ редикюльчикѣ, который держала въ рукахъ, г-жа Лакомбъ вытащила оттуда вышивку для туфель, предназначавшуюся въ подарокъ ея супругу, и положила ее на фонографъ.

— Мой самъ шиль два туфля къ сей великъ человѣкъ...

Продолжайте! Я слушаю!—сказалъ фонографъ.

Сказывайтъ пожалуй, что мой зовутъ мистриссъ... Однако, попала-же я въ просакъ! Вѣдь къ фонографу-то придѣлана у него маленькая фотографическая камера! Съ каждаго гостя снимаютъ портретъ! Теперь я здѣсь увѣковѣчена... Тутъ ужь ничего не подѣлаешь. Остается только спастись бѣгствомъ.— Она направилась было къ дверямъ, но поспѣшила вернуться.

— Я-бы завершила свою невѣжливость, если-бъ ушла не прощаясь. Что подумали-бы тогда про меня?—сказала она вполголоса и затѣмъ, нагнувшись къ фонографу, громко добавила:— считаю для себя честью и счастіемъ, что имѣла удовольствіе

бесѣдовать хоть мгновенье со знаменитымъ Филоксеномъ Лоррисомъ, несмотря на то, что бесѣда эта неоднократно прерывалась дерзкими выходками надоѣдливой англичанки. Имѣю честь откланяться великому человѣку и выразить ему глубочайшее мое почтеніе.

— Имѣю честь кланяться. Прощайте, сударыня!—отвѣчалъ фонографъ.

Г-жа Лакомбъ, которую было не такъ-то легко сбить съ позиціи, вернулась въ Лаутербруннень очень взволнованная и не сочла нужнымъ хвастаться своими похожденіями.

Нѣсколько времени спустя Эстеллѣ пришлось держать государственный экзаменъ на чинъ инженера. Она нисколько не боялась теперь этого повѣрочнаго испытанія, такъ какъ прекрасно къ нему подготовилась. Благодаря совѣтамъ Жоржа Лорриса, а также полученнымъ отъ него фонографическимъ лекціямъ и замѣткамъ, она превосходно усвоила себѣ рѣшительно все, о чемъ можно было спросить ее на экзаменѣ. Нимало не тревожась, Эстелла пріѣхала въ Цюрихъ и явилась вмѣстѣ съ прочими кандидатами и кандидатками въ университетъ. Ободренная отличными отмѣтками на письменномъ экзаменѣ, она предстала на словесное испытаніе безъ особенно усиленнаго сердцебіенія.

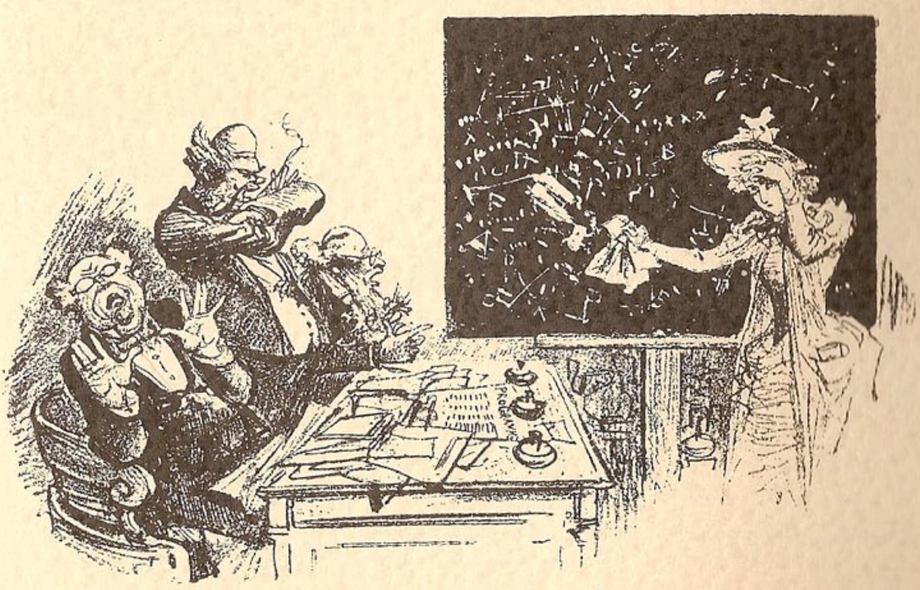

Боже мой!.. Съ меня успѣли уже снять портретъ.

При первыхъ, однако, вопросахъ, обращенныхъ къ ней съ высоты величественныхъ бѣлыхъ галстуховъ ея судей, Эстелла какъ-то разомъ утратила непривычное, искусственное свое самообладаніе. Она то краснѣла, то блѣднѣла, взглянула сперва вверхъ, а потомъ потупила глазки и совсѣмъ смѣшалась, но сдѣлавъ надъ собой энергическое усиліе всетаки начала отвѣчать. Оказалось, однако, что все, выученное ею такъ добросовѣстно, перепуталось у ней теперь вдругъ въ головѣ. Изъ ея

знаній образовался какой-то безпорядочный хаосъ, такъ что она на всѣ вопросы отвѣчала совершенно невпопадъ. Въ результатѣ получилась полнѣйшая катастрофа. Плоды всѣхъ трудовъ Эстеллы пропали даромъ. На устномъ государственномъ экзаменѣ она получила сплошь и рядомъ нули, и экзаменная коммиссія единодушно прокатила ее на вороныхъ.

Бѣдная дѣвушка пришла въ величайшее отчаяніе и такъ растерялась, что совершенно забыла о предварительномъ своемъ соглашеніи съ мамашей. Г-жа Лакомбъ, заранѣе увѣренная въ успѣхѣ дочери, рѣшила заѣхать за ней въ Цюрихъ.

Эстелла на устномъ экзаменѣ.

Вмѣсто того Эстелла наняла первый попавшійся ей воздушный кабріолетъ и, вернувшись къ себѣ въ Лаутербруннень, поручила фонографу въ гостиной сообщить родителямъ о неудачѣ, а сама заперлась у себя въ комнатѣ, чтобъ выплакать тамъ горе.

Она грустила и плакала уже около получаса, когда вдругъ раздался призывный звонокъ телефоноскопа. Эстелла робко и неохотно установила сообщеніе между своимъ аппаратомъ и главной станціей.

— Кто бы это могъ быть? — спрашивала она себя, утирая раскраснѣвшіеся глазки. — Если кто-нибудь изъ знакомыхъ

освѣдомляется о результатахъ моего экзамена, я объясню, что не принимаю и предложу обратиться за болѣе обстоятельными свѣдѣніями къ мамашѣ.

— Это я, Жоржъ Лоррисъ!—сказалъ телефоноскопъ.

Дѣвушка нажала кнопку, и на теле-пластинкѣ появился Жоржъ Лоррисъ.

— Съ чѣмъ васъ можно поздравить, сударыня? Но что я вижу! Это слезы! Вы плачете!.. Значитъ вашъ экзаменъ...

— Не удался!—воскликнула она, пытаясь улыбнуться.—Я опять срѣзалась...

— Должно быть эти безсовѣстные экзаменаторы предъявили къ вамъ какія-нибудь необычайныя требованія?..

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! Это именно и приводитъ меня въ такое негодованіе. Вопросы были дѣйствительно не изъ легкихъ, но я могла отвѣтить на нихъ прекраснѣйшимъ образомъ. Благодаря вамъ, я оказывалась отлично подготовленной...

— Что же такое случилось?

— Просто на-просто меня опять погубила несчастная застѣнчивость. Увидѣвъ себя лицомъ къ лицу со строгими судьями, я смутилась, смѣшалась, перепутала рѣшительно все и была завалена грудою черныхъ шаровъ...

— Не плачьте-же! Вы явитесь опять на экзаменъ и разумѣется его выдержите! Пожалуйста, Эстелла, не плачьте... Я не хочу, чтобъ вы плакали!.. Я не въ состояніи вынести вашихъ слезъ... Голубушка Эстелла, дорогая моя Эстеллочка!..

— Какъ? „Ваша дорогая Эстеллочка"?—вскричалъ голосъ, раздавшійся позади дѣвушки.—Я нахожу это съ вашей стороны, милостивый государь, слишкомъ фамильярнымъ!..

Это былъ голосъ г-жи Лакомбъ, которая, не найдя Эстеллы въ Цюрихѣ, вернулась домой страшно встревоженная и только что узнала отъ фонографа въ гостиной о прискорбномъ результатѣ государственнаго повѣрочнаго испытанія.

Жоржъ Лоррисъ на мгновеніе смутился. Онъ зналъ г-жу Лакомбъ, такъ какъ имѣлъ случай не разъ уже бесѣдовать съ нею по телефоноскопу.

— Ваша дочь, сударыня, до такой степени огорчена своей неудачей, что съ моей стороны было совершенно естественно

стараться ее утѣшить. Искренняя дружеская симпатія, которую я чувствую къ ней съ тѣхъ поръ, какъ счастливая случайность... Короче сказать: она плакала и грустила, а я не могъ видѣть ея слезъ безъ...

— Я вамъ очень обязана, милостивый государь,—сухо возразила г-жа Лакомбъ.—Если моя дочь и на этотъ разъ не выдержала экзамена, то она еще поучится и предстанетъ опять передъ экзаменной коммиссіей. Вотъ и все тутъ... Я берусь сама утѣшить Эстеллу, а потому, милостивѣйшій государь, имѣю честь вамъ откланяться...

— Не сердитесь пожалуйста, сударыня, умоляю васъ,—продолжалъ Жоржъ Лоррисъ.—Мнѣ надо сказать вамъ еще словечко!.. Я... Я прошу у васъ руку Эстеллы.

— Руку Эстеллы?—вскричала г-жа Лакомбъ, опускаясь въ кресло.

— Если вы только будете на это согласны, и если m-lle Эстелла не... Извините пожалуйста, что при моемъ предложеніи не соблюдены всѣ принятыя въ такихъ случаяхъ формальности,—добавилъ молодой человѣкъ,—но обстоятельства такъ уже сложились... Горе Эстеллы до того сильно на меня подѣйствовало!.. Прошу васъ, Эстелла, не отнимайте отъ меня надежды!..

— Милостивѣйшій государь,— съ достоинствомъ отвѣчала г-жа Лакомбъ,—я сообщу о столь почетномъ для насъ предложеніи мужу, который вамъ на него и отвѣтитъ. Что касается до меня лично, то позволю себѣ только замѣтить, что вы можете разсчитывать на мой голосъ, который въ семейныхъ дѣлахъ все-таки имѣетъ извѣстный вѣсъ.

Предложеніе, такъ неожиданно сдѣланное Жоржемъ Лоррисомъ, свидѣтельствовало во всякомъ случаѣ о томъ, что онъ былъ человѣкъ рѣшительный. Часъ тому назадъ онъ вовсе еще не помышлялъ сколько-нибудь опредѣленнымъ образомъ о женитьбѣ. Свиданья по телефоноскопу съ молодою студенткой хотя и доставляли ему искреннѣйшее сердечное удовольствіе, но онъ не пытался дать себѣ отчета въ чувствѣ, побуждавшемъ его ихъ искать. Слезы Эстеллы неожиданно раскрыли ему состояніе собственнаго его сердца, и онъ не колебались рѣшился слить свою жизнь съ ея жизнью. Жоржу исполнилось уже двадцать семь лѣтъ. Онъ могъ свободно распола-

гать своей личностью и обладалъ состояніемъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для того, чтобы обезпечить себя и жену.

Молодой человѣкъ не заблуждался относительно препятствій, которыя должны были встрѣтиться со стороны его собственной семьи. Онъ зналъ, что отецъ имѣетъ на него совершенно особые виды. Въ тотъ самый день, когда разразился электрическій смерчъ, Филоксенъ Лоррисъ объявилъ сыну, что разсчитываетъ женить его на дѣвицѣ, *обладающей высшими научными докторскими дипломами*. Великій ученый объяснилъ, что будущая жена его сына *должна имѣть мозгъ строго научнаго типа и быть серьезной женщиной, достаточно зрѣлой для того, чтобъ голова у нея оказывалась свободной отъ самомалѣйшаго слѣда вѣтреныхъ мыслей*. Жоржъ невольно содрогался, припоминая подлинныя слова своего родителя. Бррръ!.. Мысль о подобной невѣстѣ сама по себѣ уже была способна заставить его поторопиться женитьбой.

Подъ вечеръ, когда инспекторъ горныхъ маяковъ, г-нъ Лакомбъ, вернулся домой обѣдать, Жоржъ Лоррисъ, прибывшій въ Интерлакенъ на электро-пневматическомъ поѣздѣ, почти одновременно съ нимъ явился въ воздушномъ кабріолетѣ на Лаутербрунненскую станцію. Г-жа Лакомбъ едва успѣла предупредить мужа о случившемся.

— Нынѣшній день имѣетъ для нашей семьи очень важное значеніе, другъ мой,—сказала она торжественнымъ тономъ мужу.—Ты, безъ сомнѣнія, не знаешь, какая судьба выпала на долю Эстеллы. Приготовься-же услышать нѣчто важное... Не пытайся догадываться... Старайся только не удивляться!..

— Тутъ нечего и догадываться,—возразилъ инспекторъ.—Я требовалъ, чтобъ вы переговорили со мной по телефоноскопу, а вы мнѣ не соблаговолили отвѣтить... Для меня какъ нельзя болѣе ясно, что она провалилась,—опять провалилась на экзаменѣ.

— Ну стоитъ-ли обращать вниманіе на такія мелочи!—возразила г-жа Лакомбъ, презрительно пожимая плечами.—Слава Богу, ей не придется быть инженеромъ. Да-съ, это для нея оказалось-бы теперь совершенно излишнимъ! Дѣло въ томъ, что за нашу дочь сватаются. Я уже дала жениху утвердительный отвѣтъ и надѣюсь, что г-нъ Лакомбъ не станетъ мнѣ прекословить!

— Но кто-же этотъ женихъ?

— Мой будущій зять Жоржъ Лоррисъ, единственный сынъ знаменитаго Филоксена Лорриса!

Имя это до такой степени ошеломило почтеннаго инспектора горныхъ маяковъ, что онъ тяжело опустился на стулъ. Г-жа Лакомбъ заранѣе разсчитывала на такой эффектъ. Довольная произведеннымъ впечатлѣніемъ, она тоже взяла себѣ стулъ и продолжала:

— Да, другъ мой! Жоржъ Лоррисъ обожаетъ нашу дочь. Я, признаться, давненько уже это замѣчала. Эстелла въ свою очередь тоже его любитъ.

— Полно, не пригрезилось-ли это тебѣ? Съ чего ты взяла, что сынъ Филоксена Лорриса могъ посвататься за нашей дочерью? Вспомни только, что они другъ другу вовсе не пара. Развѣ можно сравнивать насъ съ великимъ Филоксеномъ Лоррисомъ, или-же наше скромное состояніе съ многомилліонными его доходами и...

— Мы дѣйствительно небогаты, но кто-же виноватъ въ этомъ, сударь? Притомъ-же къ чему распространяться о Филоксенѣ,—великомъ Филоксенѣ,—знаменитомъ Филоксенѣ,—головокружительно-колоссальномъ Филоксенѣ? Эстелла, къ счастью, выходитъ замужъ не за него, а за молодого человѣка, не столь колоссальнаго, но несравненно болѣе привлекательнаго.

— Но какже насчетъ приданаго? Говорила ты ему, что у Эстеллы...

— Къ чему тутъ приданое? Кто станетъ думать о такихъ мелочахъ?... Удивляюсь, другъ мой, какъ это могъ остаться у тебя до сихъ поръ такой мѣщанскій складъ ума!

Прибытіе Жоржа Лорриса прервало эту супружескую бесѣду. Онъ впервые еще посѣтилъ Лаутербрунненскую станцію. До тѣхъ поръ молодой человѣкъ зналъ швейцарскій домикъ Лакомбовъ только по телефоноскопу. Онъ чувствовалъ себя слегка взволнованнымъ при мысли, что встрѣтится теперь фактически лицомъ къ лицу съ Эстеллой? Что, именно, она ему скажетъ? Что, если вдругъ сердце ея не окажется свободнымъ, и она отвергнетъ предложеніе? Онъ всетаки опасался такого бѣдственнаго исхода.

Опасенія эти не замедлили разсѣяться. Г-жа Лакомбъ встрѣтила Жоржа до того сочувственно, что онъ сразу убѣдился въ ихъ несостоятельности. Когда, наконецъ, появилась Эстелла,

смущенная и блѣдная отъ волненія, она отвѣтила нѣжнымъ пожатіемъ руки на нѣмой вопросъ, съ которымъ тревожно обратились къ ней глаза молодого человѣка.

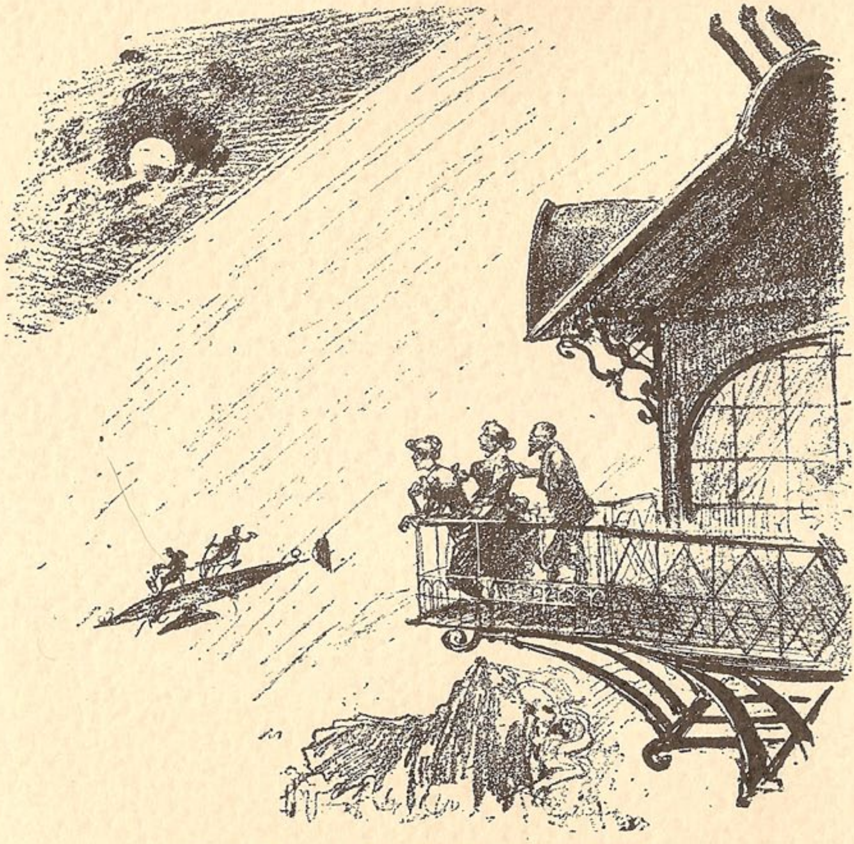
Жоржъ провелъ въ швейцарскомъ домикѣ восхитительный вечеръ. Когда часамъ къ одиннадцати ночи онъ сѣлъ въ воздушный кабріолетъ, долженствовавшій отвезти его въ Интерлакенъ, на электро-пневматическій поѣздъ, онъ чувствовалъ себя въ самомъ восторженномъ настроеніи духа. Снопы электрическаго свѣта, отбрасываемые маякомъ, озаряли горы фантастическимъ сіяніемъ, проникавшимъ во мракъ долинъ. Громадныя вершины горъ сверкали, словно карбункулы, а ледники казались расплавленными алмазами. Все это сіяніе представлялось молодому человѣку какъ-бы обѣщаніемъ свѣтлаго будущаго, полнаго безпредѣльно долгаго счастья.

Разумѣется, Филоксенъ Лоррисъ привскочилъ отъ изумленія и гнѣва, когда на другой день утромъ сынъ сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ родительскаго благословенія. Охваченный бурнымъ приступомъ краснорѣчія, Филоксенъ упрекалъ сына за то, что тотъ не хотѣлъ обождать подходящей невѣсты. Вѣдь ему была обѣщана талантливѣйшая и образованнѣйшая дѣвица въ мірѣ,—обладающая докторскими дипломами по всевозможнымъ наукамъ, серьезная, зрѣлая особа, безъ малѣйшей тѣни легкомыслія и вѣтренности! Что ему за охота разстроивать всѣ отцовскіе планы и разрушать всѣ надежды такой нелѣпой женитьбой?

— Припомни только, Жоржъ, законъ естественнаго подбора. Законъ этотъ дѣло нешуточное, а между тѣмъ ты позволяешь себѣ не обращать на него вниманія!.. Наука давно уже признала полную разумность многихъ старинныхъ воззрѣній и выяснила, что естественный подборъ лежалъ первоначально въ основѣ каждой настоящей аристократіи. Даже и въ наши ультрадемократическія времена пришлось смягчить непреклонность руководящихъ принциповъ и преклониться передъ могуществомъ истины... Да, любезнѣйшій сынъ мой! древнія аристократическія общества имѣли полное основаніе враждебно относиться къ неравнымъ бракамъ.

Нельзя отрицать того очевиднаго факта, что породы храбрыхъ воиновъ и могучихъ рыцарей минувшихъ вѣковъ, вступая въ брачные союзы единственно лишь въ своей собственной

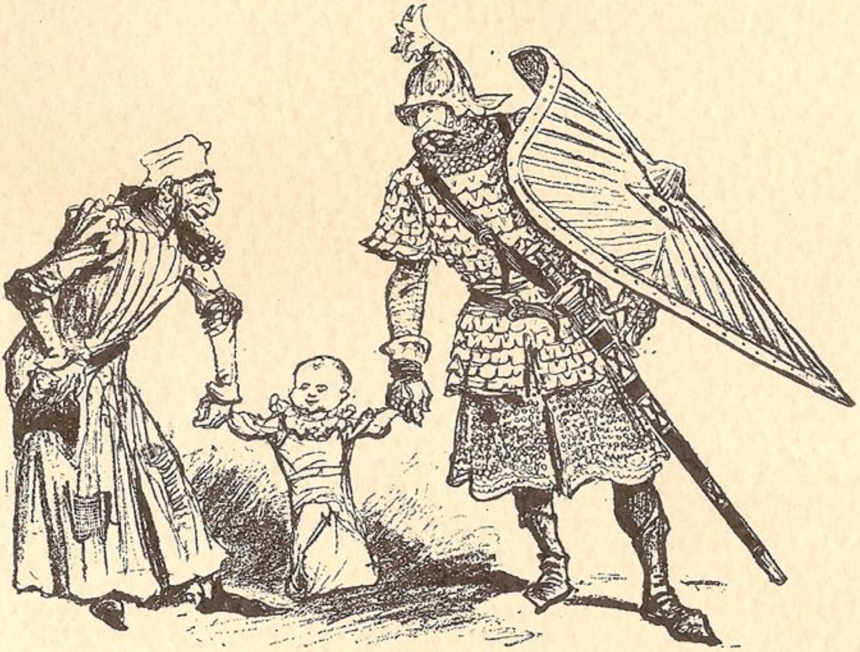
средѣ, все болѣе укореняли въ себѣ высокія доблести, являвшіяся отличительной ихъ чертой и законной основой родовой ихъ гордости, лежавшей въ основѣ притязаній властвовать надъ менѣе чистокровными расами,—притязаній, ставящихся зачастую въ упрекъ.

Жоржъ Лоррисъ уѣзжаетъ въ 11 часовъ вечера.

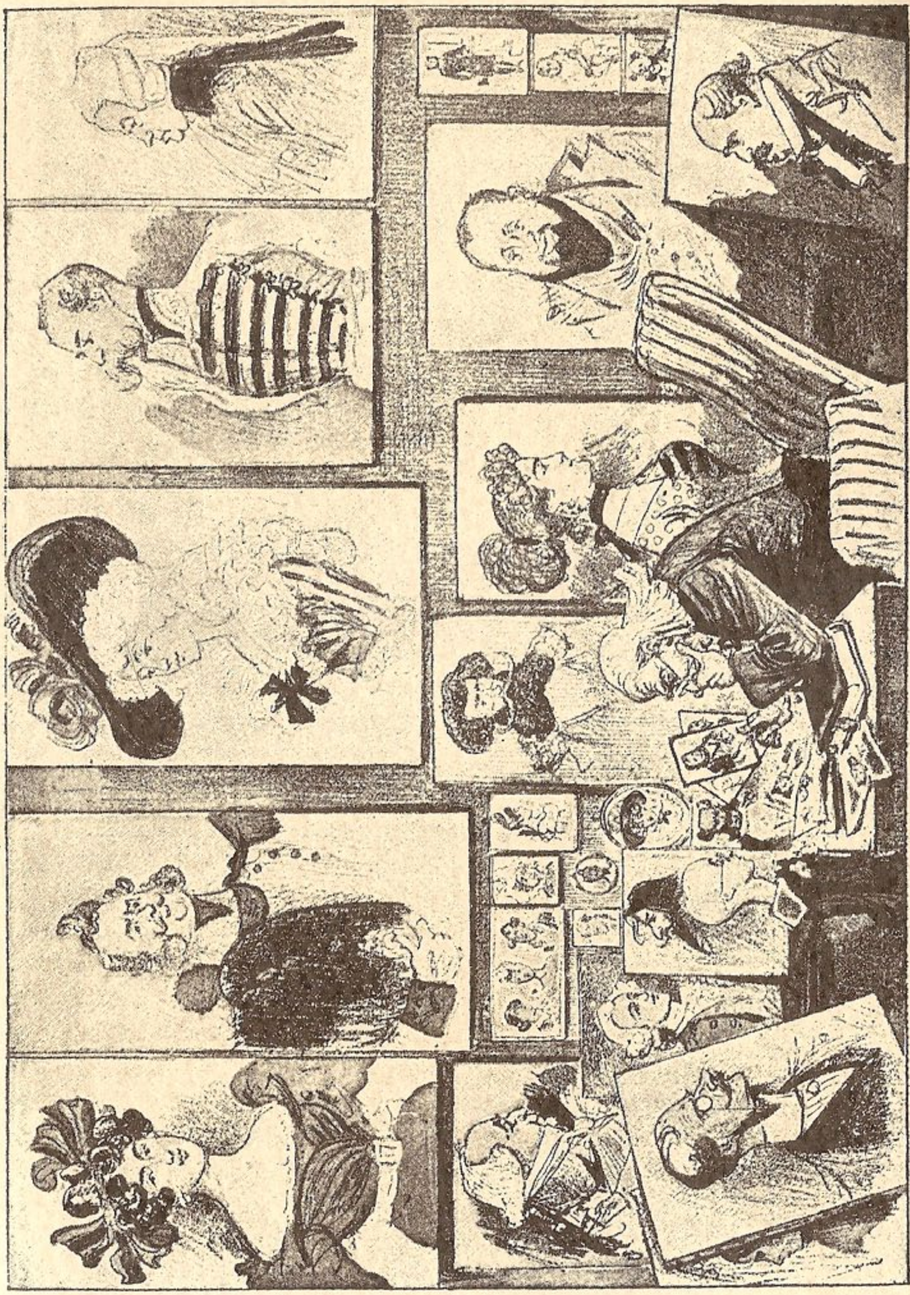
Вырожденіе началось для этихъ старинныхъ отборныхъ породъ съ того дня, когда кровь гордыхъ бароновъ смѣшалась съ кровью разбогатѣвшихъ мѣщанъ. Эти-то послѣдовательно повторявшіеся неравные браки и нанесли смертельный ударъ дворянству. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать мою тезу строго научнымъ образомъ. Возьмемъ, напримѣръ, потомка знаменитаго Роланда. Пусть въ жилахъ его течетъ кровь тридцати поколѣній самыхъ доблестныхъ рыцарей.... Если этотъ

потомокъ храбрыхъ воиновъ женится на дочери откупщика, то, въ плодѣ отъ этого брака, драгоцѣнная рыцарская кровь окажется измѣненной примѣсью совершенно иной, низкопробной крови!... Въ силу атавизма, душа предковъ по матери,—какихъ нибудь лавочниковъ или банкировъ, —людей, торговавшихъ бакалейными товарами, или отдававшихъ деньги въ ростъ подъ лихвенные проценты, возродится въ тѣлѣ роландова потомка. Что именно будетъ таиться тогда подъ гербомъ знаменитаго

Борьба атавистическихъ вліяній.

паладина? Нельзя заранѣе отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ результатѣ помѣси можетъ оказаться и что-нибудь путное, но несравненно чаще получится ублюдокъ сомнительной цѣнности. Бѣдный Роландъ! Какую гримасу состроилъ-бы онъ, еслибъ могъ видѣть, во что обратилось здѣсь его потомство!.. Пойми-же, наконецъ, Жоржъ, что вопросъ о естественномъ подборѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія! Надо относиться съ извѣстнаго рода уваженіемъ къ своимъ потомкамъ и не награждать ихъ такими душами, какихъ мы не желали-бы имѣть сами.

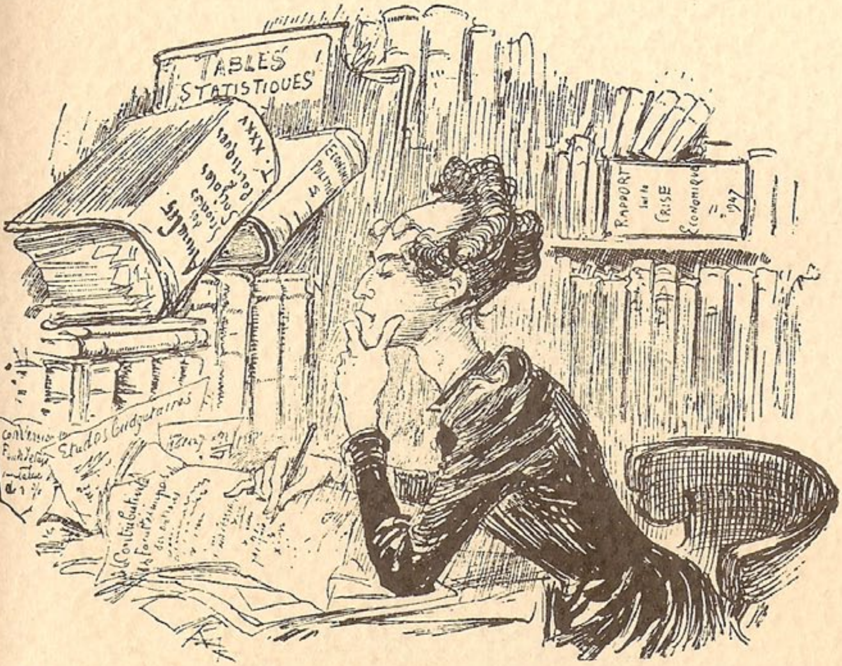

Коллекція предковъ. Чья возметъ? Чье именно вліяніе окажется преобладающимъ?

Теперь между нами существуетъ тоже аристократія, а именно—аристократія науки. Необходимо подумать о томъ, чтобъ выработать путемъ строго научнаго подбора изъ этой аристократіи дѣйствительно высшую породу. Я лично не хотѣлъ бы видѣть въ собственной семьѣ никакихъ непріятныхъ атавистическихъ проявленій. Мнѣ вовсе не желательно, чтобъ въ собственномъ моемъ внукѣ, во внукѣ Филоксена Лорриса, воплотилась душа какого-нибудь дѣдушки съ материнской стороны, если этотъ дѣдушка былъ заурянымъ смертнымъ. Изслѣдованія въ области атавизма выяснили теоретически, а фотографія за послѣднія сто лѣтъ представила неопровержимыя фактическія доказательства, по крайней мѣрѣ въ области физическаго сходства, что въ рождающемся ребенкѣ всегда воспроизводится болѣе или менѣе отдаленный родственный типъ. Иногда этотъ типъ копируется съ полнѣйшею точностью, иногда-же къ нему примѣшиваются черты, заимствованныя у нѣсколькихъ другихъ типовъ изъ отцовской или материнской семьи!... Тоже самое замѣчается по отношенію къ умственнымъ способностямъ и душевнымъ свойствамъ вообще. Каждый изъ насъ получаетъ ихъ въ наслѣдство отъ одного или нѣсколькихъ предковъ. Каждая семья обладаетъ опредѣленнымъ духовнымъ капиталомъ, служащимъ какъ-бы резервуаромъ для потомства. Природа черпаетъ по усмотрѣнію въ этомъ резервуарѣ, когда ей надо наполнить черепъ ребенка, имѣющаго родиться на свѣтъ. Она можетъ быть при этомъ болѣе или менѣе щедрой, или скупою. Многое несомнѣнно зависитъ отъ случая, на долю котораго всегда приходится отводить соотвѣтственное мѣсто. Тѣмъ не менѣе природа вынуждена черпать только изъ капитала, собраннаго предками и постепенно возраставшаго у послѣдующихъ поколѣній!..

Вслѣдствіе этого именно и необходима величайшая осмотрительность при заключеніи браковъ. Надлежитъ тщательно взвѣсить и оцѣнить всяческія атавистическія вліянія, для того, чтобы доставить породѣ новыя полезныя свойства. Надо обезпечить потомкамъ возможность черпать изъ болѣе значительнаго духовнаго капитала!.. Послушай, Жоржъ, ты знаешь вѣдь блестящую репутацію Бардо. Семья эта съ отцовской стороны является представительницей трехъ поколѣній превосходнѣйшихъ математиковъ. Съ материнской стороны она дала намъ астро-

нома и знаменитаго хирурга. Кромѣ того, въ ней оказывается двоюродный дѣдъ, бывшій несомнѣнно геніальнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ изобрѣлъ электропневматическое сообщеніе по трубамъ, замѣнившее желѣзныя дороги нашихъ предковъ... Вообще, съ точки зрѣнія атавистическихъ вліяній, такая семья не оставляетъ желать ничего лучшаго! Прими теперь во вниманіе, что въ семьѣ этой имѣется дѣвица, тридцати девяти уже лѣтъ отъ роду, обладающая дипломами доктора медицины, док-

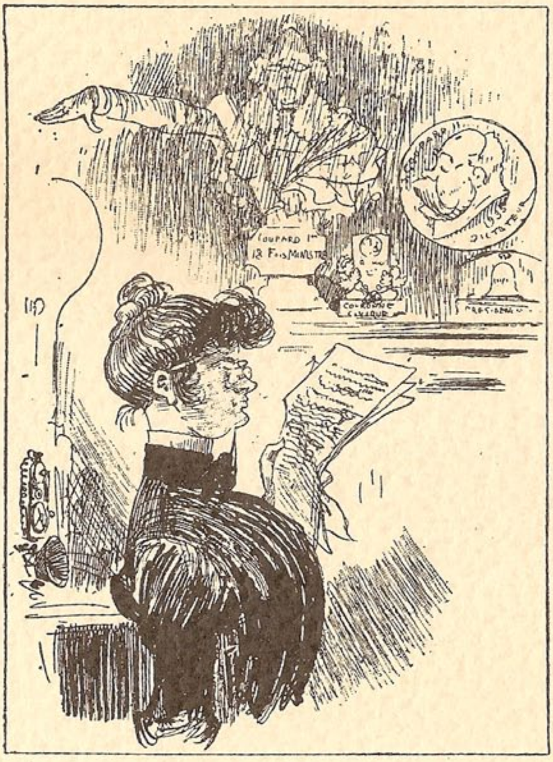

Выгодная партія! Дѣвица Бардо, докторъ всѣхъ наукъ, первокласный математикъ и блестящее медицинское свѣтило.

тора правъ, архидоктора соціальныхъ наукъ и т. д. Она первоклассная математичка, одно изъ свѣтилъ политической экономіи и въ тоже время извѣстный авторитетъ по части медицины. Я предназначалъ ее тебѣ, разсчитывая создать такимъ образомъ необходимый противовѣсъ твоему легкомыслію...

Жоржъ Лоррисъ отшатнулся съ выраженіемъ неподдѣльнаго испуга и, пытаясь прервать рѣчь своего родителя, принялся восторженно описывать Эстеллу Лакомбъ.

— Вижу, что дѣвица Бардо тебѣ не нравится,—продолжалъ

Филоксенъ Лоррисъ, не обращая вниманія на этотъ перерывъ.— Пусть будетъ по твоему. У меня имѣется въ запасѣ еще и другая невѣста, дѣвица Купаръ, сенаторъ отъ департамента Сарты. Ей только лишь стукнуло тридцать семь лѣтъ, а между тѣмъ она считается уже одной изъ самыхъ выдающихся современныхъ политическихъ дѣятельницъ и непремѣнно будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени министромъ. Отца ея, Жюля Купара, гиганта революціи 1935 года, выбирали впродол-

Дѣвица Купаръ, сенаторъ Сартскаго департамента.

женіе трехъ послѣдовательныхъ пятилѣтій въ диктаторы. Она доводится внучкой знаменитому парламентскому оратору, Леону Купару, участвовавшему въ восемнадцати министерствахъ. Бракъ твой съ нею былъ бы союзомъ научной и политической аристократіи, способнымъ открыть самыя блестящія перспективы для нашихъ потомковъ. Если ты женишься на сенаторѣ, дѣвицѣ Купаръ, мы будемъ вправѣ мечтать, что нашимъ

правнукамъ суждено управлять народами, вліяя на судьбы человѣчества своею научной и политической энергіей!..

— Смѣю увѣрить, что ни сенаторъ Купаръ, ни докторъ Бардо не будутъ моими женами! Я женюсь вотъ на комъ!—заявилъ Жоржъ, подавая отцу фотографическую карточку Эстеллы. — Имѣю честь представить вамъ дѣвицу Эстеллу Лакомбъ, живущую теперь при родителяхъ, на Лаутербрунненской станціи. Не обладая докторскими дипломами и не подвизаясь на аренѣ политической дѣятельности, она тѣмъ не менѣе...

— Погоди-ка, фамилія эта мнѣ знакома! — сказалъ Филоксенъ Лоррисъ.—Сюда заходила какъ-то г-жа Лакомбъ. Она

Фотографическая карточка, снятая съ г-жи Лакомбъ.

наговорила мнѣ массу всякой всячины, въ которой я не могъ хорошенько даже и разобраться. Дама эта, въ бесѣдѣ съ моимъ фонографомъ, обозвала меня медвѣдемъ и въ заключеніе подарила мнѣ пару якобы собственноручно вышитыхъ ею туфель... Постой-ка! пока она объясняла фонографу побудительныя причины своего посѣщенія, съ нея, какъ и со всѣхъ вообще моихъ гостей, была снята карточка. Вотъ эта карточка! Знаешь ты эту даму?

— Это мать Эстеллы!—воскликнулъ Жоржъ Лоррисъ при первомъ же взглядѣ на миніатюрный портретъ.

— Ну, вотъ, теперь я понимаю по крайней мѣрѣ все, тѣмъ

болѣе, что дама эта выдала тебѣ прекраснѣйшій аттестатъ!.. Она назвала тебя очень милымъ молодымъ человѣкомъ... Для меня ясно ея предпочтеніе. Во всякомъ случаѣ моего согласія ты не получишь. Изволь жениться на дѣвицѣ Бардо!

— Нѣтъ, я женюсь на Эстеллѣ Лакомбъ.

— Послушай, голубчикъ, будь паинька! женись по крайней мѣрѣ хоть на дѣвицѣ Купаръ, сенаторѣ Сартскаго департамента...

— Нѣтъ, я женюсь на Эстеллѣ Лакомбъ.

— Убирайся же ко всѣмъ чертямъ!!!

Обручальная поѣздка Филоксена Лорриса.

V.

Соблазнительная программа обручальной поѣздки.—Инженеръ медикъ Сюльфатенъ и его паціентъ.—Истинно дѣловой человѣкъ.—Недостатокъ выносливости у современныхъ интеллигентовъ.

Жоржъ Лоррисъ не принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, которые могли бы смутиться давно предвидѣннымъ родительскимъ отказомъ. Онъ ежедневно обращался къ отцу съ просьбой о согласіи на бракъ съ Эстеллой и ежедневно выдерживалъ ожесточенные натиски со стороны Филоксена Лорриса, упорствовавшаго въ намѣреніи прельстить сына такими соблазнительными воплощеніями современной женщины, какими надлежало признать, съ точки зрѣнія естествен-

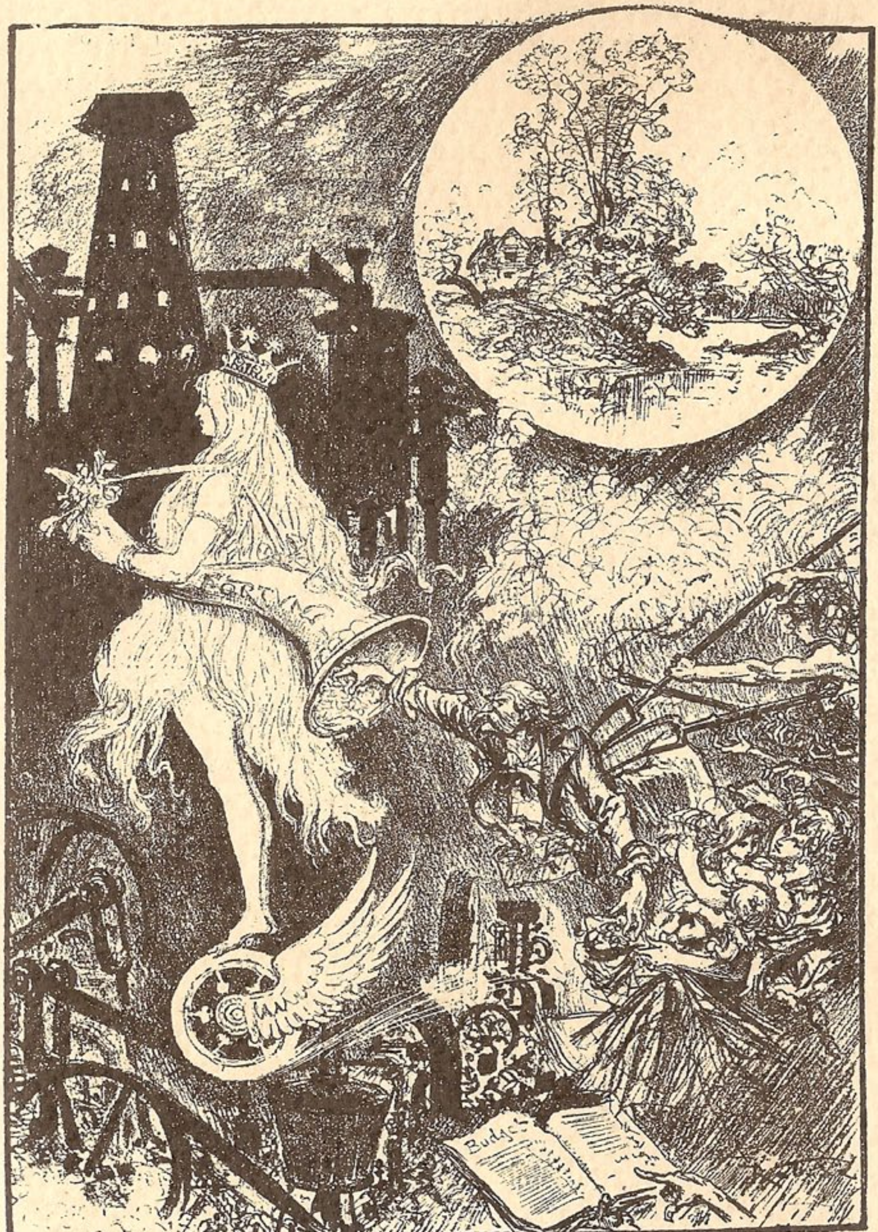
наго подбора, велемудрыхъ, серьезныхъ и въ достаточной уже степени зрѣлыхъ дѣвицъ Бардо и Купаръ.

Тѣмъ временемъ супруга знаменитаго ученаго, повидавшись съ семействомъ Лакомбъ, была сразу очарована Эстеллой и вслѣдствіе этого энергически приняла сторону своего сына. Необходимо, однако, присовокупить, что еслибъ произведенное ею маленькое разслѣдованіе привело къ результатамъ, невыгоднымъ для Лакомбовъ, то она пришла бы въ отчаяніе отъ необходимости сойтись въ первый разъ въ жизни во взглядахъ съ великимъ человѣкомъ, женой котораго имѣла честь состоять.

Потребовалось четыре или пять мѣсяцевъ довольно ожесточенной междуусобной борьбы, выражавшейся ежедневными стычками, для того, чтобъ Филоксенъ Лоррисъ сдѣлалъ видъ, будто отрекается отъ доктора Бардо и сенатора Купаръ, и согласился, наконецъ, на обручальную поѣздку.

Невѣдомый нашимъ дѣдамъ мудрый обычай обручальной поѣздки замѣнилъ лѣтъ тридцать тому назадъ прежнія свадебныя путешествія. Эти послѣднія, предпринимавшіяся молодыми послѣ бракосочетанія и традиціоннаго завтрака или обѣда, не приносили никакой практической пользы. Дѣло въ томъ, что онѣ оказывались слишкомъ запоздалыми. Если молодые, до тѣхъ поръ почти незнакомые другъ другу, и распознавали за время послѣ свадебнаго путешествія, путемъ долгаго утомительнаго пребыванія вдвоемъ съ глазу на глазъ, что были жертвами взаимнаго самообмана, и что ихъ вкусы, идеи и характеры въ дѣйствительности плохо гармонируютъ, то можно было помочь горю, вызванному столь прискорбнымъ недоразумѣніемъ, единственно лишь съ помощью развода. Такая ампутація брачнаго союза всегда была сопряжена съ многоразличными страданіями, или по крайней мѣрѣ неудобствами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда не рѣшались къ ней прибѣгнуть, приходилось влачить всю жизнь тяжелую цѣпь брачной каторги.

Теперь, когда свадьба уже рѣшена,—когда все улажено, и брачный контрактъ написанъ, но еще не скрѣпленъ рокорыми подписями,—женихъ и невѣста, послѣ скромнаго завтрака, на который приглашаютъ лишь ближайшихъ родственниковъ, отправляются въ такъ называемую обручальную поѣздку. Ихъ сопровождаетъ какой нибудь дядюшка, или хорошій знакомый,

Погоня за наживой.

отличающійся солидными добродѣтелями. Подъ эгидой скромнаго своего ментора они безстрашно совершаютъ маленькую прогулку по Европѣ или Америкѣ, причемъ, смотря по обна-

Обручальное путешествіе: женихъ и невѣста подъ конвоемъ общаго друга испытанной благонадежности.

руживающимся у нихъ вкусамъ и предпочтеніямъ, останавливаются въ большихъ городахъ, или же любуются естественными красотами горъ и озеръ.

Оба расходятся, каждый въ свою сторону.

Во время такого путешествія, осложненнаго поѣздками въ горы, катаньями на лодкахъ по озерамъ, или прогулками въ воздушныхъ экипажахъ, а также обычной передрягой въ гостинницахъ и кухмистерскихъ, обрученные имѣютъ достаточно досуга и возможности обстоятельно изучить другъ друга... Каждый изъ нихъ ознакомляется не только съ казовой, но и съ оборотной стороной характера своего партнера.

Оставаясь почти вдвоемъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, они узнаютъ другъ про друга всю подноготную. Истинные ихъ характеры выясняются, достоинства выступаютъ наружу, а недостатки,—не только мелкіе, но даже и крупные, вслучаѣ если таковые имѣются, — начинаютъ явственно просвѣчивать сквозь маску, подъ которой

ихъ обыкновенно принято скрывать. Тогда, если испытаніе обнаружило между обрученными серьезную дисгармонію, они не упорствуютъ въ выполненіи намѣренія, которое было принято безъ надлежащаго знакомства другъ съ другомъ. По возвращеніи изъ поѣздки достаточно одного слова со стороны кого нибудь изъ обрученныхъ и послѣдующей затѣмъ присылки нотаріальнаго заявленія (во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній), для того, чтобъ предположенный союзъ былъ отмѣненъ безъ всякихъ ссоръ и препирательствъ. Обрученные расходятся каждый въ свою сторону съ радостнымъ сознаніемъ, что удалось такъ счастливо избѣгнуть серьезной опасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ чувствуетъ полнѣйшую готовность приступить къ новой подоб-

Обнаруживается серьезная дисгармонія.

ной же попыткѣ, въ надеждѣ, что она увѣнчается болѣе благопріятнымъ результатомъ.

Дѣйствительно, статистика показываетъ, что въ прошломъ 1954 году во Франціи изъ общаго числа обручальныхъ путешествій всего лишь 22½ процента привели къ отрицательному результату, а 77½ закончились свадьбами. Общественная нравственность осталась въ большихъ барышахъ отъ этой перемѣны въ обычаяхъ, такъ какъ, благодаря обручальнымъ путешествіямъ, число разводовъ значительно уменьшилось.

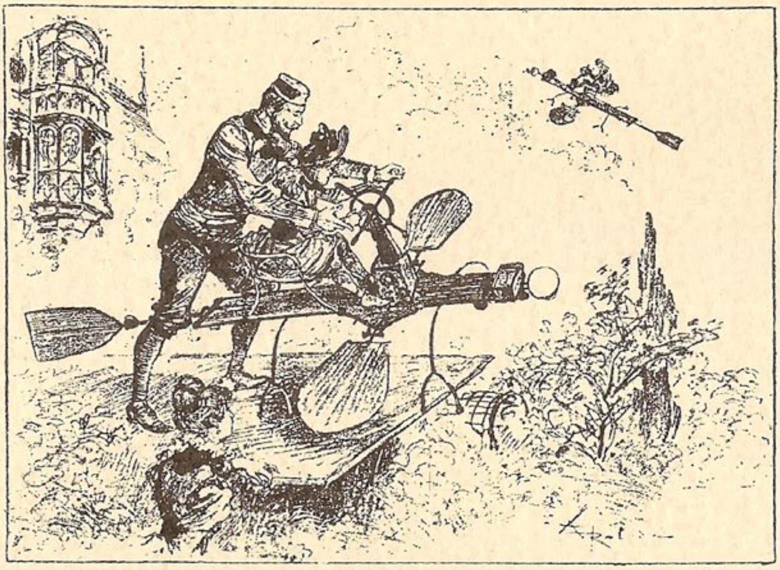
— Пусть будетъ по твоему,—сказалъ, наконецъ, Филоксенъ Лоррисъ, утомленный борьбою и къ тому же обдумывавшій новое важное изобрѣтеніе.—Отправляйся, пожалуй, съ твоей Эстеллой въ обручальное путешествіе, но помни, что оно само по себѣ еще ни къ чему не обязываетъ... Поживемъ—увидимъ!

Жоржъ Лоррисъ не заставилъ дважды повторять себѣ это разрѣшеніе. Онъ тотчасъ же помчался на Лаутербрунненскую станцію, уладилъ тамъ все, что слѣдовало,—сговорился съ невѣстой и ея родителями, и самъ назначилъ день отъѣзда.

— Поживемъ — увидимъ!—вполголоса добавилъ Филоксенъ Лоррисъ, высказывая сыну вынужденное согласіе на его бракъ съ Эстеллой Лакомбъ. Фраза эта была приправлена сардонической улыбкой. Знаменитый ученый относился къ свадебнымъ поѣздкамъ очень пессимистически. Исходя изъ горькаго личнаго опыта, Филоксенъ полагалъ, что никакое чувство не устоитъ противъ тысячи мелочныхъ непріятностей, съ которыми неизбѣжно связано путешествіе вдвоемъ для молодыхъ людей, остававшихся до тѣхъ поръ почти незнакомыми другъ другу. Онъ припоминалъ собственное свое послѣ свадебное путешествіе (въ его молодости обручальныя поѣздки, вѣдь еще не вошли, во всеобщее употребленіе). Путешествіе это продолжалось всего лишь какихъ-нибудь двѣ недѣли, но молодые успѣли уже до такой степени поссориться другъ съ другомъ, что совмѣстная жизнь казалась имъ положительно немыслимой. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ нельзя было разойтись безъ дальнѣйшихъ препирательствъ каждому въ свою сторону, такъ какъ узы Гименея были скрѣплены законнымъ порядкомъ у мэра и священника. Немедленно по выходѣ изъ трубы электро-пневматическаго сообщенія Филоксенъ Лоррисъ и его супруга поручили адвокатамъ какъ нибудь уладить разводъ по обоюдному соглашенію. Для этого потребовалась, однако, масса хлопотъ и мѣропріятій, связанныхъ съ такими проволочками, что даже энергическій Филоксенъ, въ водоворотѣ своихъ изобрѣтеній и открытій, не находилъ возможнымъ тратить столько времени на судебную волокиту, свиданья съ юрисконсультами и судьями, ожиданія въ канцеляріяхъ и т. д.

Закончивъ свои труды по усовершенствованію воздухоплавательныхъ приборовъ, онъ устроилъ громадныя мастерскія для сооруженія грузовыхъ и быстроходныхъ воздушныхъ кораблей изъ несгораемаго целлюлоида съ внутренними скрѣпами изъ трубчатаго аллюминія. Одновременно съ этимъ ему удалось ввести въ общее употребленіе новый электрическій самолетъ,—такъ называемую воздушную стрѣлочку. Онъ изобрѣлъ означенный самолетъ, или точнѣе,—открылъ принципъ постройки этого воз-

духоплавательнаго прибора, еще на школьной скамьѣ, когда бывало по праздникамъ совершалъ дальніе полеты на обыкновенной воздушной стрѣлѣ, употреблявшейся всѣми гимназистами. Миніатюрный самолетъ отличался полнѣйшей безопасностью въ употребленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе имъ было до такой степени легко, что каждая мать могла совершенно спокойно дозволять прогулки на немъ даже трехлѣтнему ребенку. Эта „стрѣлочка" доставила громадные барыши не только самому Филоксену Лоррису, но и цѣлому легіону заграничныхъ фальсификаторовъ, незамедлившихъ выпустить въ обращеніе

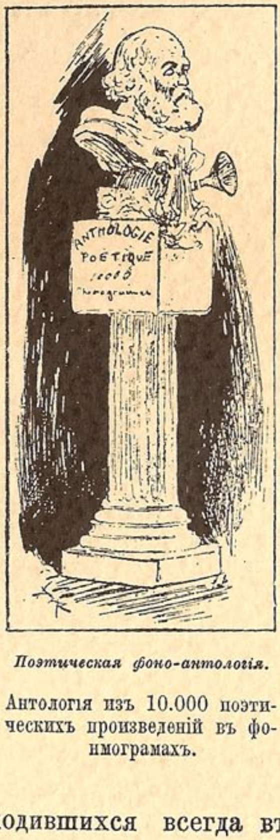
Новоизобрѣтенный дѣтскій экипажъ „Воздушная стрѣлочка".

массу подобныхъ-же воздухоплавательныхъ аппаратовъ, являвшихся въ сущности простыми поддѣлками воздушной стрѣлочки великаго изобрѣтателя.

Онъ, однако, и не помышлялъ о томъ, чтобъ возбуждать противъ этихъ дерзкихъ поддѣлывателей судебное преслѣдованіе. Откуда взялось-бы у него время на это? Примѣняя свои способности гораздо болѣе производительнымъ образомъ, Филоксенъ Лоррисъ предпринималъ какъ-разъ тогда въ грандіозныхъ размѣрахъ фонографическія изданія, доставившія ему такую неувядаемую славу.

Всѣмъ библіофонофиламъ извѣстны фонокниги Филоксена

Лорриса, которыя такъ удобно слушать даже въ постели. Сколько отрадныхъ часовъ доставляютъ онѣ намъ въ длинные зимніе вечера, въ часы отдыха и въ безсонныя ночи! Ученые хранятъ какъ зеницу ока въ своихъ фоноклишетикахъ великолѣпныя его изданія образцовыхъ произведеній литературы всѣхъ странъ и народовъ, отличающіяся такой восхитительной, ясной дикціей и увѣковѣченныя съ такимъ совершенствомъ съ голоса самихъ авторовъ (для современныхъ писателей), или-же съ голоса знаменитѣйшихъ художественныхъ чтецовъ и лучшихъ декламаторовъ (для болѣе старинныхъ произведеній). Между прочимъ, Филоксенъ выпустилъ тогда въ свѣтъ свою „Всеобщую исторію" въ двѣнадцати большихъ клише и знаменитую „Поэтическую фоно-антологію" изъ десяти тысячъ фонограммъ, помѣщавшуюся въ ящикѣ, который поддерживался колонной въ античномъ вкусѣ и могъ быть по желанію украшенъ бюстомъ Гомера, или Данта,—Гюго, Ламартина, Шекспира, Байрона, Пушкина, Льва Толстого и т. п. Вслѣдъ затѣмъ онъ издалъ большой механико-фонографическій словарь, распроданный въ десять лѣтъ въ количествѣ трехъ милліоновъ экземпляровъ, и полный курсъ средняго образованія въ четырехъ тысячахъ фонографированныхъ урокахъ лучшихъ профессоровъ, не говоря уже о библіотекѣ новѣйшихъ романовъ, расходившихся всегда въ трехмѣсячный срокъ, за исключеніемъ экземпляровъ, потребныхъ для фонографической библіотеки, главнымъ акціонеромъ которой состоялъ самъ Филоксенъ. Библіотека эта отпускала своимъ подписчикамъ обыкновенно по книжкѣ въ день.

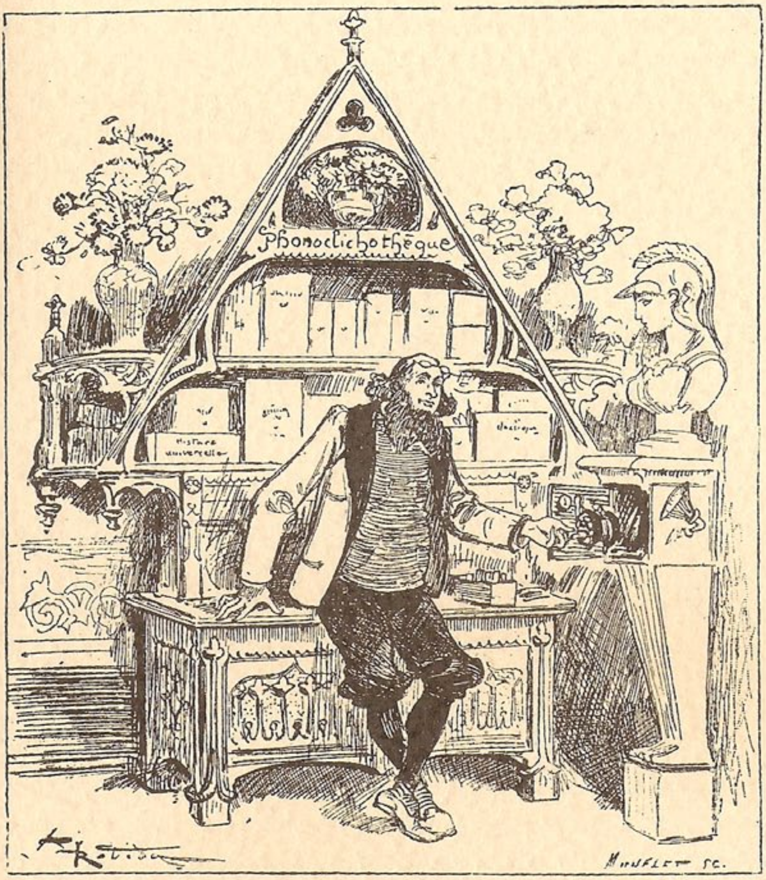

Поэтическая фоно-антологія.

Антологія изъ 10.000 поэтическихъ произведеній въ фонмограмахъ.

Не удивительно, если Филоксенъ Лоррисъ, голова котораго была, кромѣ текущихъ изысканій и работъ, занята тысячью новыхъ предпріятій, не имѣлъ возможности когда-либо бывать въ окружномъ судѣ. Съ трудомъ лишь удавалось ему отры-

ваться отъ научныхъ своихъ занятій, для того, чтобъ разъ въ двѣ недѣли совѣщаться втеченіе какихъ нибудь двухъ минутъ по телефону съ своимъ адвокатомъ.

Убѣдившись, что бракоразводный его процессъ вслѣдствіе этого затягивается, Филоксенъ рѣшилъ сдѣлать женѣ кое-какія

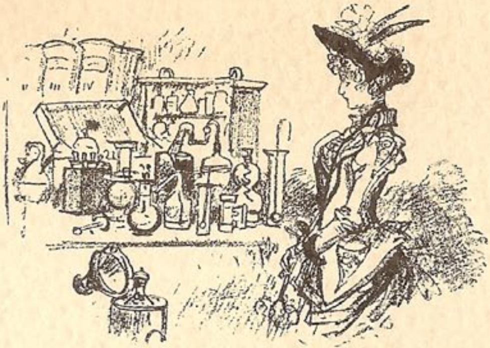

Ученый въ своей фоноклишетикѣ.

уступки, сталъ держать себя дома обходительнѣе и примирился съ супругой, чтобы не отвлекаться отъ научныхъ работъ и всецѣло посвятить себя занятіямъ въ лабораторіи.

Потомъ, когда у него оказалось больше досуга,—такъ какъ пущенныя въ ходъ промышленныя предпріятія не требовали уже съ его стороны безпрерывнаго надзора,—враждебныя дѣйствія опять возобновились, но вслѣдъ затѣмъ новыя изысканія и от-

крытія всецѣло поглотили опять вниманіе Филоксена. Бракоразводное дѣло снова замялось. Примиренія и ссоры между супругами чередовались такимъ образомъ съ извѣстнаго рода правильной послѣдовательностью до тѣхъ поръ, пока великій изобрѣтатель не выяснилъ себѣ однажды, что въ концѣ концовъ эти ссоры приносили чистый барышъ съ точки зрѣнія научныхъ и денежныхъ интересовъ. Постоянныя разногласія съ женой, какъ-бы пришпоривая умъ мужа, не давали ему погрузиться въ дремоту спокойствія и нѣги, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли нервной системѣ необходимые возбуждающіе импульсы.

— Поживемъ—увидимъ!—говорилъ самъ себѣ Филоксенъ Лоррисъ, полагавшійся въ данномъ случаѣ на личный опытъ.—

Обручальная поѣздка. Багажъ жениха и невѣсты.

Путешествіе вдвоемъ будетъ неизбѣжно сопряжено со множествомъ разныхъ непріятностей, которыя вызовутъ между влюбленными столкновенія. За этими столкновеніями послѣдуютъ разочарованія, которыя въ свою очередь приведутъ къ крупнымъ ссорамъ. Я съ своей стороны постараюсь устроить такъ, чтобы за мелкими непріятностями и столкновеніями дѣло не стало... Поживемъ—увидимъ!

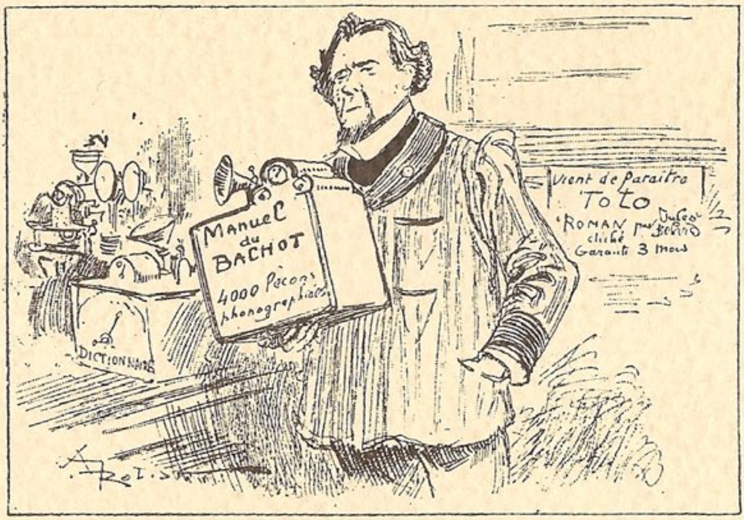
Филоксенъ взялъ на себя всѣ приготовленія къ обручальному путешествію. Вмѣсто того, чтобъ предоставить въ распоряженіе обрученныхъ воздушную свою яхту, онъ далъ имъ несравненно менѣе удобный воздушный корабль и выбралъ самъ для нихъ спутниковъ. Жоржъ Лоррисъ, убаюкивая себя радостными надеждами и наслаждаясь мыслью, что отецъ, наконецъ, смягчился, не представлялъ никакихъ возраженій родителю и безропотно соглашался на всѣ его коварныя предложенія.

Обручальный завтракъ состоялся въ домѣ великаго ученаго. Г-нъ и г-жа Лакомбъ прибыли съ Эстеллой на утреннемъ поѣздѣ электро-пневматическаго сообщенія. Филоксенъ выказалъ необычайную предупредительность по отношенію къ г-жѣ

Лакомбъ, которую слегка смущало воспоминаніе объ ея бесѣдѣ съ фонографомъ знаменитаго изобрѣтателя.

— Какъ видите, милостивѣйшая государыня, я счелъ для себя пріятной обязанностью явиться въ туфляхъ, которыя вы соблаговолили мнѣ подарить, помните, въ тотъ самый день, когда какая-то англичанка обозвала меня грубымъ медвѣдемъ! Впрочемъ, тутъ, можетъ быть, вышла по фонографу какая-нибудь путаница. Не знаю навѣрное, именно-ли англичанка... отнеслась ко мнѣ до такой степени сурово?

— Разумѣется, это была англичанка!—поспѣшно возразила

Фонокнижный магазинъ.

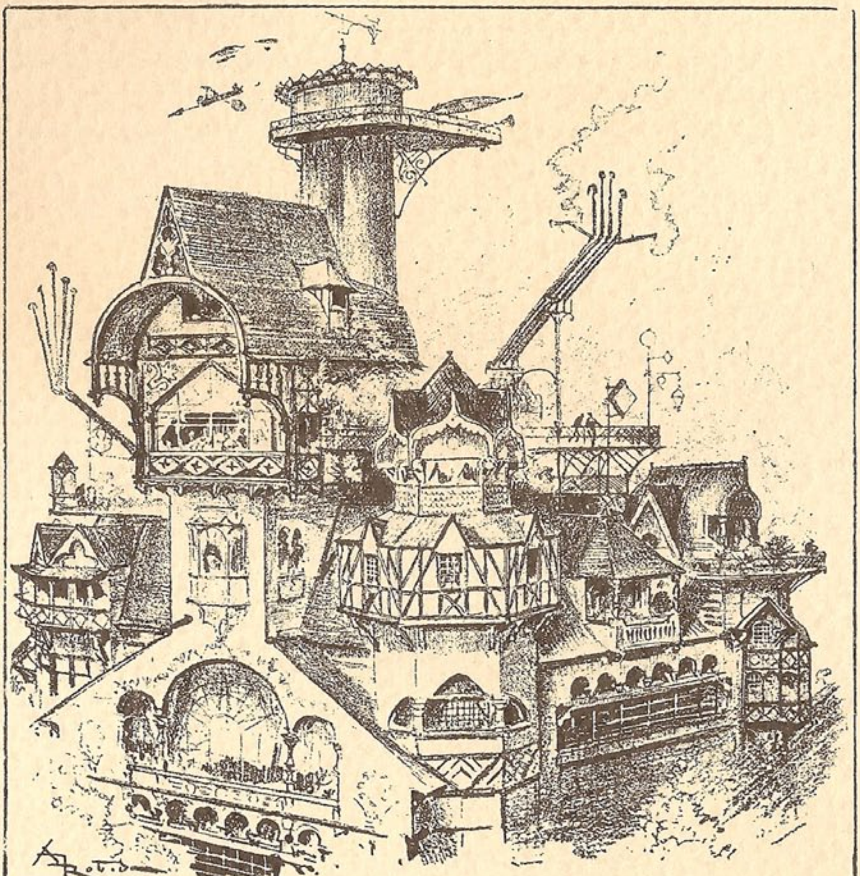
г-жа Лакомбъ.—Смѣю васъ увѣрить, что потомъ, когда мы вмѣстѣ съ ней подымались на верхнюю террасу, гдѣ ожидали воздушные экипажи, я прочла этой островитянкѣ порядочную нотацію за неумѣстные выговоры...

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь и сердечно благодарю васъ за такое милое заступничество!

Программа обручальной поѣздки была выработана самимъ Филоксеномъ Лоррисомъ и за дессертомъ передана имъ сыну.

— Милые дѣти,—сказалъ ученый,—я принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобъ сдѣлать путешествіе для васъ пріятнымъ и полезнымъ. Вы будете имѣть при себѣ въ дорогѣ всѣ необходимые книги и приборы,—теодолиты, циркуля и другіе

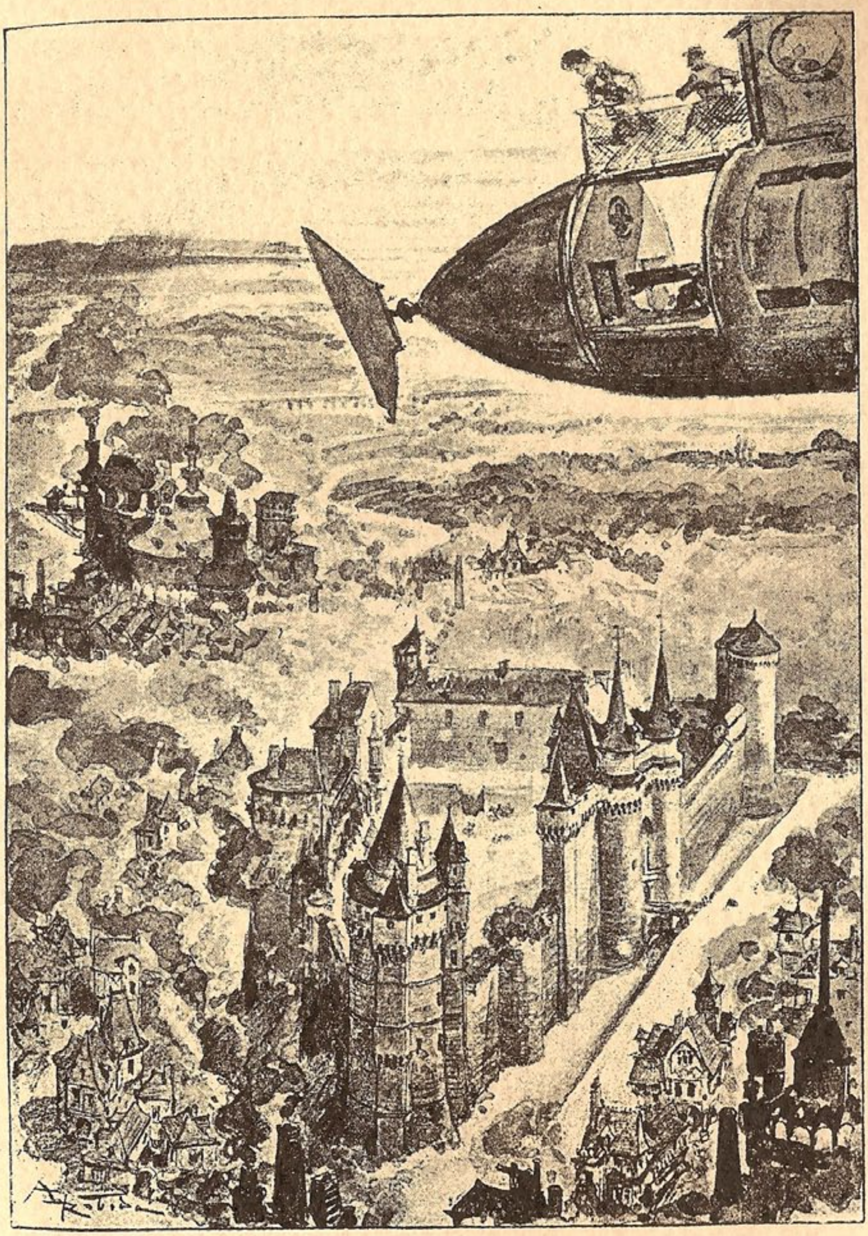
измѣрительные инструменты,—карты, путеводители, сборники статистическихъ свѣдѣній, тетради съ вопросными пунктами, походную химическую лабораторію и т. д. и т. д. Програму путешествія вы, безъ сомнѣнія, найдете очаровательной. Вамъ предлагается:

Домъ Филоксена Лорриса.

„Осмотрѣть Сентъ-Этьенскія электрическія доменныя печи и металлургическія мастерскія; представить изслѣдованія и отчеты объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ тамъ за послѣднее десятилѣтіе и т. п.

Полюбоваться большимъ овернскимъ центральнымъ резервуаромъ электричества, составить планы, профили и фасады всѣхъ имѣющихся тамъ приспособленій и снабдить эти чер-

Обручальное путешествіе.

тежи должными пояснительными замѣтками; изучить систему искусственныхъ вулкановъ, состоящихъ въ связи съ этимъ резервуаромъ, и представить подробныя соображенія о будущности эксплоатаціи электрической энергіи для цѣлей крупной промышленности и т. д.

„Изслѣдовать въ прежнемъ каменноугольномъ фландрскомъ бассейнѣ приспособленія, установленныя большой акціонерной компаніей „Электрическаго преобразованія движущей планетной силы въ механическую энергію, съ передачею таковой на разстояніе и раздробленіемъ на произвольно малыя количества“. Какъ вамъ извѣстно, приспособленія эти были вызваны истощеніемъ каменноугольныхъ копей и спасли мѣстную промышленность отъ угрожавшей ей гибели... Вамъ предстоитъ интересная задача отыскать, если можно, какія-нибудь новыя примѣненія или упрощенія употребляемыхъ тамъ способовъ преобразованія и передачи различныхъ видовъ энергіи и т. д. и т. д.“

— Ну, что вы на это скажете? Не правда-ли, вѣдь такое путешествіе будетъ по истинѣ очаровательнымъ?—освѣдомился Филоксенъ Лоррисъ, передавая сыну, вмѣстѣ съ книжкой чековъ, эту соблазнительную программу.

— Разумѣется, оно будетъ очаровательнымъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, укладывая въ карманъ и программу и чековую книжку.

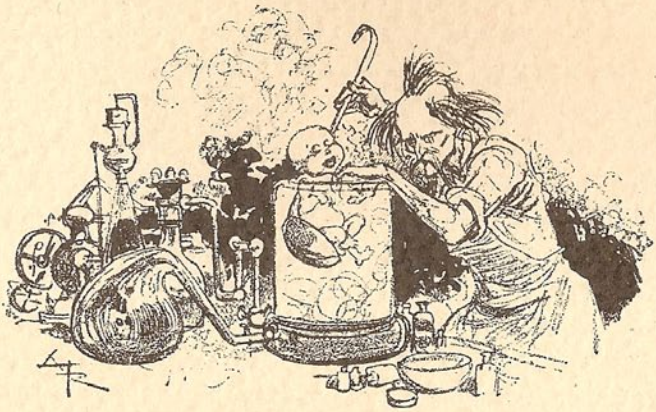
Эстелла не смѣла ничего возразить, но въ глубинѣ души находила программу поѣздки не особенно привлекательной. Одна только г-жа Лакомбъ, вообще отличавшаяся необыкновенной отвагою, дерзнула сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

— Это что-то непохоже на обручальную поѣздку,—сказала она.—Кажется, что маленькая прогулка въ одномъ изъ европейскихъ парковъ, ну, хоть бы въ Италіи,—чтобъ осмотрѣть Геную, Венецію, Римъ, Неаполь, Сорренто, Палермо, — проѣхать вдоль прибрежья Средиземнаго моря въ Константинополь и Тунисъ,—побывать въ Алжирѣ, Марокко и т. п. была-бы гораздо пріятнѣе.

— Все это, знаете-ли, слишкомъ шаблонно и, съ позволенія сказать, намозолило намъ глаза уже въ телефоноскопъ, тогда какъ изъ поѣздки вродѣ той, какую я имѣлъ счастье теперь проектировать, вернешься во всякомъ случаѣ съ большимъ запасомъ новыхъ мыслей!

Спросите вотъ, напримѣръ, хоть у жены! Мы съ ней устроили послѣсвадебную поѣздку въ наиболѣе крупные американскіе промышленные центры и странствовали тамъ съ одного завода на другой. Правда, что моя супруга не избрала для себя научной карьеры и не пожелала принять дѣятельное участіе въ моихъ работахъ, но всетаки я увѣренъ, что она вынесла изъ Чикаго наилучшія воспоминанія!..

Завтракъ скоро окончился, такъ какъ Филоксенъ Лоррисъ торопился обратно въ лабораторію. Ему недосугъ было даже проводить жениха и невѣсту на верхнюю терассу, служившую дебаркадеромъ, и присутствовать при ихъ отъѣздѣ. Взамѣнъ того онъ передалъ сыну фонографическое клише.

Сюльфатенъ рождается на свѣтъ Божій.

— Здѣсь ты найдешь мои пожеланія вамъ счастливаго пути, сердечныя изліянія родительскихъ моихъ чувствъ и напутственные совѣты. Чтобъ не терять времени, я приготовилъ все это сегодня утромъ, пока умывался. До свиданія!

Какъ уже упомянуто, обрученные путешествовали всегда съ провожатымъ, или даже съ нѣсколькими провожатыми. На этотъ разъ роль менторовъ, требуемую приличіями, приняли на себя старшій домашній секретарь Филоксена Лорриса,—Сюльфатенъ, и крупный промышленный дѣятель,—Адріенъ Ла-Героньеръ, бывшій сперва компаньономъ и помощникомъ Филоксена, но за послѣднее время удалившійся отъ дѣлъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья.

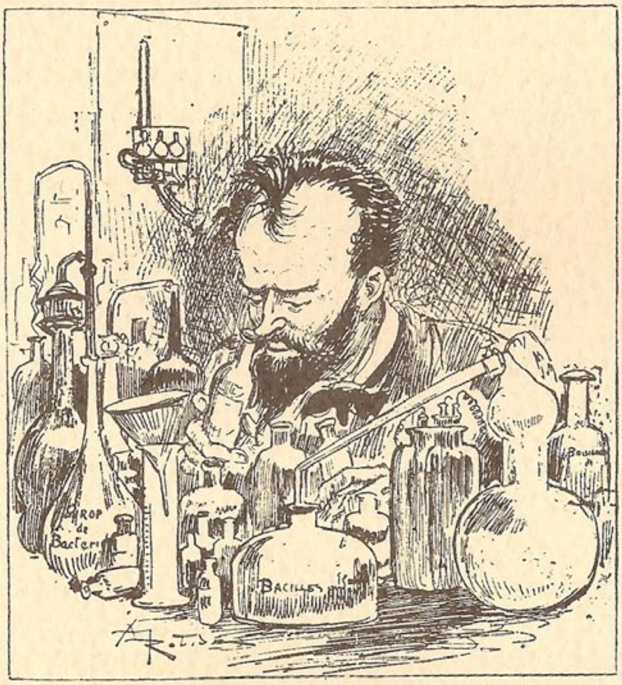
Пока путешественники размѣщаются на воздушномъ своемъ

кораблѣ, умѣстно будетъ представить читателю гг. Сюльфатена и Ла-Героньера. Первый изъ нихъ—рослый дюжій мужчина лѣтъ тридцати пяти или тридцати шести, широкоплечій, крѣпко сложенный, съ грубоватыми манерами и некрасивымъ, но чрезвычайно интеллигентнымъ лицомъ, озареннымъ необыкновенно живыми проницательными глазами, сверкающими словно электрическимъ свѣтомъ. Его зовутъ Сюльфатеномъ и, кромѣ этого страннаго химическаго прозвища, никакого другого имени у него нѣтъ.

О происхожденіи старшаго секретаря фирмы Филоксена Лорриса сложилась таинственная легенда. Въ научныхъ кружкахъ твердо убѣждены въ справедливости разсказовъ о томъ, что хотя у Сюльфатена нѣтъ ни отца, ни матери, онъ все-же не можетъ быть названъ сиротой по той простой причинѣ, что у него никогда и не было родителей!.. Сюльфатенъ родился при совершенно иныхъ условіяхъ чѣмъ тѣ, въ которыхъ рождаются по крайней мѣрѣ до сихъ поръ обыкновенные смертные. Короче сказать, онъ былъ результатомъ искусственнаго химическаго процесса. Первый младенческій его крикъ раздался въ лабораторіи, а материнской утробой для него служила стеклянная реторта соотвѣтственной вмѣстимости. Сюльфатенъ родился лѣтъ сорокъ тому назадъ изъ весьма сложныхъ химическихъ соединеній, открытыхъ многоученымъ докторомъ, фантастическіе мозги котораго постоянно работали надъ самыми странными идеями, оказывавшимися иной разъ въ высшей степени геніальными. Этотъ ученый умеръ въ домѣ умалишенныхъ, израсходовавъ все свое состояніе и весь свой мозгъ на изслѣдованіе величайшихъ задачъ природы. Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ этимъ грандіознымъ геніемъ, столь злополучно погибшимъ въ пучинѣ умопомѣшательства, прежде чѣмъ онъ успѣлъ совершенно закончить дивные свои изслѣдованія и опыты, остались на лицо лишь воскрешеніе съѣдобнаго аммонита,—мягкотѣлаго, исчезнувшаго со временъ третичной эпохи и разводимаго теперь близъ береговъ Франціи въ большихъ размѣрахъ на отмеляхъ, гдѣ этотъ промыселъ весьма серьезно соперничаетъ съ разведеніемъ устрицъ въ Канкалѣ и Аркашонѣ,—небольшой, прожившій всего только шесть недѣль, пробный ихтіозавръ, скелетъ котораго сохраняется въ музеѣ, и наконецъ Сюльфатенъ,—образчикъ добытаго искусственнымъ путемъ естественнаго первобыт-

наго человѣка, свободнаго отъ всѣхъ интеллектуальныхъ недостатковъ, унаслѣдованныхъ въ большей или меньшей степени всѣми обыкновенными смертными отъ длиннаго ряда ихъ предковъ.

Геніальный докторъ унесъ въ могилу тайны научныхъ своихъ открытій, а потому никому въ точности неизвѣстно, въ какой степени основательно приписывается Сюльфатену это таинственное происхожденіе. Во всякомъ случаѣ, несмотря

Инженеръ-медикъ Сюльфатенъ.

на тщательныя наблюденія, которымъ подвергали его съ ранняго дѣтства, у него не удавалось открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ прирожденныхъ склонностей, предвзятыхъ идей, инстинктивныхъ предпочтеній, которыя мы приносимъ съ собой на свѣтъ Божій въ качествѣ наслѣдія, полученнаго отъ прадѣдовъ и затѣмъ какъ-бы самопроизвольно зарождающагося въ нашемъ мозгу. Что касается до Сюльфатена, то мозгъ его являлся вполнѣ дѣвственной почвой. Въ этомъ новосозданномъ мозгу ничто не препятствовало уму развиваться правильнымъ, строго логическимъ путемъ при содѣйствіи личныхъ наблюденій и

опытовъ. Сюльфатенъ, въ высшей степени интеллигентный,— набрасывавшійся съ настоящею жадностью на всѣ отрасли научнаго знанія,—родившійся и выросшій въ научной средѣ, сталъ вскорѣ первоклассньмъ инженеромъ въ медицинскомъ вѣдомствѣ. Въ то время, какъ умъ его неустанно прогрессировалъ, тѣлесное развитіе шло тоже своимъ чередомъ, не страшась нападеній со стороны безчисленныхъ разнообразнѣйшихъ микробовъ, среди которыхъ намъ суждено вести столь неудачную зачастую борьбу за существованіе. Совершенно новый его организмъ, безъ всякихъ физіологическихъ пороковъ и недостатковъ, которые бы могли быть внесены путемъ наслѣдственныхъ вліяній, оказывался почти неприступнымъ для болѣзнетворныхъ зародышей, которые подстерегаютъ насъ на каждомъ шагу и, къ сожалѣнію, находятъ у насъ слишкомъ хорошо подготовленную для себя почву.

Другой спутникъ жениха и невѣсты, бѣдняга Адріенъ Ла-Героньеръ, составляетъ полную противоположность дышащему здоровьемъ Сюльфатену. Это тщедушный, худощавый мужчина, скорѣе длинный, чѣмъ рослый,—съ глубоко ввалившимися глазами, защищенными лорнетомъ,—съ впалыми щеками, надъ которыми нависъ громадный лобъ, сливающійся съ круглымъ гладкимъ черепомъ, похожимъ, какъ двѣ капли воды, на страусовое яйцо, окруженное тонкимъ жиденькимъ кольцомъ ваты. Этотъ кольцеобразный слой является единственнымъ остаткомъ волосъ на головѣ, соединявшихся нѣсколькими прядями съ такою-же сѣдой и почти вылѣзшей бородой. Несчастная облысѣвшая голова безпрестанно тряслась и качалась въ воротничкѣ, поддерживавшемъ подбородокъ, и соединялась съ еще болѣе злополучнымъ исхудалымъ туловищемъ, которое напоминало скелетъ, одѣтый въ модный костюмъ. Глядя на него невольно удивлялись, что не слышатъ стука и звяканья костей при каждомъ самомалѣйшемъ движеніи.

Да, это были жалкіе останки человѣка,— штатскій инвалидъ въ полномъ смыслѣ этого слова, — сморщенный, измолотый, раздавленный, избитый и ободранный всѣми хищными зубчатыми колесами, адскими передаточными ремнями и прочими принадлежностями грознаго механизма ужасающей машины современной жизни.

Вы, быть можетъ, согласились-бы изъ вѣжливости дать

этимъ живымъ мощамъ немного менѣе семидесяти лѣтъ, мысленно упрекая себя за то, что сбавляете имъ съ костей десятокъ—другой, а между тѣмъ почтенному старцу недавно только исполнилось сорокъ пять лѣтъ.

Да, Адріенъ Ла-Героньеръ является образцомъ нашего малокровнаго поколѣнія, израсходовавшаго нервную свою силу, и притомъ образцомъ совершеннѣйшимъ въ смыслѣ идеальнаго преувеличенія. Таковъ нынѣшній человѣкъ,—хрупкое ничтожное былie, столь быстро расходующееся въ истинно-электрическомъ напряженіи лихорадочно-спѣшнаго нашего существованія, если у этого былія нѣтъ возможности или рѣшимости давать отъ времени до времени отдыхъ уму, измученному чрезмѣрной безпрерывной дѣятельностью, и освѣжать ежегодно абсолютнымъ спокойствіемъ тѣло и душу на лонѣ возстановляющей природы. Необходимымъ условіемъ для этого является отъѣздъ изъ Парижа, — этого безпощаднаго мучителя мозговъ, куда-нибудь подальше отъ промышленныхъ центровъ,—отъ заводовъ и фабрикъ, конторъ, магазиновъ, — отъ политики и въ особенности отъ безпощадной тираніи разныхъ телефоновъ, фонографовъ, телефоскоповъ, и вообще всѣхъ безпощадныхъ машинъ и приспособленій поглощающей насъ электрической жизни. Эти соціальные факторы именно и доводятъ наши нервы до такого крайняго напряженія. Они собственно и образуютъ собою всепоглощающій вихрь, въ которомъ мы живемъ,—переносимся съ мѣста на мѣсто,—летаемъ и задыхаемся въ грозныхъ, сверкающихъ его кольцахъ.

Адріенъ Ла-Героньеръ въ сорока пяти лѣтнемъ возрастѣ.

Вся глубина страшнаго физическаго упадка, угрожающаго слишкомъ развитымъ въ нервномъ отношеніи расамъ, высказывается какъ нельзя болѣе ясно у этого несчастнаго двуногаго,

почти утратившаго человѣческое подобіе. Такіе образчики царя творенія встрѣчаются теперь на каждомъ шагу цѣлыми тысячами въ большихъ городахъ, въ центрахъ промышленной дѣятельности, гдѣ современная жизнь, съ ея безпощадными требованіями, опустошаетъ организмы, слабосильные отъ рожденія, принуждая ихъ къ чрезмѣрному умственному возбужденію. Эта инквизиціонная пытка обусловливается непосильнымъ развитіемъ мозга, необходимымъ для того, чтобы держать безпрерывный рядъ мучительныхъ экзаменовъ, преслѣдующихъ человѣка съ момента достиженія школьнаго возраста и до престарѣлыхъ лѣтъ, такъ какъ почти во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности необходимымъ условіемъ успѣха является полученіе новыхъ все высшихъ дипломовъ и аттестатовъ.

Попытки возрожденія и укрѣпленія организма съ помощью гимнастики и физическихъ упражненій, организованныхъ въ научно-систематическомъ порядкѣ, не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, хотя въ прошломъ столѣтіи на нихъ и возлагали большія надежды. Правда, гимнастика и физическая выработка организма начали было входить въ моду и, повидимому, даже приводили иногда къ полезнымъ результатамъ, но тѣмъ не менѣе отъ нихъ пришлось отказаться за недостаткомъ времени, которое все цѣликомъ надо было посвящать умственному труду. Одновременно съ недостаткомъ времени обнаружился кромѣ того и недостатокъ силъ, потребный для гимнастическихъ упражненій.

Каждое послѣдующее поколѣніе становилось все слабосильнѣе подъ гнетомъ чрезмѣрнаго мозгового труда, — умственнаго переутомленія, вызваннаго силою обстоятельствъ,—переутомленія, отъ котораго никто не могъ избавиться. Люди вскорѣ перестали вести борьбу съ неизбѣжнымъ рокомъ и отказались отъ теоретически необходимаго противовѣса мозговой работѣ. Вслѣдствіе этого они съ каждымъ поколѣніемъ становились все малокровнѣе и гибли отъ преждевременнаго истощенія цѣлыми массами на полѣ жизненной битвы.

Это вырожденіе, задержать которое оказывалось невозможнымъ, привело въ ужасъ врачей. Вынужденные отказаться отъ борьбы съ малокровіемъ при помощи физическихъ упражненій, они прибѣгли къ другому средству и сдѣлали нѣсколько попытокъ возрожденія породъ съ чрезмѣрно утончен-

ными нервами путемъ разумнаго скрещиванія съ представителями, или представительницами прямо противоположныхъ органическихъ свойствъ. Имъ удалось женить нѣсколькихъ юныхъ представителей малокровной интеллигенціи на здоровенныхъ крестьянскихъ дѣвушкахъ, найденныхъ послѣ тщательныхъ поисковъ въ отдаленныхъ деревенскихъ захолустьяхъ. Подобнымъ же образомъ нѣсколько десятковъ блѣдныхъ хрупкихъ барышень изъ ультра-цивилизованнаго кружка выданы были замужъ за малограмотныхъ носильщиковъ-негровъ, отысканныхъ на пристаняхъ рѣки Конго и внутреннихъ африканскихъ озеръ.

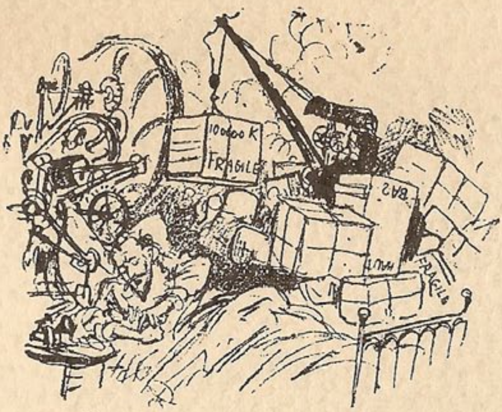

Попытка возрожденія захирѣвшей расы.

Очевидно, что подобныя попытки возрожденія могли бы благопріятно повліять на будущность расы лишь при условіи государственнаго вмѣшательства съ цѣлью обязательнаго упорядоченія браковъ. Процессъ возрожденія, предписанный правительственнымъ указомъ, предпринятый въ широкихъ размѣрахъ и систематически примѣняемый втеченіе нѣсколькихъ поколѣній, разумѣется, долженъ привести къ желанной цѣли. Къ несчастью, однако, несмотря на неотложную необходимость въ подобномъ шагѣ, существующія политическія условія не дозволяли до сихъ

поръ правительству мужественно вступить на этотъ путь и возложить на себя отвѣтственность, сопряженную съ такимъ рѣшеніемъ.

Мы еще недостаточно созрѣли для осуществленія столь здравой мысли. Мы признаемъ за государствомъ право располагать по усмотрѣнію жизнью гражданъ и устилать землю ихъ трупами, но не можемъ представить себѣ правительства въ роли настоящаго отца семьи, заботящимся объ интересахъ потомства и стремящимся по возможности обезпечить мудрыми мѣропріятіями здоровый и крѣпкій организмъ будущимъ гражданамъ.

Сны въ XX столѣтіи.

Это воронье пугало, этотъ шатающійся живой скелетъ, Адріенъ Ла-Героньеръ, является потомкомъ могучихъ воителей, о которыхъ разсказываютъ древніе историки. Въ жилахъ его течетъ кровь галловъ, закаленныхъ въ бояхъ и въ борьбѣ со стихіями, — галловъ, которые ходили почти нагишомъ и тѣмъ не менѣе выносили всякія бури и непогоды. Кровь эта послѣдовательно смѣшалась съ кровью могучихъ франковъ, норманновъ и храбрыхъ средневѣковыхъ витязей, носившихъ на себѣ толстыя желѣзныя брони и разившихъ враговъ тяжелыми мечами и боевыми сѣкирами. Потомокъ этихъ героевъ, къ сожалѣнію, походитъ скорѣе на какую-нибудь смѣшную мартышку, дрожащую отъ старческаго безсилія, чѣмъ на своихъ предковъ съ твердыми мышцами и горячею кровью.

Бѣдный Ла-Героньеръ! Его подвергли съ самой ранней юности дѣйствію интенсивнѣйшаго образованія, благодаря которому, 17-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ украшенъ уже дипломомъ доктора всѣхъ наукъ и чиномъ инженера. Затѣмъ, къ величайшей радости всѣхъ ему близкихъ, онъ вышелъ однимъ изъ первыхъ изъ международнаго института научной промышленности

и, снабженный такимъ образомъ интеллектуальнымъ оружіемъ превосходнѣйшаго закала, устремился въ борьбу за существованіе, съ твердой рѣшимостью достигнуть какъ можно скорѣе богатства.

Въ настоящее время, когда жизнь стала такъ баснословно дорога,—когда бѣднякъ съ милліоннымъ капиталомъ можетъ на доходы съ него лишь кое-какъ влачить свое существованіе гдѣ нибудь въ деревенскомъ захолустьѣ, не трудно представить себѣ, сколько милліоновъ должны заключаться въ словѣ „богатство“.

Гипнотизированный блескомъ этого волшебнаго слова, нашъ Ла-Героньеръ бросился очертя голову въ бѣшеный водоворотъ дѣловой жизни. Онъ отдался ей всѣмъ тѣломъ, всей душою и мыслью. Поступивъ въ лабораторію Филоксена Лорриса, онъ вскорѣ сталъ дѣятельнѣйшимъ его сотрудникомъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ и компаньономъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ промышленныхъ его предпріятіяхъ.

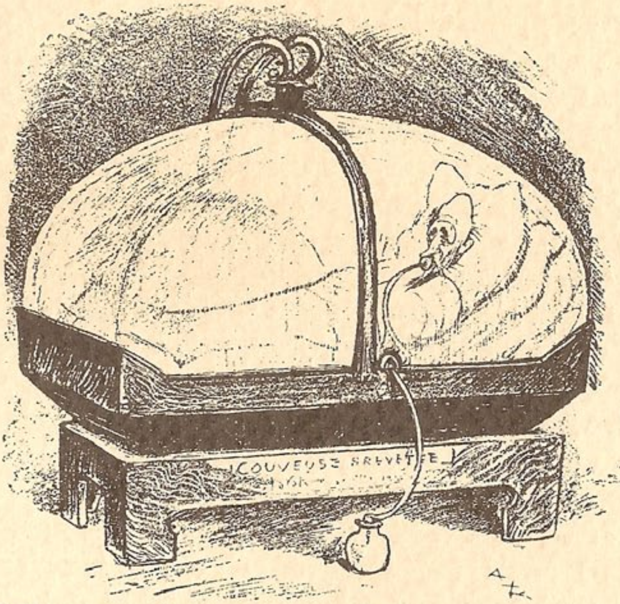
Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ Ла-Героньеръ положительно не давалъ себѣ ни минуты отдыха. Въ наше время, если тѣло и покоится ночью, разумѣется, послѣ долгой вечерней работы, то лихорадочно возбужденный умъ все же не прекращаетъ своей дѣятельности. Подобно машинѣ, пущенной полнымъ ходомъ, онъ не можетъ сразу остановиться и продолжаетъ работать во снѣ. Ночныя грезы имѣютъ чисто дѣловой характеръ. Это нескончаемый кошмаръ разсчетовъ и соображеній относительно текущихъ и только еще замышляемыхъ промышленныхъ предпріятій...

„Потомъ! Мнѣ недосугъ!.. Еще успѣю!.. Надо сперва заручиться богатствомъ!..“—говорилъ самъ себѣ Ла-Героньеръ, когда у него случайно пробуждалось стремленіе отдохнуть и успокоиться.

„Еще успѣю насладиться жизнью! Еще успѣю жениться!“ увѣрялъ себя труженикъ-инженеръ, все глубже погружаясь въ научныя изслѣдованія и вычисленія, въ надеждѣ такимъ путемъ скорѣе достигнуть намѣченной цѣли.

Вотъ, наконецъ, онъ ея и достигъ. Онъ располагаетъ по истинѣ громаднымъ, блестящимъ состояніемъ, дающимъ ему право на всѣ радости жизни, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ такъ упорно отворачивался. Къ сожалѣнію, однако, богачъ

Адріенъ Ла-Героньеръ обратился въ дряхлаго, словно восьмидесятилѣтняго старца. Безъ зубовъ, волосъ и аппетита, поджарый, сгорбленный, изможденный и отощавшій до-нельзя, онъ могъ теперь, да и то лишь при соблюденіи величайшихъ предосторожностей, не вставая съ кресла протянуть еще нѣсколько лѣтъ. Въ совершенно разслабленномъ его тѣлѣ дремалъ почти столь-же разслабленный умъ, вспыхивавшій лишь по временамъ какъ ночникъ, собирающійся угаснуть. Корифеи ме-

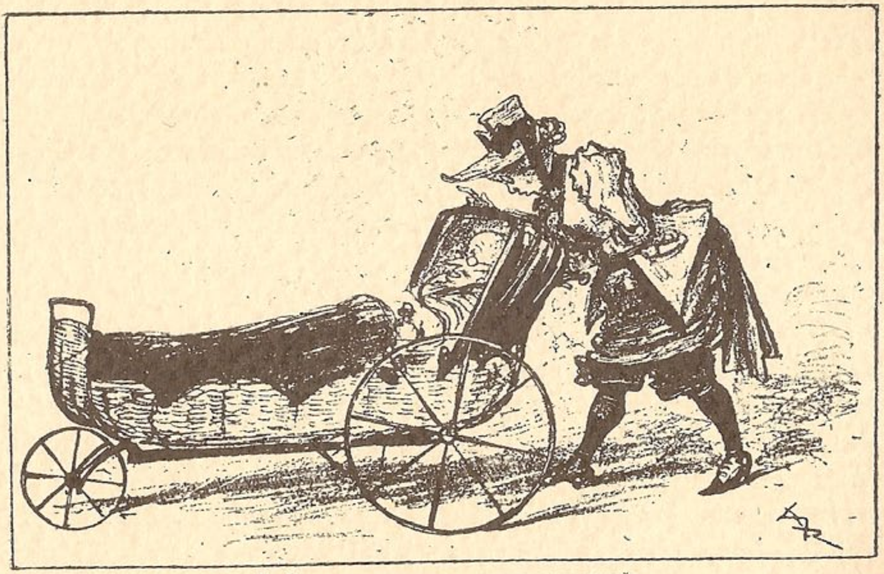

Ла-Героньеръ помѣщенъ для возрожденія испорченнаго организма въ новоизобрѣтенный согрѣвающій аппаратъ.

дицинскаго факультета, призванные на помощь, тщетно пытались примѣнять самыя энергическія крѣпительныя средства, чтобы вернуть сколько нибудь силы преждевременно состарѣвшемуся несчастливцу и хоть немного воскресить злополучнаго, полуживаго милліонера. Всѣ ихъ попытки доставляли лишь временное облегченіе и только слегка задерживали процессъ дальнѣйшаго ослабленія.

Тогда именно Сюльфатенъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся инженеръ-медиковъ, смѣлый умъ котораго далеко опережалъ въ полетѣ своихъ изслѣдованій всѣ извѣстныя въ наукѣ воззрѣнія и системы, рѣшился подвергнуть радикальному исправленію

организмъ, очевидно собиравшійся развалиться, и перестроить его совершенно заново.

Обезпечивъ себѣ нотаріальнымъ договоромъ приличное вознагражденіе, долженствовавшее возростать съ каждымъ годомъ, который удастся прожить его паціенту, Сюльфатенъ обязался, съ своей стороны, поставить его на ноги и вернуть ему къ концу третьяго года внѣшній видъ, соотвѣтствующій по меньшей мѣрѣ среднему состоянію здоровья. Больной всецѣло поступалъ въ распоряженіе врача и обязывался, подъ страхомъ громадной неустойки, безропотно исполнять всѣ его предписанія,

Ла-Героньера возятъ уже въ колясочкѣ.

не отступая отъ нихъ ни на іоту. Проживъ нѣсколько времени въ согрѣвающемъ приборѣ, изобрѣтенномъ инженеръ-медикомъ Сюльфатеномъ и представлявшемъ нѣкоторое сходство съ аппаратомъ, въ которомъ воспитываютъ впродолженіе нѣсколькихъ первыхъ мѣсяцевъ преждевременно родившихся младенцевъ, Ла-Героньеръ началъ медленно возрождаться. Сюльфатенъ сперва приставилъ къ нему нянькой отставную старшую сидѣлку изъ казенной больницы, которая обходилась съ нимъ какъ съ ребенкомъ, кормила его изъ рожка, катала въ колясочкѣ подъ деревьями въ паркѣ Филоксена Лорриса, и возвращалась домой, чтобъ уложить его въ постельку, когда

онъ начиналъ дремать въ экипажѣ. Вскорѣ паціентъ оказался въ состояніи шевелить руками и ногами, а затѣмъ началъ ходить безъ особеннаго затрудненія. Сюльфатенъ освободилъ его тогда отъ колясочки и позволилъ иногда гулять пѣшкомъ, въ сопровожденіи няни. Это было уже несомнѣнно блестящимъ результатомъ.

— Но вѣдь если этотъ чертовскій Сюльфатенъ заставитъ меня прожить еще двадцать лѣтъ, то я раззорюсь вконецъ,—грустно причитывалъ иногда Ла-Героньеръ.

— Успокойтесь,—возражалъ ему Сюльфатенъ,—лѣтъ черезъ пять или шесть, когда вы въ достаточной степени поправитесь, я дозволю вамъ слегка позаняться дѣлами, разумѣется, съ должной осторожностью и постепенностью, и вы тогда мигомъ заработаете суммы, которыя должны мнѣ уплачивать... Помните только, что вы обязались безпрекословно повиноваться! При первомъ же фактѣ непослушанія я кладу себѣ въ карманъ неустойку,—крупненькую неустойку, и оставляю васъ на произволъ судьбы.

— Буду слушаться, буду!..

Дѣйствительно, Ла-Героньеръ, не на шутку напуганный такою перспективой, безпрекословно подчинялся всѣмъ распоряженіямъ инженеръ-медика, принявшаго его на свое попеченіе.

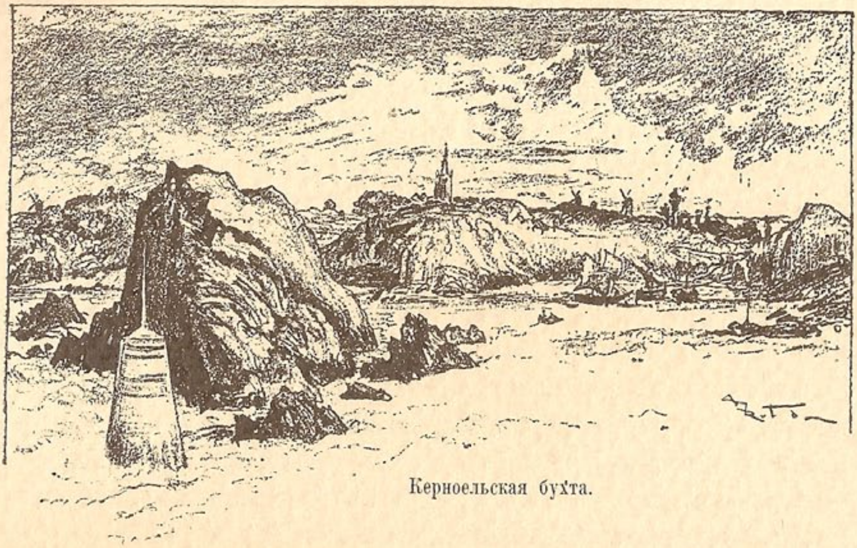
Филоксенъ Лоррисъ, великій ученый, у котораго этотъ инженеръ-медикъ былъ просто на-просто домашнимъ секретаремъ, имѣлъ, очевидно, свои особыя соображенія, когда, проектируя для сына обручальную поѣздку, назначилъ спутниками жениху и невѣстѣ именно доктора Сюльфатена и его паціента. Въ самомъ дѣлѣ, Филоксенъ имѣлъ съ своимъ секретаремъ долгое совѣщаніе и далъ ему обстоятельныя инструкціи, заканчивавшіяся слѣдующими предписаніями:

— „Роль ваша, другъ мой, по отношенію къ обрученнымъ будетъ въ сущности очень простою. Мнѣ надо лишь, чтобъ они вернулись поссорившись другъ съ другомъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ мой вертопрахъ Жоржъ утратилъ дорогія иллюзіи, которыми украшаетъ теперь свою невѣсту. Вы, разумѣется, знаете, что влюбленный находится какъ-бы въ состояніи гипноза, и оказывается поэтому жертвой систематическихъ иллюзій. Наша цѣль должна заключаться въ томъ, чтобъ разбудить его и разсѣять его иллюзіи. Стоитъ только нѣсколько

разъ набросить тѣнь на блестящій предметъ, чтобъ онъ утратилъ чрезмѣрное свое сіяніе!.. Вы, безъ сомнѣнія, понимаете, что у меня имѣются на сына совершенно иные виды. Я прочу ему въ невѣсты дѣвицу Купаръ,—сенатора Сартскаго департамента, или достопочтенную Бардо,—доктора всѣхъ наукъ. Дѣло устроилось-бы всего лучше, еслибъ вы сами женились на этой барышнѣ! За приданымъ я не постою. Или, пожалуй, выдайте ее замужъ за Героньера... Вашъ Ла-Героньеръ становится мало по-малу довольно представительнымъ. Вы, безъ сомнѣнія, меня поняли. Тѣмъ временемъ, имѣя у себя подъ рукой вашего паціента, производите надъ нимъ опыты, необходимые для задуманнаго нами крупнаго предпріятія. Мелкія хлопоты изъ-за этой взбалмошной молодежи не должны отвлекать нашего вниманія отъ серьезныхъ вещей!

— Слушаю и понимаю!—подтвердилъ Сюльфатенъ.

Читатель могъ убѣдиться, что Филоксенъ Лоррисъ, дѣлая видъ, будто соглашается женить сына на избранницѣ его сердца, поступалъ, однако, не безъ задней мысли. Онъ надѣялся, что въ концѣ концовъ обручальная поѣздка окончится охлажденіемъ и разрывомъ между женихомъ и невѣстой. Тогда кровь Лоррисовъ, испорченная атавистическимъ вліяніемъ предка-художника, будетъ имѣть случай возродиться женитьбой Жоржа на докторѣ всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ главнѣйшихъ наукъ. Для большей увѣренности въ томъ, что обрученные непремѣнно поссорятся другъ съ другомъ, онъ приставлялъ къ нимъ надежнаго человѣка, который, безъ сомнѣнія, съумѣетъ разсѣять иллюзіи юнаго Лорриса и выяснить ему всѣ непріятныя стороны столь легкомысленнаго брака.

Керноельская бухта.

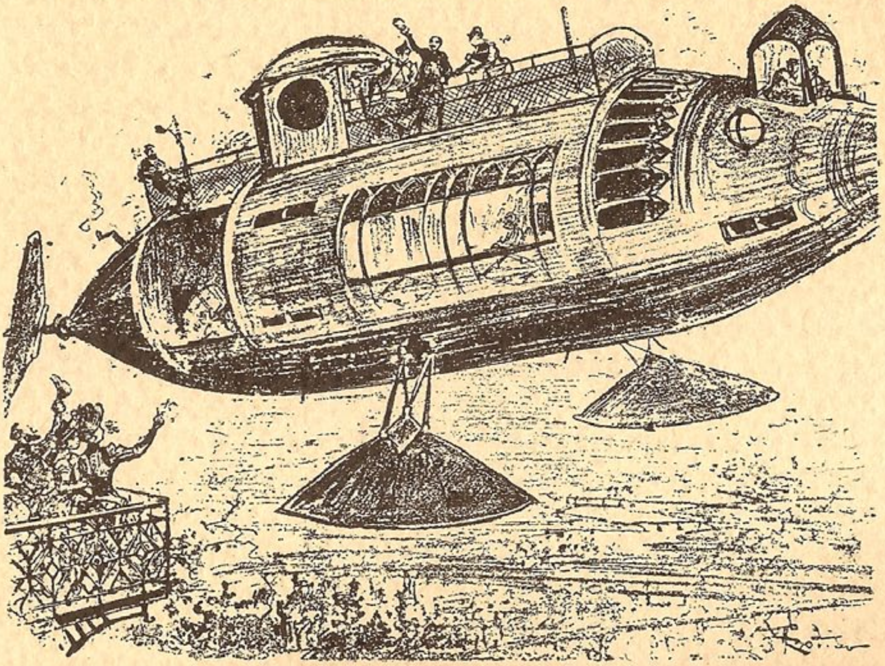
VI.

Національный Арморикскій паркъ, закрытый для современной промышленности и всѣхъ научныхъ нововведеній.—Дилижансъ.—Прежняя жизнь въ прежней обстановкѣ.—Гостинница св. Ива въ Керноелѣ.—Совершенно новая сторона въ Сюльфатенѣ.

Волны океана ласково и нѣжно плещутся о блестящій, словно позолоченный песокъ узенькой бухты, окаймленной живописными скалами, вздымающимися мѣстами совершенно отвѣсно. Скалы эти увѣнчаны массами зелени, свѣшивающейся съ нихъ иногда до самаго уровня волнъ. Погода стоитъ прекрасная. Вся природа какъ будто улыбается. Солнце сіяетъ и отъ скалъ, обрызганныхъ бѣлою пѣной, доносится чарующая дивная пѣснь лепета волнъ.

Въ глубинѣ бухты, возлѣ нѣсколькихъ лодокъ, вытянутыхъ на берегъ, виднѣются стародавнія рыбачьи хижины, покрытыя рыжей соломой, надъ которыми, на вершинѣ обрывистой скалы, вздымаютъ къ небу свои сѣрыя обросшія мохомъ главы три или четыре менгира, являющіеся какъ-бы привидѣніями давно минувшихъ временъ. Вдали, на берегу маленькой капризной рѣчки, низвергающейся шумными водопадами, раскинулось мѣстечко. Дома его прячутся въ сѣни дубовъ, илимовъ и каштановыхъ деревъ, сквозь которую прорѣзается изящный высокій рѣзной шпицъ католической церкви. Всюду кругомъ царствуетъ глубочайшее спокойствіе. Съ одного конца гори-

зонта и до другого, по скольку можно видѣть хотя-бы даже вооруженнымъ глазомъ, поверхъ черты голубоватыхъ холмовъ, за которой выступаютъ тамъ и сямъ другія колокольни,—нигдѣ незамѣтно даже и слѣда заводовъ или фабрикъ, такъ портящихъ всѣ живописные уголки, созданные матерью-природой, —отравляющихъ своими мерзостными отбросами прозрачныя воды рѣкъ,—загрязняющихъ все вблизи и вдали, вверху и внизу, не исключая даже облаковъ на небѣ... Не видать болѣе трубъ

Отъѣздъ жениха и невѣсты.

электро пневматическаго сообщенія, прорѣзающихъ ландшафты своими некрасивыми прямолинейными очертаніями. Нигдѣ не замѣчается громадныхъ высокихъ зданій, служащихъ резервуарами электричества. Во всей окрестности нѣтъ воздушныхъ пристаней, и ясная лазурь неба не омрачается движущимися пятнами воздушныхъ кораблей.

Гдѣ-же мы очутились? Ужь не вернулись-ли мы на полтора вѣка назадъ? Или быть можетъ мы попали въ такое отдаленное захолустье, куда не удалось еще до сихъ поръ проникнуть прогрессу?

Оба эти предположенія одинаково ошибочны. Мы во Франціи, на бретонскомъ взморьѣ, въ той части бывшихъ департаментовъ Морбиганскаго и Финистерскаго, которая, подъ именемъ національнаго Арморикскаго парка, образуетъ территорію, подчиненную особымъ порядкамъ.

Несомнѣнно, что эти порядки кажутся на первый взглядъ весьма своеобразными. Закономъ, постановленнымъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ интересахъ общаго блага, національный паркъ, на всемъ своемъ протяженіи, былъ изъятъ изъ сферы дѣйствія научнаго и промышленнаго движенія, начинавшаго тогда столь быстро измѣнять и такъ радикально преобразовывать не только внѣшній видъ земной поверхности, но вмѣстѣ съ тѣмъ нравы, характеры, потребности, привычки и образъ жизни раскинувшагося на ней земного муравейника.

Въ силу этого охранительнаго закона, задавшагося мудрою цѣлью сберечь среди всеобщаго переворота, вызваннаго бѣшеной погоней за прогрессомъ, хоть маленькій кусочекъ прежняго міра, гдѣ человѣку можно было бы дышать свободно,—національный Арморикскій паркъ является какъ бы особой страною, закрытой для всѣхъ научныхъ нововведеній и современныхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Прогрессъ останавливается у пограничныхъ столбовъ этого парка и не смѣетъ идти далѣе. Кажется, будто часы временъ тамъ испорчены. Всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, гдѣ безраздѣльно и торжественно царствуетъ научная наша цивилизація, мы оказываемся перенесенными опять въ средніе вѣка и возвращаемся къ сонному спокойствію блаженной памяти девятнадцатаго столѣтія.

Въ этомъ національномъ паркѣ, проникнутомъ мирной тишиной прежней провинціальной жизни, собираются всѣ израсходовавшіе нервную свою энергію. Всѣ переутомленные электрической жизнью малокровные интеллигенты съ надорванными мозгами набираются тамъ новыхъ силъ, ищутъ спасительнаго отдыха, забываютъ подавляющія соображенія рабочихъ своихъ кабинетовъ, фабрикъ и лабораторій, радуясь, что очутились вдали отъ всякихъ поглощающихъ и растраивающихъ нервную силу машинъ и приборовъ, — вдали отъ всѣхъ теле- и фоно,—отъ электро-пневматическихъ трубъ и рѣющихъ по небу летательныхъ машинъ.

Какимъ же образомъ очутились здѣсь обрученные Жоржъ Лоррисъ и Эстелла Лакомбъ съ Сюльфатеномъ и его паціентомъ Ла-Героньеромъ, когда по инструкціямъ Филоксена Лорриса имъ надлежало теперь изучать электрическія доменныя печи Луарскаго бассейна, или же Овернскіе искусственные вулканы?

Усадивъ Эстеллу въ кресло, сплетенное изъ ивовыхъ прутьевъ, Жоржъ Лоррисъ тщательно сложилъ инструкціи своего родителя, спряталъ ихъ въ карманъ и конфиденціально отдалъ механику какія-то приказанія. Вслѣдъ затѣмъ воздушный корабль, направлявшійся сперва было къ югу, повернулъ мало по малу вправо и пошелъ прямо къ западу. Сюльфатенъ щупалъ какъ-разъ въ это время пульсъ у своего паціента и безъ сомнѣнія ничего не замѣтилъ. По крайней мѣрѣ онъ не сдѣлалъ Жоржу ни малѣйшаго замѣчанія. Погода стояла отличная. Изумительная прозрачность воздуха дозволяла глазу изслѣдовать въ мельчайшихъ подробностяхъ колоссальную панораму, какъ-будто развертывавшуюся съ головокружащей быстротой подъ воздушнымъ кораблемъ: цѣпи холмовъ, желтыя и зеленѣющія равнины, прихотливо изрѣзанныя извилинами серебристыхъ рѣчекъ, —лѣса, раскидывавшіеся тамъ и сямъ большими темнозелеными пятнами,—деревни, города и мѣстечки, группы изящныхъ виллъ, предмѣстья богатой столицы, присутствіе которой угадывалось вдалекѣ, благодаря густому рою носившихся надъ нею воздушныхъ экипажей,—промышленные центры, чернѣвшіе заводами и фабриками, странныя очертанія которыхъ окутывались облаками густого дыма. Иной разъ уже по одному только цвѣту дыма можно было опредѣлить, что именно тамъ выработывается...

Впродолженіе нѣкотораго времени воздушный корабль летѣлъ въ шестистахъ метрахъ надъ электропневматической трубой, соединяющей Парижъ съ Брестомъ. Навстрѣчу попалось нѣсколько воздушныхъ судовъ и дилижансовъ-самолетовъ, слѣдовавшихъ изъ Бретани въ Парижъ. Сюльфатенъ, любовавшійся пейзажемъ въ усовершенствованный лорнетъ-телескопъ, продолжалъ безмольствовать. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія, даже когда воздушный корабль пронесся надъ городами Лавалемъ, Витре и Ренномъ, хотя Жоржъ называлъ ихъ при немъ вслухъ своей невѣстѣ.

Внезапно Эстелла, словно пробудившись отъ чарующаго сна, высвободила свою руку изъ руки Жоржа.

— Боже мой, я была до такой степени счастлива, что даже объ этомъ до сихъ поръ и не подумала!.. Развѣ мы не ѣдемъ въ Сентъ-Этьенъ?—спросила она.

— Для изученія тамъ электрическихъ доменныхъ печей, колоссальныхъ молотовъ, вальцеваленъ и разныхъ промышленныхъ приспособленій, вродѣ искусственныхъ вулкановъ и т. п.—добавилъ съ улыбкою Жоржъ.—Нѣтъ, Эстелла, мы ѣдемъ вовсе не туда!

— Но вѣдь намъ даны г-мъ Филоксеномъ Лоррисомъ положительныя инструкціи...

— Я не расположенъ теперь къ развлеченіямъ, программу которыхъ составилъ для насъ папаша. Мнѣ пришлось-бы слишкомъ насиловать свой умъ, совершенно утратившій въ данную минуту способность увлекаться прелестями науки и промышленности.

— Однако же...

— Неужели вамъ угодно, Эстелла, чтобъ я сталъ чѣмъ-нибудь вродѣ Ла-Героньера? Мнѣ лично хотѣлось-бы на возможно болѣе долгое время забыть всю научную прозу, если только вы сами не пожелаете погрузиться въ бездну такихъ чарующихъ вещей, какъ фабрики и заводы, доменныя печи, электричество, пневматическія трубы и всѣ вообще современныя чудеса, создающія нашу тревожную, лихорадочную жизнь. Мнѣ было-бы, признаться, очень желательно до поры до времени вовсе о нихъ не слышать!..

Воздушный корабль присталъ къ послѣднему дебаркадеру на границѣ національнаго парка, не возбуждая никакихъ возраженій со стороны Сюльфатена. Путешественники сошли на землю ровно въ шесть часовъ вечера. Жоржъ Лоррисъ немедленно повелъ все общество къ странной колесницѣ, окрашенной въ желтый цвѣтъ и запряженной двумя малорослыми, но сильными лошадками.

— Да вѣдь это, кажется, дилижансъ?—вскричала Эстелла.—Я видѣла нѣчто подобное на старинныхъ картинахъ, но, признаться, не думала, что такіе экипажи существуютъ еще до сихъ поръ. Какое счастье. Мы поѣдемъ въ дилижансѣ!

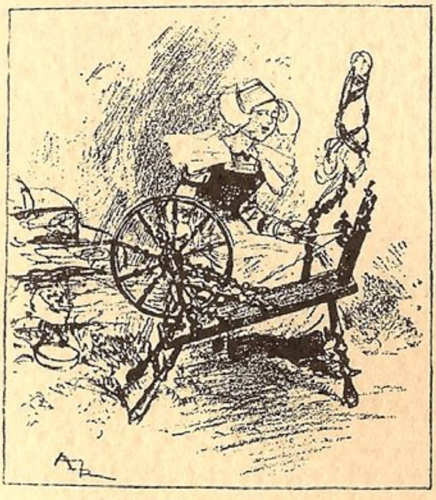
— До самаго Керноеля, да еще по какой живописной до-

рогѣ! Я увѣренъ, что вамъ здѣсь очень понравится, хотя вы и встрѣтите тутъ много удивительнаго. Вообще въ національномъ бретонскомъ паркѣ вы не найдете ничего напоминающаго современную цивилизацію... Меня удивляетъ, однако, что нашъ пріятель Сюльфатенъ молчитъ и не протестуетъ противъ этого отступленія отъ программы... Я просто цѣпенѣю отъ изумленія. Впрочемъ, ученые вѣдь до такой степени разсѣяны, что Сюльфатенъ, чего добраго, воображаетъ себѣ теперь, будто мчится въ воздушномъ кабріолетѣ!

Дилижансъ.

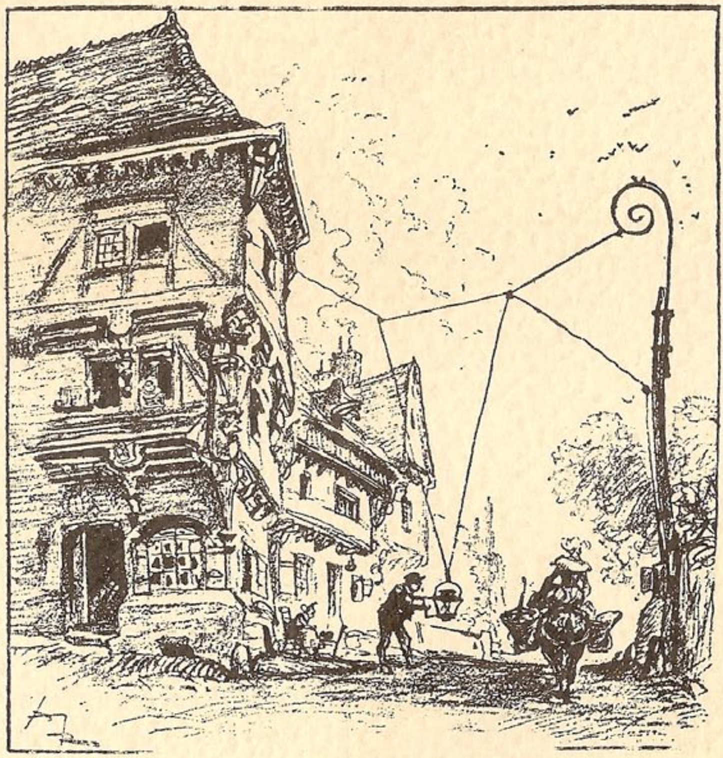
Два часа ѣхали они по отличнѣйшимъ шоссейнымъ дорогамъ, гдѣ ничто не напоминало обычной цивилизованной обстановки. Спокойныя маленькія деревушки съ соломенными крышами, —кресты съ изваянными изъ гранита изображеніями святыхъ, —гостинницы, вывѣсками для которыхъ служили пуки омелы,—стада свиней, охраняемыя стариками въ фантастическомъ одѣяніи, — однимъ словомъ самыя изумительныя картины, какъ-бы воскресавшія изъ нѣдръ прошлаго, или отдѣлившіяся отъ полотна, которое осталось гдѣ-нибудь въ старинномъ музеѣ,—вотъ все, что могъ подмѣтить глазъ по обѣ стороны дороги. Эстеллѣ, выглядывавшей изъ окна дилижанса, казалось, будто она видитъ на яву сонъ. Въ деревняхъ крестьянки сидѣли у порога дверей своихъ хижинъ, усердно ворочая самопрялку,—настоящую самопрялку, которую можно встрѣтить теперь лишь на старинныхъ рисункахъ. Мало того, на откосахъ, по окраинамъ дороги, виднѣлись на травѣ деревенскія бабы съ прялками самой первобытной конструкціи.

Самопрялка.

— Все это какъ-то не вяжется съ громадными руанскими фабриками, поглощающими каждое утро сорокъ тысячъ кипъ шерсти, которую тамъ моютъ, чешутъ, красятъ, прядутъ и ткутъ, такъ что она къ вечеру оказывается уже преобразованной въ сюртуки, жилеты, чулки, шали и башлыки,—замѣтилъ инженеръ-медикъ Сюльфатенъ.

Очевидно, онъ вовсе не былъ до такой степени зараженъ разсѣянностью, какъ это предполагали. Жоржъ бросилъ на

Уличный фонарь прошлаго столѣтія.

него до чрезвычайности изумленный взглядъ. Сюльфатенъ оказывается зналъ, куда ѣдутъ, и всетаки не протестовалъ!

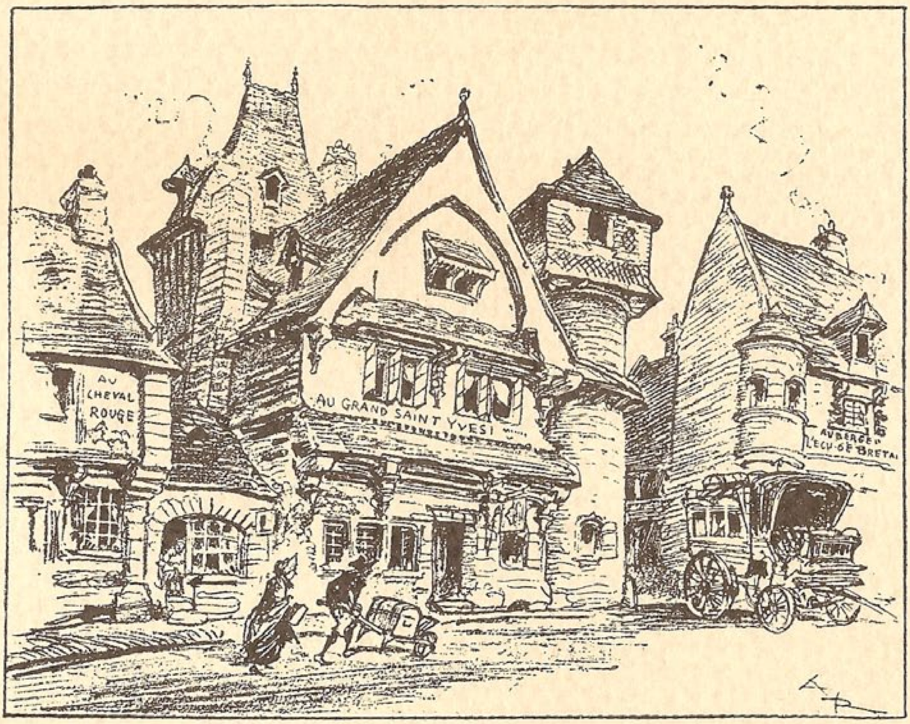
По стародавнему обычаю почтальонъ считалъ долгомъ останавливаться дорогой у всѣхъ харчевенъ, причемъ каждый разъ перекидывался нѣсколькими словами со служанками, выбѣгавшими изъ сѣней, и выпивалъ большую кружку сидра, къ которому добавляли рюмочку водки. Наконецъ, послѣ перемѣны многихъ декорацій, каждая изъ которыхъ казалась очарова-

тельнѣе и античнѣе предшествовавшей, возница указалъ путешественникамъ концомъ своего кнута высокій церковный шпицъ, вырѣзавшійся на небѣ надъ вершиной холма.

Это былъ Керноель, маленькій городокъ, словно вправленный въ рамку изъ золотистаго вереска, на берегу рѣчки, впадавшей въ двухъ верстахъ оттуда въ море. Раздалось щелканье бича, звяканье лошадиныхъ подковъ о мостовую, и дилижансъ, громыхая, промчался по городу во всю прыть своихъ лошадокъ, пущенныхъ вскачь. Это былъ безспорно хорошенькій миніатюрный городокъ въ старинномъ вкусѣ, обнесенный полуразрушившимися укрѣпленіями, поросшими мхомъ и осѣненными большими деревьями. На холмѣ красовалась сѣрая каменная церковь, съ желтыми панелями, казалось, покровительственно глядѣвшая на окружавшій ее хаосъ старинныхъ высокихъ крышъ, — на извилистыя улицы, вдоль которыхъ тѣснились крытые черепицей дома, всѣ балки которыхъ опирались наружными концами на бородатыя фигуры святыхъ или-же, наконецъ, на уродливыя фантастическія головы, привѣтствовавшія прохожихъ самыми смѣшными гримасами.

Къ довершенію всѣхъ диковинокъ, въ городѣ этомъ сохранились старинные уличные фонари, подвѣшивавшіеся на перекресткахъ. Фонарщику стоило только дернуть за веревку, и фонарь опускался, такъ что его можно было зажечь съ помощью маленькаго огарка, вставленнаго для этой цѣли въ особый фонарикъ. Трудно представить себѣ что-либо изумительнѣе. Все городское населеніе выбѣгаетъ на улицу любоваться проѣзжающимъ дилижансомъ. Торговцы выскакиваютъ изъ дверей своихъ лавокъ, а женщины выглядываютъ изъ оконъ. Путешественники восхищаются, въ свою очередь, костюмами обывателей и обывательницъ. Мѣстное населеніе, очевидно, въ одинаковой степени пренебрегаетъ и современными идеями и модами. Оно свято хранитъ традиціонные костюмы предковъ. Мужчины ходятъ въ штиблетахъ и короткихъ панталонахъ съ брагеткою,—въ вышитомъ камзолѣ и въ шляпѣ съ широкими полями. Женщины носятъ синіе или красные корсажи съ широкими бархатными оборками,— прямыя юбки съ тяжелыми складками, хорошенькіе бѣлые воротнички и капоры, вродѣ крылатокъ. Все это по истинѣ великолѣпно. Видѣть такіе костюмы можно только здѣсь, или въ столичномъ театрѣ, во время спектакля.

Дилижансъ остановился на большой площади, близь гостинницы „Св. Ива", по сторонамъ которой красовались двѣ другихъ гостинницы: „Краснаго Коня" и „Бретонскаго Герба." Дородная, но очень суетливая трактирщица и служанки съ веселыми лицами радушно встрѣтили путешественниковъ при выходѣ ихъ изъ дилижанса. Имъ отвели просторныя комнаты съ окнами на улицу и на живописный дворъ, окруженный разными постройками со множествомъ павильоновъ, башенокъ съ

Гостинница „Св. Ива".

витыми лѣстницами, конюшенъ и сараевъ съ крышами на деревянныхъ рѣзныхъ столбахъ, подъ сѣнью которыхъ тѣснились всевозможные древніе экипажи, омнибусы, брички, коляски, кабріолеты, таратайки и т. д.

Эстелла заняла двѣ комнаты, одну маленькую для Гретли, а другую для себя. Эта послѣдняя оказалась громаднѣйшей залой, съ рѣзными потолочными балками, большимъ каминомъ и античной мебелью. Стѣны, оклеенныя обоями и большими цвѣ-

тами, были украшены наивными средневѣковыми литографіями, изображавшими приключенія Женевьевы Брабантской.

Со слѣдующаго-же дня началась для путешественниковъ совершенно новая жизнь. День былъ торговый, и базаръ собирался на площади какъ разъ передъ гостинницей „Св. Ива". Пробудившись отъ шума и гула, обрученные смотрѣли изъ своихъ оконъ на тянувшуюся мимо вереницу телѣгъ съ овощами, —ословъ, навьюченныхъ корзинами съ картофелемъ, капустой и лукомъ, — крестьянъ, привезшихъ съ собой въ маленькихъ телѣжкахъ чисто умытыхъ розовенькихъ поросятъ, и

Керноельскій рынокъ.

крестьянокъ, управлявшихъ съ помощью хворостины цѣлыми стадами болтливыхъ гусей.

Эстелла и Жоржъ не замедлили выдти вмѣстѣ съ Гретли на площадь и принялись тамъ бродить среди крестьянъ и торговокъ, молочницъ и горожанокъ, приторговывавшихся къ пучку моркови, или-же къ парѣ утокъ. Вскорѣ присоединился къ нимъ Сюльфатенъ со своимъ паціентомъ. Всѣ эти сценки изъ уличной жизни казались до нельзя интересными ультрацивилизованнымъ интеллигентамъ. Они подолгу останавливались передъ молочницей, отмѣривавшей свой товаръ покупателямъ, — передъ точильщикомъ, который тутъ-же на площади точилъ

горожанамъ и крестьянамъ ножи и ножницы, и передъ кузнецомъ, подковывавшимъ лошадь: зрѣлище совершенно новое и полное величайшаго интереса для людей, привыкшихъ летать по воздуху.

Послѣ завтрака, угрожавшаго затянуться на нескончаемый срокъ, такъ какъ изъ кухни (откуда доносились необычайно вкусные запахи) безпрерывно появлялись служанки съ новыми блюдами, путешественники отправились гулять къ рѣчкѣ. Затѣмъ они спустились къ морю по тропинкѣ, прихотливо извивавшейся чрезъ поляны, заросшія тростникомъ, — прогалины,

Кухня въ гостинницѣ.

покрытыя желтымъ пескомъ, — подъ деревьями, гдѣ раздавались удары вальковъ, которыми усердно дѣйствовали прачки въ синихъ корсажахъ, — мимо расшатавшихся деревянныхъ мостовъ, переброшенныхъ со скалы на скалу возлѣ старыхъ поросшихъ мхомъ мельницъ, большія позеленѣвшія колеса которыхъ, медленно вращаясь теченіемъ, брызгали изъ своихъ ковшей словно потоками искръ.

Гретли была внѣ себя отъ восхищенія. Она видѣла здѣсь неподдѣльную природу безъ всякаго слѣда проводниковъ электричества, раскинувшихся надъ остальнымъ земнымъ шаромъ,

словно громадная сѣть изъ тысячекратно скрещивавшихся петель. Отъ времени до времени она подымала голову, удивляясь и радуясь, что не видитъ болѣе на небѣ безпрерывно снующихъ воздушныхъ экипажей.

Она завистливо поглядывала на бретонокъ, бродившихъ босикомъ по берегу. Для полноты счастья ей недоставало только разрѣшенія разуться подобно тому, какъ она дѣлала это еще ребенкомъ, въ горахъ,—чтобы сберечь свои башмаки.

По крайней мѣрѣ здѣсь не представлялось ни малѣйшей надобности въ изолирующихъ туфляхъ и незачѣмъ было опа-

Изумительное зрѣлище.

саться какой-либо неожиданной выходки со стороны электричества.

Безъ сомнѣнія, Филоксенъ Лоррисъ остался бы до чрезвычайности недовольнымъ, если бы могъ видѣть, какъ проводили время на керноельскомъ взморьѣ женихъ и невѣста. Послѣ полудня въ этотъ самый день и во всѣ послѣдующіе дни втеченіе двухъ недѣль Жоржъ Лоррисъ лежалъ на пескѣ возлѣ Эстеллы Лакомбъ въ тѣни какой-нибудь скалы, или же лодки, вытащенной на берегъ. Во время прилива обрученные избирали себѣ мѣсто отдыха соотвѣтственно выше, —въ густой травѣ у подножія менгировъ. Они проводили эти счастливые дни въ очаровательной

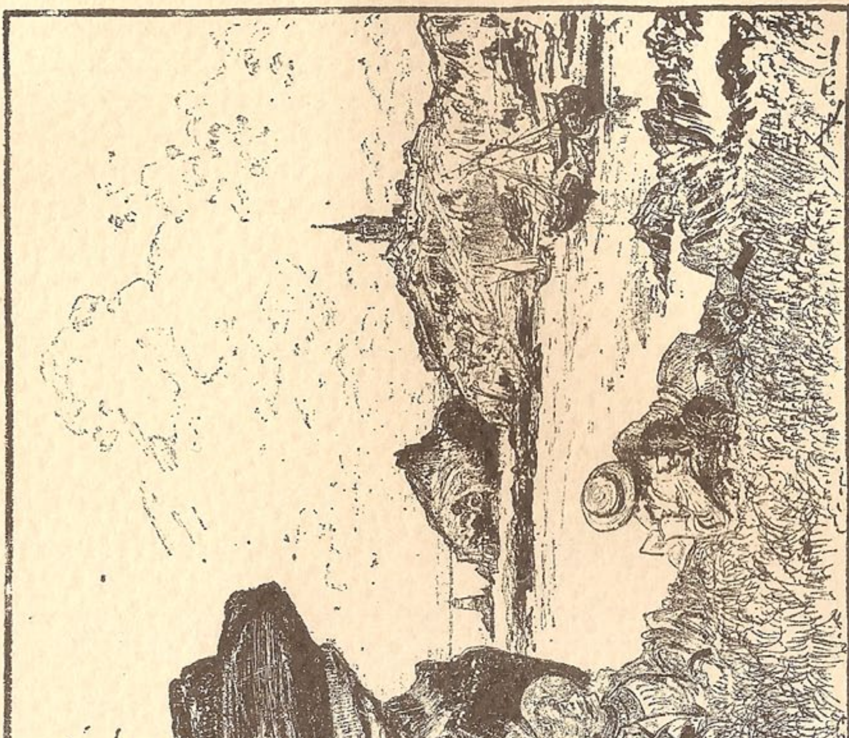
и дружеской бесѣдѣ, или же читали вмѣстѣ, но только не „Химическій Ежегодникъ“ и не „Политическое Обозрѣніе“, а какой-нибудь томъ стихотвореній, или же сборникъ бретонскихъ легендъ и преданій. По истинѣ было отчего придти въ ужасъ!

По всѣмъ вѣроятіямъ Филоксенъ Лоррисъ пришелъ бы въ еще большее изумленіе, увидѣвъ тамъ же и Сюльфатена съ трубкой въ зубахъ, окутывавшаго себя цѣлыми облаками дыма, въ то время, какъ его паціентъ, Адріенъ Ла-Героньеръ, гулялъ съ Гретли вдоль берега, собирая раковины, или срывая цвѣты для букета. Ла-Героньеру стало уже сравнительно лучше. Онъ не былъ уже несчастнымъ переутомленнымъ старикашкой, котораго приходилось держать цѣлыхъ три мѣсяца въ особомъ согрѣвающемъ аппаратѣ—вродѣ прибора для высиживанія цыплятъ. Онъ видимо поправлялся. Методъ лѣченія, изобрѣтенный инженеръ-медикомъ Сюльфатеномъ, творилъ чудеса, особенно же при содѣйствіи превосходной гигіенической обстановки національнаго парка.

Обручальная поѣздка и сопряженное съ ней для жениха и невѣсты частое пребываніе вдвоемъ не вызвали между ними ссоры, казавшейся Филоксену Лоррису неизбѣжною. Напротивъ того, молодые люди проводили дни и вечера самымъ очаровательнымъ образомъ въ долгихъ бесѣдахъ, въ которыхъ беззавѣтно высказывали свою душу. Такимъ образомъ женихъ и невѣста все короче знакомились другъ съ другомъ, причемъ между ихъ вкусами, мыслями и надеждами все болѣе выяснялась гармонія, дозволявшая разсчитывать на долгое счастливое будущее въ предположенномъ бракѣ.

Они заходили въ чудную старинную церковь, украшенную наивными статуями святыхъ и маленькими корабликами, привѣшенными къ готическимъ сводамъ во исполненіе обѣта вѣрующихъ. Тамъ, среди прихожанъ, нарядившихся въ праздничные костюмы, они слушали обѣдню и вечерню. Послѣ вечерни устроивались на площади танцы. На помостѣ изъ досокъ, подпертыхъ бочками, располагаются музыканты, извлекающіе изъ волынокъ и флейтъ своеобразные рѣзкіе звуки. Бретонцы и бретонки, сплетаясь въ громадные хороводы, кружатся и прыгаютъ, напѣвая старинныя простыя и наивныя пѣсни.

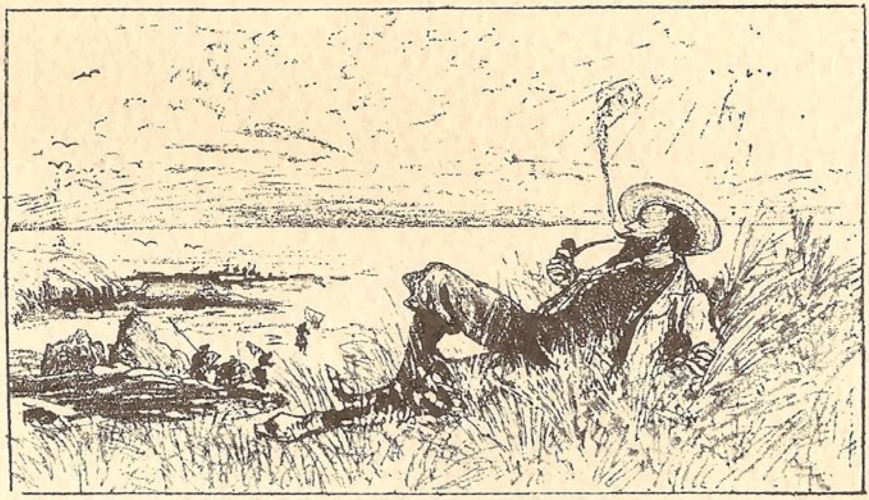
Какое блаженство вернуться къ первобытнымъ временамъ и слушать веселыя или грустныя старинныя пѣсни... Увлечен-

Въ національномъ бретонскомъ паркѣ. Отдыхъ подъ сѣнью долмена.

ные примѣромъ, а быть можетъ также сокровеннымъ атавистическимъ вліяніемъ древнихъ обычаевъ, Эстелла и Жоржъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими иностранцами, лѣчившимися здѣсь спокойствіемъ, приняли участіе въ хороводѣ. Сюльфатенъ присоединился къ нимъ, повидимому, чрезвычайно охотно. Что касается до его паціента, то онъ только глядѣлъ, не рѣшаясь самъ танцовать, но Гретли втолкнула его въ хороводъ и заставила сдѣлать нѣсколько туровъ, послѣ чего онъ, запыхавшись, опустился на деревянную скамью близъ бочекъ съ сидромъ, рядомъ съ тѣми, у кого танцы возбуждали жажду.

Эстелла чувствуетъ себя совершенно счастливой. Аккуратно

Сюльфатенъ на берегу моря.

черезъ день почтальонъ приноситъ ей письмо отъ матери. Почтальонъ! Этотъ общественный дѣятель безслѣдно исчезъ теперь всюду, за исключеніемъ національнаго Арморикскаго парка. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ предпочитаютъ бесѣдовать по телефоноскопу, или въ крайнемъ случаѣ по телефону. Важныя сообщенія посылаются въ видѣ фонографическихъ клише по электро-пневматическимъ трубамъ. Вообще говоря, письма пишутся лишь самыми завзятыми невѣждами въ какихъ-нибудь деревенскихъ захолустьяхъ. Эстелла одна только испытываетъ волненіе, предшествующее прибытію почтальона, такъ какъ Жоржъ Лоррисъ писемъ не получаетъ. Проведя нѣсколько дней въ Керноелѣ, онъ обратился къ отцу съ письмомъ, на которое

Филоксенъ Лоррисъ еще не отвѣтилъ. Вѣроятно ему было недосугъ распечатать письмо.

Сюльфатенъ тоже получалъ обширную корреспонденію, состоявшую, впрочемъ, не изъ писемъ, а изъ фонограммъ, которыя доставлялись ему ежедневно съ дилижансомъ цѣлыми тюками. У него былъ при себѣ фонографъ, который и читалъ вслухъ всѣ эти посланія. Отвѣты на нихъ изготовлялись при посредствѣ того же фонографа. Сюльфатенъ диктовалъ ихъ ему, а затѣмъ отправлялъ фонографическія клише посылкой большой скорости. При такихъ обстоятельствахъ Сюльфатенъ

На городской площади.

быстро управлялся со своей корреспонденціей и затѣмъ могъ по произволу располагать остальнымъ временемъ.

Къ величайшему удивленію Жоржа, невозмутимый инженеръ-медикъ продолжалъ воздерживаться отъ всякихъ протестовъ по поводу пребыванія обрученныхъ въ нетронутомъ цивилизаціей керноельскомъ захолустьѣ. Онъ и самъ какъ-будто совершенно забылъ про инструкціи своего патрона и преобразился въ совершенно новаго, веселаго, привѣтливаго, очаровательнаго Сюльфатена. Вмѣсто того, чтобы выполнять возложенную на него Филоксеномъ Лоррисомъ, весьма трудную, впро-

чемъ, при существующихъ условіяхъ, задачу возбужденія раздоровъ между женихомъ и невѣстой, онъ не дѣлалъ ни малѣйшихъ попытокъ нарушить мирную радость блаженныхъ дней, которые они проводили вмѣстѣ. Все это представлялось страннымъ,—до чрезвычайности страннымъ!..

Жоржъ, подготовлявшійся къ энергической борьбѣ съ неумолимой строгостью Сюльфатена, радовался, что эта горькая чаша его миновала. Одинъ только паціентъ инженеръ-медика, Адріенъ Ла-Героньеръ, въ присутствіи котораго Филоксенъ Лоррисъ, нимало не стѣсняясь, излагалъ Сюльфатену свои намѣренія,—одинъ только онъ ломалъ себѣ голову, пы-

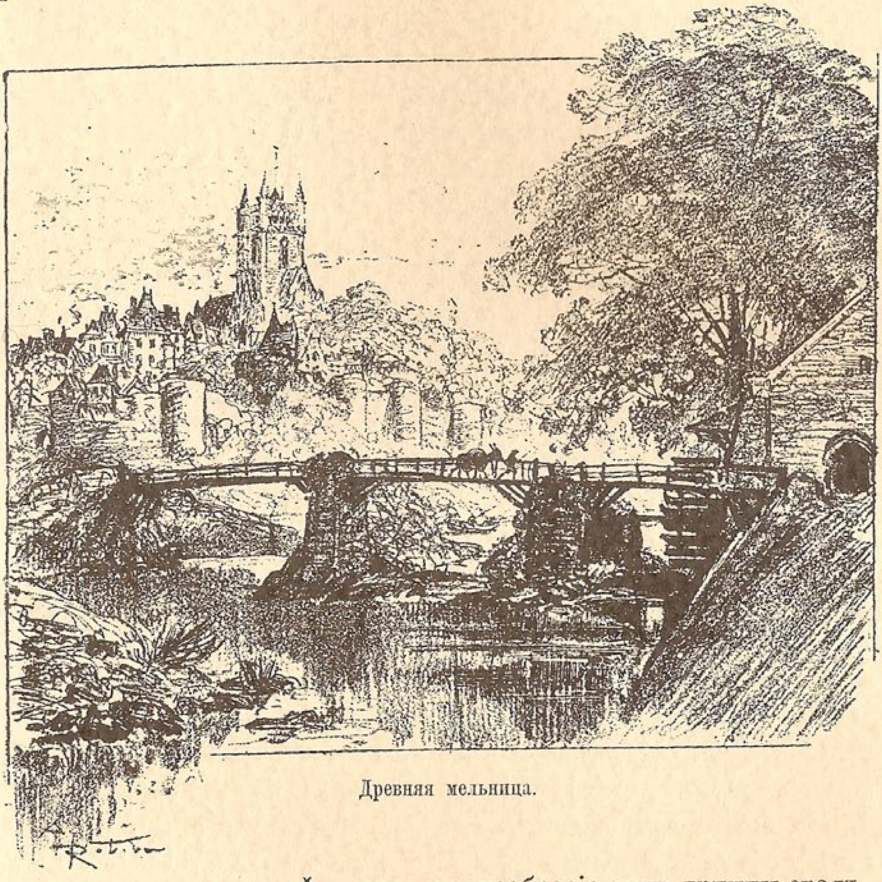
Послѣдній экземпляръ почтальона.

таясь разгадать причины столь полнаго нарушенія инструкцій великаго ученаго. Всѣ умственныя операціи, сводившіяся къ сколько-нибудь сложной послѣдовательности мыслей, оказывались для Героньера въ высшей степени утомительными, а потому упомянутыя попытки постоянно заканчивались для бѣдняги страшными головными болями и строгими выговорами со стороны Сюльфатена.

Къ концу второй недѣли съ инженеръ-медикомъ внезапно произошла рѣзкая перемѣна. Настроеніе духа стало у него менѣе веселымъ и почти тревожнымъ. Подъ предлогомъ, что въ Керноелѣ успѣли уже ко всему приглядѣться, и что дальнѣйшее пребываніе тамъ грозитъ смертельною скукой, онъ предложилъ переѣхать въ Плудесканъ, въ противуположный уголъ національнаго парка. Желая сохранить съ Сюльфатеномъ наилучшія отношенія, Жоржъ охотно на это согласился. Все обще-

ство отправилось изъ Керноеля въ допотопномъ омнибусѣ, который страшно трясло и качало по каменистымъ дорогамъ, очевидно, содержавшимся не особенно исправно.

Проѣхавъ такимъ образомъ болѣе шестидесяти верстъ, путешественники увидѣли передъ собою другую Бретань, несравненно болѣе мрачную и суровую,—съ грустными полянами, поросшими верескомъ,—съ величественно строгими ландшафтами,

Древняя мельница.

въ которые вносили нѣкоторое разнообразіе лишь группы скалъ, да обнаженные береговые утесы.

Плудесканъ далеко не обладалъ тѣми удобствами, какими путешественники пользовались въ Керноелѣ. Онъ оказался простою деревней съ грубыми хижинами, сложенными изъ гранита и крытыми соломой. Деревня эта ютилась на берегу моря, на мрачныхъ скалахъ, придававшихъ всей окрестности величественно-строгій видъ. Въ ней оказалась всего только одна по-

рядочная гостинница, куда каждое лѣто пріѣзжали фотоживописцы, чтобы направлять свои аппараты на скалы и утесы бурнаго плудесканскаго залива. Эти художники, реализмъ направленія которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, выбираютъ себѣ изъ жителей Плудескана натурщиковъ и натурщицъ, живописно группируютъ ихъ въ соотвѣтственной обстановкѣ, и съ помощью усовершенствованныхъ своихъ аппаратовъ создаютъ великолѣпныя фотокартины, которыми мы и восхищаемся на различныхъ выставкахъ.

Жоржъ и Эстелла предприняли въ Плудесканѣ рядъ маленькихъ прогулокъ. Сюльфатенъ сопровождалъ ихъ далеко не всегда. Онъ казался все болѣе озабоченнымъ и отлучался теперь довольно часто, оставляя своего паціента на попеченіе Гретли.

Что бы такое могли значить эти таинственныя отлучки?

Мы обязаны объяснить ихъ, хотя намъ и придется скрѣпя сердце обнаружить передъ читателемъ слабую сторону инженеръ-медика, котораго было бы несравненно пріятнѣе изобразить совершенно недоступнымъ обыкновеннымъ человѣческимъ слабостямъ. Необходимо замѣтить, что Плудесканъ находится на границѣ національнаго парка, всего лишь въ трехъ верстахъ отъ Керлоша, станціи электро-пневматическаго трубнаго сообщенія, снабженной всѣми современными научными приспособленіями. Сюльфатенъ ежедневно ходилъ въ Керлошъ и занималъ тамъ на часъ, или два одинъ изъ станціонныхъ телефоноскоповъ.

Войдемъ же теперь вмѣстѣ съ знаменитымъ инженеръ-медикомъ въ телефоноскопическій кабинетъ, дозволяющій гдѣ и когда угодно увидѣться съ любимымъ человѣкомъ, оставшимся дома, и какъ бы вернуться на фабрику, или въ контору, не взирая на отдѣляющее отъ нихъ разстояніе въ нѣсколько сотенъ, или даже тысячъ верстъ... Ежедневно Сюльфатенъ вызывалъ къ телефоноскопу или „Парижъ, 375, улица Діаны де-Пуатье, въ кварталѣ Сенъ-Жерменъ-en-Laye“, или „Парижъ, дворецъ Мольера, ложа m-lle Сильвіи“. Сенъ-жерменская корреспондентка Сюльфатена оказывалась тою же Сильвіей. Изящный небольшой домикъ, совершенно съ иголочки, подъ № 375, на улицѣ Діаны де-Пуатье, имѣлъ честь служить кровомъ знаменитой трагической артисткѣ Сильвіи, звѣздѣ Мольеровскаго дворца, могущественному медіуму, привлекавшему втеченіе

цѣлаго полугода весь Парижъ на спектакли бывшаго Французскаго театра.

Само собой разумѣется, что слово привлекать употреблено здѣсь въ переносномъ смыслѣ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда даются самыя удачныя и блестящія пьесы, нынѣшніе театры оказываются зачастую почти совсѣмъ пустыми, такъ какъ, благодаря телефоноскопамъ, можно слѣдить за представленіемъ не выходя

Трагическая артистка-медіумъ.

изъ дому и даже, пожалуй, не вставая изъ-за стола. Вслѣдствіе этого оказалось возможнымъ значительно уменьшить размѣры театральныхъ залъ. Имѣется даже въ виду совершенно упразднить мѣста для зрителей. Такая радикальная мѣра много сократитъ расходы на театральную антрепризу и дозволитъ соотвѣтственно удешевить цѣны абонемента для зрителей по телефоноскопу. Сильвія, трагическая артистка-медіумъ, доставила втеченіе какого-нибудь полугода театру Мольеровскаго дворца четыреста тысячъ телефоноскопическихъ або-

нентовъ. Понятно, что театральная дирекція, несмотря на дешевизну абонемента, нажила фантастически невѣроятные барыши.

Передъ тѣмъ дѣла Мольеровскаго дворца шли не вполнѣ удовлетворительно, несмотря на болѣе или менѣе остроумныя попытки дирекціи поддѣлываться подъ вкусъ зрителей. Тщетно старалась дирекція измѣнять на тысячу ладовъ характеръ представленій. Тщетно давала она самые блестящіе балеты при участіи великолѣпнѣйшаго ансамбля первоклассныхъ балеринъ и неподражаемо ловкихъ фокусниковъ,—тщетно заручалась она содѣйствіемъ знаменитѣйшихъ клоуновъ и арлекиновъ,—публика все болѣе охладѣвала къ этому театру и только лишь счастливый случай спасъ его отъ угрожавшаго финансоваго краха. Директору Мольеровскаго дворца довелось однажды увидѣть на сценѣ маленькаго спиритическаго театра m-lle Сильвію, дѣвицу съ необычайными медіумическими дарованіями, вызывавшую духъ Расина. Слушая, какъ эта артистка декламировала стихи изъ Федры голосомъ самого автора, нарочно вызваннаго ею для этого изъ безднъ небытія, директоръ Мольеровскаго дворца тотчасъ же сообразилъ, какія выгоды можно будетъ извлечь изъ таланта столь необыкновенной артистки и немедленно ее ангажировалъ въ свою труппу.

Благодаря этой трагической актрисѣ, сразу оказавшейся звѣздою первой величины, Мольеровскій дворецъ вернулся къ тому самому жанру, который за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ доставлялъ ему богатство и славу, а именно къ классическому репертуару. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что въ старинныя драмы и древнія трагедіи признано было умѣстнымъ внести существенныя измѣненія, украсившія ихъ прелестями новизны. Событія, о которыхъ упоминалось лишь въ немногихъ словахъ или намекахъ, все, о чемъ только разсказывалось и что происходило въ промежуткѣ между дѣйствіями классической пьесы, ставилось теперь на сцену, доставляя зачастую картины, несравненно болѣе интересныя, чѣмъ самая пьеса, являвшаяся къ нимъ какъ бы приправой. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ пьесѣ не оказывалось подходящаго матеріала для такихъ усовершенствованій, ее все таки снабжали добавочными прелестями, способными удовлетворить самые прихотливые вкусы. Такимъ образомъ на преобразившейся сценѣ Моль-

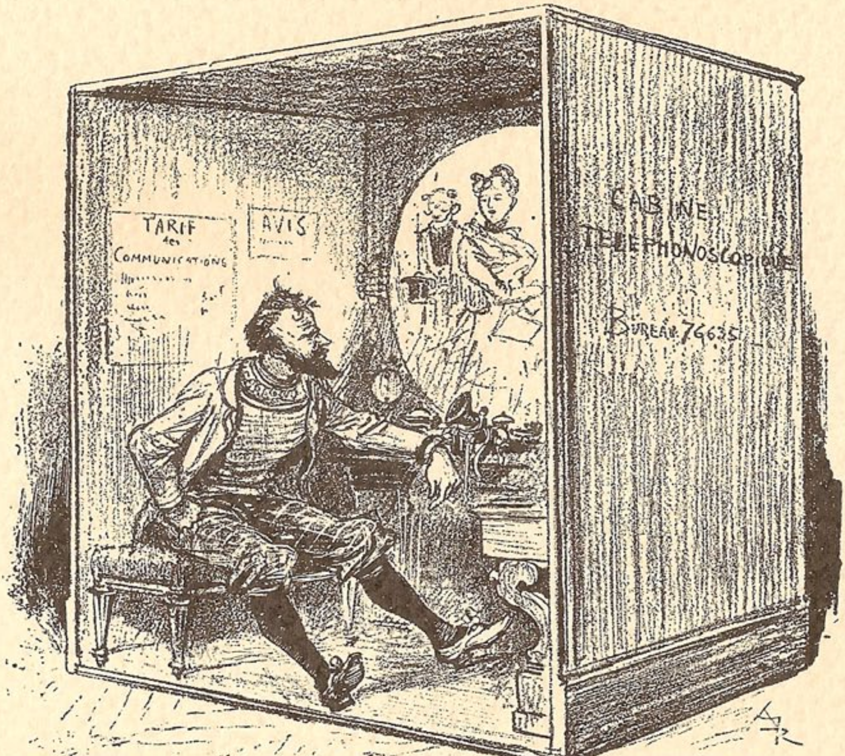
еровскаго театра и, въ былое время слишкомъ уже торжественнаго, можно было видѣть теперь кровопролитныя драки дикихъ звѣрей, осады крѣпостей, турниры, морскія сраженія, бой быковъ и охоту на неподдѣльную, живую дичь.

Трагическая актриса-медіумъ, обладавшая способностью вызывать на сцену любаго изъ великихъ артистовъ, давно уже отошедшихъ въ вѣчность, внесла въ свою очередь необычайное разнообразіе эффектовъ въ созданныя ею роли. Въ нихъ она была уже не Сильвіей, а Клеронъ, — Адріенной Лекувреръ, — дѣвицей Жоржъ,—Рашелью, или Сарой Бернаръ. Эти великія артистки прежнихъ временъ, возвращаясь на тѣ самые подмостки, на которыхъ онѣ при жизни подвизались съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, произносили голосомъ, умолкшимъ лѣтъ сто или двѣсти тому назадъ, величественныя тирады, такъ воспламенявшія когда-то сердца зрителей. При этомъ воспроизводились съ величайшею точностью всѣ характерныя особенности ихъ декламаціи. Нельзя представить себѣ ничего поразительнѣе и, если можно такъ выразиться, сенсаціоннѣе внезапной перемѣны, происходившей тогда съ самою Сильвіей. Эта трагическая артистка,—рослая, дебелая женщина, казавшаяся даже черезчуръ массивной, и при обыкновенныхъ условіяхъ, когда не находилась подъ вліяніемъ медіумической силы,—отличавшаяся самымъ мѣщанскимъ спокойствіемъ, обыкновенно не производила своимъ появленіемъ на сцену ни малѣйшаго впечатлѣнія. Она начинала играть свою роль довольно холодно, но вдругъ, однимъ лишь дѣйствіемъ собственной воли, мгновенно испытывала полнѣйшее преобразованіе. Вселявшійся въ Сильвію духъ какъ-будто совершенно изгонялъ изъ нея ея личность. Вмѣсто Сильвіи появлялась на сценѣ прежнихъ своихъ успѣховъ великая артистка, прославившаяся нѣкогда въ этой роли. Духъ, вернувшійся изъ небытія, казалось, вытѣснялъ собственную душу медіума, или приводилъ ее въ оцѣпенѣніе, чтобы заступить ея мѣсто и такимъ образомъ прибавить еще нѣсколько часовъ къ своей давно минувшей земной жизни. При каждомъ такомъ медіумическомъ представленіи Сильвія, повидимому, испытывала сильнѣйшее электрическое сотрясеніе.

Иногда, при особенно торжественныхъ случаяхъ, артистка-медіумъ вызывала духъ самого автора пьесы. Изумленная пу-

блика фактически слышала тогда Расина, Корнеля, Вольтера или Гюго, читавшихъ собственные стихи, внося иногда въ великія свои творенія давно забытые варіанты, или же посмертныя измѣненія, свидѣтельствовавшія, что геній ихъ продолжаетъ совершенствоваться и въ загробной жизни.

Трагическая артистка-медіумъ была изъ хорошей мѣщанской семьи и, сойдя съ театральныхъ подмостковъ, становилась

Сюльфатенъ за телефоноскопомъ.

простой дѣвушкой, скромно жившей со своими родителями,— мелочными торговцами, удалившимися отъ дѣлъ и никогда не ощущавшими въ себѣ сколько-нибудь замѣтныхъ спиритическихъ и медіумическихъ способностей. Сильвія представляла собой поэтому необычайное явленіе. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что медіумическая энергія была унаслѣдована ею отъ предковъ, а именно отъ двоюроднаго прапрадѣда, посаженнаго въ домъ умалишенныхъ вслѣдствіе своего пристрастія къ магіи и къ

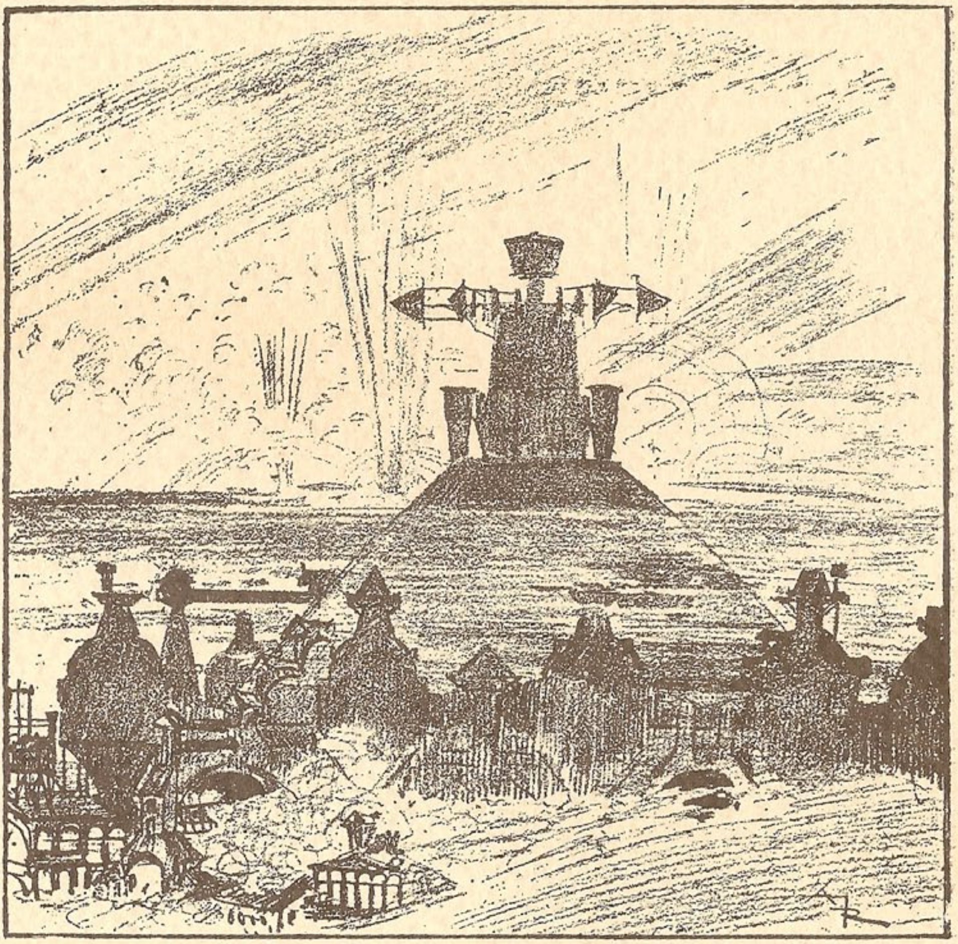
наукамъ, затрогивавшимъ таинственныя явленія, которыми современные ему ученые пренебрегали, предоставляя ихъ шарлатанамъ.

Разъ вечеромъ Сюльфатенъ по обыкновенію дремалъ, сидя передъ своимъ телефоноскопомъ, соединеннымъ со сценой Мольеровскаго театра, когда вниманіе его было внезапно приковано появленіемъ Сильвіи въ роли Донны Соль въ пьесѣ великаго Гюго. Инженеръ-медикъ былъ пораженъ словно ударомъ молніи. Онъ былъ охваченъ такъ всецѣло чувствомъ, или лучше сказать мыслью, нахлынувшей на него неожиданно, что инстинктивно бросился къ актрисѣ, разбивъ при этомъ зеркальную пластинку телефоноскопа.

Мысль такого ученаго, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась строго научнаго свойства. Сюльфатена осѣнила геніальная идея: до чего не будетъ онъ въ состояніи достигнуть, если ему удастся употребить на пользу науки изумительное могущество этой актрисы-медіума? Вѣдь съ помощью ея можно вызывать тѣни геніальнѣйшихъ людей предшествовавшихъ вѣковъ! Могущественнѣйшіе умы возстанутъ изъ гроба. Сильвія заставитъ ихъ говорить, и они разскажутъ ея устами научныя тайны, унесенныя съ собою въ могилу. Съ помощью этой дѣвушки удастся разъяснить сокровенныя тайны древнихъ мудрецовъ. Пожалуй даже, что, отдохнувъ втеченіе нѣсколькихъ столѣтій въ мірѣ небытія и затѣмъ ознакомившись съ нынѣшними успѣхами знанія, эти геніальные умы, вызванные къ новой жизни, додумаются сразу до такихъ диковинокъ, которыя не приходятъ на умъ обыкновеннымъ смертнымъ, привыкшимъ къ опредѣленнымъ шаблоннымъ пріемамъ мышленія...

Окутавъ истинныя свои намѣренія завѣсой самой непроницаемой тайны, Сюльфатенъ устроился такъ, чтобъ познакомиться съ родителями трагической артистки-медіума, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, сдѣлалъ ей предложеніе. Свадьба затягивалась, однако, въ долгій ящикъ, такъ какъ Сильвія въ присутствіи Сюльфатена вела себя до чрезвычайности странно. Она была иногда очень привѣтлива съ женихомъ, но, порой, обнаруживала тревожное безпокойство. Случалось, что Сильвія почти уже соглашалась на бракъ, а на слѣдующій день брала назадъ свое слово, не представляя на это никакихъ объясненій. Ко времени отъѣзда въ обручальное путешествіе

артистка была занята репетиціями новой большой пьесы, и Сюльфатену пришлось довольствоваться корреспонденціей съ ней съ помощью фонографическихъ клише. Теперь, однако, онъ чувствовалъ потребность ежедневно видѣться по телефоноскопу съ великой актрисой. Отсутствіе дѣйствительности развило у

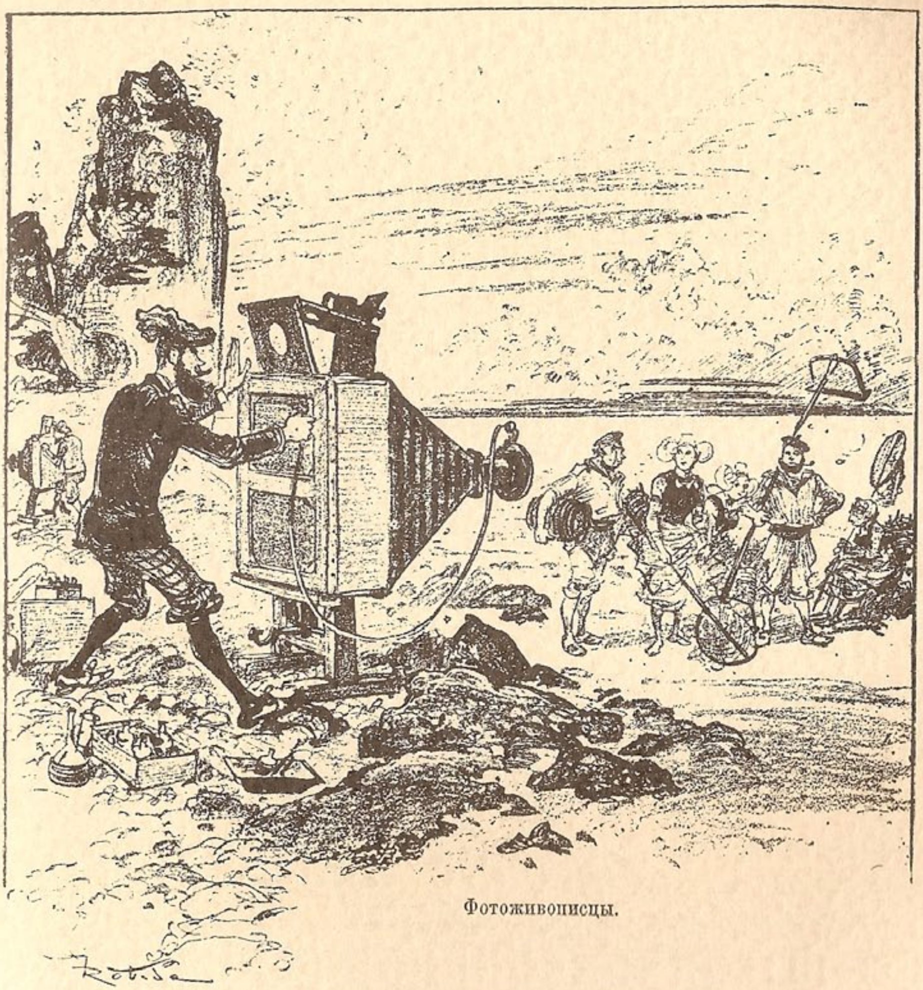

Программа обручальной поѣздки: Приспособленія для уловливанія планетной энергіи.

него недостатокъ, существованія котораго онъ до тѣхъ поръ даже и не подозрѣвалъ. Сюльфатенъ сдѣлался ревнивцемъ,—невыносимѣйшимъ ревнивцемъ, разумѣется въ интересахъ науки. Соображая, что у кого нибудь другого могла явиться такая-же идея, какъ и у него самого, и что этотъ другой съумѣетъ чего добраго за время его отсутствія завоевать себѣ симпатіи Сильвіи, инженеръ-химикъ горько сожалѣлъ о томъ, что не догадался помѣстить въ раз-

личныхъ мѣстахъ хорошенькаго ея домика миніатюрные и совершенно незамѣтные фотофонографическіе приборы, до такой степени облегчающіе щекотливое дѣло тайнаго надзора.

Кончилось тѣмъ, что Сюльфатенъ сталъ по три и по четыре раза въ день бѣгать на Керлошскую станцію и уста-

Фотоживописцы.

навливать тамъ телефоноскопическое сообщеніе съ домомъ трагической артистки, или съ ея ложей. Онъ проводилъ теперь почти всѣ вечера на представленіяхъ Мольеровскаго театра. Тѣмъ временемъ Ла-Героньеръ оставался-бы покинутымъ на произволъ судьбы, еслибъ Эстелла и Гретли не ухаживали за этимъ несчастливцемъ.

Однажды, когда все общество, за исключеніемъ Сюльфатена,

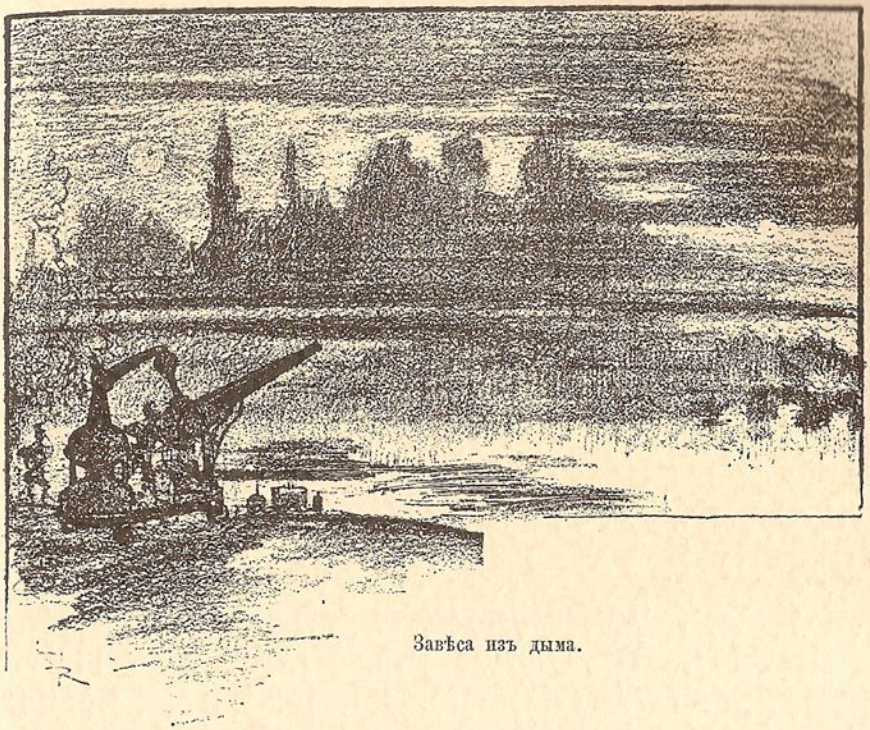
собралось въ большой залѣ Плудесканской гостинницы, гдѣ нѣсколько веселыхъ фотоживописцевъ развивали свои воззрѣнія на искусство, приправляя ихъ разными шуточками, Ла-Героньеръ, который все время сидѣлъ погрузившись въ чрезвычайно для него трудныя и мучительныя размышленія, внезапно ударилъ себя рукою по лбу и прошепталъ на ухо Жоржу:

— Эврика!.. Наконецъ-то я догадался, отчего докторъ Сюльфатенъ, несмотря на данныя ему положительныя инструкціи вызвать во что бы ни стало ссору между вами и вашей невѣстой, совсѣмъ не заботится о выполненіи возложенной на него обязанности... Онъ уже и теперь правая рука Филоксена Лорриса. Естественно, что, отстраняя васъ... или, лучше сказать, помогая вамъ отстраняться отъ занятій въ лабораторіи и отъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій... Очевидно, вы до нихъ не охотникъ!.. онъ... не помню хорошенько, что именно хотѣлъ я сказать... ахъ, да! Онъ надѣется... или правильнѣе разсчитываетъ остаться единственнымъ возможнымъ преемникомъ Филоксена Лорриса... Какая плутовская, но вмѣстѣ съ тѣмъ чертовски ловкая комбинація!... Ну-съ, поняли вы, наконецъ, въ чемъ дѣло?... Вотъ и мотайте себѣ на усъ!

Послѣ этого мозгового усилія Ла-Героньеръ пришелъ въ состояніе полнѣйшаго изнеможенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ жестокой головной боли, едва могъ держаться на ногахъ. Гретли пришлось напоить его ромашкой и уложить въ постель.

„Наконецъ-таки понялъ!“

Завѣса изъ дыма.

VII.

Приказъ явиться на службу. — Мобилизація воздушныхъ, подводныхъ и сухопутныхъ силъ XII-го армейскаго корпуса.—Восьмой полкъ химической артиллеріи отличается при оборонѣ Шателье.—Разрывные и удушающіе снаряды.— Завѣса изъ дыма.

Филоксенъ Лоррисъ, вполнѣ полагаясь на измѣнника Сюльфатена, всецѣло погрузился въ научные свои труды. Втеченіе первыхъ десяти дней послѣ отъѣзда обрученныхъ онъ даже ни разу о нихъ не вспомнилъ. Наконецъ, когда въ промежуткѣ двухъ чрезвычайно интересныхъ и поучительныхъ научныхъ изслѣдованій, у него пробудилось воспоминаніе о женихѣ и невѣстѣ, онъ внезапно припомнилъ себѣ также полученное за нѣсколько дней передъ тѣмъ письмо.

Филоксенъ до такой степени отвыкъ отъ столь несовременнаго способа корреспонденціи, что письмо это было заброшено въ уголъ, гдѣ его съ трудомъ лишь удалось отыскать. Пробѣжавъ письмо, Филоксенъ Лоррисъ узналъ, что Жоржъ по собственному усмотрѣнію измѣнилъ назначенный ему маршрутъ, хотя и утѣшалъ родителя обѣщаніемъ осмотрѣть на

обратномъ пути искусственные Овернскіе вулканы. Разгнѣвавшись на сына, который предпочелъ безцѣльно тратить время на безполезныя прогулки по некультурному уголку Бретани, великій ученый тотчасъ-же потребовалъ отъ Сюльфатена обстоятельныхъ объясненій. Отвѣтная фонограмма не заставила себя долго ждать. Инженеръ-медикъ лицемѣрно сваливалъ всю вину на Жоржа, упрямо отвергавшаго будто-бы всѣ его совѣты и предостереженія.

Обождавъ еще нѣсколько дней, Филоксенъ послалъ своему старшему секретарю лаконическую фонограмму:

— „Въ какомъ положеніи ссора? Она что-то не подвигается достаточно быстро впередъ".

Сюльфатенъ отвѣтилъ присылкою клише съ цѣлой послѣобѣденной бесѣдой между Жоржемъ и Эстеллой. Бесѣда эта была записана маленькимъ фонографомъ, ловко спрятаннымъ подъ листвою бесѣдки, гдѣ молодые люди провели весь вечеръ вдвоемъ.

Фонографическое клише наглядно выяснило Филоксену Лоррису, что до ожидаемаго разрыва было очень далеко и что самая надежда на этотъ разрывъ представлялась гадательной.

— Атавистическое вліяніе этого проклятаго предка постоянно пробивается наружу!—сказалъ самъ себѣ великій ученый. —Что-же теперь предпринять? Сюльфатенъ, очевидно, не въ состояніи справиться съ возложенной на него задачей, а потому я долженъ самъ взяться за дѣло и слегка потревожить ихъ идиллію!...

Въ качествѣ человѣка занятого, Филоксенъ Лоррисъ имѣлъ привычку не откладывать своихъ рѣшеній въ долгій ящикъ. Онъ дѣйствовалъ быстро и энергически, и Жоржъ не замедлилъ въ этомъ убѣдиться.

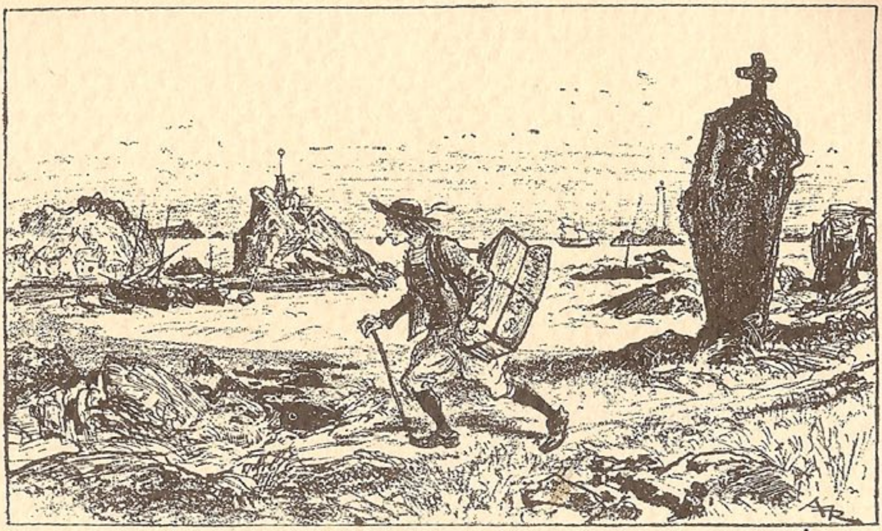
Однажды утромъ, подготовляя прогулку, на которую все общество разсчитывало отправиться въ рыбачьей лодкѣ послѣ завтрака, чтобы развлечься рыбною ловлей между прибрежными утесами, молодой человѣкъ получилъ съ нарочнымъ изъ Керлоша маленькій пакетъ и большой чемоданъ. Въ пакетѣ заключались фонограммы: одна со штемпелемъ Филоксена Лорриса, а другая за печатью военнаго министерства.

Клише, немедленно помѣщенныя въ фонографъ, оказались слѣдующаго содержанія:

Первая фонограмма заявляла слегка саркастическимъ тономъ:

„Химическая артиллерія твоего корпуса мобилизована для маневровъ. Посылаю полученный на твое имя приказъ явиться въ полкъ... Сердечно сожалѣю, что твоя очаровательная обручальная поѣздка такъ неожиданно разстраивается“.

Вторая фонограмма имѣла строго оффиціальный характеръ:

Нарочный изъ Керлоша.

Военное министерство.

XII АРМЕЙСКІЙ КОРПУСЪ.—РЕЗЕРВЪ.

ПРОБНАЯ МОБИЛИЗАЦІЯ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МАНЕВРЫ ВЪ 1956 ГОДУ.

Химическая артиллерія и наступательныя медицинскія войска съ удушающими снарядами, команды при насосахъ съ ядовитыми газами и при воздушныхъ торпедо—созываются съ 12 по 19 сего августа.

ПРИЗЫВНЫЙ ЛИСТЪ.

Капитану 17 батареи 8 полка химической артиллеріи Жоржу Лоррису предписывается прибыть 12 августа къ пяти часамъ утра въ Шатоленъ въ химическое военное депо и принять тамъ начальство надъ своей батареей.

— Этого еще только недоставало! — съ неудовольствіемъ воскликнулъ Жоржъ. — Что-бы могъ значить этотъ приказъ, когда вѣдь предполагалось устроить пробную мобилизацію лишь

въ будущемъ году?.. Понимаю! Инженеръ-генералъ химической артиллеріи Филоксенъ Лоррисъ, безъ сомнѣнія, ускорилъ мобилизацію, чтобы разстроить обручальную поѣздку злополучнаго капитана Жоржа Лорриса... Держу пари, что въ этомъ чемоданѣ уложенъ мой мундиръ... Ну, такъ и есть!..

— Какое несчастье,—замѣтила Эстелла.—Наша поѣздка такъ неожиданно заканчивается!

— Вовсе нѣтъ,—возразилъ Сюльфатенъ.—Маневры назначены вѣдь въ Шатоленѣ, т. е. по сосѣдству отсюда,—въ двухъ шагахъ отъ національнаго парка. Никто не мѣшаетъ и намъ съ вами на нихъ присутствовать... Мы искали себѣ развлеченія, и благодѣтельное начальство намъ его доставило. Мы будемъ имѣть теперь удовольствіе любоваться блестящимъ капитаномъ Лоррисомъ въ полномъ боевомъ снаряженіи во главѣ его батареи...

— Жаль только, что маневры нашей химической артиллеріи не представляютъ собою ничего любопытнаго, — замѣтилъ Жоржъ.

— Ничего, мы ими всетаки полюбуемся!—сказала Эстелла.

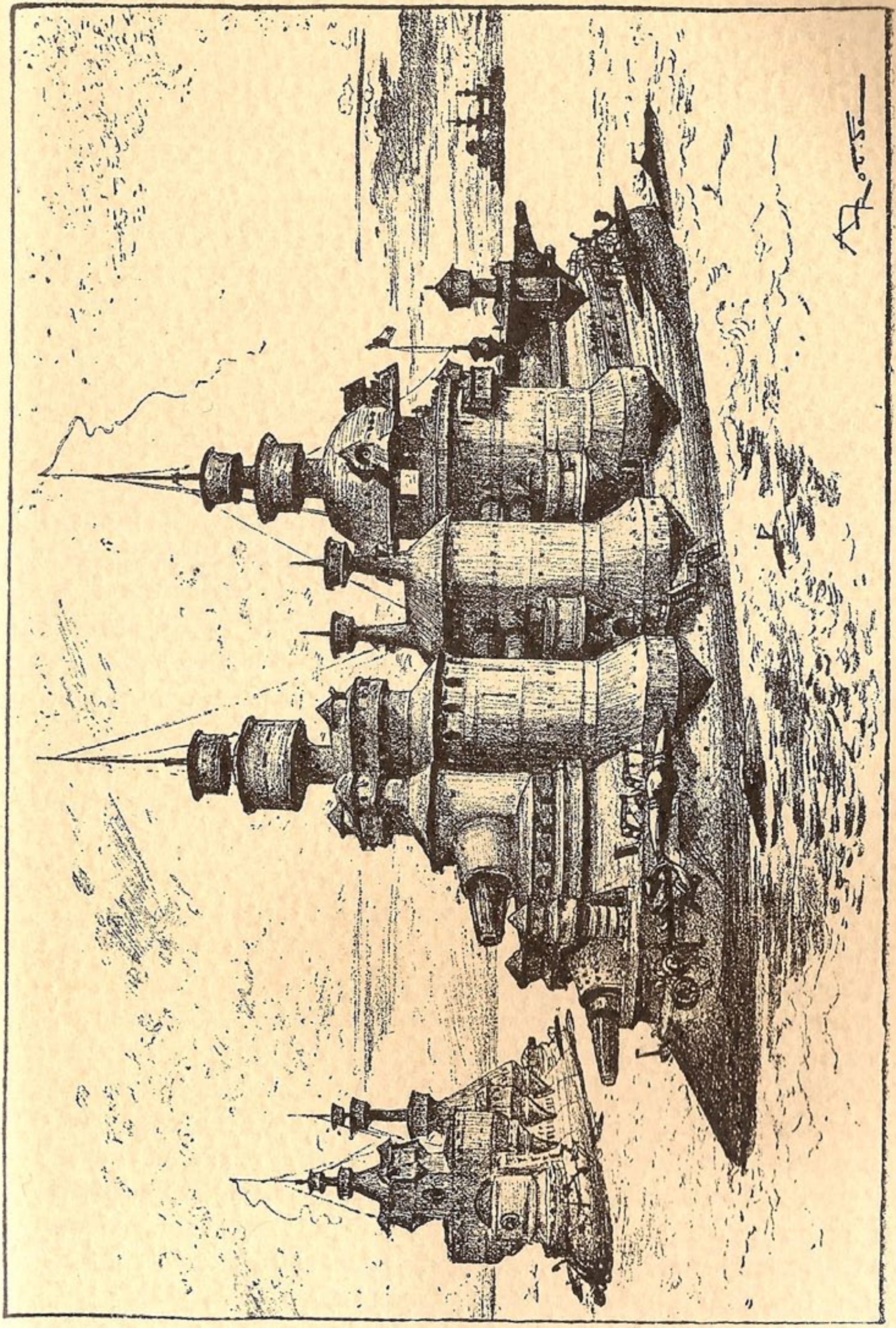
— Если только это не опасно,—промолвила осторожная Гретли.

— Въ вашемъ присутствіи, милая Эстелла, я терпѣливо перенесу мою невзгоду и постараюсь отличиться со своей батареей въ какомъ-нибудь фиктивномъ сраженіи,—со смѣхомъ объяснилъ совершенно развеселившійся уже Жоржъ.

Было рѣшено, что онъ выѣдетъ въ тотъ же день въ десять часовъ вечера въ Керлошъ, откуда труба электро-пневматическаго сообщенія доставитъ его въ Шатоленъ.

Очаровательная Эстелла и Гретли, въ сопровожденіи Сюльфатена и Ла-Героньера, чрезвычайно утомленнаго затратой мозговой энергіи на разгадываніе замысловъ инженеръ-медика, должны были пріѣхать въ Шатоленъ на другой день утромъ.

Нынѣшнія арміи являются въ высшей степени сложными организмами, всѣ колеса и пружины которыхъ должны дѣйствовать съ абсолютною точностью и правильностью. Чтобъ машина работала какъ слѣдуетъ, составные ея элементы и добавочные ихъ аксессуары должны съ необычайной аккуратностью сцѣпляться другъ съ другомъ, безъ всякихъ толчковъ и вреднаго тренія.

Типы боевыхъ судовъ XX столѣтія.

Увы, это необходимо теперь болѣе чѣмъ когда-либо! Добродушные мечтатели минувшихъ вѣковъ воображали себѣ, что прогрессъ, въ тріумфальномъ своемъ шествіи по аренѣ нашихъ цивилизацій, улучшитъ какъ людей, такъ и учрежденія и водворитъ разъ навсегда вѣчный миръ. Въ дѣйствительности, однако, оказалось, что прогрессъ, приводя народы въ болѣе тѣсное соприкосновеніе, вызвалъ вслѣдствіе этого самаго лишь болѣе запутанныя столкновенія интересовъ, соотвѣтственно увеличенію числа поводовъ и случаевъ къ войнѣ.

Нынѣшніе нравы и обычаи, — обусловливающіе своей совокупностью нынѣшній образъ мыслей, въ такой-же степени отличаются отъ образа мыслей прошлаго столѣтія, въ какой нынѣшнее политическое положеніе отличается отъ тогдашняго. Извѣстно, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ ничтожная Европа распоряжалась всѣмъ земнымъ шаромъ, опираясь на могущество, которое доставляли ей научныя знанія. Правда, что они находились тогда еще въ зачаточномъ состояніи но зато она владѣла, если можно такъ выразиться, ихъ монополіей. Политическимъ дѣятелямъ приходилось по этому принимать въ разсчетъ одну только Европу. Теперь наука разлилась почти равномѣрно по всей земной поверхности. Одинъ и тотъ же научный уровень установился приблизительно для всѣхъ народовъ, не исключая древнихъ азіатскихъ націй, которыхъ клеймили когда-то столь незаслуженнымъ презрѣніемъ, и миніатюрныхъ новорожденныхъ народцевъ, выросшихъ на отдаленныхъ островкахъ океана изъ нѣскольнихъ дюжинъ переселенцевъ, или же ссыльныхъ и каторжниковъ. Теперь необходимо принимать во вниманіе весь земной шаръ, такъ какъ всѣ обладаютъ одинаковыми взрывчатыми снарядами и прочими усовершенствованными приспособленіями и средствами для нападенія и обороны.

Что бы сказали теперь мечтатели о всеобщемъ международномъ братствѣ? О, кроткіе утописты, наивные и простосердечные историки, проклинавшіе насилія прежнихъ временъ: завоевательныя войны, предпринимавшіяся честолюбивыми государями для округленія своихъ владѣній частичками чужихъ областей, и войны, вызывавшіяся національнымъ тщеславіемъ безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей, единственно лишь ради выясненія вопроса о главенствѣ той или другой расы! Какъ-бы отнеслись вы къ послѣдовавшей у насъ перемѣнѣ взглядовъ и убѣжденій!

Прежняя воинская доблесть, смѣнившаяся теперь фаталистической стойкостью живыхъ мишеней.

О, кроткіе мечтатели и поэты! Никто теперь не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на такіе пустяки, изъ-за которыхъ велись еще въ средневѣковомъ хаосѣ девятнадцатаго столѣтія ничтожныя войны между государями, спорившими за обладаніе какимъ-нибудь герцогствомъ, или между національностями, стремившимися къ объединенію. Почти въ такой-же степени кажутся теперь смѣшными и болѣе крупныя войны, предпринимавшіяся тогда для установленія или сохраненія такъ называемаго международнаго политическаго равновѣсія!

Все это признается теперь чистѣйшимъ вздоромъ. Эти распри и кровопролитныя войны, которыя вы проклинали съ такимъ благороднымъ негодованіемъ, считаются теперь всѣ, почти въ одинаковой степени, проявленіями туманнаго идеализма, господствовавшаго тогда надъ умами. Самые страстные воители всегда толковали о какомъ-то *правѣ*. Обѣ стороны при тогдашнихъ войнахъ думали, или-же притворялись, что думаютъ, будто сражаются за справедливость, свободу, или даже за братство между народами! Теперь у насъ безраздѣльно господствуетъ реализмъ. Мы воюемъ нисколько не рѣже и даже напротивъ того чаще чѣмъ въ былыя времена, но войны у насъ ведутся не ради какихъ-либо мечтательныхъ идей, или бредней, а всегда для пріобрѣтенія серьезныхъ ощутительныхъ выгодъ въ смыслѣ важныхъ матеріальныхъ интересовъ.

Если, напримѣръ, промышленность какого-нибудь народа страдаетъ вслѣдствіе того, что какая-нибудь сосѣдняя, или-же отдаленная нація, благодаря природѣ или искусству, можетъ производить тѣ-же товары дешевле,—немедленно возгорается война, которая путемъ разрушенія промышленныхъ центровъ у побѣжденныхъ, или-же заключеніемъ договора, продиктованнаго разрывными и удушающими торпедо, разрѣшаетъ вопросъ о томъ, кому именно хозяйничать на рынкѣ.

Если, напримѣръ, наша торговля нуждается въ сбытѣ для произведеній промышленности, Беллона въ грозномъ своемъ всеоружіи немедленно-же берется отыскать желаемый сбытъ. Вынужденные ею торговые трактаты оказываются безъ сомнѣнія недолговѣчными, но во всякомъ случаѣ они успѣваютъ обогатить цѣлое поколѣніе. Притомъ-же, если договоръ съ однимъ государствомъ окажется несостоятельнымъ, то можно навязать подобное-же коммерческое соглашеніе какому-нибудь

другому слабосильному государству, не съумѣвшему оградить себя достаточно могущественными союзами.

Во время торжества науки и устройства грандіозной промышленной эксплоатаціи земныхъ материковъ, нѣкоторыя государства, нерасполагавшія достаточными средствами для первоначальнаго обзаведенія, вошли въ крупные долги. Государства эти очень мило подсмѣивались сперва надъ раззорившимися своими кредиторами, но смѣхъ этотъ оказался во многихъ случаяхъ преждевременнымъ. Долговыя обязательства существуютъ и перешли въ твердыя руки могущественныхъ націй, обладающихъ достаточной вооруженной силой для того, чтобъ обезпечить себѣ уплату должныхъ процентовъ со всѣми причитающимися неустойками. Иногда, впрочемъ, устраиваются еще ловче: объявляютъ задолжавшее государство несостоятельнымъ, захватываютъ себѣ всѣ поступающіе въ его казну доходы и фактически обращаютъ все его населеніе въ рабство.

Такимъ образомъ идутъ теперь дѣла всюду, какъ въ престарѣлой Европѣ, территоріальныя границы которой подвергаются довольно частымъ измѣненіямъ, такъ и въ Америкѣ, раздѣлившейся на нѣсколько клочьевъ, незаконно именующихъ себя государствами, и въ болѣе компактной Азіи, которую все надежнѣе прибираетъ къ рукамъ стойкая, жадная и плодовитая китайская раса.

При такихъ обстоятельствахъ наша архинаучная цивилизація окружаетъ каждое государство массой опасностей въ скрытомъ состояніи и старинная поговорка: „Если хочешь мира, готовься къ войнѣ“, оказывается теперь справедливой болѣе чѣмъ когда-либо. Для обезпеченія внѣшняго мира, необходимо держать армію во всегдашней боевой готовности и тщательно охранять свои предѣлы съ сухого пути, съ моря и со стороны атмосферы. Для того, чтобы военная машина пребывала во всегдашней готовности ежечасно и ежеминутно проявить всю свою энергію по первому востребованію, или точнѣе сказать, по сигналу, поданному нажатіемъ электрической кнопки въ кабинетѣ военнаго министра, необходима тщательнѣйшая детальная отдѣлка всего военнаго механизма и содержаніе всѣхъ его частей въ полнѣйшей исправности.

Этого удалось достигнуть,—разумѣется, цѣною громадныхъ усилій.

Все предусмотрѣно, соображено и улажено. Нынѣшняя наша военная организація является такимъ образцовымъ произведеніемъ механики, которое сдѣлало-бы честь совмѣстному генію Вокансона, Наполеона I и Эдиссона.

12-го августа, ровно въ 5 часовъ утра по оффиціальнымъ электрическимъ часамъ, когда Шатоленскіе обыватели едва только еще пробуждались отъ сна, сотня резервныхъ офицеровъ въ различныхъ чинахъ прибыла по трубамъ электро-пневматическаго сообщенія и на воздушныхъ корабляхъ раз-

Жоржъ Лоррисъ въ мундирѣ.

личныхъ наименованій. Съ первымъ ударомъ часоваго колокола офицеры уже явились въ депо химической артиллеріи, гдѣ ихъ встрѣтилъ командиръ восьмого полка.

Жоржъ былъ въ изящномъ простомъ капитанскомъ своемъ мундирѣ: темнокоричневомъ казакинѣ, обшитомъ чернымъ шнуркомъ, черныхъ брюкахъ, сапогахъ и каскѣ съ раздвижнымъ забраломъ, закрывавшимся при производствѣ химическихъ операцій съ ядовитыми веществами. Резервуаръ кислорода съ эластичною трубкой, револьверъ, дѣйствующій сжатымъ воздухомъ, и сабля—дополняли боевое его снаряженіе.

Саблю удерживаютъ въ нашихъ войскахъ лишь по традиціи въ качествѣ послѣдняго остатка средневѣкового вооруже-

нія. На поляхъ современныхъ сраженій давно уже не употребляютъ въ дѣлоэтого громоздкаго оружія, которое оказывается сравнительно мало дѣйствительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неудобнымъ, вслѣдствіе предъявляемыхъ имъ значительныхъ требованій по части физической силы и ловкости.

Современная Беллона располагаетъ приспособленіями гораздо лучшими, чѣмъ эти мечи, пригодные развѣ лишь для разрѣзанія жаркого въ мирное время на какой-нибудь стоянкѣ. Уже разнообразныя наши взрывчатыя средства, списокъ которыхъ достигаетъ изрядной длины, не въ примѣръ дѣйствительнѣе

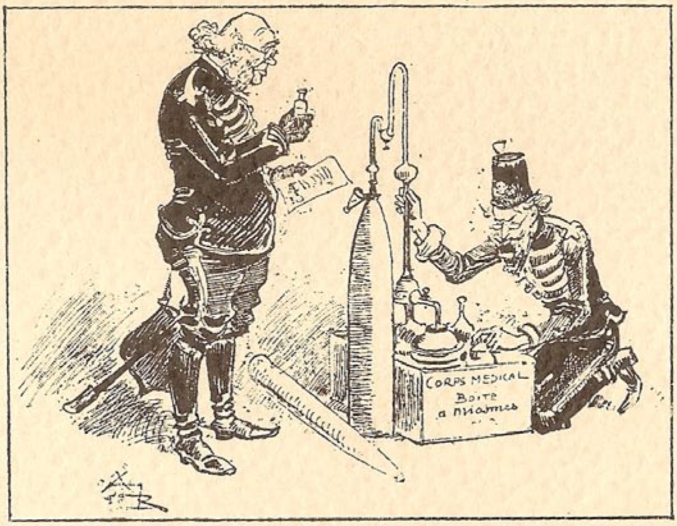

Новоизобрѣтенное орудіе.—Міазматическая картечница-пульверизаторъ удостоена большой медали на выставкѣ 1944 года.

варварскихъ способовъ взаимнаго истребленія, практиковавшихся полтора вѣка тому назадъ. За послѣднее время однако и эти взрывчатыя средства начинаютъ выходить изъ моды. Дѣло въ томъ, что мы обладаемъ теперь цѣлымъ рядомъ удушливыхъ и парализующихъ газовъ, которые очень удобно выбрасывать по трубкамъ на близкія разстоянія, или-же посылать съ помощью электрическихъ пушекъ верстъ за тридцать или за сорокъ въ непріятельскіе ряды въ маленькихъ бомбахъ, состоящихъ изъ тонкой стеклянной оболочки. Сверхъ того, у насъ имѣется особая міазматическая артиллерія боеваго медицинскаго

корпуса. Организація ея еще не закончена, но ея грозные кессоны съ міазмами и гранаты, снаряженныя болѣзнетворными микробами, начинаютъ уже постепенно оцѣниваться по достоинству.

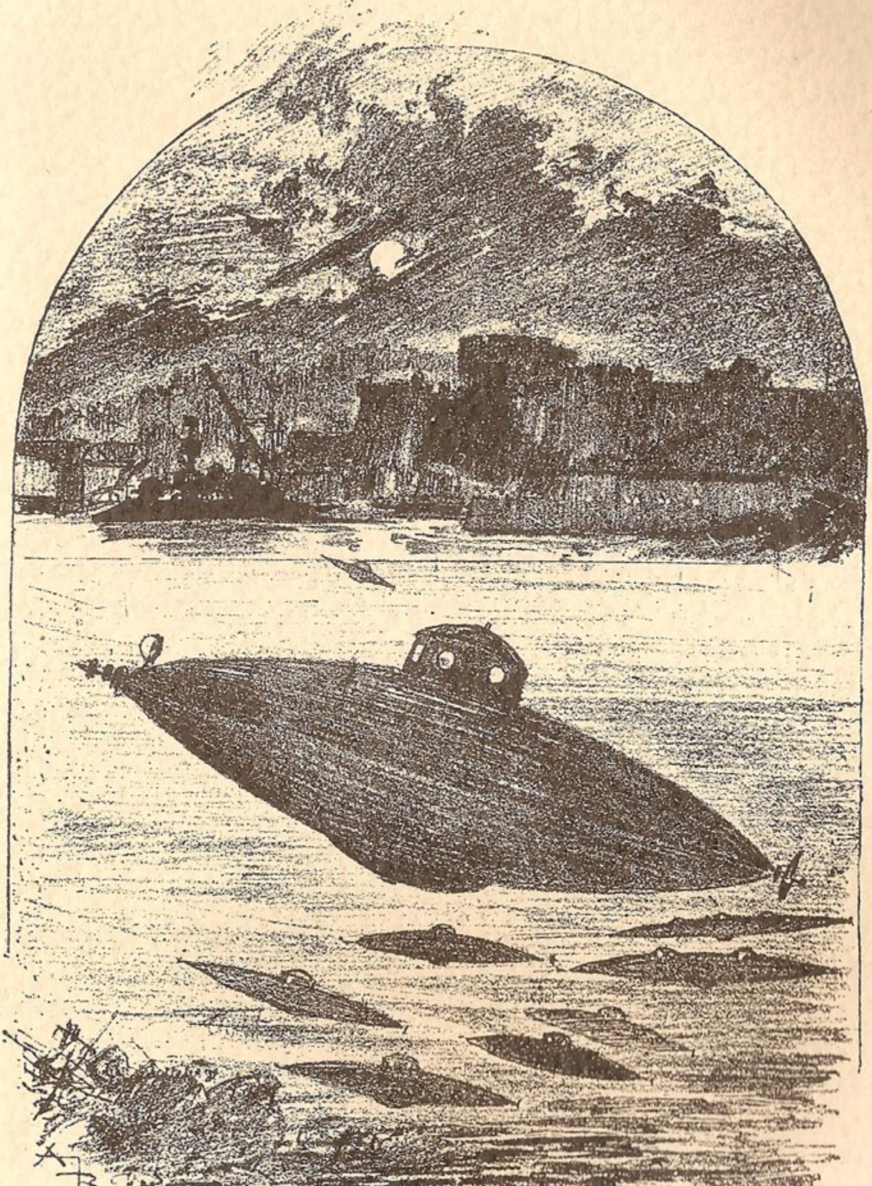
Да, мы оставили далеко за собой древніе рыцарскіе мечи и сѣкиры, крошившіе враговъ, какъ капусту. Современное вооруженіе значительно превосходитъ всѣ рѣжущіе и колющіе инструменты, которыми втеченіе стольких вѣковъ работали по преимуществу на поляхъ сраженій. Правда, встрѣчаются и теперь пессимисты, которые, скептически относясь къ прогрессу, сожалѣютъ объ этихъ варварскихъ приспособленіяхъ

Боевой медицинскій корпусъ.

и утверждаютъ, будто чудеса науки, примѣненной къ военному дѣлу, убили истинное мужество и уничтожили геройскіе порывы, побуждавшіе храбрыхъ устремляться на врага въ горячій и честный рукопашный бой. Если вѣрить этимъ пессимистамъ, пришлось-бы допустить, что воинская доблесть, сданная теперь за безпомощностью и безцѣльностью въ архивъ, замѣнилась пассивнымъ фатализмомъ, дозволяющимъ человѣку стоять словно бездушная цѣль подъ непріятельскими выстрѣлами...

Не стоитъ, впрочемъ, распространяться по поводу такихъ очевидно нелѣпыхъ соображеній и сожалѣній!.. Да здравствуетъ прогрессъ!..

Подводныя суда овладѣваютъ Брестомъ.

Въ пять часовъ съ четвертью восьмой полкъ химической артиллеріи былъ уже укомплектованъ своими резервистами, прибывшими съ особымъ поѣздомъ изъ Бретани по большой трубѣ электропневматическаго сообщенія, развѣтвляющейся въ Морлэ. Ихъ немедленно снабдили форменной одеждой и снарядами, а также семидневнымъ запасомъ концентрированной говядины въ видѣ пилюль. Въ пять часовъ сорокъ восемь минутъ, по сигналу, поданному свисткомъ, всѣ двадцать батарей восьмого полка, сверкая въ лучахъ восходящаго солнца, выстроились на учебномъ полѣ передъ депо.

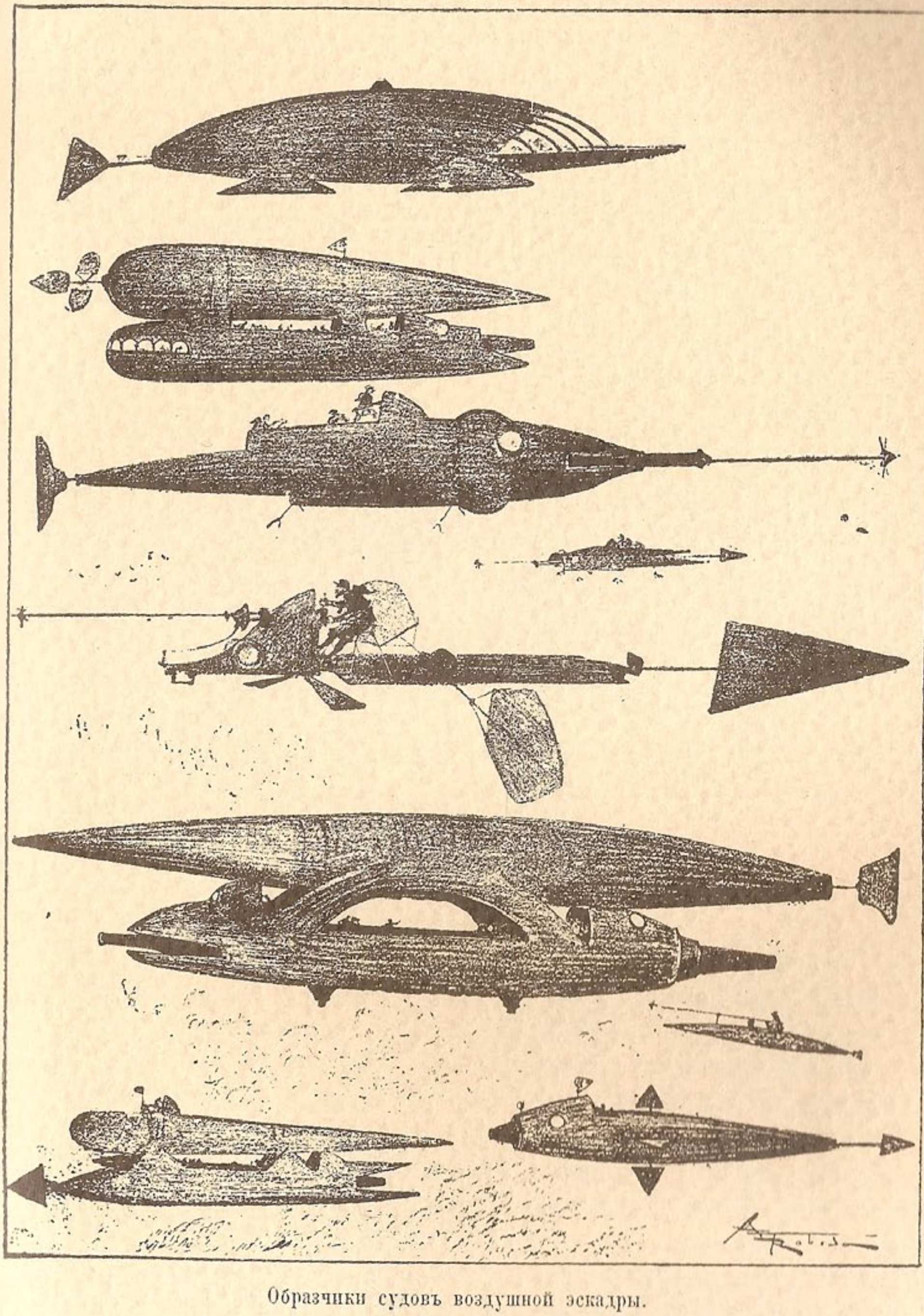
Три минуты спустя прибыли со своими насосами команды боеваго медицинскаго корпуса, соединенныя въ четыре сводныя роты. Почти одновременно съ ними явились въ воздухѣ, на высотѣ двухсотъ метровъ надъ полемъ, вылетѣвшія изъ депо воздушныя торпедо. Генералъ, командовавшій маневрами, прибывшій ровно въ шесть часовъ во главѣ блестящаго своего штаба, быстро промчался вдоль фронта войскъ.

Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ командировъ отдѣльныхъ частей, чтобъ сообщить имъ программу маневровъ и отдать соотвѣтственныя приказанія.

Предполагалось, что непріятель, роль котораго приняла на себя первая дивизія корпуса, выступившая еще наканунѣ въ походъ, овладѣлъ Брестомъ, введя незамѣтнымъ образомъ въ тамошній портъ множество такъ называемыхъ „губе", грозныхъ и трудно улавливаемыхъ подводныхъ миноносокъ, изобрѣтенныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія и превратившихъ морскую войну въ рядъ самыхъ дерзновенныхъ неожиданностей. Эти подводныя миноноски взорвали всѣ укрѣпленія, которыя могли противодѣйствовать высадкѣ непріятельскихъ силъ.

Направляясь отъ Бреста къ Ренну, непріятель угрожалъ правымъ своимъ крыломъ шатоленской позиціи, которую старалась обойти воздушная его эскадра.

При такихъ обстоятельствахъ слѣдовало принять самыя энергическія мѣры для обороны Шатолена. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо было попытаться отрѣзать легкія воздушныя эскадры и летучія торпедо вражескаго авангарда, насытить атмосферу нѣкоторыхъ мѣстностей ядовитыми газами, вытѣснить во что бы ни стало непріятеля изъ занятыхъ имъ городовъ, селеній, деревень и другихъ позицій и, наконецъ, отбросить его

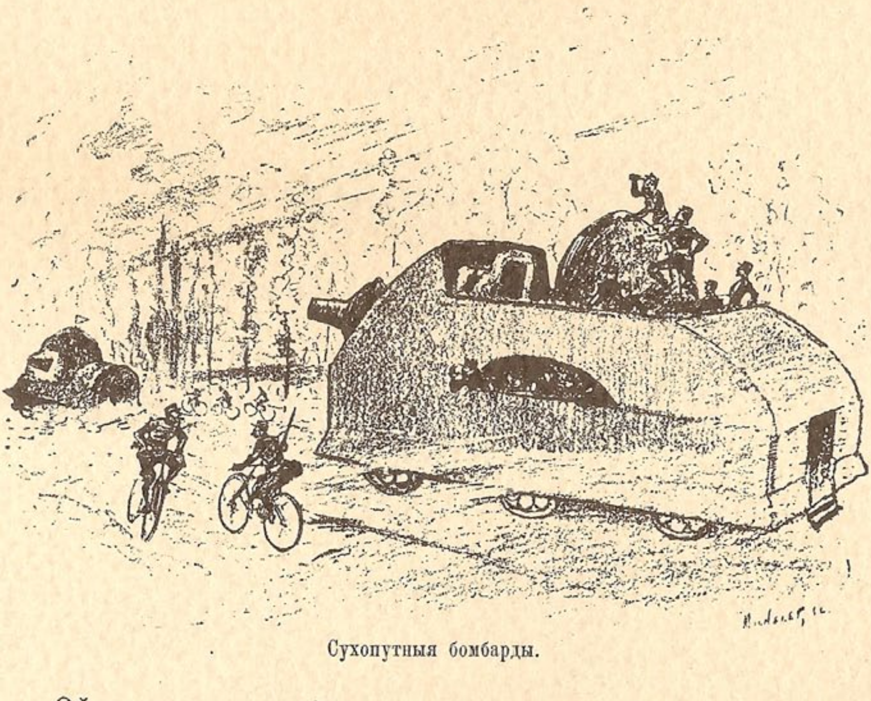

Образчики судовъ воздушной эскадры.

къ берегу, или-же въ мѣстности, гдѣ воздухъ, благодаря стараніямъ боеваго медицинскаго корпуса, долженъ считаться неспособнымъ къ поддержанію жизни.

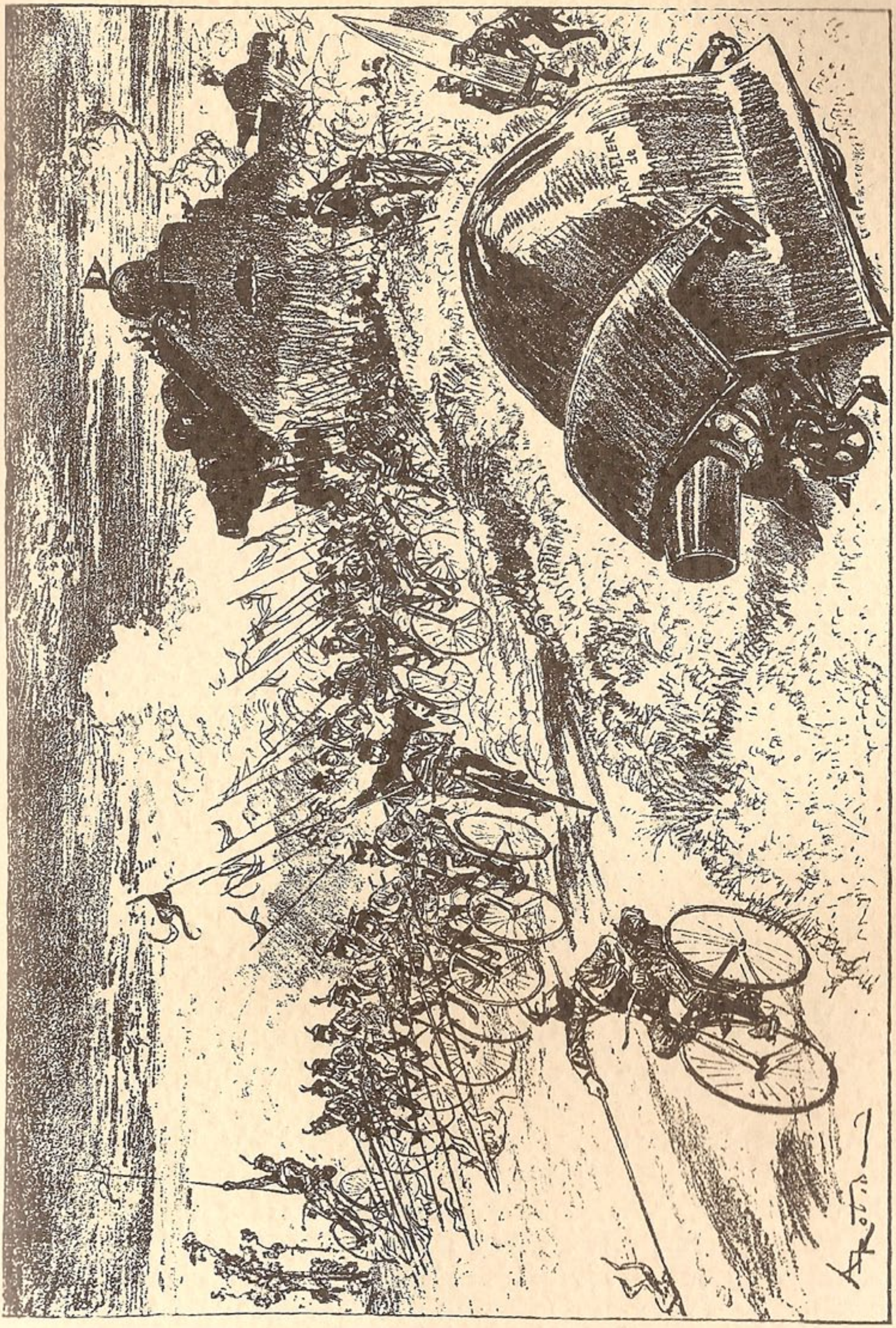
Въ четверть седьмого эти оборонительныя дѣйствія начались по всей линіи.

На мобилизацію потребовался всего часъ съ четвертью. Результатъ этотъ оказывался самъ по себѣ весьма удовлетворительнымъ, такъ какъ въ предшествовавшемъ опытѣ ее удалось закончить лишь въ часъ восемнадцать минутъ.

Сухопутныя бомбарды.

Офицеры воздушной эскадры, давъ полный ходъ винтовымъ своимъ самолетамъ, быстро вернулись на свои мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлая туча быстроходныхъ,—такъ называемыхъ летучихъ— торпедъ устремилась впередъ, разсыпавшись по небу словно вѣеромъ, и вскорѣ исчезла въ туманной дали. За торпедами двигались большіе воздушные корабли, выстроившись въ одну громадную линію, интервалы которой все болѣе расширялись для того, чтобъ дозволить охватъ возможно большей части горизонта. Эти линейные корабли шли сравнительно медленнымъ ходомъ, оставаясь на готовѣ устремиться по первому сигналу туда, гдѣ будетъ замѣчена непріятельская передовая эскадра.

На маневрахъ. Аттака велосипедистовъ.

Тѣмъ временемъ сухопутныя силы тоже двинулись впередъ. Особый поѣздъ электропневматическаго сообщенія доставилъ нѣсколько батальоновъ картечницъ до тридцатой версты отъ Шатолена, гдѣ предполагалось, что пневматическая труба уже разрушена непріятельскими развѣдчиками.

Непріятель былъ вскорѣ розысканъ. Передовые его посты на летучихъ торпедо и двухколесныхъ велосипедахъ оказались вынужденными податься назадъ. Главныя вражескія силы очевидно сосредоточивались на позиціи въ шестнадцати верстахъ за линіей своихъ аванпостовъ. Самодвижущіяся электрическія бомбарды, прибывшія по сухопутнымъ дорогамъ въ сорокъ пять

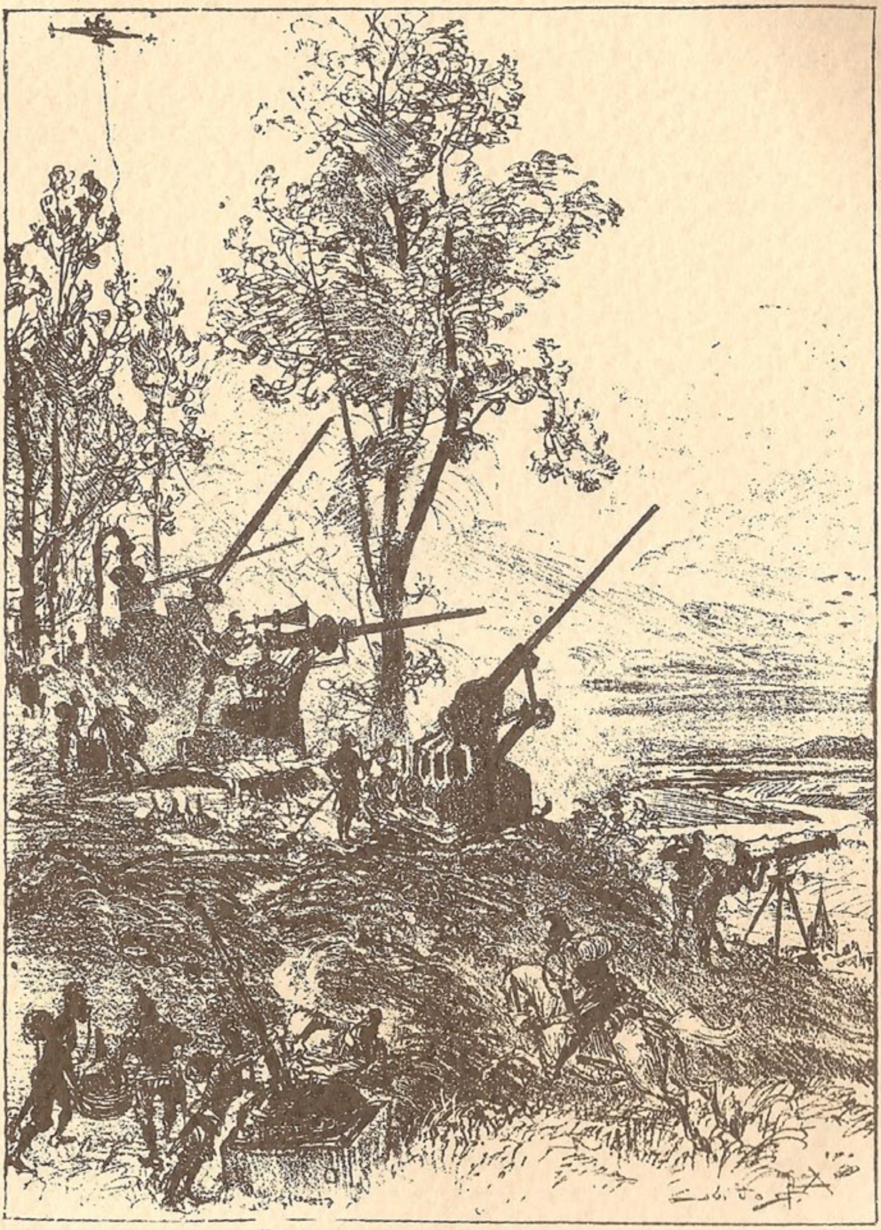

Стрѣлковая цѣпь.

минутъ одиннадцатаго утромъ, начали аттаку, отразивъ непріятельскія бомбарды и принудивъ ихъ къ отступленію.

Весь день прошелъ въ маневрахъ, въ которыхъ обѣ стороны выказали одинаковое искусство. Непріятель успѣлъ прикрыться нѣсколькими рядами подрывныхъ фугасовъ, которые въ настоящей войнѣ причинили-бы аттакующему громадныя потери. Приходилось наступать съ чрезвычайной осторожностью, разыскивая фугасы и обходя встрѣчныя препятствія. Картечныя роты, разсыпавшіяся по отдѣленіямъ, постепенно подавались, однако, впередъ, пользуясь всѣми мѣстными закрытіями и перенося на рукахъ резервуары со снарядами. Офи-

церы и унтеръ-офицеры шли въ первыхъ рядахъ, тщательно изслѣдуя даль усовершенствованными лорнетами-телескопами

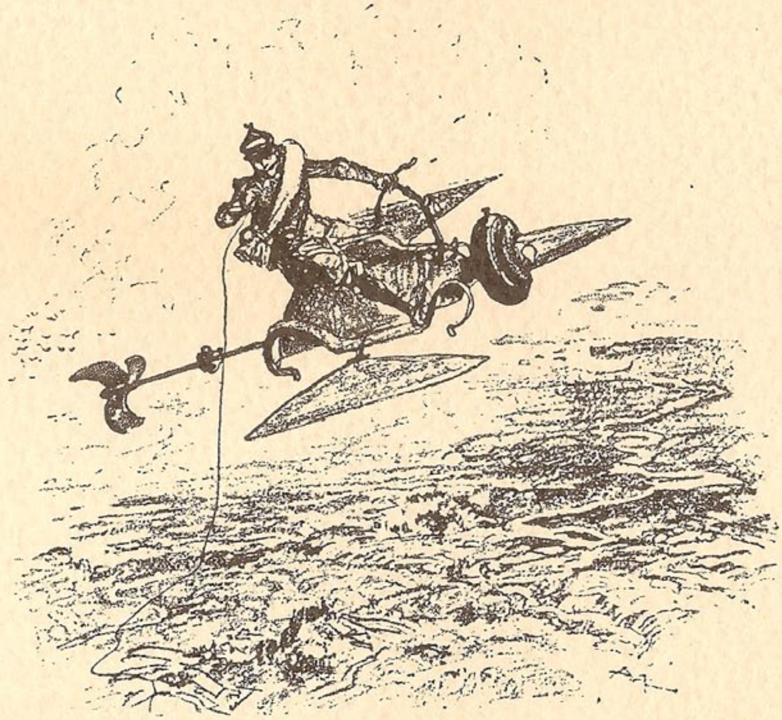

Баттарея химической артиллеріи.

и вычисляя разстоянія съ помощью имѣвшихся при себѣ карманныхъ таблицъ. Какъ только картечное отдѣленіе оказывалось въ разстояніи вѣрнаго выстрѣла, т. е. въ четырехъ

верстахъ отъ видимаго непріятеля, каждый солдатъ привинчивалъ къ скорострѣльному своему ружью гибкую трубку отъ резервуара со снарядами и немедленно открывалъ огонь.

Химическая артиллерія, державшаяся въ десяти верстахъ позади передовой цѣпи, обстрѣливала непріятельскія позиціи, слѣдуя указаніямъ развѣдчиковъ на винтовыхъ самолетахъ. Само собой разумѣется, что при наводкѣ орудій приходилось соображаться съ подробною картой, такъ какъ цѣль, нахо-

Развѣдчики на винтовомъ самолетѣ.

дившаяся всегда по меньшей мѣрѣ въ двѣнадцати или пятнадцати верстахъ, неизбѣжно оставалась невидимой. Въ случаѣ настоящей войны артиллерія эта осыпала-бы указанные ей развѣдчиками пункты страшными разрывными снарядами, или же гранатами съ ядовитыми газами.

Воздушная эскадра вскорѣ исчезла изъ виду и не показывалась въ теченіе цѣлаго дня. Къ вечеру оборонительный отрядъ одержалъ мѣстами верхъ надъ аттакующимъ. При этомъ однако обнаружилось, что непріятелю удалось замаскировать обходное

движеніе на правомъ крылѣ. Такимъ образомъ, собственно говоря, въ первый день маневровъ преимущество оказалось на сторонѣ аттакующаго.

Главнокомандующій оборонительнаго отряда оставилъ въ Шатоленѣ резервъ изъ пяти батарей восьмого полка и цѣлый батальонъ боеваго медицинскаго корпуса. Какъ мы увидимъ, эта благоразумная мѣра предосторожности оказалась далеко не безполезной. Батарея Жоржа Лорриса принадлежала къ резервному отряду, прикрывавшему городъ, а потому молодой человѣкъ имѣлъ возможность принять сравнительно приличнымъ образомъ свою невѣсту и пріятелей, удостоив-

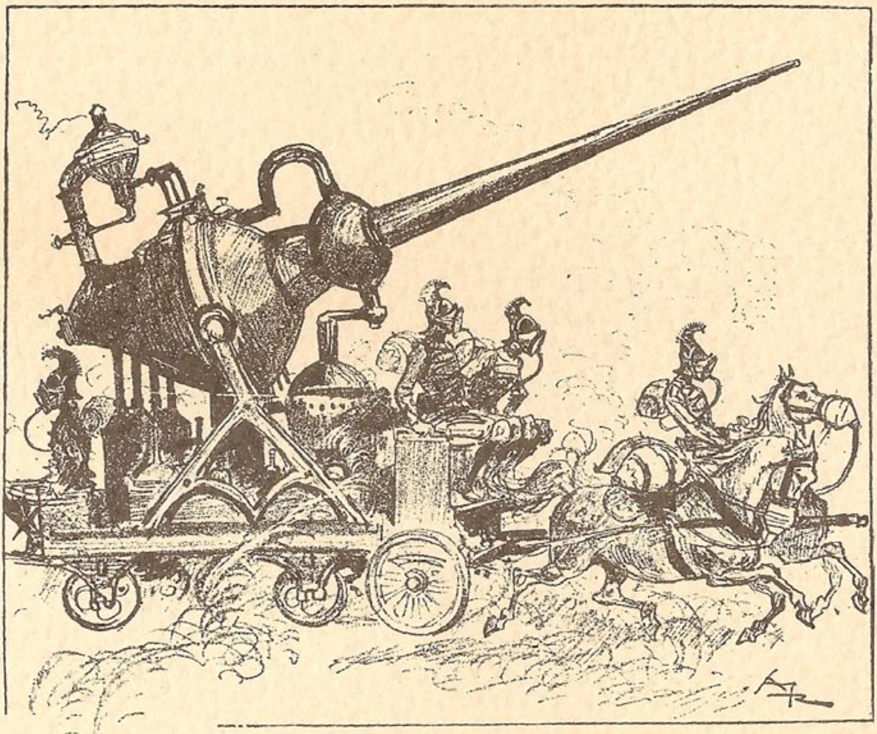

Завтракъ на полѣ битвы.

шихъ его посѣщеніемъ и помѣстить ихъ въ порядочной гостинницѣ, живописно расположенной на холмѣ, откуда открывался видъ на все теченіе рѣки. Онъ угостилъ Эстеллу въ лагерѣ химической артиллеріи настоящимъ военнымъ завтракомъ, такъ какъ гостямъ приходилось сидѣть на ящикахъ съ торпедами, бомбами и всевозможными взрывчатыми веществами.

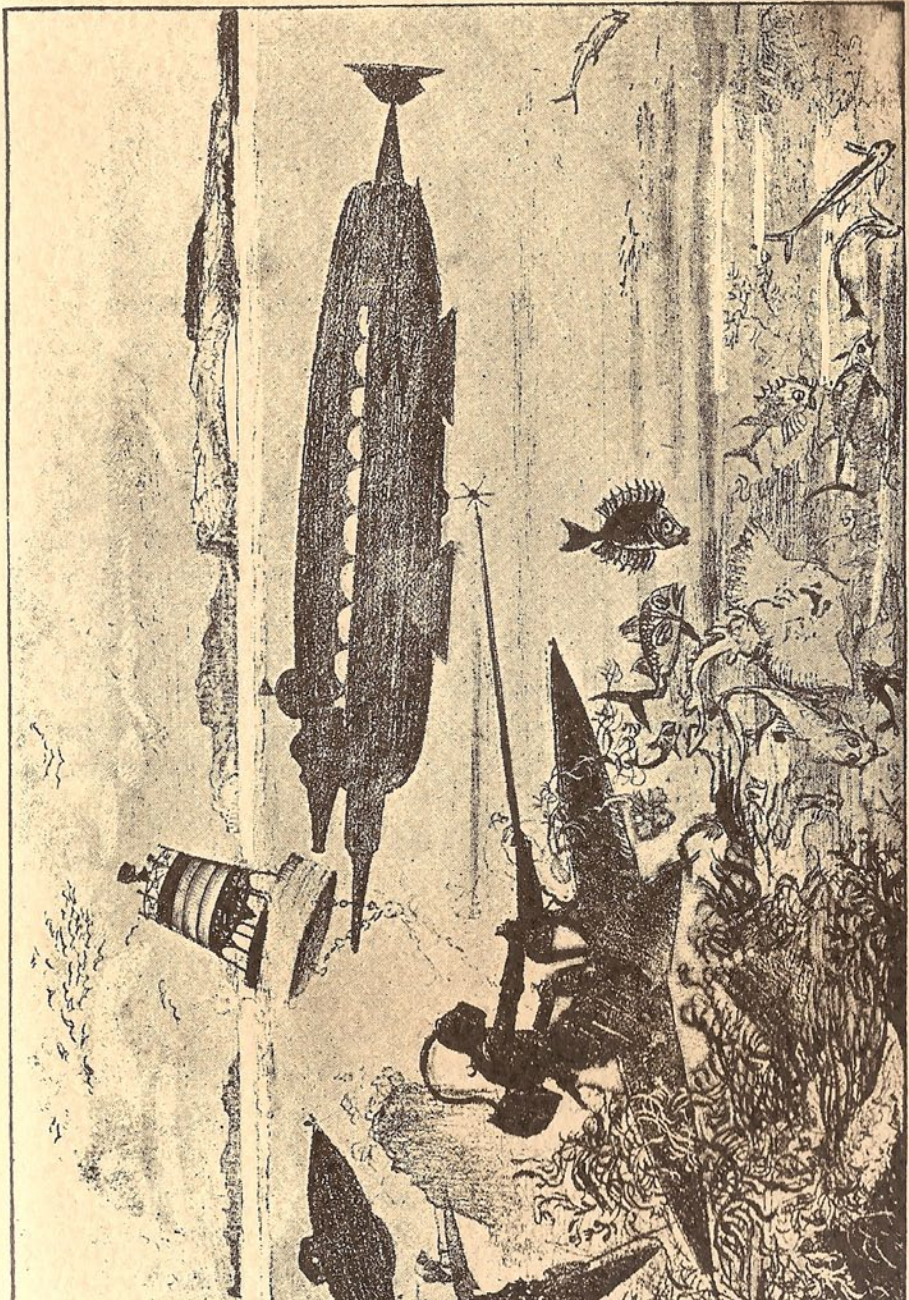
Послѣ полудня, убѣдившись, что, провѣривъ матеріальную часть въ своей батареѣ, будетъ располагать еще нѣкоторымъ количествомъ свободнаго времени, Жоржъ Лоррисъ вытребовалъ небольшой воздушный самолетъ и отправился на немъ съ своими пріятелями осматривать ходъ сраженія. За не-

возможностью выдвинуться на передовую линію, гдѣ угрожала опасность попасть въ руки непріятеля, не удалось, однако, почти ничего увидѣть. На всемъ протяженіи громадной открытой мѣстности можно было замѣтить лишь кое-гдѣ отдѣльныя группы безконечно-малыхъ человѣчковъ, двигавшіяся вдоль заборовъ. Тамъ и сямъ вздымались иногда облака дыма, тотчасъ же расходившіяся въ воздухѣ.

Одно изъ орудій 8-й батареи химической артиллеріи.

Никто не подозрѣвалъ возможности нападенія на Шатоленъ, а потому Жоржъ отправился обѣдать въ гостинницу, гдѣ помѣстилъ своихъ пріятелей, провелъ съ ними очень весело весь вечеръ и затѣмъ лишь вернулся къ себѣ въ казармы. Ему не суждено было, однако, провести эту ночь спокойно. Между тремя и четырьмя часами утра, городъ, почивавшій мирнымъ сномъ, былъ внезапно пробужденъ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Непріятель, которому удалось совершить обходное движеніе, сдѣлалъ попытку захватить Шатоленъ нечаяннымъ нападеніемъ. Къ счастію, передовые отряды обороняющагося успѣли остановить

Морскіе маневры. Внезапное нападеніе торпедчиковъ на подводный броненосецъ.

непріятельское наступленіе верстахъ въ восьми отъ города. Благодаря этому, можно было подготовиться къ упорной защитѣ.

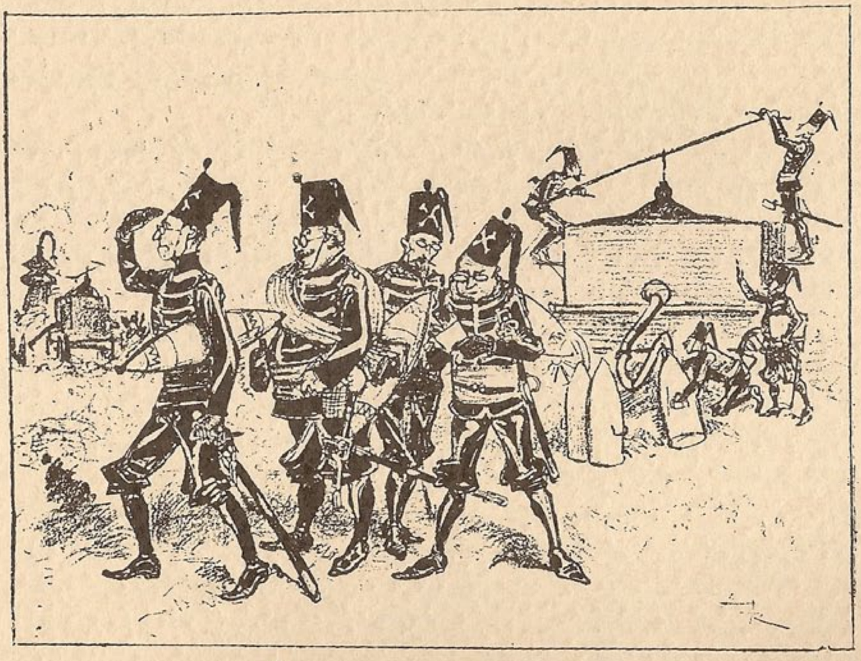
На глазахъ у остановившихся въ гостинницѣ путешественниковъ, проснувшихся при первыхъ же выстрѣлахъ,—на глазахъ у Эстеллы, любовавшейся своимъ женихомъ, когда онъ мчался впереди своей батареи и у бѣдняжки Гретли, убѣжденной, что передъ ней разыгрывается настоящая война, артиллеристы-химики съ опущенными забралами шлемовъ, сообщавшихся гибкими трубками съ переносными резервуарами кислорода, устанавливали свои батареи на пригоркѣ, прикрытомъ маленькою рощицей. Не прошло и двадцати минутъ, какъ всѣ орудія были уже на мѣстахъ. Химическіе приборы со всѣми трубками и трубочками находились въ полной исправности. Жоржъ поднялся на винтовомъ самолетѣ, чтобы произвести рекогносцировку и, благодаря его указаніямъ, тщательно нанесеннымъ на карту, орудія были безотлагательно наведены для обстрѣливанія направленій, по которымъ наступали вражескія силы.

Боевыя воздушныя суда, находившіяся въ резервѣ, быстро выдвинулись впередъ, торпедчики мгновенно прикрыли угрожаемые пункты нѣсколькими рядами разрывныхъ минъ, а химическая артиллерія открыла огонь. Положеніе дѣлъ оказывалось сперва сравнительно благопріятнымъ для обороняющагося. Наступавшія войска, встрѣчая всюду на своемъ пути препятствія, подавались впередъ лишь очень медленно. Однакоже, къ семи часамъ утра, пользуясь прикрытіемъ, которое доставляла небольшая лощина, непріятель быстро продвинулся разомъ на нѣсколько верстъ, причемъ ему удалось отхватить и взять въ плѣнъ нѣкоторые передовые посты обороняющагося.

Чтобъ выиграть время, пока подоспѣютъ подкрѣпленія, Жоржъ, распоряжавшійся, какъ старшій въ чинѣ, всей обороной, прикрылъ передовую линію своей позиціи дымовыми кессонами. Эти кессоны, разрываясь на пятидесятисаженной вышинѣ, извергали густыя облака чернаго вонючаго дыма, который, вслучаѣ настоящей войны, былъ-бы замѣненъ подобными-же по внѣшнему виду, но безусловно ядовитыми, удушливыми газами. Шатоленъ, гдѣ воздухъ остался совершенно чистымъ, тотчасъ же окружила со всѣхъ сторонъ не-

проницаемая завѣса тумана, который дѣлаетъ его невидимымъ смущенному и сбитому съ толку непріятелю.

Тѣмъ временемъ батареи химической артиллеріи обстрѣливаютъ аттакующаго учащеннымъ огнемъ. Торпедчики подъ прикрытіемъ дыма пробираются въ непріятельскіе ряды и наконецъ батальонъ медиковъ съ собственной своей батареей вступаетъ въ дѣло и тотчасъ-же переходитъ въ наступленіе. Выдвинувшись впередъ, онъ обстрѣливаетъ намѣченные заранѣе пункты зловонными, но, впрочемъ, совершенно безвредными кес-

Боевые медики идутъ въ аттаку.

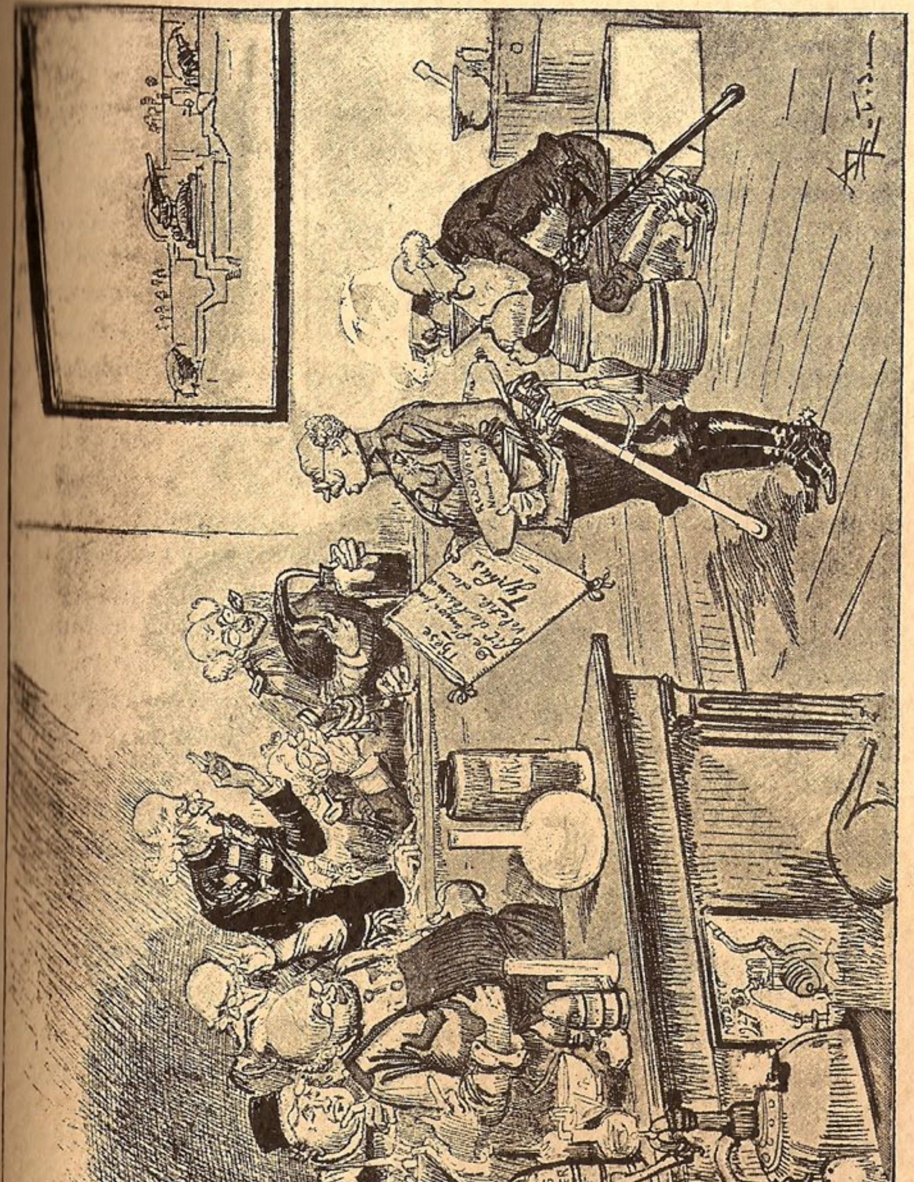
сонами, вызывающими только непріятный кашель, тогда какъ въ настоящемъ бою кессоны эти распространили-бы въ деревняхъ, занятыхъ непріятельскими войсками, убійственнѣйшіе болѣзнетворные міазмы.

Городъ Шатоленъ спасенъ. Пока непріятельскія войска бродили наугадъ въ туманѣ, наталкиваясь съ каждымъ шагомъ на разрывныя мины, или-же обходятъ мѣстности, якобы зараженныя міазмами и считающіяся недоступными, на выручку къ обороняющимся прибыли подкрѣпленія.

Мы не имѣемъ въ виду слѣдить шагъ за шагомъ за этими интересными маневрами. Упомянемъ только, что Жоржъ Лоррисъ, которому пришла счастливая мысль окружить весь Шатоленъ завѣсою дыма, удостоился на другой день самыхъ горячихъ поздравленій со стороны главнокомандующаго. Баттарея Лорриса выдерживала втеченіи цѣлыхъ сутокъ почти всю тяжесть сраженія. Многимъ артиллеристамъ - химикамъ, неуспѣвшимъ возобновить свои запасы кислорода, нездоровилось вслѣдствіе того, что они надышались вредныхъ газовъ. Поэтому было рѣшено оставить баттарею на все остальное время маневровъ въ резервѣ. Такимъ образомъ Жоржъ имѣлъ возможность посвящать своей невѣстѣ гораздо болѣе времени, чѣмъ можно было ожидать первоначально.

Воздушная эскадра настигла надъ Ренномъ непріятельскій воздушный флотъ и, одержавъ надъ нимъ полную побѣду, вернулась съ захваченными въ плѣнъ кораблями на помощь сухопутнымъ войскамъ оборонительнаго отряда. Благодаря остроумнымъ комбинаціямъ главнокомандующаго, отрядъ этотъ вскорѣ вернулъ всѣ позиціи, сперва было завоеванныя аттакующимъ, положеніе котораго стало на третій день маневровъ довольно критическимъ. Необходимо замѣтить, что во все продолженіе маневровъ разыгрывались примѣрныя сраженія, въ промежуткахъ между которыми читались чрезвычайно интересныя и поучительныя лекціи или самимъ главнокомандующимъ, или кѣмъ-либо изъ инженеровъ его штаба. Иногда въ самый разгаръ боя, когда возникало какое нибудь обстоятельство, представлявшееся особенно поучительнымъ, обѣ арміи останавливались по условленному сигналу неподвижно на своихъ позиціяхъ. Офицеры обѣихъ сторонъ съѣзжались къ главнокомандующему, выслушивали его объясненія, излагали свои мнѣнія и проекты, а затѣмъ, по другому сигналу, снова возгорался ожесточенный бой по всей линіи.

Непріятельскій отрядъ, не смотря на всѣ свои усилія, былъ вскорѣ отброшенъ въ гористую мѣстность и прижатъ къ морю. Часть воздушной его эскадры, какъ уже упомянуто, была взята въ плѣнъ. Уцѣлѣвшіе воздушные корабли аттакующаго пытались ночью перенести отрядъ сухопутныхъ войскъ на болѣе благопріятную позицію, но воздушныя суда обороняющагося бдительно слѣдили за ними и, освѣщая весь горизонтъ

Диссертація на доктора военныхъ наукъ.

снопами электрическаго свѣта, заставили непріятеля отказаться отъ этой попытки.

Наступилъ наконецъ рѣшительный часъ. Проработавъ цѣлую ночь надъ установкою батарей, химическая артиллерія и боевые медики осыпали на зарѣ шестого дня всю занятую врагами мѣстность дымовыми кессонами и міазматическими бомбами. Непріятель отстрѣливался настолько дѣятельно, насколько это было вообще возможно, но разбрасывая свои кессоны эксцентрически въ различныя точки громадной окружности, разумѣется, не могъ произвести ими желаемаго смертоноснаго дѣйствія. Вскорѣ выяснилось, что въ настоящемъ бою аттакующій, окутанный удушающими газами и мгновенно дѣйствующими ядовитыми парами, которыми обстрѣливали его боевые медики,—былъ-бы не въ силахъ устоять (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) на позиціи. Оба отряда—аттакующій и обороняющійся—собрались вечеромъ на седьмой день въ Шатоленѣ. Главнокомандующій сдѣлалъ имъ тамъ смотръ, объѣхалъ ихъ ряды, залитые яркимъ электрическимъ освѣщеніемъ, похвалилъ за молодецкія дѣйствія на маневрахъ и за отличную выправку. Нижніе чины и офицеры резерва были тотчасъ-же затѣмъ распущены по домамъ и отправились во свояси.

Остались только офицеры, которымъ надлежало держать экзаменъ на слѣдующій чинъ, или защищать диссертацію на званіе доктора военныхъ наукъ. Корпусный командиръ обошелся съ Жоржемъ Лоррисомъ чрезвычайно любезно.

— Капитанъ,—сказалъ онъ,—вы обнаружили при защитѣ Шатолена такую блестящую воинскую сообразительность, что я съ удовольствіемъ представилъ бы васъ къ производству въ маіоры, но вамъ необходимо прежде пріобрѣсти докторскій дипломъ. Поэтому, если только занятія въ лабораторіи вашего папаши вамъ это дозволятъ, подзубрите хорошенько, что слѣдуетъ, и весной—милости просимъ къ намъ на экзаменъ. У васъ будутъ тогда всѣ шансы успѣха...

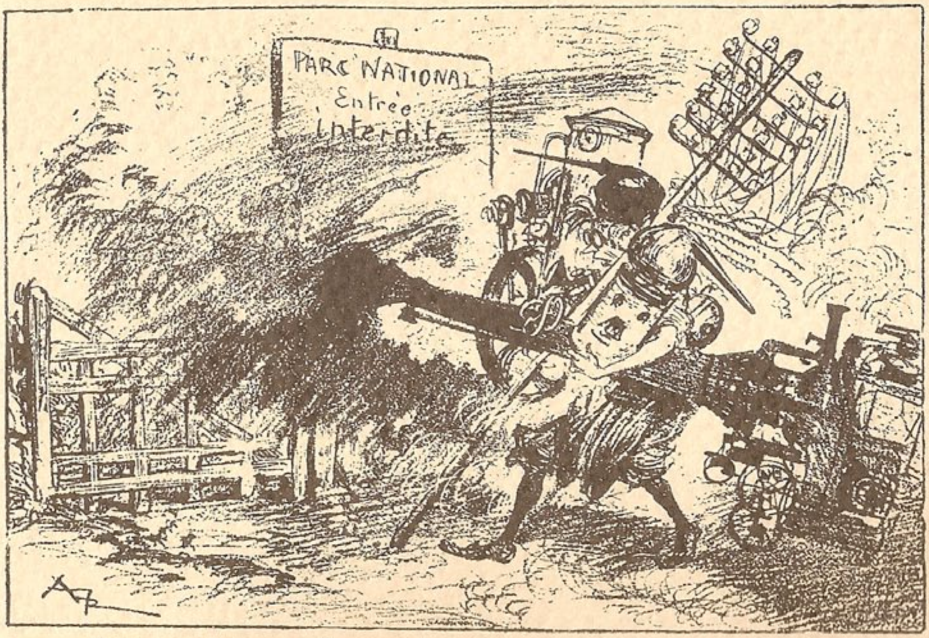
— Благодарю васъ, генералъ, но я уже и теперь подготовляюсь серьезнѣйшимъ образомъ.

— Къ чему же именно?

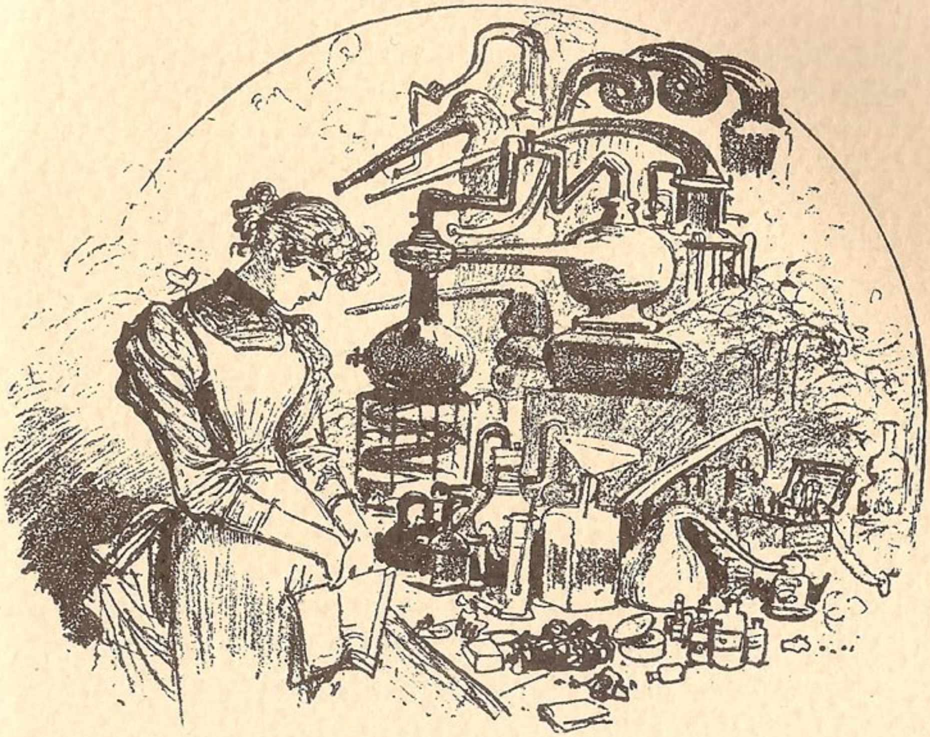
— Къ женитьбѣ, ваше превосходительство! Я долженъ поэтому отложить на нѣкоторое время честолюбивые

замыслы... Позвольте представить вамъ, генералъ, мою невѣсту...

Отдохнувъ съ денекъ въ Шатоленѣ, обрученные согласились вернуться въ Парижъ по настоянію Сюльфатена, который, нимало не интересуясь сраженіемъ, проводилъ все время маневровъ за телефоноскопомъ гостинницы, находившимся безпрерывно въ сообщеніи то съ Мольеровскимъ дворцомъ, то съ домомъ Сильвіи въ улицѣ Діаны Пуатье. Своего паціента онъ какъ будто сдалъ на руки Гретли.

Національный бретонскій паркъ. Генію промышленности входъ запрещается.

Эстелла Лакомбъ въ лабораторіи Филоксена Лорриса.

Часть вторая.

I.

Свадебныя приготовленія.—Плутократическій феодальный строй.—Образчики современной аристократіи.—Новѣйшія сооруженія изъ желѣза, пирогранита, картона и стекла.—Фото-пикто-механики на челѣ прогресса изящныхъ искусствъ.—Инженеры кулинарнаго вѣдомства.

— Ну что, вы уже поссорились другъ съ другомъ?—спросилъ Филоксенъ Лоррисъ у сына, явившагося къ нему по возвращеніи изъ обручальной поѣздки.

— Мы и не думали ссориться. Напротивъ того, я...

— Замолчи пожалуйста! Вы не успѣли еще хорошенько испытать самихъ себя и другъ друга! Вы оба, а въ особенности твоя милость, все время складывали ротикъ сердечкомъ и разсыпались другъ передъ другомъ въ комплиментахъ. Нѣтъ, любезнѣйшій, не такъ надо было держать себя съ дѣвушкой, которую собираешься сдѣлать подругою жизни. Я

нахожу, что ты отнесся къ своей невѣстѣ совершенно нечестно и недобросовѣстно...

— Какъ, нечестно и недобросовѣстно?..

— Ну да, разумѣется!.. Впрочемъ, твоя невѣста платила тебѣ той-же монетой! Пойми, что ты такой-же мужчина, какъ и всѣ остальные смертные, и что твоя невѣста не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ другихъ дѣвицъ. Ты обязанъ былъ выказать себя такимъ именно, какимъ тебѣ придется быть, какъ и всякому вообще занятому мужчинѣ въ обыденной жизни, а именно грубымъ, разсѣяннымъ, зачастую не въ духѣ, раздражительнымъ и даже способнымъ наносить женѣ оскорбленія дѣйствіемъ!.. Мы, другъ мой, всѣ вѣдь таковы. Жизнь коротка, а потому, когда занятый человѣкъ женится, ему недосугъ терять время на галантное обхожденіе съ прекрасной своей половиной.

А вѣдь если я на ней женюсь, такъ она будетъ висѣть у меня всю жизнь камнемъ на шеѣ.

— Смѣю увѣрить, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія разыгрывать роль непріятнаго мужа...

— Благія намѣренія вещь хорошая. Это не отнимаетъ у человѣка времени, а потому отчего же ими и не обзаводиться? Замѣть, однако, что намѣренія всегда остаются сами по себѣ, а ежедневныя сношенія и совмѣстная жизнь съ женой оказываются тоже сами по себѣ... Вотъ тамъ-то и ждетъ тебя, если можно такъ выразиться, запятая. Съ другой стороны, опять таки-же для того, чтобъ обручальная поѣздка имѣла на самомъ дѣлѣ характеръ честнаго и добросовѣстнаго предвкушенія супружеской жизни, невѣста должна тотчасъ-же выказать себя вѣтреной, легкомысленной, надоѣдливой, взбалмашной, капризной, склонной командовать въ домѣ и т. д. и т. д., однимъ словомъ, именно такой, какой она непремѣнно сдѣлается потомъ въ качествѣ жены. Лишь при этихъ условіяхъ можно составить себѣ правильное

Вѣдь если я выйду за него замужъ, онъ постоянно будетъ мозолить мнѣ глаза!

сужденіе и вполнѣ основательно рѣшить, въ какой именно степени окажется раціональнымъ брачный союзъ. Разсудительнымъ жениху и невѣстѣ надлежало-бы неуклонно держать въ головѣ, напримѣръ, хотя-бы такія мысли: „Боже мой, да вѣдь если я выйду замужъ за этого господина, онъ постоянно будетъ мозолить мнѣ глаза!..—Чортъ возьми, вѣдь если я женюсь на этой дѣвушкѣ, такъ она будетъ висѣть у меня всю жизнь камнемъ на шеѣ!"...

Жоржъ весело расхохотался.

— Неужели ты сталъ-бы мнѣ рисовать тѣми-жи красками бракъ съ такими дѣвицами, какъ ученѣйшій докторъ Бардо, или же сенаторъ отъ Сартскаго департамента—Купаръ?

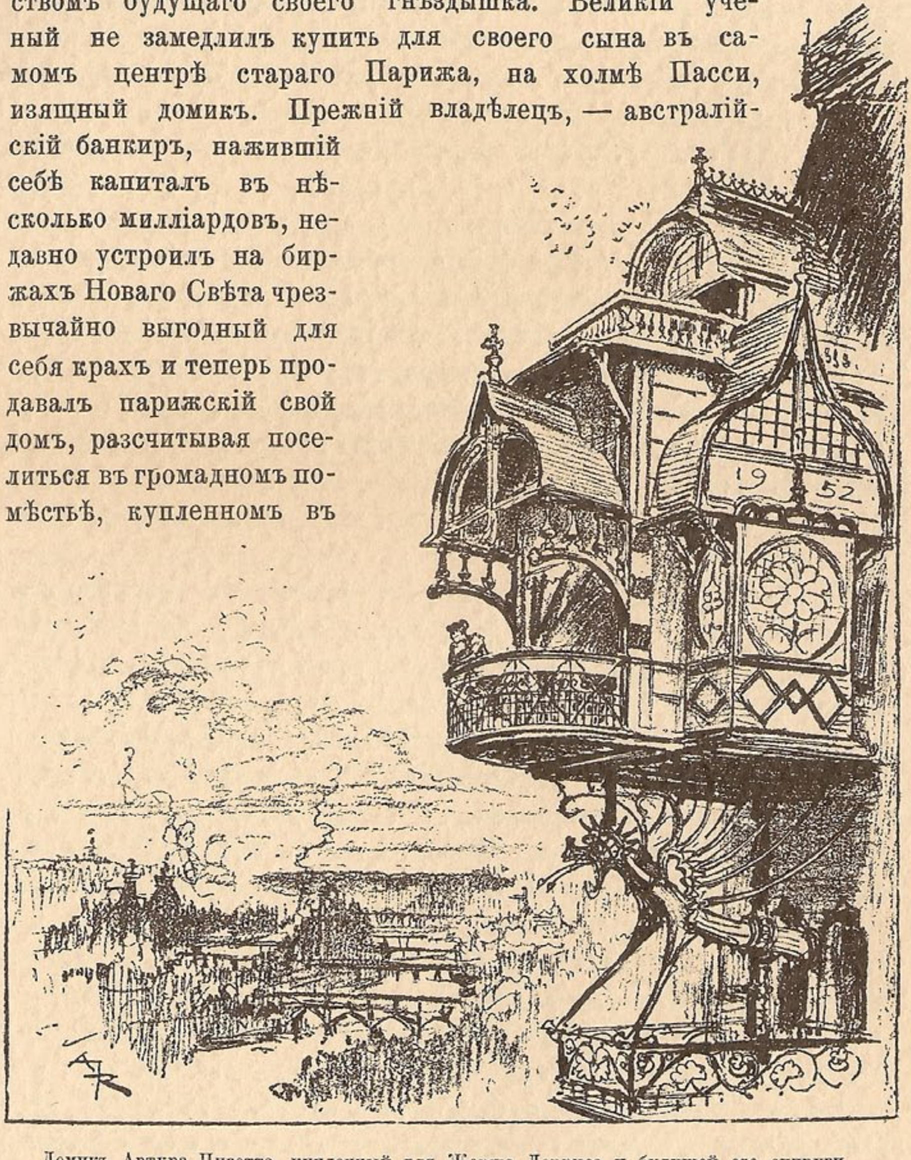
— Ну, не совсѣмъ! Я выискалъ ихъ для тебя именно въ качествѣ исключенія изъ общаго правила... Къ тому же онѣ по выходѣ замужъ оставались бы все время занятыми... Однакожъ, мнѣ недосугъ! Ты все еще продолжаешь упорствовать?

— Я продолжаю видѣть счастье моей жизни въ женитьбѣ на...

— Пожалуйста избавь меня отъ фразъ! Это говоритъ въ тебѣ твой предокъ: артистъ и поэтъ... Совѣтую тебѣ заставить его молчать. Мы еще посмотримъ! Прежде чѣмъ дать окончательное согласіе, я намѣренъ изучить твою невѣсту... Ты вѣдь знаешь мой принципъ о неумѣстности для женщинъ оставаться незанятыми! Предлагаю дѣвицѣ Лакомбъ поступить въ большую мою лабораторію, въ отдѣленіе новыхъ изысканій. Тамъ она будетъ работать на моихъ глазахъ и возлѣ тебя... Не бойся, мы не доведемъ ее до переутомленія и не станемъ отягощать чрезмѣрными занятіями. Въ свободное отъ работы время вы займетесь устройствомъ себѣ будущаго дома, а когда совьете гнѣздышко, можно будетъ поговорить и о свадьбѣ.

Разсчитывая по возможности сократить этотъ періодъ послѣдняго испытанія, Жоржъ изъявилъ полное согласіе на родительское предложеніе и взялся передать это Эстеллѣ. Все было улажено въ тотъ-же день. Филоксену Лоррису стоило только замолвить словечко въ департаментъ горныхъ маяковъ, для того, чтобъ инженеръ Лакомбъ былъ переведенъ въ парижскую канцелярію департамента. Родителямъ Эстеллы пришлось поэтому переѣхать въ Парижъ, къ величайшему удовольствію г-жи Лакомбъ, мечты которой, очевидно, начинали осуществляться.

Жоржъ Лоррисъ и Эстелла занялись совмѣстно съ г-жей Лакомбъ, сообразно съ видами Филоксена Лорриса, устройствомъ будущаго своего гнѣздышка. Великій ученый не замедлилъ купить для своего сына въ самомъ центрѣ стараго Парижа, на холмѣ Пасси, изящный домикъ. Прежній владѣлецъ, — австралійскій банкиръ, нажившій себѣ капиталъ въ нѣсколько милліардовъ, недавно устроилъ на биржахъ Новаго Свѣта чрезвычайно выгодный для себя крахъ и теперь продавалъ парижскій свой домъ, разсчитывая поселиться въ громадномъ помѣстьѣ, купленномъ въ

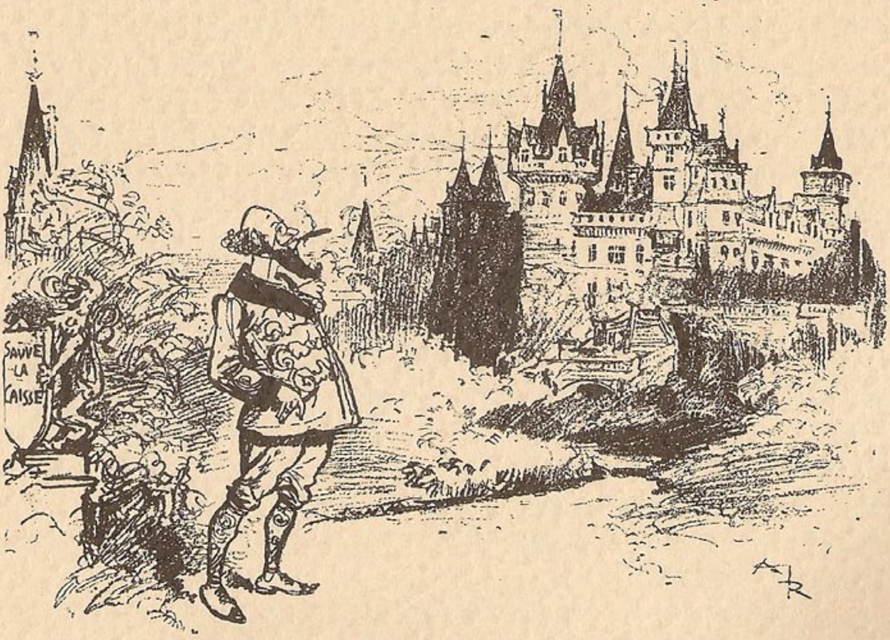

Домикъ Артура Пиготта, купленный для Жоржа Лорриса и будущей его супруги.

южной Франціи. Располагая громаднымъ состояніемъ, удесятерившимся вслѣдствіе упомянутой ловкой финансовой операціи, онъ пожелалъ сдѣлаться родоначальникомъ могущественной зем-

левладѣльческой фамиліи вдали отъ надоѣдливыхъ жалобъ и протестовъ прежнихъ своихъ акціонеровъ и въ странѣ, проникнутой аристократическими традиціями въ большей степени чѣмъ Австралія.

Относясь къ Филоксену Лоррису какъ къ человѣку, достойному его понимать, эксъ-банкиръ, показывая ему домикъ, обстоятельно изложилъ также свои планы и соображенія.

— Ваша старинная земельная аристократія, сударь, умерла,

Современная аристократія. Эксъ-банкиръ Артуръ Пиготтъ.

или умираетъ отъ истощенія,—сказалъ онъ.—Остается только дунуть на нее, и она совершенно угаснетъ. Мы такъ и слѣлаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ займемъ ея мѣсто. Извѣстно вѣдь, что природа не терпитъ пустоты. Аристократія призвана играть важную роль въ соціальной жизни. Ваши революціи доказали нагляднѣйшимъ образомъ, что стоитъ только низвергнуть одну аристократію, чтобы ее замѣнила другая. Теперь, сударь, скажите, кто были основателями знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій? Ловкачи, оказавшіеся богаче и слѣдовательно могущественнѣе своихъ сосѣдей. Не станемъ вдаваться

въ разсмотрѣніе, какимъ именно образомъ они добыли себѣ богатство. Вся суть въ томъ, что оно сосредоточилось въ ихъ рукахъ!.. Историки обыкновенно умалчиваютъ о мелочныхъ подробностяхъ, справедливо считая ихъ не заслуживающими серьезнаго вниманія.

— Въ былое время самыми удобными средствами къ наживѣ являлись вооруженные набѣги на вражескую страну и завоеваніе какой-нибудь территоріи, иными словами—насильственное изгнаніе, или обращеніе въ рабство прежнихъ владѣльцевъ, поступившихъ когда-то такимъ-же образомъ со своими предшественниками,— замѣтилъ Филоксенъ Лоррисъ.

— Иначе сказать, все сводилось къ самымъ грубымъ формамъ грабежа и насилія, по истинѣ достойнымъ варварскихъ временъ,—продолжалъ г-нъ Пиготтъ.—Не понимаю, какъ могутъ ввиду этого отрицать наличность прогресса. Смѣю надѣяться, что въ послѣдующія времена историки, которыхъ будетъ интересовать происхожденіе аристократической фамиліи, основанной мною въ дордонскомъ герцогствѣ, гдѣ вы, вѣроятно, не откажетесь посмотрѣть парадную мою охоту, встрѣтятся съ фактами совершенно иного рода. О вооруженномъ насиліи и вооруженномъ грабежѣ не будетъ тутъ и рѣчи. Исторія скажетъ: „*Предокъ герцоговъ Дордонскихъ, г. Пиготтъ, былъ не чета какому-нибудь Монморанси. Ловкій, но безъ всякой примѣси кровожадности, этотъ витязь интелигенціи умѣлъ собирать съ простыхъ смертныхъ налогъ въ пользу болѣе развитого своего разума...*“.

— Кажется, отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ акцій по пяти тысячъ франковъ каждая... Если не ошибаюсь, таковъ былъ именно результатъ послѣдняго вашего предпріятія...

— Да, если не считать еще кое-какихъ мелочей, которыя потребовалось взять на покрытіе довольно кругленькихъ негласныхъ расходовъ... И такъ я продолжаю. Исторія скажетъ: „*Онъ умѣлъ воспользоваться перевѣсомъ своего разума, чтобы собрать себѣ порядочный капиталъ и, поселившись со своими богатствами на берегахъ Дордоны, основалъ знаменитую герцогскую фамилію, посадилъ родословное древо, раскинувшее теперь такъ широко свои вѣтви и распростершее благодатную свою сѣнь надъ нашими головами. Онъ оказалъ этимъ могущественное содѣйствіе возрожденію принциповъ авторитета и*

здравыхъ понятій относительно общественной іерархіи, столь долго колебавшихся въ волнахъ нашихъ революцій"... Вотъ какимъ образомъ основывается на вашихъ глазахъ новая аристократія!

Г-нъ Пиготтъ былъ совершенно правъ.

На развалинахъ древняго міра, которыя вскорѣ будутъ окончательно расчищены, основывается теперь новая аристократія. Какова-же будетъ участь прежней? Древнія аристократическія фамиліи очевидно вступили въ періодъ упадка. Онѣ таютъ не по днямъ, а по часамъ и вѣроятно вскорѣ совершенно исчезнутъ. Обѣднѣвшіе ихъ потомки, удаленные недовѣріемъ народныхъ массъ отъ участія въ политической дѣятельности, не обнаруживаютъ особенной способности къ научнымъ занятіямъ и совершенно непригодны для завѣдыванія крупными торговыми и промышленными предпріятіями. Они сидятъ, показывая языкъ прогрессу, въ разваливающихся замкахъ, поддерживать и ремонтировать которые у нихъ не хватитъ средствъ, или-же прозябаютъ на службѣ въ ничтожныхъ должностяхъ безъ всякихъ видовъ на повышеніе въ будущемъ.

Ихъ помѣстья, замки и даже самыя фамиліи переходятъ къ новой аристократіи,—къ магнатамъ новаго наслоенія,—къ биржевымъ крезамъ, обогатившимся чужими деньгами,—къ знаменитостямъ, выдвинувшимся въ области крупной промышленности или производительной политики. Рядомъ съ злополучными потомками древнихъ дворянскихъ родовъ, считающими для себя счастьемъ получить хоть самое скромное мѣстечко въ канцеляріи какого-нибудь министерства, или въ фабричной конторѣ, гдѣ древняя рыцарская кровь сохнетъ и отравляется отъ застоя, мы видимъ крупныхъ промышленниковъ и колоссальныхъ денежныхъ тузовъ, водружающихъ знамя Плутуса надъ старинными помѣстьями бывшаго дворянства и такимъ образомъ возсоздающихъ прежнія ленныя владѣнія на болѣе прочныхъ капиталистическихъ основахъ.

Кромѣ многомилліарднаго богача Пиготта, умѣстно будетъ привести еще нѣсколько другихъ образчиковъ новой аристократіи.

Вотъ, напримѣръ, передъ нами знаменитый маркизъ Маріусъ Капурлесъ, основатель цѣлой сотни заводовъ и фабрикъ, —организаторъ нѣсколькихъ синдикатовъ, захватившихъ въ свои руки всѣ крахмальные и винокуренные заводы громаднаго

района. На свои колоссально-несмѣтные барыши Маріусъ Капурлесъ послѣдовательно покупалъ одно помѣстье за другимъ. Постепенно округляя свои владѣнія, превосходящія теперь уже своей обширностью многіе департаменты, онъ недавно добился признанія ихъ особымъ маркизствомъ. Позволимъ себѣ добавить, что въ числѣ мелкихъ конторщиковъ въ одномъ изъ агентствъ Капурлеса служитъ настоящій герцогъ, потомокъ королей іерусалимскихъ и сицилійскихъ. Въ той-же конторѣ занимаются, въ качествѣ вольнонаемныхъ писцовъ, три или четыре бѣдняка, обладающихъ благороднѣйшими наслѣдственными гербами. Ихъ предки владѣли громадными помѣстьями и замками, охраняли остріемъ своего меча пограничныя мархіи и оросили своей кровью всѣ поля сраженій древней Франціи...

Жюль Поммаръ представляетъ собою знаменитость, неуступающую въ своемъ родѣ маркизу Маріусу. Выступивъ на охотничью арену политики, изобилующую цѣнной дичью, Жюль Поммаръ не положилъ, какъ говорится, охулки на руку. Онъ былъ не изъ таковскихъ. Разумѣется, нельзя сказать, чтобъ ему постоянно везло. Его какъ-то обвинили во взяточничествѣ и въ подкупѣ, но оправданный одержаннымъ успѣхомъ и отбывъ срокъ наказанія по кое-какимъ судебнымъ приговорамъ, онъ выкроилъ для себя въ родной области настоящее маленькое царство, гдѣ властвуетъ, завѣдуетъ и управляетъ рѣшительно всѣмъ и всѣми съ высоты своего величія проходимца-выскочки, торжественно возсѣдающаго въ роскошномъ историческомъ замкѣ, когда-то принадлежавшемъ королевской фамиліи. Жюль Поммаръ съ увѣренностью разсчитываетъ, что его наслѣдники будутъ носить громкое имя этого замка.

Еще болѣе замѣчательнымъ образчикомъ современнаго магната служитъ г-нъ Мальбуке, тоже крупный промышленникъ, король желѣза и принцъ чугуна, властелинъ и обладатель громадныхъ металлургическихъ заводовъ, собственникъ нѣсколькихъ линій электро-пневматическихъ и воздушныхъ сообщеній, располагающій тремя стами тысячъ рабочихъ и самыми титаническими орудіями производства, какія только можетъ представить себѣ разнузданное воображеніе. Это громадное сборище грозныхъ машинъ, которыя вертятся, скрипятъ, перетаскиваютъ громадныя тяжести съ мѣста на мѣсто, ударяютъ гигантскими молотами, визжатъ и завываютъ ужасающимъ образомъ въ чу-

довищныхъ фабрикахъ, являющихся громадными желѣзными городами странной архитектуры. Гигантскіе паровые молоты высятся тамъ словно самодвижущіеся монументы, безпощадно свирѣпствующіе въ ураганѣ металлическаго звяканья и вихрѣ ѣдкихъ паровъ надъ раскаленными до-красна печами, при которыхъ состоятъ для подбрасыванія туда углей цѣлыя толпы исхудавшихъ полунагихъ, словно обгорѣвшихъ и полуизжарившихся людей, прокопченныхъ углемъ и сажей.

Властелинъ этого по истинѣ адскаго царства, какъ и слѣдовало ожидать, тамъ не живетъ. Онъ незримо господствуетъ, повелѣваетъ всѣмъ и всѣмъ управляетъ, держась поодаль отъ

Современная аристократія: герцогъ Мальбуке.

безостановочнаго адскаго движенія, внѣ тлетворнаго дыханія чудовищныхъ рѣкъ расплавленнаго чугуна и раскаленнаго потока газовъ, вырывающихся изъ доменныхъ печей. Надъ своими рабами изъ человѣческой плоти и желѣза онъ царствуетъ при помощи телефоноскопа, соединяющаго кабинетъ директора завода съ великолѣпнымъ кабинетомъ самого хозяина, который обитаетъ въ роскошномъ замкѣ, обширностью своей превосходящемъ дворцы Шамборскій и Куси, взятые вмѣстѣ. Сооруженіе этого волшебнаго замка, расположеннаго въ очаровательно-живописной мѣстности, на берегу рѣки, катящей воды свои въ море, и окруженнаго громадными, строго охраняемыми лѣсами, обошлось изрядное число милліоновъ.

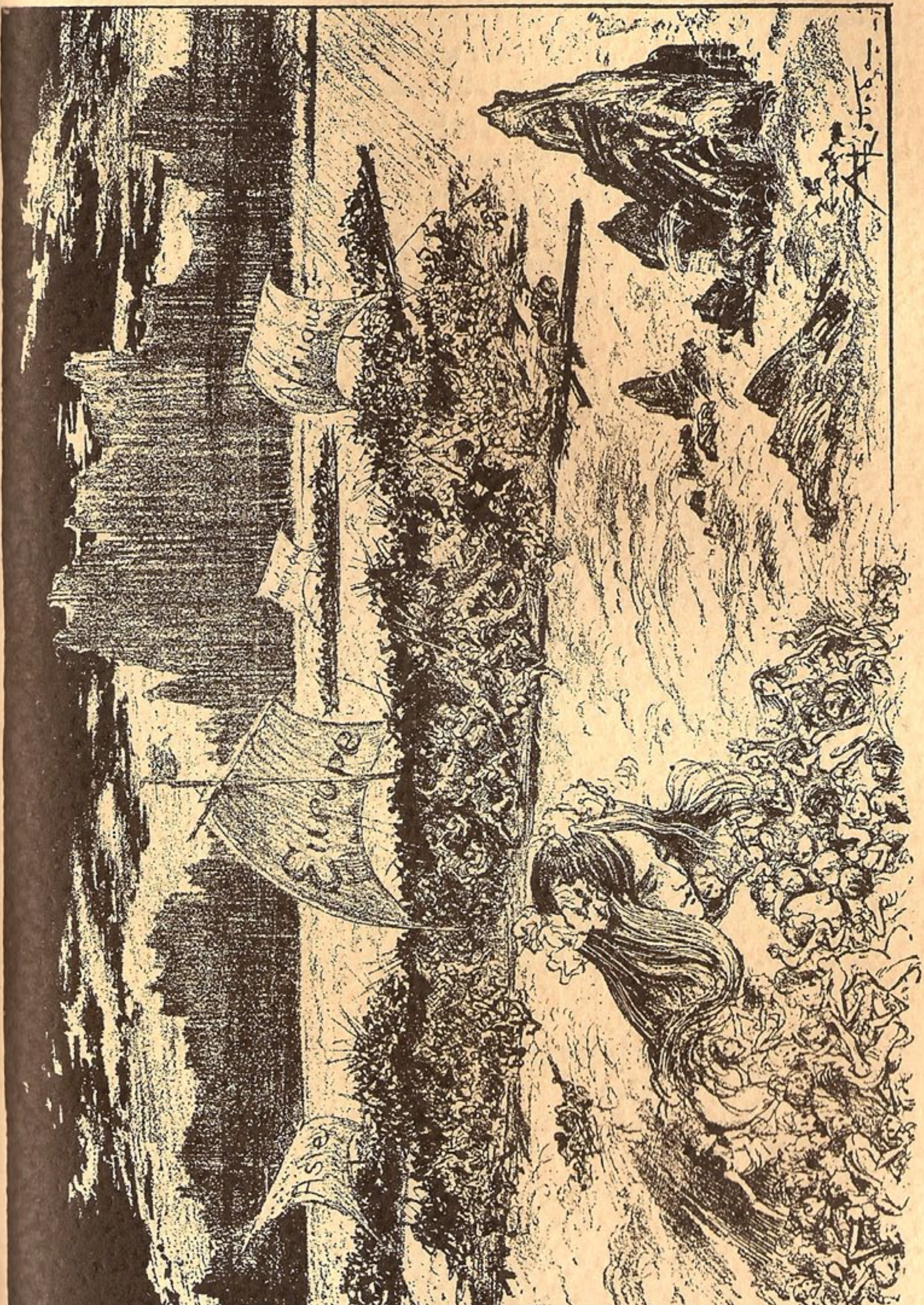
Все кругомъ этого замка на необъятное разстояніе принадлежитъ Мальбуке, который, благодаря обаянію своихъ милліардовъ, сдѣлался сперва графомъ римской имперіи, а затѣмъ, сравнительно недавно, возведенъ въ герцогское достоинство. Въ громадномъ помѣстьѣ Мальбуке, которое признано обѣими палатами особымъ герцогствомъ, ему принадлежатъ безраздѣльно и земля и ея обыватели, закованные въ невидимыя, но какъ нельзя болѣе прочныя цѣпи настоящаго рабства.

Домикъ, купленный Филоксеномъ Лоррисомъ у одного изъ этихъ властныхъ бароновъ денежнаго мѣшка и промышленности, окруженный другими домами, отличавшимися такою-же вавилонской роскошью и служившими городской резиденціей столь-же вліятельныхъ тузовъ, передѣлывался теперь сверху до низу для сына великаго инженера. Новѣйшія изобрѣтенія и примѣненія современной науки должны были водворить тамъ научный комфортъ, вполнѣ достойный просвѣщеннаго вѣка, въ которомъ мы имѣемъ счастье жить и по возможности достойный самого великаго Филоксена Лорриса.

О сколько-нибудь обширныхъ садахъ разумѣется не могло быть и рѣчи. Въ Парижѣ вѣдь такъ мало свободнаго мѣста! Пришлось ограничиться поэтому простою рамкой зелени, окаймлявшей различныя зданія. За то всѣ терассы, платформы передъ окнами и балконы были превращены въ дремучіе лѣса, разумѣется, въ томъ видѣ, въ какомъ представляется настоящій лѣсъ, когда на него смотрѣть въ бинокль съ конца, противуположнаго окуляру. Это были модные теперь лѣса и рощи японскихъ карликовыхъ деревъ.

Дѣло въ томъ, что тѣснота и давка обнаруживаются теперь не въ одномъ лишь Парижѣ. Злополучный нашъ земной шаръ до того переполненъ населеніемъ, — на его биткомъ набитыхъ материкахъ остается такъ мало свободнаго мѣста, что поневолѣ приходится прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ и передержкамъ, чтобъ сохранить себѣ по крайней мѣрѣ иллюзію свободы и простора.

Васъ манитъ тѣнистый лѣсъ съ вѣковыми дубами, широко раскидывающими могучія вѣтви, переплетающими свои корни, словно стаи змѣй, и гордо воздымающими къ небу густолиственныя свои кроны! — Быть можетъ, вы предпочитаете фантастическія сосны съ взъерошенными иглами, цѣпляющіяся за

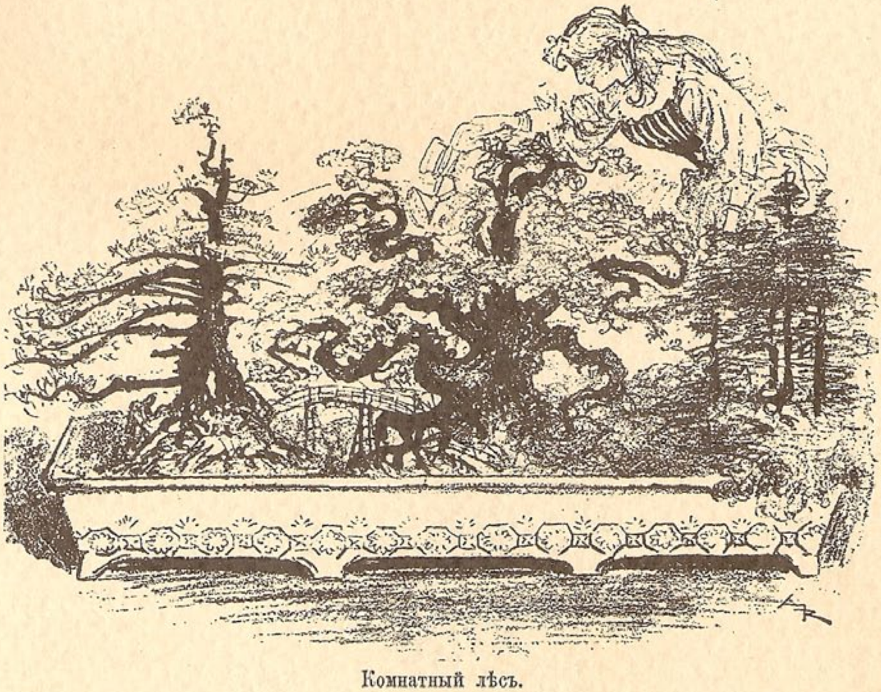

На материкахъ такая же тѣснота и давка какъ на плотахъ послѣ кораблекрушенія.

глыбы скалъ, поросшихъ мхомъ?—Угодно вамъ, наконецъ, насладиться привольемъ диковинной растительности тропическаго лѣса съ чудовищными боабабами и высокими стройными пальмами?

Все это къ вашимъ услугамъ здѣсь на балконѣ, на хорошенькихъ подносахъ изъ японскаго фаянса.

Вы располагаете у себя на верандѣ великолѣпнѣйшимъ настоящимъ лѣсомъ въ миніатюрѣ,—съ великанами растительнаго царства,—съ вѣковыми деревьями, которыя, благодаря несравненному искусству садовника изъ Іеддо, уменьшены до размѣровъ комнатныхъ растеній.

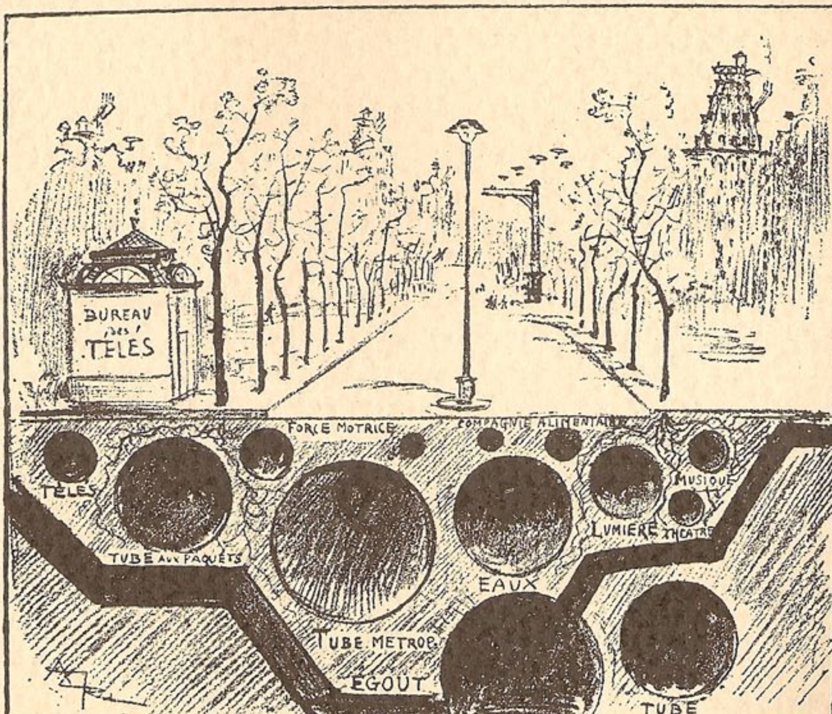

Комнатный лѣсъ.

Это миніатюрный лѣсъ, но всетаки лѣсъ съ непролазной чащей густыхъ зарослей. Прогалины между деревьями покрыты ковромъ карликоваго вереска. Въ таинственной глуши этого лѣса васъ можетъ охватить священный ужасъ иллюзіи уединенія. Вы найдете тамъ скалы и дикія ущелья, надъ которыми высятся стволы старыхъ дубовъ, искривленные и изломанные словно многовѣковыми бурями, и какъ-будто вытерпѣвшіе на своемъ вѣку не одинъ ураганъ. Передъ вами раскидываются обширные искусственные пейзажи, до того схожіе

съ дѣйствительностью, что при самомалѣйшемъ усиліи воли они осѣнятъ васъ поэзіей мечты точь въ точь также, какъ еслибъ вы бродили и въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь въ заброшенномъ уголку дѣвственной природы. Необходимо принять во вниманіе, что такихъ уголковъ остается уже немного, и что они не сегодня—завтра исчезнутъ навсегда.

За исключеніемъ этихъ искусственныхъ дремучихъ лѣсовъ и рощъ, не ищите въ Парижѣ другой растительности, кромѣ

Парижская почва.

тощихъ садиковъ, которые съ трудомъ лишь поддерживаются передъ фасадами богатыхъ домовъ.

Парижская почва ничего не производитъ по той простой причинѣ, что ея на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Настоящая растительная земля давно уже отсутствуетъ въ столицѣ, гдѣ естественная почва и подпочва замѣнены запутанною сѣтью тоннелей и трубъ всевозможныхъ размѣровъ. Эти трубы служатъ для разнообразнѣйшихъ цѣлей, какъ напримѣръ: для электро-пневматическаго сообщенія между отдѣльными кварталами,

для такого-же сообщенія съ другими городами, для стока нечистотъ, для помѣщенія безчисленныхъ проводниковъ къ всевозможнымъ телеаппаратамъ, для электрической передачи механической силы, свѣта и теплоты, театральныхъ спектаклей, музыки и т. д. Все это перекрещивается въ массѣ бетона и камней, гдѣ корни несчастныхъ деревьевъ, осужденныхъ злымъ рокомъ прозябать въ такой несвойственной растеніямъ обстановкѣ—на искусственномъ конгломератѣ, пропитанномъ вредоносными жидкостями, не могутъ даже пріискать достаточное количество пищи, если имъ удастся разростись и развѣтвиться какъ слѣдуетъ.

Если парижская вилла Жоржа Лорриса могла похвастать тѣнистою сѣнью лишь миніатюрныхъ своихъ комнатныхъ лѣсовъ, то въ вознагражденіе за это при ней имѣлась очень миленькая дача, находившаяся въ Лимузенскихъ горахъ, въ тридцати пяти минутахъ ѣзды по трубѣ электро-пневматическаго сообщенія и въ двухъ-часовомъ разстояніи полета на воздушномъ кораблѣ. Эта небольшая, но удобная дачка была расположена въ очень живописной мѣстности, на склонѣ скалистаго холма, поросшаго настоящими деревьями въ дѣйствительную величину, такъ что изъ ея оконъ открывался видъ на неподдѣльную лѣсную глушь.

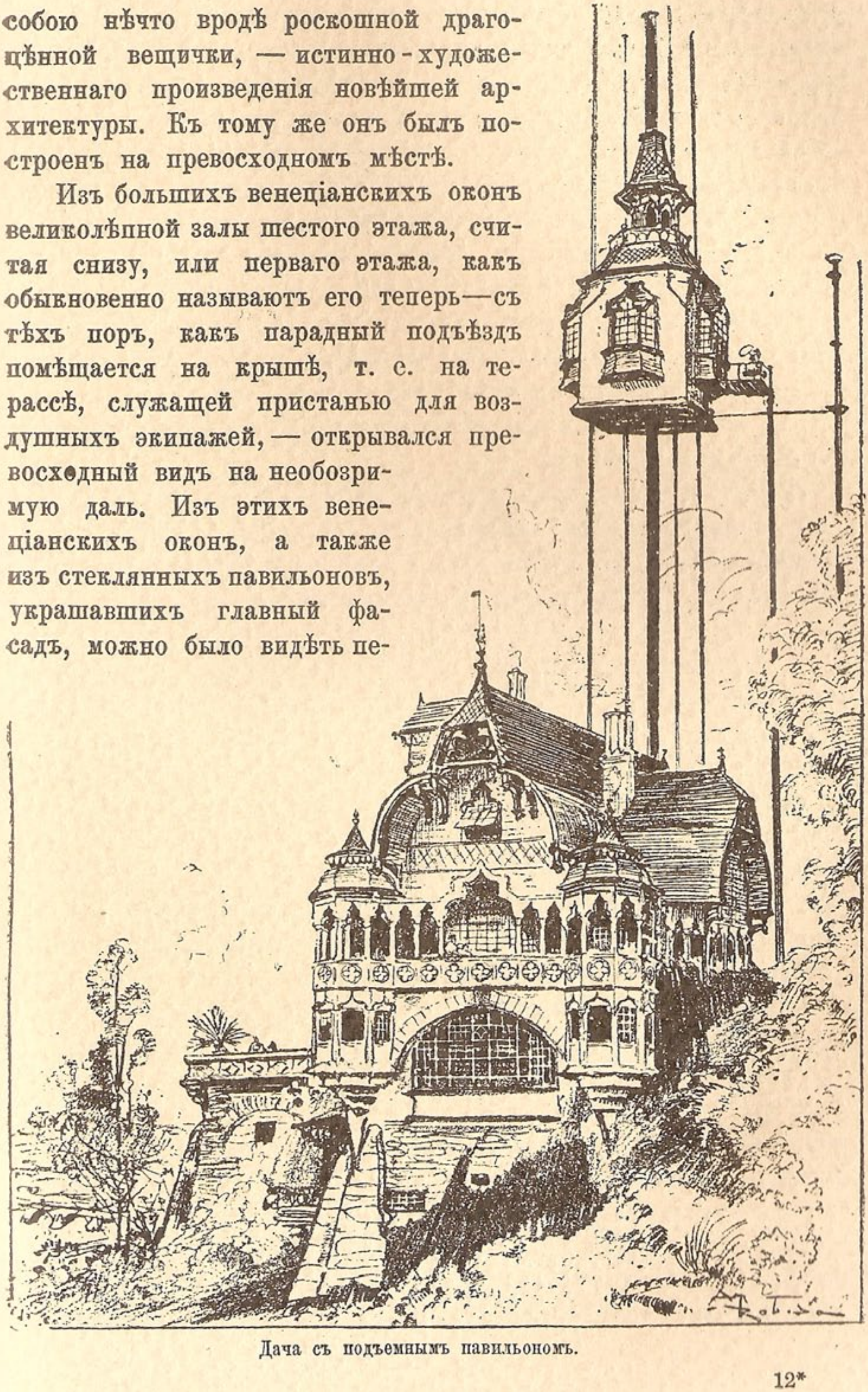
Архитектора, строившаго дачу, осѣнила счастливая мысль сдѣлать подвижною верхнюю часть зданія—квадратную башенку, возвышавшуюся надъ главнымъ корпусомъ. Она могла подыматься до одного уровня съ гребнемъ сосѣдняго холма и стоять въ хорошую погоду на высотѣ восьмидесяти метровъ надъ домомъ.

Оттуда открывался болѣе обширный и разнообразный ландшафтъ, перерѣзанный ущельями и рѣчками. Вдали, на отдѣльныхъ скалахъ или на гребняхъ холмовъ, виднѣлись развалины пяти или шести старинныхъ замковъ, а такъ какъ промышленность въ окрестностяхъ была еще сравнительно мало развита, то всего лишь мѣстахъ въ двадцати чернѣли дымными пятнами на горизонтѣ группы заводовъ и фабрикъ.

Возвратимся однако къ парижскому дому, проданному бывшимъ банкиромъ, который, наживъ нѣсколько милліардовъ, считалъ его болѣе уже не соотвѣтствующимъ высокому своему положенію. Необходимо признать, что этотъ домикъ представлялъ

собою нѣчто вродѣ роскошной драгоцѣнной вещички, — истинно-художественнаго произведенія новѣйшей архитектуры. Къ тому же онъ былъ построенъ на превосходномъ мѣстѣ.

Изъ большихъ венеціанскихъ оконъ великолѣпной залы шестого этажа, считая снизу, или перваго этажа, какъ обыкновенно называютъ его теперь—съ тѣхъ поръ, какъ парадный подъѣздъ помѣщается на крышѣ, т. е. на терассѣ, служащей пристанью для воздушныхъ экипажей, — открывался превосходный видъ на необозримую даль. Изъ этихъ венеціанскихъ оконъ, а также изъ стеклянныхъ павильоновъ, украшавшихъ главный фасадъ, можно было видѣть пе-

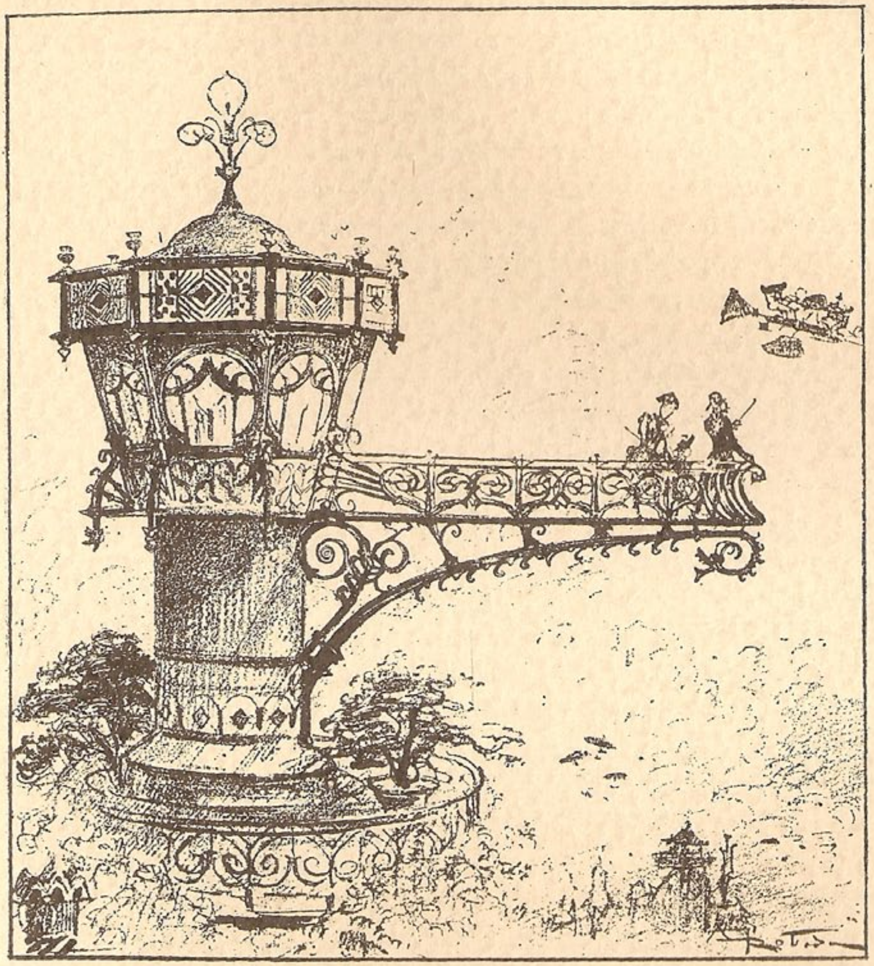
Дача съ подъемнымъ павильономъ.

редъ собою весь Парижъ съ его громаднымъ почти международнымъ скопленіемъ одинадцати милліоновъ жителей, благодаря которому бьется на берегахъ Сены сердце не только одной Европы, но даже до извѣстной степени всего земного шара, такъ какъ въ стѣнахъ французской столицы давно уже основались многочисленныя азіатскія, африканскія и американскія колоніи. Внизу, на первомъ планѣ, растилались старинные кварталы древней Лютеціи, которые столько разъ перестраивались, якобы съ цѣлью украшенія города, но тѣмъ не менѣе изяществомъ и правильностью сооруженій значительно уступали лежавшимъ далѣе за ними новымъ кварталамъ. Эти послѣдніе успѣхи, уже раскинутые на необозримое пространство, все еще продолжали расширяться, безпрерывно выдвигая наружу быстро застроивающуюся сѣть новыхъ бульваровъ.

Тамъ, за доменными печами, высокими трубами и куполами электрическихъ резервуаровъ большого Тюльерійскаго промышленнаго музея, въ самой колыбели Лютеціи, древней выросшей и преобразившейся, растянувшейся въ длину, ширину и вышину, однимъ словомъ, расползшейся во всѣ стороны Лютеціи, воздымаются между двухъ рукавовъ Сены башни старинняго собора Богоматери, увѣнчанныя ажурнымъ зданіемъ изъ желѣза,—простымъ воздушнымъ каркасомъ въ томъ-же готическомъ стилѣ, какъ и самый соборъ, — поддерживающимъ въ восьмидесяти метрахъ надъ платформою башенъ вторую платформу, на которой помѣщаются: главная контора воздушныхъ омнибусовъ, полицейскій участокъ, ресторанъ и концертный залъ для церковной музыки. Невдалекѣ оттуда виднѣется башня Сенъ-Жака, въ свою очередь увѣнчанная на высотѣ пятидесяти метровъ громаднымъ циферблатомъ электрическихъ часовъ и второю платформой, надъ которой носятся на разныхъ высотахъ наемные воздушные кабріолеты, имѣющіе тамъ свою биржу.

Многочисленныя подобныя-же воздушныя зданія высятся надъ ста тысячами дебаркадерами и крышами домовъ. Зданія эти покрыты сверху до низу колосальными рекламами о многихъ тысячахъ разнообразнѣйшихъ продуктахъ промышленности. Среди такихъ воздушныхъ зданій особенно выдѣляются станціи большихъ линій воздушныхъ омнибусовъ, верфи воздушныхъ кораблей заатлантическаго сообщенія (монументальныя сооруженія различныхъ формъ и стилей, отличающіяся необыкновенной

легкостью и возведенныя на ажурныхъ желѣзныхъ фермахъ), и большая центральная станція трубъ электро-пневматическаго сообщенія, имѣющая характеръ болѣе массивнаго сооруженія. Отъ нея расходятся во всѣ стороны трубы, поддерживаемыя длинными віадуками на желѣзныхъ аркахъ, или проходящія

Воздушная пристань въ домѣ Жоржа Лорриса.

сквозь туннели подъ застроенными холмами. Множество другихъ зданій болѣе или менѣе напоминаютъ башенный стиль. Между ними отмѣтимъ маяки городскихъ кварталовъ, воздушныя полицейскія управленія и участки для наблюденія за порядкомъ въ атмосферѣ, весьма затруднительнаго по ночамъ, несмотря на снопы электрическаго свѣта, изливаемые маяками,

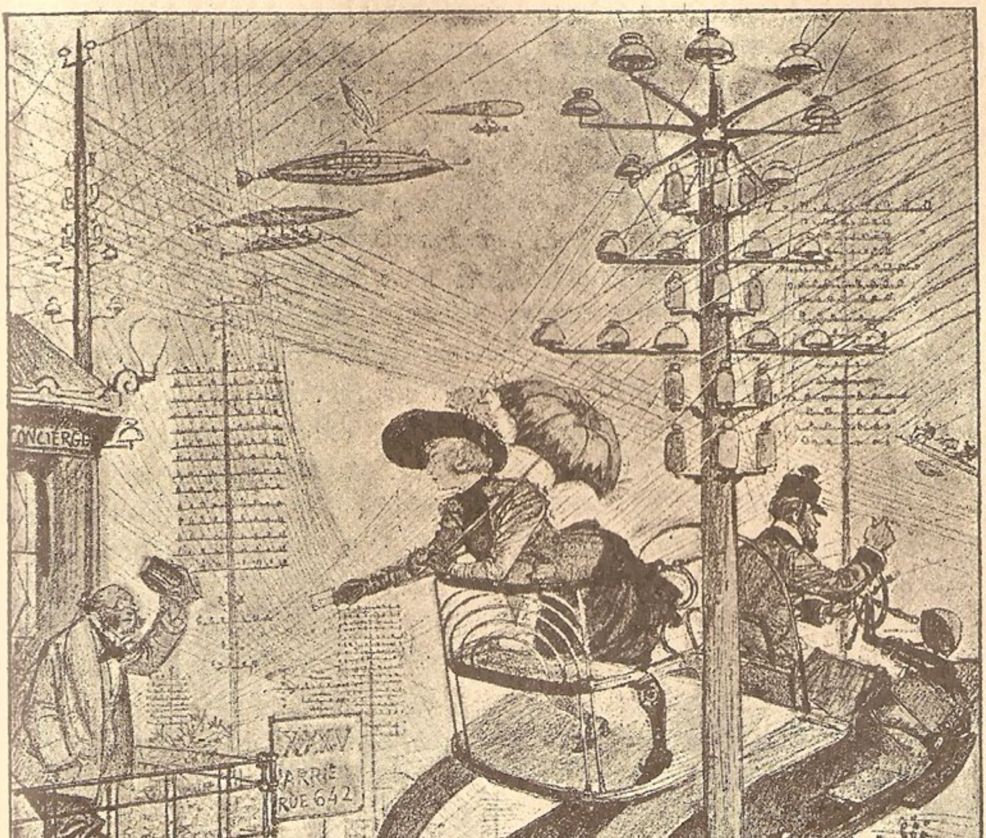
а также дебаркадерами большихъ общественныхъ заведеній и магазиновъ.

Нѣкоторые кварталы покрыты такой частой и запутанной сѣтью электрическихъ проводниковъ, что кажутся окутанными колосальною паутиной. Излишекъ вреденъ во всемъ. Проводники, раскидывающіеся во всѣ стороны, являются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ серьезнымъ препятствіемъ сообщенію по воздуху. Изъ-за нихъ по ночамъ ежедневно случается масса несчастій. Несмотря на яркій свѣтъ маяковъ и фонарей на крышахъ, пассажиры воздушныхъ экипажей оказываются подчасъ убитыми на поваль нечаяннымъ электрическимъ разрядомъ, или-же ранеными, а иногда почти обезглавленными какою-нибудь проволокой, незамѣченной во-время.

Возлѣ самаго дома Лорриса высится древнѣйшее изъ легкихъ зданій, взбирающихся чуть не до облаковъ. Оно было выстроено инженеромъ, безъ сомнѣнія, предчувствовавшимъ нынѣшнее развитіе сообщеній по воздуху. Это достопочтенная Эйфелева Башня, воздвигнутая въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ успѣвшая уже отчасти заржавѣть и покоситься.

Вслѣдствіе потребовавшагося для нея радикальнаго ремонта сдѣланы были къ этой древней башнѣ кое-какія пристройки. Оба нижніе ея этажа охвачены теперь великолѣпными и весьма изящными платформами, протяженіемъ въ нѣсколько десятинъ, на которыхъ разведены зимніе сады, поддерживаемые двумя поясами грандіозныхъ желѣзныхъ арокъ. По другую сторону рѣчки подымаются, исчезая въ синевѣ атмосферы, куполы, терассы и шпицы Облачнаго дворца,—большой международной гостинницы своеобразной архитектуры, сооруженной на вершинѣ древней Тріумфальной арки финансовой компаніей, которая начала съ того, что раззорила двѣ первыхъ серіи акціонеровъ, но подъ конецъ воздвигла на тріумфальной аркѣ, проданной ей въ полную собственность казною (во время денежныхъ затрудненій послѣ двѣнадцатой нашей революціи), дѣйствительно волшебное зданіе, какъ нельзя лучше гармонирующее съ Эйфелевой Башней.

Далѣе, надъ Булонскимъ лѣсомъ, размежеваннымъ на маленькіе скверы, воздымается Картонный городъ,—кварталъ, названный такимъ образомъ благодаря изящнымъ и обширнымъ доходнымъ его домамъ, выстроеннымъ исключительно

Рулевой воздушнаго кабріолета долженъ обладать большимъ навыкомъ.

изъ концентрированной бумажной массы, приготовленной подъ такимъ давленіемъ, при которомъ она становится тверже стали и, въ сравнительно тонкихъ листахъ, сопротивляется лучше камня вліянію непогодъ. Этимъ достигается, между прочимъ, также и большой выигрышъ мѣста. Несомнѣнно, что такому картону предстоитъ громадная роль въ архитектурѣ будущаго. Впрочемъ, уже и въ нынѣшнихъ сооруженіяхъ избѣгаютъ, вообще говоря, употребленія прежнихъ тяжелыхъ строительныхъ матеріаловъ. Камень почти не идетъ уже болѣе на постройки. Въ монументальныхъ зданіяхъ мѣсто его заступаетъ пирогранитъ, литыя массы котораго обладаютъ несравненно большей силой сопротивленія чѣмъ настоящій гранитъ и примѣняются на многія тысячи разныхъ способовъ къ украшенію фасадовъ. Къ желѣзу прибѣгаютъ лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда требуются особенно прочныя подпоры въ видѣ устоевъ или колоннъ. Вообще же для обыкновенныхъ построекъ идутъ по преимуществу картонъ и стекло, отлитое въ громадныя лещади. Изъ нихъ устроиваются теперь прозрачныя стѣны, доставляющія въ изобиліи свѣтъ въ парадные аппартаменты.

Большіе магазины, а также зданія нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, банковъ, строятся въ настоящее время исключительно изъ стекла. Благодаря успѣхамъ промышленности оказывается теперь возможнымъ отливать изъ одного куска цѣлыя зданія кубической формы, имѣющія до десяти саженъ въ каждую сторону, съ внутренними перегородками для отдѣльныхъ конторъ. Точно также отливаютъ изъ одного куска довольно большіе павильоны.

Филоксенъ Лоррисъ рѣшился сдѣлать изъ купленнаго имъ столь живописно расположеннаго домика образецъ научнаго внутренняго устройства. Задача эта была возложена великимъ ученымъ на управляющаго департаментомъ инженеръ-строителей его конторы. Жоржъ Лоррисъ представилъ свои соображенія и планы, вообще говоря, солидарные съ соображеніями и планами Эстеллы, а слѣдовательно и ея мамаши, г-жи Лакомбъ, но Филоксенъ не стѣснялся игнорировать ихъ, или-же измѣнять до того, что въ концѣ-концовъ самъ Жоржъ не могъ ихъ узнать. Во всякомъ случаѣ результаты получились изумительные.

Воздушная пристань въ двѣнадцати метрахъ надъ крышей, сооруженная вся изъ стекла, поддерживается граціозными, художественными желѣзными арками. Куполъ, увѣнчанный электрическимъ маякомъ, осѣняетъ четыре подъемныхъ платформы, сообщающіяся съ аппартаментами барина и барыни,—парадными комнатами и лабораторнымъ флигелемъ, въ которомъ помѣщаются рабочіе кабинеты. На окраину пристани выходитъ, кромѣ того, большая платформа, заступающая мѣсто черной лѣстницы. Тутъ же рядомъ находится сарай для воздушныхъ экипажей — высокая прямоугольная башня, воздвигнутая на одномъ изъ угловъ дома. Въ десяти ея этажахъ прорѣзано для этихъ экипажей десять воротъ, устроенныхъ другъ надъ другомъ. Отдѣлка парадныхъ аппартаментовъ поражаетъ необычайною роскошью. У прежняго владѣльца помѣщалась тамъ галлерея фотоживописи; но Филоксенъ Лоррисъ замѣнилъ увезенныя картины четырьмя большими декоративными панно, аллегорически изображающими: Воду, Воздухъ, Огонь и Электричество. Это уже не холодныя мертвыя картины, а самодвижущіяся и, если можно такъ выразиться, живыя произведенія искусства.

Благодаря новоизобрѣтеннымъ техническимъ пріемамъ, въ каждомъ изъ этихъ панно, вокругъ аллегорической статуи изображенной на ней стихіи, живетъ и движется сама эта стихія. Такъ, въ панно, посвященномъ Водѣ, изумленный зритель видитъ предъ собою настоящую воду, которая струится и переливается каскадами въ руслѣ, усѣянномъ скалами и раковинами. Это водное царство еще болѣе оживляется присутствіемъ замѣчательнѣйшихъ представителей своей фауны: настоящихъ и поддѣльныхъ рыбъ. Мелкіе виды—по преимуществу настоящіе, крупные-же,—отодвинутые на задній фонъ и снабженные отлично дѣйствующими автоматическими механизмами,—даютъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ требованіямъ перспективы, совершенно правильное представленіе о самыхъ грозныхъ обитателяхъ морскихъ пучинъ.

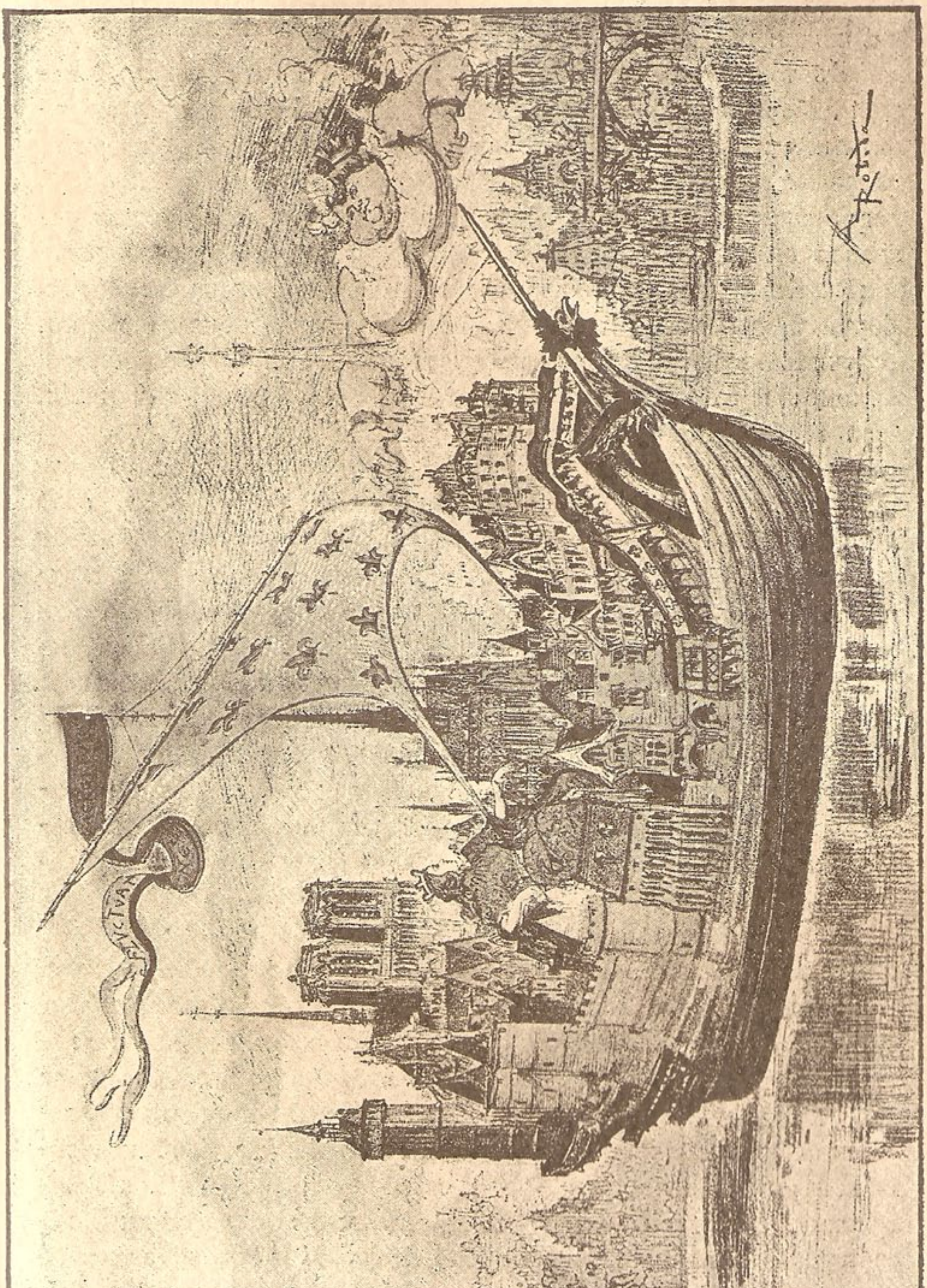
Огонь является естественной противуположностью водѣ. Его аллегорически изображаетъ фигура съ бюстомъ женщины на тѣлѣ саламандры, которое украшено длиннымъ свернувшимся кольцами хвостомъ. Вокругъ этой фигуры настоящее пламя, не дающее, впрочемъ, ни малѣйшаго жара, раскидывается во всѣ

стороны огненными языками. На заднемъ фонѣ происходитъ изверженіе огнедышащей горы, сопровождаемое сверкающими потоками расплавленной лавы, цвѣтъ которыхъ можно измѣнять по произволу. Само собой разумѣется, что двѣ другія стихіи— Воздухъ и Электричество, оказались еще болѣе благодарными темами для художника-декоратора. Въ Воздухѣ, среди эффектнѣйшихъ облаковъ, получающихся особымъ способомъ во всемъ неистощимомъ разнообразіи, въ какомъ они создаются природой, проносятся обитатели атмосферы, — изящныя миніатюры воздушныхъ кораблей съ очертаніями, смягченными завѣсой паровъ—совершенно также какъ въ дѣйствительности! Въ этой живой картинѣ все регулировано великолѣпнѣйшимъ образомъ. Воздушные эффекты мѣняются по желанію зрителей. Можно попеременно любоваться прелестнѣйшей утренней и вечерней зарей, или даже дивною звѣздною ночью, являющейся точнымъ уменьшеннымъ изображеніемъ дѣйствительнаго ночного неба съ „лазурными дорожками, усѣянными золотымъ пескомъ", какъ выражаются о немъ поэты.

Что касается до Электричества, то инженеръ-художникъ очень ловко воспользовался декоративными эффектами приборовъ и механизмовъ, служащихъ для полученія и передачи этого вида энергіи. По желанію самого Филоксена Лорриса, прямо надъ головой аллегорической фигуры электричества помѣщено громадное зеркало большого телефоноскопа.

Въ этихъ по истинѣ живыхъ картинахъ мы видимъ настоящее искусство будущаго. Мѣсто прежней живописи: робкихъ художественныхъ попытокъ разныхъ Рафаэлей, Тиціановъ, Рубенсовъ, Давидовъ, Делакруа, Дюрановъ и другихъ піонеровъ искусства, заступили сперва фотоживопись, представлявшая собою по отношенію къ нимъ уже громадный прогрессъ. Нынѣшніе фотоживописцы должны будутъ, однако, въ свою очередь стушеваться передъ завтрашними фото-никто-механиками. Все неудержимо идетъ впередъ, а потому застой немыслимъ даже и въ области изящныхъ искусствъ.

Нечего и говорить, что рабочій кабинетъ, долженствующій служить вмѣстѣ съ тѣмъ лабораторіей для Жоржа Лорриса и его супруги, устроенъ сообразно съ видами Филоксена Лорриса, не побоявшагося затратить болѣе получаса на составленіе подробнаго плана внутренняго убранства. Этотъ кабинетъ снаб-

Древняя и нынѣшняя французская столица.

женъ всѣми инструментами и усовершенствованными приборами, необходимыми для самыхъ тонкихъ научныхъ изслѣдованій.

Въ то время, какъ Эстелла Лакомбъ занималась въ большой лабораторіи Филоксена Лорриса, мамаша ея слѣдила съ понятнымъ интересомъ за всѣми передѣлками въ домѣ, предназначавшемся для молодыхъ, не скрывая ни своего восхищенія, когда считала таковое заслуженнымъ, ни порицанія, когда находила его умѣстнымъ. Ей было, однако, не легко доводить свои замѣчанія до свѣдѣнія отца будущаго своего зятя. Филоксенъ Лоррисъ, для котораго время было до чрезвычайности дорого, поручилъ простому фонографу выслушивать замѣчанія г-жи Лакомбъ и отвѣчать по прошествіи сутокъ на эти замѣчанія, если вообще только онѣ удостоивались отвѣта.

— Первоначальное мое мнѣніе объ этомъ ученомъ чудакѣ было совершенно правильно, — говорила сама себѣ г-жа Лакомбъ, остерегавшаяся теперь уже высказывать мысли свои вслухъ.—Этотъ Филоксенъ Лоррисъ—просто на-просто медвѣдь. Къ счастію, мы выходимъ замужъ не за него. Бѣдная его жена настоящая мученица!... Зато Жоржъ безспорно прекраснѣйшій молодой человѣкъ, кроткій и обходительный. Моя дочь будетъ съ нимъ какъ нельзя болѣе счастлива...

Г-жу Лакомбъ особенно безпокоило одно обстоятельство. Въ роскошномъ, превосходно устроенномъ домѣ молодыхъ не оказывалось кухни. Мать Эстеллы взяла на себя однажды смѣлость выразить по этому поводу свое изумленіе фонографу великаго ученаго.

На другой день она получила слѣдующій отвѣтъ:

— Что съ вами, сударыня?—вскричалъ фонографъ,—о какой это кухнѣ изволите вы говорить? Кухни годятся развѣ только для ретроградовъ и отсталыхъ, неспособныхъ слѣдовать за научнымъ прогрессомъ! Черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, дома съ кухнями уцѣлѣютъ развѣ лишь въ самыхъ несчастныхъ деревенскихъ захолустьяхъ. Съ точки зрѣнія разумной политической экономіи частныя кухни не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Изготовленіе кушаньевъ въ малыхъ размѣрахъ неизбѣжно оказывается значительно дороже, чѣмъ изготовленіе тѣхъ-же яствъ въ какой-нибудь грандіозной центральной кухнѣ. Въ домѣ моего сына, какъ и въ собственномъ моемъ домѣ, никакой кухни не будетъ. У насъ имѣются абонементы въ

Главную акціонерную компанію раціональнаго продовольствія. Мы получаемъ отъ нея готовые обѣды, завтраки и ужины чрезъ посредство особой системы трубъ и трубочекъ. Благодаря этой организаціи можно жить, какъ говорится, припѣваючи. Въ результатѣ получается экономія драгоцѣннаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ большое сбереженіе денегъ.

— Благодарю покорно,—возразила г-жа Лакомбъ.—Можете, сколько угодно, называть меня отсталой, но я всетаки предпочитаю располагать собственной небольшой кухней, гдѣ могу готовить кушанья по собственному моему вкусу. Ваша Главная акціонерная компанія раціональнаго продовольствія

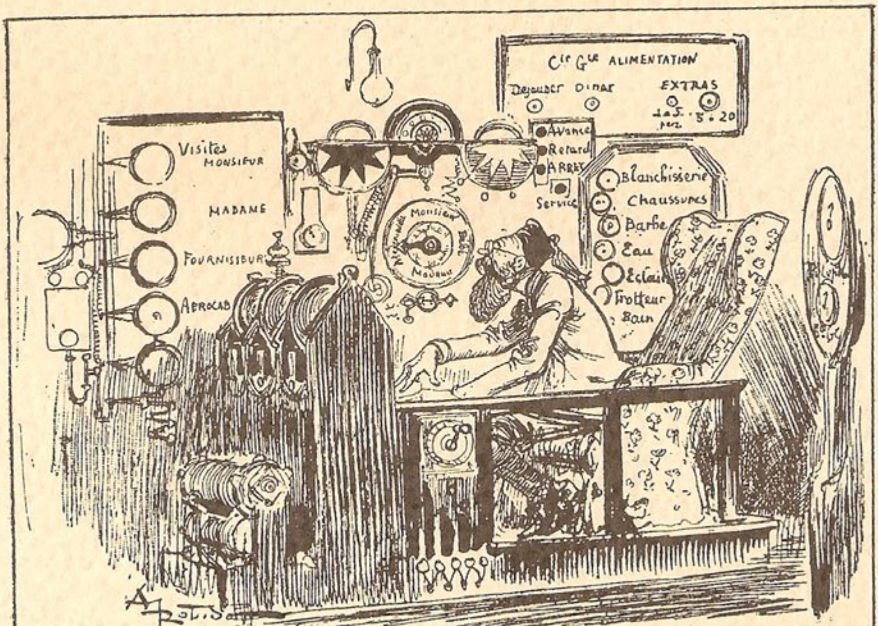

Г-жа Лакомбъ предъявляетъ фонографу свои протесты.

окажется на повѣрку только кухмистерской въ большихъ размѣрахъ, а я терпѣть не могу обѣдовъ изъ кухмистерской.

— Смѣю васъ увѣрить, сударыня,—замѣтилъ фонографъ, повидимому предусмотрѣвшій уже это возраженіе,—что акціонерное общество кормитъ очень вкусно и ежедневно даетъ чрезвычайно богатый выборъ блюдъ. Обѣды намъ готовятъ тамъ не какіе-нибудь невѣжественные поваренки, или еще болѣе невѣжественныя кухарки, а настоящіе ученые повара, съ надлежащими дипломами,—кулинарные инженеры, изучившіе въ тонкости свою спеціальность. Контроль надъ всѣми ихъ операціями порученъ комитету изъ самыхъ выдающихся гигіени-

стовъ, который и выработываетъ проекты обѣдовъ сообразно съ законами здравой гигіены и раціональнаго питанія... Вмѣсто яствъ, придуманныхъ поварами, неотвѣтственными передъ медицинскимъ департаментомъ, а потому распоряжающимися вкривь и вкось, руководствуясь какимъ-то безсознательнымъ наитіемъ, мы получаемъ отъ акціонернаго общества пищу, соотвѣтствующую времени года и обстоятельствамъ, освѣжающую, или укрѣпляющую,—то по преимуществу мясную, то изобилующую овощами, смотря по тому, что именно представляется желательнымъ въ

Главное депо продовольствія.

интересахъ общественнаго здравія... У абонентовъ обнаружилось уже значительное уменьшеніе желудочныхъ разстройствъ, ослабленіе подагры, ревматизмовъ и т. д.

Фонографъ остановился, очевидно намѣреваясь выслушать возраженія г-жи Лакомбъ, которая, однако, благоразумно предпочла отъ нихъ воздержаться.

Помолчавъ съ минуту, фонографъ продолжалъ съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ:

— Во всякомъ случаѣ, современному человѣчеству было-бы позорно выставлять на видъ чрезмѣрную свою заботливость

объ удовлетвореніи желудка. Этотъ ничтожный органъ не долженъ брать верхъ надъ царственнымъ органомъ—мозгомъ и подавлять его, сударыня! Притомъ-же, вопросы желудка имѣютъ теперь лишь второстепенное значеніе. Какъ вамъ извѣстно, въ наше время ни у кого ужь нѣтъ аппетита...

Г-жа Лакомбъ тяжело вздохнула и мысленно сказала:

— Онъ, очевидно, скряга. Впрочемъ, я это давно уже подозрѣвала!

Филоксенъ Лоррисъ взялъ на себя также и организацію надлежащаго штата прислуги. Г-жа Лакомбъ пришла въ вели-

Немножко гигіены.

чайшее изумленіе, узнавъ, что весь этотъ штатъ будетъ состоять изъ привратника, патентованнаго старшаго механика и младшаго механика. Горничныхъ и лакеевъ не полагалось, точно также какъ не полагалось и кухарки.

— Къ счастью, Эстелла беретъ съ собой Гретли,—подумала г-жа Лакомбъ.

Великій ученый поручилъ своему фонографу принимать кандидатовъ въ служителя.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней передъ фонографомъ проходила почти сплошная толпа этихъ кандидатовъ. Онъ записывалъ ихъ заявленія и снималъ въ то же время фотогра-

фическіе портреты. Такимъ образомъ Филоксенъ Лоррисъ могъ, безъ всякой непроизводительной траты времени на безцѣльные разговоры, сдѣлать разумный и осмотрительный выборъ. Пришлось отстранить многочисленныхъ кандидатовъ, необладавшихъ свидѣтельствами объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому пригодныхъ лишь въ домахъ средней руки, гдѣ по отношенію къ дипломамъ не выказываютъ такой требовательности. Подобнымъ же образомъ были отстранены даже нѣкоторые инженеры, окончившіе политехническую школу, но оказавшіеся въ дальнѣйшей своей карьерѣ неудачниками.

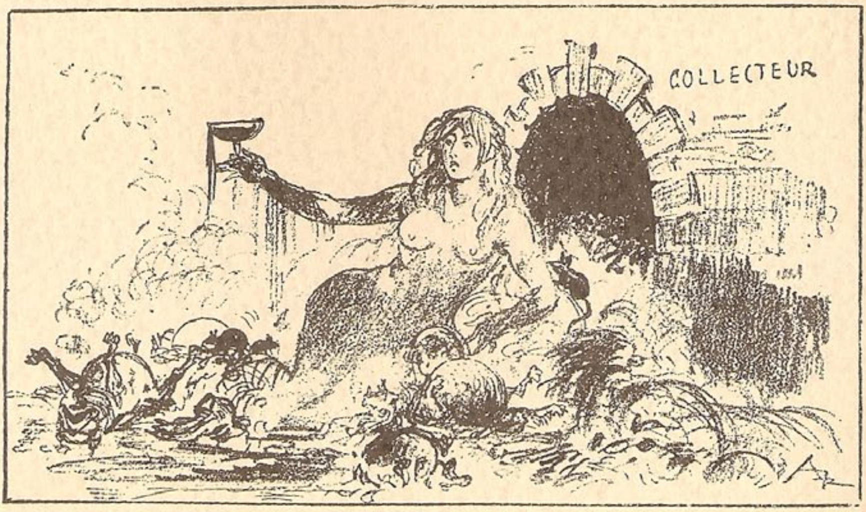
Фонографъ нанимаетъ прислугу.

— На чемъ именно опираются ваши притязанія? — спрашивалъ фонографъ у кандидатовъ. — Потрудитесь объясниться и предъявить ваши дипломы!

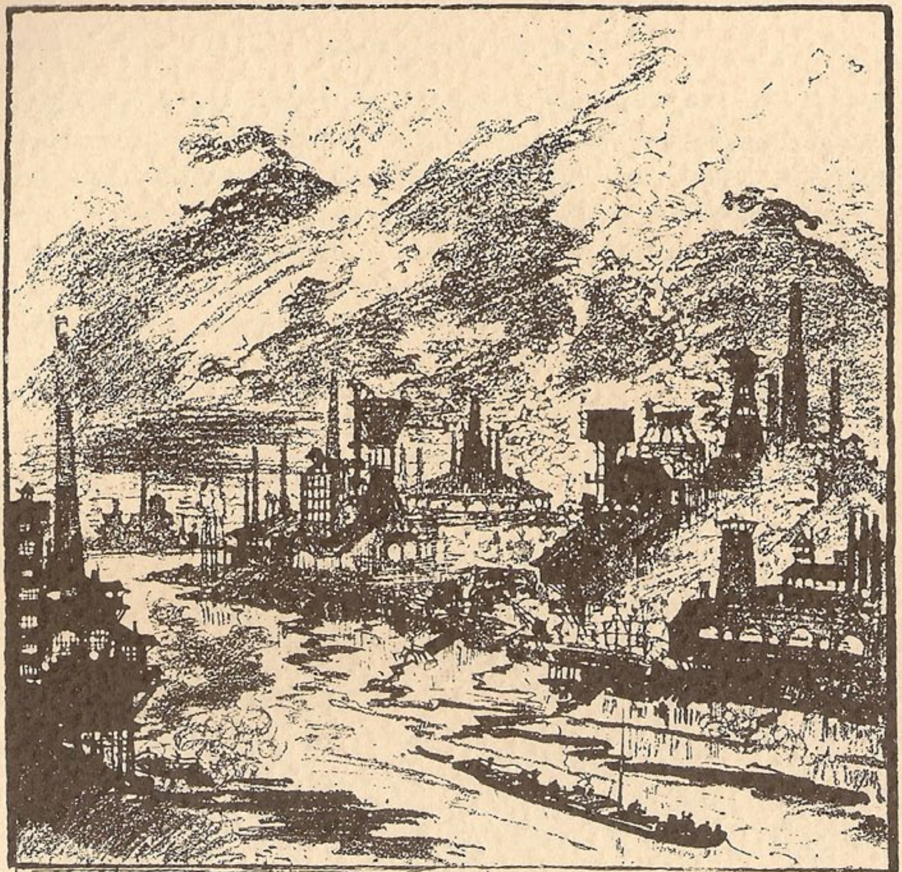
Благодаря такимъ мѣрамъ благоразумной предосторожности, на должность привратника поступила супружеская чета, обладавшая, кромѣ отличнѣйшихъ рекомендацій, кандидатскими дипломами по всѣмъ отраслямъ знаній. Что касается до механиковъ, то они съ успѣхомъ кончили курсъ въ центральномъ электрическомъ институтѣ. Имъ можно было смѣло ввѣрить завѣдываніе всѣми электрическими приспособленіями въ домѣ.

Такимъ образомъ гнѣздышко, предназначавшееся для будущей молодой четы, оказывалось окончательно свитымъ. Не

смотря на энергическіе протесты со стороны г-жи Лакомбъ, Филоксенъ Лоррисъ не отступилъ ни на пядь и заставилъ подчиниться своей программѣ безъ всякихъ въ ней измѣненій. Онъ снабдилъ домъ сына всѣми усовершенствованіями, внесенными современной механикой въ обыденную жизнь, — усовершенствованіями, дозволяющими обходиться безъ служанокъ, лакеевъ и всей многочисленной челяди, которую приходилось держать у себя нашимъ дѣдамъ.

Сенская нимфа.

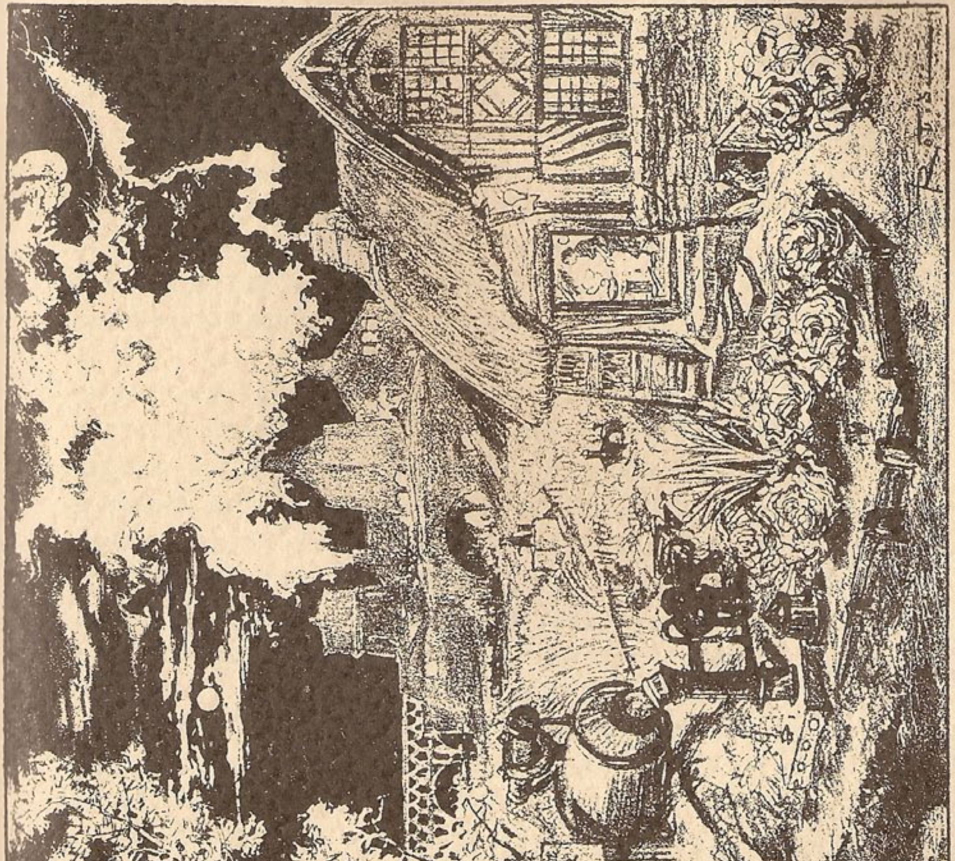

...всѣ рѣки переполнены опаснѣйшими бациллами.

II.

Задуманныя и уже назрѣвшія крупныя предпріятія.—Коста-Рика.—Придунайское столкновеніе.—Эпоха взрывчатыхъ веществъ заканчивается.—Человѣколюбивая война.—Плачевное состояніе общественнаго здравія.—Избытокъ микробовъ.—Спасительное національное лекарство.

Филоксенъ Лоррисъ не выносилъ женщинъ безъ опредѣленныхъ занятій. Въ данномъ случаѣ онъ не составлялъ, впрочемъ, исключенія изъ общаго правила. Женщина у насъ совершенно равноправна съ мужчиной, получаетъ такое же образованіе и болѣе тридцати лѣтъ уже пользуется одинаковыми съ мужчиной политическими и соціальными правами, какъ пассивными, такъ и активными. Ей открыты теперь всѣ карьеры, доступъ въ которыя былъ для нея передъ тѣмъ воспрещенъ.

Пользованіе подземнымъ огнемъ въ земледѣліи, промышленности и домашнемъ хозяйствѣ.

Безъ сомнѣнія, въ этомъ надлежитъ усматривать громадный прогрессъ, хотя нѣкоторыя женщины съ регрессивнымъ складомъ мышленія, въ томъ числѣ и супруга самого Филоксена Лорриса, утверждаютъ, будто онѣ остались въ проигрышѣ. Парадоксъ этотъ наглядно опровергается тѣмъ, что борьба за существованіе стала теперь для мужчинъ значительно труднѣе чѣмъ прежде. Всѣ либеральныя карьеры, до чрезвычайности переполненныя уже тогда, когда одни только мужчины имѣли къ нимъ доступъ, стали еще недоступнѣе съ тѣхъ поръ, какъ женщины могутъ занимать должности нотаріусовъ, адвокатовъ, докторовъ, инженеровъ и т. д., и т. д.

Благодаря энергическимъ кампаніямъ, побѣдоносно веденнымъ дѣвицами и дамами, состоявшими во главѣ женской партіи, мы имѣемъ теперь мэровъ и даже нѣсколькихъ подпрефектовъ прекраснаго пола. Въ нынѣшнемъ кабинетѣ пришлось даже вручить министерскій портфель дамѣ. Такимъ образомъ одна изъ прекраснѣйшихъ и наиболѣе выгодныхъ карьеръ, на которой мужчинамъ удавалось въ былое время нагулять, какъ говорится, брюшко, оказываетъ ту-же самую услугу и женщинамъ. Мелкій и крупный политическій промыселъ, какъ на сторонѣ правительственной партіи, такъ и въ рядахъ оппозиціи, насчитываетъ уже многихъ женщинъ, сумѣвшихъ завоевать себѣ выдающееся положеніе.

Женщина работаетъ теперь рядомъ съ мужчиной,—какъ мужчина,—столько-же, сколько мужчина,—въ конторѣ,—въ магазинѣ, на фабрикѣ и на биржѣ. Въ нашъ вѣкъ промышленности и электричества, когда жизнь стала такъ безпощадно дорогою, всѣ какъ мужчины, такъ и женщины, лихорадочно стремятся къ наживѣ и погружаются по уши въ дѣловыя предпріятія. Женщина, не находящая соотвѣтственныхъ ея способностямъ занятій въ сферѣ дѣятельности, въ которой подвизается ея мужъ, должна обзавестись какимъ-нибудь другимъ промысломъ. Она открываетъ магазинъ, основываетъ газету, или банкирскую контору и, подобно своему мужу, не щадя силъ, устремляется въ самый разгаръ борьбы съ массой ожесточенныхъ конкуррентовъ и конкуррентокъ.

Что-же происходитъ съ домашнимъ очагомъ и дѣтьми въ вихрѣ этой погони за наживой? Хозяйственныя заботы, правда, значительно облегчаются акціонерными обществами раціональ-

наго продовольствія, которыя берутся кормить по абонементу цѣлыя семьи. Что касается до всего остального, то это возлагается на особъ прекраснаго пола, которыя, получивъ менѣе солидное образованіе, или обладая менѣе развитымъ честолюбіемъ, соглашаются принять на себя за приличное вознагражденіе обязанности хозяйки дома. Дѣти, разумѣется, могли-бы очень стѣснить сильно занятыхъ своихъ родителей, еслибъ не существовало для младенцевъ самаго ранняго возраста школъ, откуда они послѣдовательно переходятъ въ среднія, а затѣмъ въ высшія учебныя заведенія. Родителямъ остается только вносить за нихъ аккуратно четыре раза въ годъ плату, что, впрочемъ, уже и само по себѣ причиняетъ иной разъ немало хлопотъ.

Супруга Филоксена Лорриса представляла собой исключеніе изъ общаго правила. Она оставалась совершенно чуждой предпріятіямъ мужа,—никогда не показывалась въ его лабораторіяхъ и конторахъ и не занималась въ то-же время никакими предпріятіями за свой собственный страхъ. Г-жа Лоррисъ пренебрегала даже политикой, несмотря на то, что высокое положеніе мужа могло-бы сразу доставить ей видную роль. Необходимо добавить ко всему этому, что она мало выѣзжала. Ходили слухи, будто она занимается философіей и, запираясь въ своемъ кабинетѣ, размышляетъ надъ метафизическими задачами, входящими въ программу задуманнаго ею большого сочиненія по этой высшей наукѣ-наукъ.

Пріятно было думать, что супруга знаменитѣйшаго представителя современной науки занимается, въ свою очередь, глубокомысленнѣйшими изслѣдованіями и, обставивъ себя солидными книгами, устремляется изъ области почерпнутыхъ оттуда свѣдѣній, сквозь дебри гипотезъ и тернистую чащу заблужденій, въ міръ неизслѣдованныхъ еще знаній, гдѣ отыскиваетъ высокія нравственныя истины, подобно тому, какъ мужъ ея неустанно стремится къ открытію великихъ законовъ, управляющихъ физическими явленіями.

Филоксенъ Лоррисъ назначилъ Эстеллу Лакомбъ въ самое главное отдѣленіе большой своей лабораторіи, а именно въ отдѣленіе новыхъ изслѣдованій. Инженеры этого отдѣленія, составляющіе, если можно такъ выразиться, главный штабъ великаго ученаго, работаютъ вмѣстѣ съ нимъ и на его глазахъ. Большинство изъ нихъ—корифеи науки, посѣдѣвшіе въ лабора-

торіяхъ, давно уже пріобрѣли себѣ славное имя и считаютъ величайшей радостью жизни корпѣть надъ книгами и химическими приборами. Рядомъ съ этими старцами работаютъ сравнительно немногіе молодые люди, у которыхъ Филоксенъ Лоррисъ угадалъ зарождающійся геній. Великій ученый направляетъ этихъ энергическихъ юныхъ тружениковъ на неизслѣдованные пути, способные привести къ раскрытію невѣдомыхъ еще тайнъ природы.

Ученые состарившіеся въ лабораторіяхъ.

Что же дѣлала бѣдняжка Эстелла съ своимъ сравнительно легкимъ научнымъ багажемъ среди этихъ свѣтилъ современнаго знанія? Невѣста Жоржа находила очередные вопросы въ лабораторіи и самыя обыденныя темы производившихся тамъ изслѣдованій несравненно болѣе трудными, запутанными и головоломными, чѣмъ все, что приводило ее въ недоумѣніе, въ то время, когда она приготовлялась къ экзаменамъ на дипломъ инженера. Прислушиваясь къ разсужденіямъ своихъ коллегъ и пытаясь хоть сколько-нибудь понять интересовавшія ихъ задачи, молодая дѣвушка испытывала такое чувство, какъ еслибъ голова у нея собиралась треснуть и разорваться на части.

Эстеллу сперва прикомандировали къ дамамъ, занимавшимся въ отдѣленіи новыхъ изслѣдованій. Каждая изъ нихъ въ той отрасли знанія, которую выбрала своей спеціальностью, нисколько не уступала бородатымъ своимъ сотоварищамъ. Одна изъ ученыхъ дамъ, вышедшая когда-то первой по женскому отдѣленію политехнической школы, сперва было заинтересовалась молодой дѣвушкой. Она думала, что Эстелла, безъ сомнѣнія, обладаетъ необычайными научными свѣдѣніями и геніальнѣйшими способностями, такъ какъ въ противномъ случаѣ Филоксенъ Лоррисъ не принялъ бы ее въ главную лабо-

раторію. Выяснивъ себѣ вскорѣ истинный уровень знаній и научныхъ талантовъ Эстеллы, эта дама отвернулась съ гримасой презрительнаго негодованія отъ представительницы прискорбнаго древняго женскаго легкомыслія.

Эстеллу назначили тогда секретаремъ при инженеръ-медикѣ и старшемъ секретарѣ Филоксена Лорриса, Сюльфатенѣ, правой рукѣ знаменитаго ученаго. Молодая дѣвушка этому очень обрадовалась, во-первыхъ потому, что уже не боялась Сюльфатена, относившагося къ ней съ извѣстнаго рода снисходительностью, а во-вторыхъ потому, что могла чаще встрѣчаться съ Жоржемъ Лоррисомъ. Она стала проводить цѣлые дни въ большой секретарской залѣ, записывая поступавшія требованія, пере-

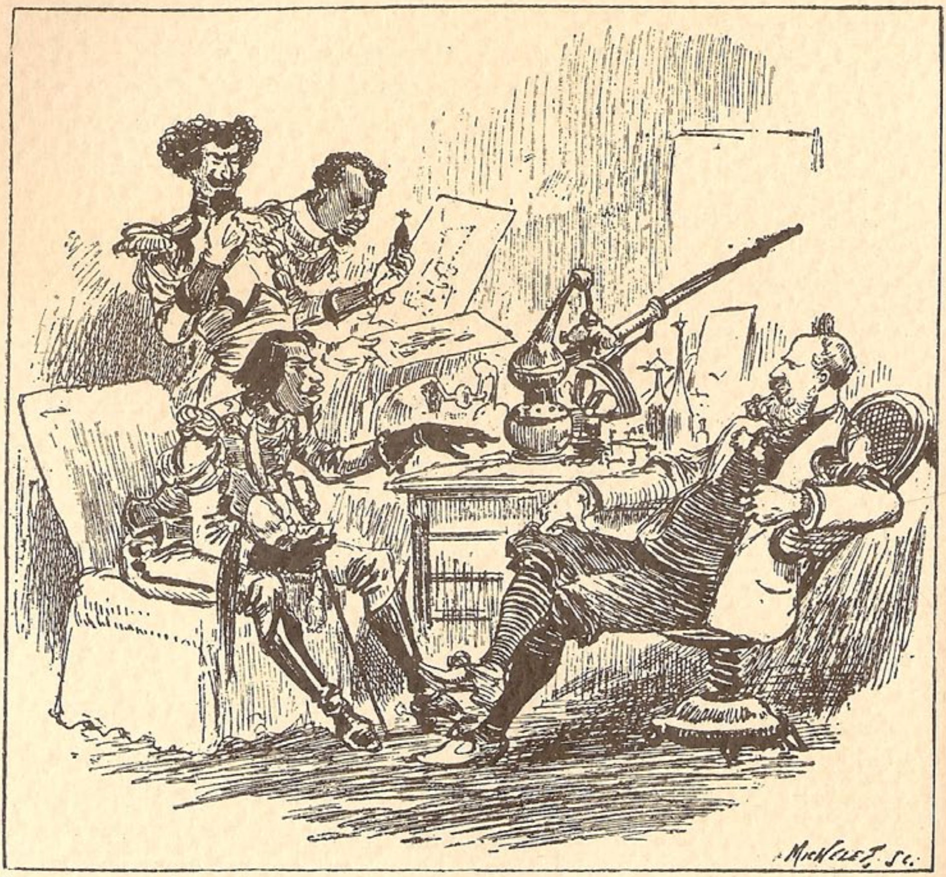

Она съ презрительной гримасой отвернулась отъ Эстеллы.

давая иной разъ приказанія, или же принимая отъ фонографовъ распоряженія Филоксена Лорриса, чтобъ сообщить ихъ въ качествѣ дневного приказа многочисленнымъ директорамъ особыхъ отдѣловъ. Филоксенъ Лоррисъ постоянно пользовался фонографомъ. Такимъ образомъ, вездѣ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ изъ числа принадлежавшихъ ему заводовъ и фабрикъ, голосъ великаго ученаго возбуждалъ и поддерживалъ усердіе главнѣйшихъ его сотрудниковъ.

Чтобъ ознакомиться съ наиболѣе выдающимися новыми предпріятіями, надъ окончательной разработкой которыхъ трудился неутомимый геній Филоксена, достаточно было-бы позволить себѣ маленькую нескромность и присутствовать безъ его вѣдома при нѣсколькихъ дѣловыхъ совѣщаніяхъ его съ посто-

ронними лицами. Вотъ, напримѣръ, хоть теперь, въ большой секретарской залѣ бесѣдуютъ съ великимъ ученымъ нѣсколько смуглолицыхъ джентльменовъ съ курчавыми волосами и бородами и усами черными, какъ вороново крыло. Всѣ они въ иностранныхъ военныхъ и штатскихъ мундирахъ. Это костарикскіе дипломаты, прибывшіе вмѣстѣ съ комиссарами отъ военнаго вѣдомства договориться на счетъ поставки новыхъ

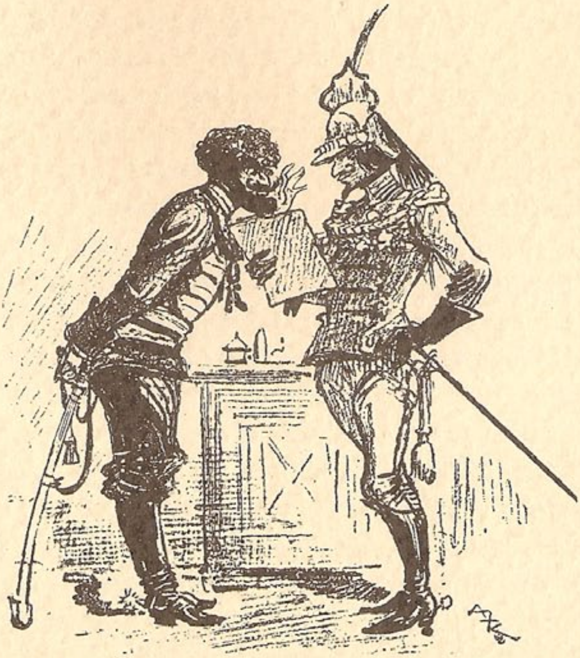

Въ интересахъ обезпеченія мира мы желали-бы пріобрѣсти партію новоизобрѣтенныхъ пушекъ.

усовершенствованныхъ орудій и снарядовъ. Филоксенъ Лоррисъ съ лаконизмомъ человѣка, старающагося не тратить даромъ даже и четверть минуты, какъ разъ въ это время излагаетъ сущность вопроса.

— Короче сказать, господа, — объясняетъ онъ, прерывая словоохотливаго дипломата,—Коста-рикская республика для предполагающейся своей войны съ Придунайскимъ королевствомъ...

— Прошу извинить, но у насъ о войнѣ не было и рѣчи,— возражаетъ дипломатъ.—Слѣдовало сказать: Коста-рикская республика, чтобъ обезпечить сохраненіе мира съ Придунайскимъ королевствомъ... Вѣдь у насъ ведутся еще съ нимъ переговоры. Пока не дошло даже и до посылки ультиматума!.. Все дѣлается, значитъ, только съ цѣлью обезпечить сохраненіе мира!...

— Желаетъ пріобрѣсти большую партію невыпущенныхъ еще въ обращеніе новыхъ взрывчатыхъ нашихъ снарядовъ,—продолжалъ Филоксенъ.

Агенты Коста-рикской республики.

— Совершенно справедливо.

— А также изобрѣтенныя нами орудія, долженствующія вслучаѣ надобности доставлять эти взрывчатые снаряды въ мѣста, наиболѣе благопріятствующія нанесенію возможно большаго вреда непріятелю.

— Точно такъ-съ!

— Вы присутствовали на опытахъ съ нашими новыми снарядами и видѣли издали орудія, подробности устройства которыхъ составляютъ нашу тайну. Вы желаете пріобрѣсти ору-

дія и снаряды и сообщили вашему правительству наши условія, которыя останутся неизмѣнными. Убѣжденные въ преимуществѣ новыхъ нашихъ приспособленій надъ всѣмъ, что было сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ направленіи, мы не уступимъ ни іоты изъ нашихъ требованій. Отъ васъ зависитъ согласиться на нихъ, или нѣтъ.

— Однако же...

— Мы не намѣрены торговаться!.. Отъ васъ зависитъ сказать: „да“ или „нѣтъ“, но это слѣдуетъ сдѣлать безотлагательно...

— Позвольте замѣтить вамъ только, что Коста-рикская республика... изъ любви къ миру согласна принести всяческія жертвы. Тѣмъ не менѣе, соглашаясь на эти тяжкія жертвы, она желала бы, чтобы должность предводителя армій, которому предстоитъ произвести въ большихъ размѣрахъ опыты надъ новыми орудіями и разрывными снарядами, была принята на себя изобрѣтателемъ... а именно вами самимъ, знаменитый ученый!..

— Помилуйте, неужели вы думаете, что у меня есть время заниматься такими пустяками? Кромѣ того, я состою вѣдь здѣсь генералъ-инженеромъ отъ артиллеріи и не могу поступать на заграничную службу.

— Мы какъ-нибудь уладили бы это. Не трудно выхлопотать для васъ кратковременный отпускъ, мы готовы даже заплатить вашему правительству кругленькое вознагражденьице. Видите, какъ высоко цѣнимъ мы ваше содѣйствіе...

— Было бы безполезно настаивать на этомъ, милостивѣйшіе государи! Я слишкомъ занятъ другими важными дѣлами.

— Въ такомъ случаѣ предоставьте намъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ, напримѣръ, г. Сюльфатена.

— Нѣтъ, онъ нуженъ мнѣ самому. Впрочемъ, я могу послать вамъ какого-нибудь изъ моихъ инженеровъ, но только на короткое время... Замѣтьте, что я предоставляю себѣ право эксплоатировать мои орудія и снаряды по собственному усмотрѣнію, т. е. продавать всѣмъ державамъ, не исключая и Придунайскаго королевства, то, что онѣ пожелаютъ отъ меня купить...

— Какъ! Вы собираетесь продать Придунайскому королевству тѣ же орудія и снаряды, какъ и намъ?

— Безъ сомнѣнія, тоже въ интересахъ огражденія мира.

— Въ такомъ случаѣ мы отказываемся отъ всякой сдѣлки.

— Какъ вамъ угодно. Предупреждаю васъ только, что Придунайское королевство уже нѣсколько дней тому назадъ согласилось на всѣ мои условія и пріобрѣло тѣ самыя орудія и снаряды, которые вы отказываетесь теперь купить... Оно одно и будетъ снабжено ими.

— Значитъ, оно заключило уже контрактъ на поставку?

— Совершенно справедливо.

— Въ такомъ случаѣ мы тоже согласны на все.

— Это съ вашей стороны самое благоразумное рѣшеніе. Намъ остается теперь только договориться объ условіяхъ платежа и надлежащихъ обезпеченіяхъ.

— Угодно вамъ получить въ залогъ правительственные дворцы?

— Нѣтъ, я предпочитаю взять въ обезпеченіе таможенныя пошлины и заставные сборы...

Поставка усовершенствованныхъ орудій и новыхъ разрывныхъ снарядовъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ данную минуту и всѣмъ воюющимъ сторонамъ впродолженіе нѣкотораго времени являлась сама по себѣ колоссальной операціей, долженствовавшей принести громадные барыши.

Одновременно съ нею, однако, великій ученый рѣшился выпустить въ свѣтъ другое предпріятіе совершенно иного характера, но еще болѣе гигантское по своимъ размѣрамъ. Намъ остается только преклониться передъ верховнымъ могуществомъ науки! Безстрастная, какъ сама судьба, она доставляетъ человѣку самыя грозныя средства разрушенія. Но если природа отдаетъ ему въ руки стихійныя силы, предоставляя ими пользоваться и даже злоупотреблять, то съ другой стороны она столь же щедро раскрываетъ передъ нимъ свои арсеналы для борьбы съ естественными разрушающими факторами и въ изобиліи снабжаетъ его могущественнымъ оружіемъ, помогающимъ одерживать побѣды въ великой распрѣ между жизнью и смертью.

На этотъ разъ Филоксену Лоррису приходится имѣть дѣло не съ солдатами и не съ генералами, жаждущими какъ можно скорѣе испытать новоизобрѣтенные имъ химическіе составы. Рѣчь идетъ о новыхъ цѣлебныхъ средствахъ, но между тѣмъ онъ обсуждаетъ вопросъ этотъ въ большой своей лабораторіи не съ врачами, а съ политическими дѣятелями.

Правда, что въ числѣ этихъ политическихъ дѣятелей находится его превосходительство министръ общественной гигіены, знаменитый адвокатъ, одинъ изъ лучшихъ французскихъ ораторовъ, участвовавшій за послѣднія двадцать лѣтъ въ сто сорока девяти министерскихъ комбинаціяхъ съ разнообразнѣйшими портфелями, начиная съ министерствъ военнаго, промышленности и вѣроисповѣданій и заканчивая министерствомъ воздушныхъ сообщеній, короче говоря, человѣкъ самой необъятной энциклопедической компетентности.

— Да, милостивые государи, какъ не прискорбно въ этомъ сознаться, современная наука до нѣкоторой степени виновна въ плохомъ состояніи общественнаго здравія,—говоритъ Филоксенъ Лоррисъ. — Нельзя отрицать, что нынѣшнее слишкомъ торопливое и скороспѣлое, до чрезвычайности занятое и раздражающее нервы электрическое существованіе переутомило человѣческую расу и вызвало у насъ нѣчто вродѣ общаго упадка силъ.

Типъ будущаго культурнаго человѣка.

— Это объясняется мозговымъ перевозбужденіемъ,—замѣтилъ министръ.

— У современнаго человѣчества нѣтъ болѣе мышцъ,—презрительно замѣтилъ Сюльфатенъ. — Работаетъ одинъ только мозгъ, который и поглощаетъ всѣ питательные соки въ ущербъ остальному организму, неизбѣжно подвергающемуся вслѣдствіе этого процессу такъ называемой атрофіи и вырожденія. Если своевременно не будутъ приняты должныя мѣры, то человѣкъ обратится къ громадный мозгъ подъ куполообразнымъ черепомъ, подпертымъ самыми тоненькими ножками!

— И такъ,—продолжалъ Филоксенъ,—мы имѣемъ дѣло съ переутомленіемъ, ведущимъ къ упадку силъ. Отсюда уже вытекаютъ все болѣе возрастающія трудности обороняться отъ осаждающихъ насъ болѣзней. Во первыхъ — самая крѣпость ослаблена, во вторыхъ—осаждающіе непріятели подходятъ къ ней все въ большемъ числѣ и становятся сами по себѣ все опаснѣе.

Причины физическаго вырожденія слишкомъ интеллигентныхъ расъ.

— Вы намекаете на новыя болѣзни!—замѣтилъ министръ.

— Именно на нихъ. У насъ пытались противупоставлять опаснымъ микробамъ другихъ враждебныхъ имъ микробовъ, разсчитывая такимъ образомъ выбивать клинъ клиномъ. На дѣлѣ же оказалось, что новые микробы, привитые человѣческому организму, обратились въ свою очередь въ нашихъ враговъ и породили массу новыхъ болѣзней, которыя на мгновеніе сбили съ толку даже людей науки, особенно тщательно изучавшихъ токсическія свойства микроорганизмовъ...

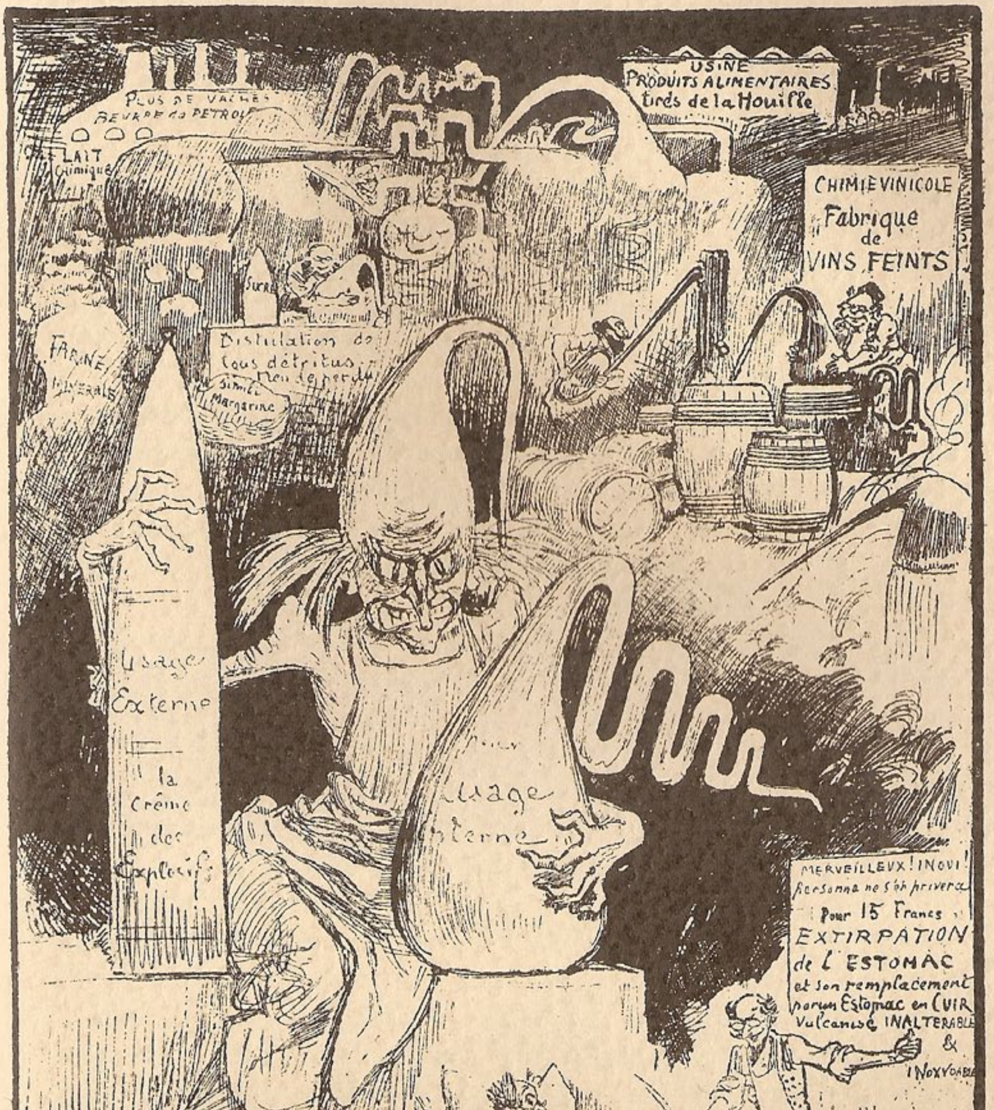
— Позвольте мнѣ замѣтить, милостивѣйшіе государи,— сказалъ министръ,—что неутѣшительное состояніе здоровья у насъ въ значительной степени обусловливается злодѣйствами химіи!

— Какъ, *злодѣйствами*?..

— Чтобы не обижать науку, я согласенъ, пожалуй, взять это слово назадъ и замѣнить его *неудобствами* слишкомъ обширнаго распространенія и пользованія химіей, т. е. въ сущности приложеніями ея ко всякой всячинѣ: къ научной фабрикаціи въ большихъ размѣрахъ всѣхъ жидкихъ и твердыхъ питательныхъ веществъ,—всего, что можно ѣсть и пить,—къ подражанію или, выражаясь проще, къ поддѣлкѣ всѣхъ естественныхъ продуктовъ. Увы, теперь у насъ все поддѣльное,—искусственное,—все является только подражаніемъ дѣйствительности! Всюду насъ преслѣдуютъ подмѣси безцеремоннѣйшаго свойства, и мы, въ концѣ концовъ, оказываемся отравленными современными Борджіа нашей чрезмѣрно научной промышленности.

— Увы!—подтвердилъ одинъ изъ депутатовъ, любившій въ былое время покушать, а теперь страдавшій неисцѣлимымъ разстройствомъ желудка.

— Я не упоминалъ о тысячѣ другихъ причинъ, какъ, напримѣръ, о всеобщей нервной раздражительности, вызываемой чрезмѣрнымъ насыщеніемъ атмосферы электричествомъ, которое проведено теперь всюду и, такъ сказать, насквозь пропитываетъ нашъ организмъ. Точно также я не упоминалъ о спеціальныхъ заводскихъ и фабричныхъ болѣзняхъ, которыя, сперва поражая только людей, занимающихся той или другой опасной отраслью промышленности, распространяются затѣмъ кругомъ фабрикъ... Необходимо также принять во вниманіе безпрерывно возростающееє переполненіе нашихъ человѣческихъ муравейниковъ,

Зловредная химія.
Поддѣлываетъ, отравляетъ и взрываетъ на воздухъ.

Сливочное масло изъ нефти. — Питательныя вещества изъ каменнаго — угля. Фабрикація химическихъ винъ и молока. — Минеральная мука. — Искуственный маргаринъ. — Перегонка всякихъ отбросовъ.

Невиданно! Неслыхано! Необходимо каждому: всего за 15 франковъ извлеченіе желудка съ замѣной его новымъ желудкомъ изъ неподвергающейся порчѣ вулканизированной кожи.

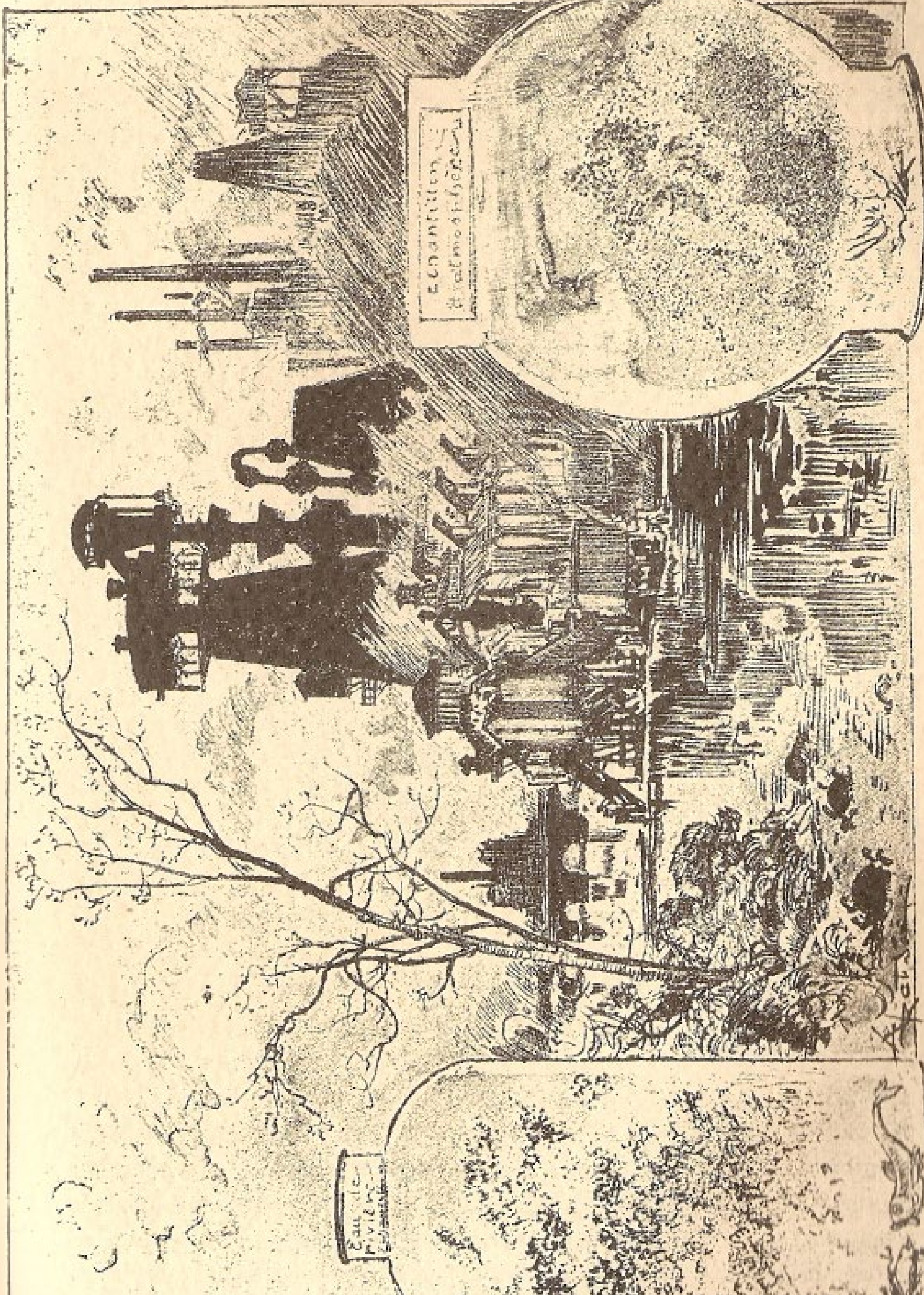
все тѣснѣе сдвигающихся другъ съ другомъ на поверхности нашего злополучнаго слишкомъ миніатюрнаго земного шара...

— Да, нынѣшніе материки—Америка, Европа и Африка, можно сказать, набиты биткомъ; Азія-же переполнена черезъ край китайцами. Такъ называемыя части свѣта производятъ на меня впечатлѣніе плывущихъ на океанѣ громадныхъ плотовъ, чрезмѣрно нагруженныхъ пассажирами, которые, терзаемые голодомъ, собираются уже пожирать другъ друга!—добавилъ одинъ изъ политическихъ дѣятелей.

— А между тѣмъ, вѣдь, у насъ примѣняются теперь въ обширныхъ размѣрахъ къ земледѣлію научные химическіе методы возстановленія въ растительной почвѣ израсходованнаго перегноя, не говоря уже объ электрическомъ возбужденіи засѣянныхъ полей, обусловливающемъ проростаніе зеренъ и быстрое развитіе молодыхъ растеньицъ.

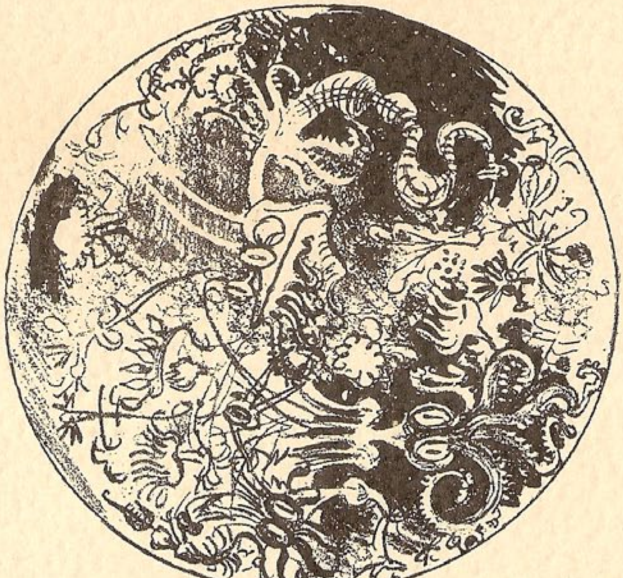
— Хорошо еще, что въ ближайшемъ будущемъ окажется возможнымъ сплавлять избытокъ населенія на шестой материкъ, строющійся теперь подъ наблюденіемъ великаго инженера Филиппа Понто въ громадномъ и совершенно безполезномъ до сихъ поръ Тихомъ океанѣ! Да, это по истинѣ грандіозное предпріятіе, господа! Его могъ задумать только человѣкъ, обладавшій крупнымъ творческимъ геніемъ!

— Вернемся, однако, къ дѣлу, — продолжалъ Филоксенъ Лоррисъ, видя, что разговоръ отклоняется отъ первоначальной темы.—Перепроизводство населенія и громадное развитіе промышленности породили довольно печальное положеніе вещей. Атмосфера у насъ загрязнена и отравлена до того, что надо подняться съ помощью летательныхъ машинъ на очень большую высоту для отысканія сколько-нибудь чистаго воздуха. Вамъ, разумѣется, не безъизвѣстно, что въ полуверстѣ надъ землей кубическій метръ воздуха содержитъ въ себѣ еще сорокъ девять тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ шесть микробовъ и бациллъ. Большія наши рѣки насыщены культурами опаснѣйшихъ микроорганизмовъ. Даже и самыя маленькія рѣчки переполнены болѣзнетворными ферментами. Акціонерныя общества рыбоводства тщетно заселяютъ каждыя пять или шесть лѣтъ всѣ рѣки и рѣчки молодыми рыбками. Оказывается, что рыбы не могутъ жить въ отравленной до такой степени водѣ. Прѣсноводныя рыбы встрѣчаются только въ ручейкахъ и лужахъ

Всюду несмѣтное множество бациллъ и микробы воздуха.

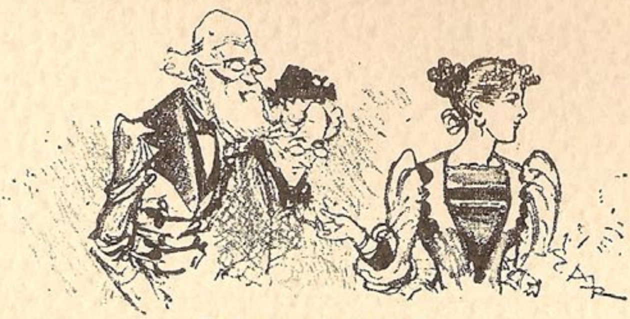
отдаленныхъ захолустьевъ. Этимъ, къ сожалѣнію, исчерпывается однако далеко не все. Существуетъ еще другая причина прискорбнаго вырожденія нашей расы. Она связана съ современными нравами и обусловливается чувствующимся у всѣхъ недостаткомъ въ деньгахъ или точнѣе—въ средствахъ къ жизни, являющимся язвой нашей ужасающе дорогой цивилизаціи. Причина эта—браки, заключающіеся прямо въ разрѣзъ законамъ естественнаго подбора. Въ качествѣ философовъ, мы протестуемъ противъ столь пагубнаго закононарушенія, но въ то-же время, въ качествѣ отцовъ, дозволяемъ своимъ сыновьямъ заклю-

Капля воды подъ микроскопомъ. 590.000 бациллъ и микробовъ.

чать такіе преступные браки, совершенно несовмѣстные съ принципами раціональнаго человѣководства. Когда молодому человѣку приходитъ время жениться и основать новую семью, —какимъ невѣстамъ, спрашивается, отдаютъ предпочтеніе? Сиротамъ-съ! Иначе сказать, молодымъ особамъ, родители которыхъ оказались относительно продолжительности жизни ниже и безъ того уже плохой средней нормы. Если между невѣстами не оказывается въ наличности круглыхъ сиротъ, то современная молодежь сплошь и рядомъ останавливаетъ свой выборъ на дѣвушкахъ, родители которыхъ кажутся наиболѣе дряхлыми и болѣзнен-

ными, а потому дозволяютъ разсчитывать на скорое осуществленіе пресловутыхъ *надеждъ*, выставляемыхъ для жениховъ въ качествѣ цѣннаго добавленія къ приданому. Пагубные разсчеты! Недостатокъ жизненной энергіи и отсутствіе выносливости передаются по наслѣдству отъ дѣдовъ къ внукамъ и такой антинаучный подборъ влечетъ за собою все болѣе быстрое вырожденіе расы... Само собой разумѣется, что всѣ конгрессы медиковъ, физіологовъ и гигіенистовъ безсильны противъ столь многочисленныхъ причинъ вырожденія. Правда, что вы, г-нъ министръ общественнаго здравія, предписываете акціонернымъ обществамъ раціональнаго питанія пропускать въ извѣстные дни по ихъ трубкамъ іодистыя соединенія и тоническія микстуры, но вѣдь это можетъ быть примѣнимо лишь въ большихъ городахъ, гдѣ могли основаться такія обще-

Невѣста съ надеждами.

ства, да и тамъ, сколько извѣстно, не приводитъ къ желаннымъ результатамъ. Общественное здравіе какъ въ большихъ, такъ и малыхъ населенныхъ центрахъ, оказывается изъ рукъ вонъ плохимъ!..

— Не говоря уже объ опасной эпидеміи мигранита, которая, несмотря на всѣ усилія медицинскаго вѣдомства, надѣлала у насъ столько бѣдъ, и длится до сихъ поръ, поражая даже животныхъ,—добавилъ Сюльфатенъ.

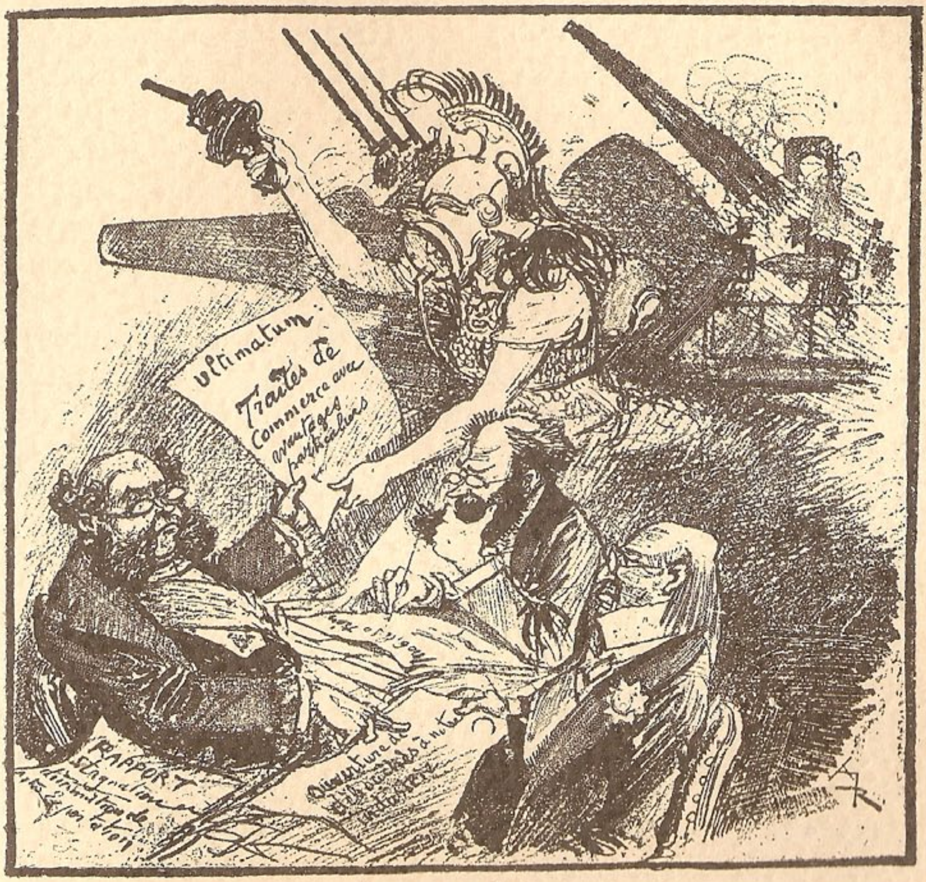
— Исторія съ мигранитомъ будетъ выяснена медицинской комиссіей, которой поручено изучить въ подробности эту болѣзнь и опредѣлить ея причины,—сказалъ одинъ изъ политическихъ дѣятелей. Уже и въ настоящее время, впрочемъ, можно заподозрить недоброжелательство чужеземной націи. Мы разсчитываемъ въ непродолжительномъ времени выяснить себѣ, ка-

кимъ именно образомъ ей удалось съ помощью электрическихъ токовъ, пропущенныхъ сквозь смѣсь тщательно приготовленныхъ міазмовъ, наслать на насъ неизвѣстную до послѣдняго времени, такъ сказать, искусственно приготовленную болѣзнь, которая имѣла сперва характеръ сравнительно доброкачественный, но вскорѣ начала обостряться и, подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ условій, проявляться въ смертоносныхъ злокачественныхъ формахъ. Это, однако, господа, должно оставаться между нами въ качествѣ политической тайны! Правительство наше разсчитываетъ заплатить при случаѣ за этотъ подарокъ такою же монетой, или прибѣгнуть къ инымъ еще болѣе энергическимъ репрессаліямъ!

— Ужасъ, да и только!—воскликнулъ одинъ изъ собесѣдниковъ.—Положеніе становится все болѣе тревожнымъ. Безпрерывные успѣхи знанія положительно уничтожили всякую тѣнь государственной безопасности. Бюджетъ военнаго министерства разростается до чудовищныхъ размѣровъ! Теперь требуютъ отъ насъ опять ассигнованія дополнительныхъ кредитовъ для вооруженія сторожевыхъ воздушныхъ крейсеровъ новыми пушками... Если кромѣ всего этого придется еще принимать охранительныя мѣры противъ вторженія міазмовъ, то я, рискуя прослыть самымъ закорузлымъ ретроградомъ, позволю себѣ всетаки оплакивать безпрерывные губительные успѣхи научныхъ знаній...

— Не богохульствуйте! Наука неудержимо идетъ впередъ! — вскричалъ Филоксенъ Лоррисъ.—Въ сферѣ военнаго искусства на дняхъ будетъ уже суждено закончить варварскую эру разрывныхъ снарядовъ и химическихъ соединеній, обладающихъ смертоноснымъ дѣйствіемъ... Послѣднее слово прогресса въ этомъ направленіи уже сказано и позволю замѣтить вамъ, милостивые государи,—сказано фирмою Филоксена Лорриса. Нельзя представить себѣ ничего совершеннѣе пушекъ и снарядовъ, выпущенныхъ нами теперь въ обращеніе!.. Это наглядно выяснится, впрочемъ, при столкновеніи Костарикской республики съ Придунайскимъ королевствомъ. Я, признаться, очень радъ случаю, берущемуся произвести въ большихъ размѣрахъ опытъ надъ нашими новоизобрѣтенными снарядами и пушками... Коста-рикско-придунайская война, безъ сомнѣнія, будетъ въ своемъ родѣ образцовой. Взрывчатые мои

составы несравненны по своему могуществу и удобству въ употребленіи. Миніатюрной бомбой, величиною съ горошину, можно взорвать на воздухъ цѣлый городъ съ разстоянія въ двадцать верстъ... Это дѣлается въ высшей степени просто, легко и изящно. Фьють!—и готово!.. Идеалъ взрывчатаго вещества такимъ образомъ достигнутъ... Повторяю, что это уже послѣд-

Современная Беллона.

нее слово прогресса! Поспѣшимъ же его произнести и перейдемъ къ чему нибудь другому...

— Намъ, значитъ, придется опять перевооружаться и обзаводиться новыми снарядами? Вы меня положительно пугаете! Нашъ бюджетъ и безъ того уже слишкомъ обременителенъ.

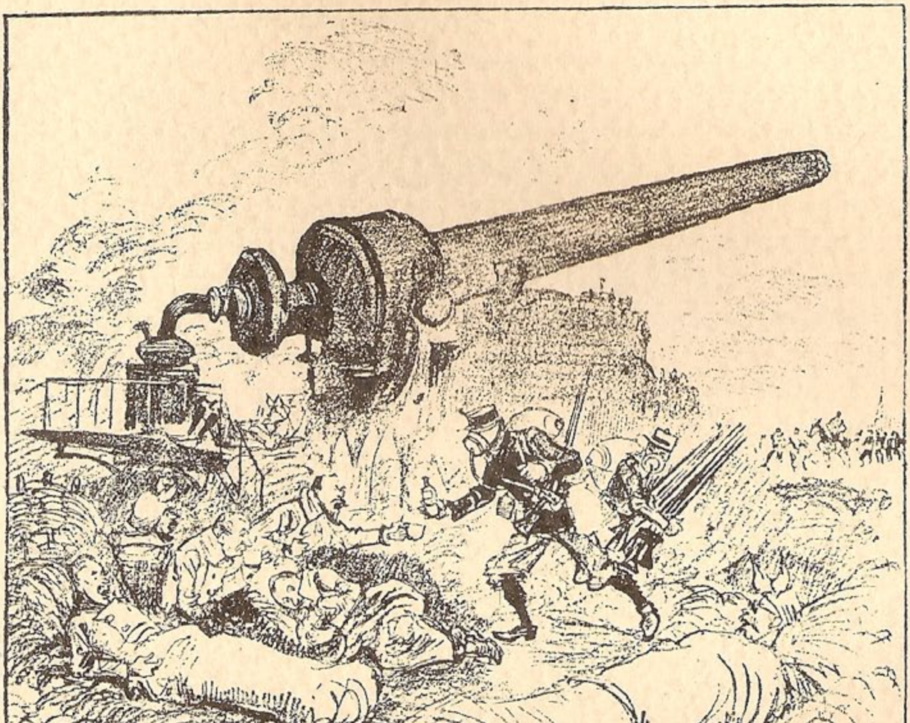
— Что прикажете дѣлать, г-нъ министръ финансовъ! Та-

кова уже воля прогресса. Можете быть увѣрены, однако, что мы на этомъ не остановимся. Берусь до истеченія двухлѣтняго срока пріискать что нибудь лучшее, несравненно лучшее!..

— Неужели? Да вѣдь намъ придется тогда черезъ два года опять перевооружаться!

— Разумѣется!.. Обождите, однако, и не проклинайте науки! Я вѣдь говорилъ вамъ, что эра взрывчатыхъ веществъ приходитъ къ концу... У насъ была эра желѣза, когда рыцари, закованные въ брони, бросались въ атаку, выставивъ впередъ копья, или работали тяжелыми булавами, боевыми сѣкирами и мечами. Ее смѣнила эра пороха съ пушками и мортирами, въ первое время довольно неловко выбрасывавшими ядра и бомбы. Потомъ перешли къ разнымъ взрывчатымъ веществамъ, убійственнымъ химическимъ составамъ и усовершенствованнымъ орудіямъ, дозволявшимъ посылать ихъ на все болѣе дальнія разстоянія. Этотъ періодъ также приходитъ теперь къ концу. Химическая война оказывается, въ свою очередь, отсталой. Хотите, я открою вамъ предметъ нынѣшнихъ моихъ изслѣдованій,—дѣло, которому намѣренъ посвятить себя всецѣло послѣ того, какъ мы сговоримся относительно интересующаго теперь насъ вопроса? Мнѣ кажется, что теперь назрѣло время медицинской войны. Взрывчатыя вещества необходимо замѣнить міазмами. Начало этому, какъ вамъ уже извѣстно, положено. Въ нашей арміи имѣется боевой медицинскій корпусъ съ небольшимъ количествомъ артиллеріи, дѣйствующей смертоносными міазмами, но все это въ сущности лишь опытъ и притомъ сравнительно робкій опытъ!.. Нашъ боевой медицинскій корпусъ не далъ еще до сихъ поръ сколько-нибудь серьезныхъ практическихъ результатовъ!.. А между тѣмъ вся будущность войны зависитъ именно отъ нихъ. Недаромъ туда клонятся замѣчательнѣйшія изъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Исторія съ мигранитомъ, таинственной болѣзнью, которой не могъ избѣжать никто, является нагляднымъ доказательствомъ боевого могущества міазмовъ. Несомнѣнно, что мигранитъ насланъ на насъ сосѣдней чужеземною націей... Въ непродолжительномъ времени будутъ воевать не иначе, какъ при посредствѣ міазмовъ! Я разсчитываю теперь продолжать мои изслѣдованія въ строжайшей тайнѣ, и менѣе чѣмъ черезъ два года окончательно преобразовать военное искусство. Арміи можно будетъ

тогда совершенно упразднить, оставивъ подъ ружьемъ лишь ничтожное число людей, строго необходимое для того, чтобы пользоваться плодами дѣятельности боевого медицинскаго корпуса. Предположимъ, что намъ пришлось объявить войну какому-нибудь государству. Я посылаю на него тучи отборныхъ міазмовъ, распространяю тамъ такія сочетанія болѣзней, какія мнѣ вздумается, и затѣмъ вспомогательная армія при медицин-

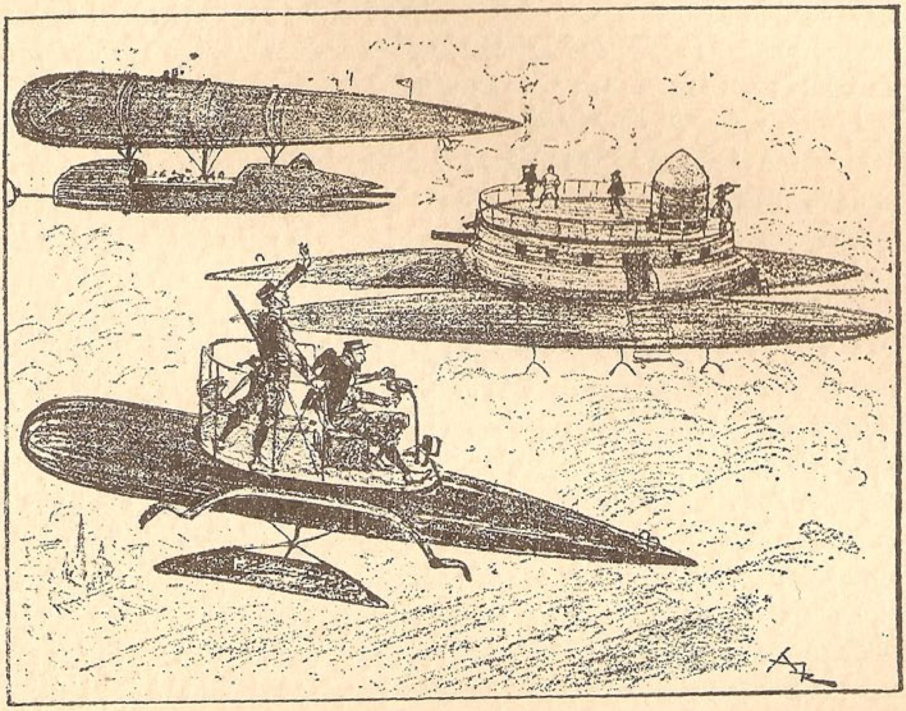
Не надо болѣе взрывчатыхъ веществъ. Довольно одних міазмовъ!

скомъ корпусѣ явится на сцену лишь для того, чтобы продиктовать хворому врагу, лежащему въ растяжку, какія ей заблагоразсудится условія мира... Это чрезвычайно просто, удобоисполнимо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣколюбиво! Я заранѣе убѣжденъ, господа, что потомство придастъ несравненно большую цѣнность моей дѣятельности, какъ филантропа, чѣмъ даже, напримѣръ, какъ химика!..

— Но вѣдь распространеніе міазмовъ за границей можетъ угрожать опасностью и намъ самимъ...

— Извините, генералъ, я предварительно прикрою нашу границу непроницаемой для этихъ міазмовъ завѣсой изолирующаго газа. Завѣса эта помѣшаетъ возвращенію нашихъ міазмовъ во-свояси и не допуститъ вторженія непріятельскихъ міазмовъ... Не скрываю отъ себя трудностей, которыя необходимо еще преодолѣть, но это представляется, вѣдь, только вопросомъ времени. Ручаюсь, что года черезъ два мнѣ удастся выработать надлежащіе практическіе методы. Тогда только изобрѣтеніе мое окажется вполнѣ созрѣвшимъ и можно будетъ приступить къ осуществленію новой системы военныхъ дѣйствій... Наукѣ, какъ вы тогда убѣдитесь, удастся еще разъ радикально преобразовать войну и сдѣлать ее кроткой и человѣколюбивой, а не варварски истребительной. Борьба будетъ идти между боевыми медиками обѣихъ воюющихъ сторонъ. Страшныя гекатомбы молодыхъ и здоровыхъ людей, ужасное зрѣлище которыхъ представляли намъ всѣ международныя столкновенія эпохи пороха и взрывчатыхъ веществъ, будутъ совершенно устранены. Какою цѣлью задается вообще главнокомандующій въ день сраженія? Вывести изъ строя какъ можно болѣе непріятелей, чтобъ лишить ихъ такимъ образомъ возможности наносить вредъ собственнымъ его войскамъ и препятствовать наступательнымъ его дѣйствіямъ. До сихъ поръ для достиженія этой цѣли надо было прибѣгать къ кровопролитной рѣзнѣ, массовому избіенію съ помощью пушекъ, разрывныхъ снарядовъ, смертоносныхъ химическихъ соединеній, удушливыхъ газовъ и т. п. Условія эти совершенно измѣнятся, когда я надлежащимъ образомъ усовершенствую придуманные мною способы дѣйствій. Сколько-бы армій ни двинулъ на насъ непріятель, я берусь свалить ихъ всѣ съ ногъ, обезсилить и довести до какого мнѣ угодно болѣзненнаго состоянія. Я пропитаю ихъ до такой степени міазмами, что никто въ непріятельскихъ рядахъ не сможетъ втеченіе нѣкотораго времени шевельнуть пальцемъ! Повторяю, что наука, совершенствуя войну, превратитъ ее, наконецъ, въ самое гуманное занятіе. Вмѣсто того, чтобъ дѣлать изъ людей въ цвѣтѣ силъ и здоровья окровавленные обрывки мяса и устилать сотнями тысячъ труповъ поля сраженій, война, при посредствѣ боевыхъ медиковъ, будетъ убивать лишь негодные наслѣдственно-поврежденные организмы, которые

окажутся не въ силахъ перенести зараженія. Очищая человѣческую расу отъ такихъ негодныхъ организмовъ, она будетъ приносить даже положительную пользу. Нація, побѣжденная на полѣ сраженія, окажется взамѣнъ того, если можно такъ выразиться, облагороженной. Развѣ я не правъ, называя эту будущую форму войны благодѣтельной и гуманной? Развѣ нельзя будетъ провозгласить меня благодѣтелемъ человѣчества за то, что я ниспровергну навсегда древнее варварство, замѣнивъ его чисто медицинскою войною? Дайте-же мнѣ два, или поменьшей

Воздушный пограничный надзоръ.

шей мѣрѣ полтора года, чтобы закончить усовершенствованіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ приборовъ и приспособленій, о которыхъ я теперь мечтаю,—справиться съ послѣдними трудностями и приготовить достаточные запасы надлежаще-изученныхъ и дозированныхъ сгущенныхъ міазмовъ!.. А пока вернемся къ нашему вопросу...

— О великомъ *національномъ лѣкарствѣ*,—добавилъ Сюльфатенъ.

— *Національномъ*,—повторилъ Филоксенъ Лоррисъ.—Лекар-

ство, которое я намѣренъ выпустить въ свѣтъ и для котораго хочу заручиться національной поддержкой, является радикальнымъ антимикробнымъ средствомъ, очищающимъ и возрождающимъ организмъ. Оно соединяетъ въ себѣ, въ концентрированномъ и до чрезвычайности усиленномъ видѣ, всѣ полезныя качества многихъ тысячъ болѣе или менѣе благодѣтельныхъ лѣкарствъ, отпускаемыхъ теперь нашими аптеками, и предназначается для замѣны всѣхъ этихъ лѣкарствъ... Государство, пекущееся обо всѣхъ и обо всемъ, вмѣшивается, какъ извѣстно, въ личныя дѣла гражданъ, зачастую въ большей степени, чѣмъ это представляется иногда желательнымъ съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ. Только что успѣетъ гражданинъ явиться на свѣтъ Божій, какъ оно уже заноситъ его въ метрическіе и разные иные списки. Нѣсколько позже государство начинаетъ интересоваться его образованіемъ и управлять значительной частью его дѣйствій, нерѣдко надоѣдая ему, признаться, своимъ контролемъ. Оно хлопочетъ даже объ удовлетвореніи порочныхъ наклонностей своихъ гражданъ, присвоивая себѣ монопольную торговлю табакомъ и спиртными напитками. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ государство имѣетъ не только право, но и обязанность заботиться о здоровьѣ гражданъ. Отчего бы ему въ самомъ дѣлѣ не взять въ свои руки монополію лекарствъ, подобно тому, какъ оно въ былое время присвоило себѣ монополію торговли спичками. Теперь монополія эта упразднена, такъ какъ спички вышли изъ употребленія, но, вѣдь, табачная монополія остается еще въ силѣ. Мѣра предлагаемая мною, не имѣетъ поэтому сама по себѣ ничего революціоннаго. Я ходатайствую лишь объ учрежденіи новой монополіи для эксплоатаціи моего національнаго и патріотическаго лекарства.

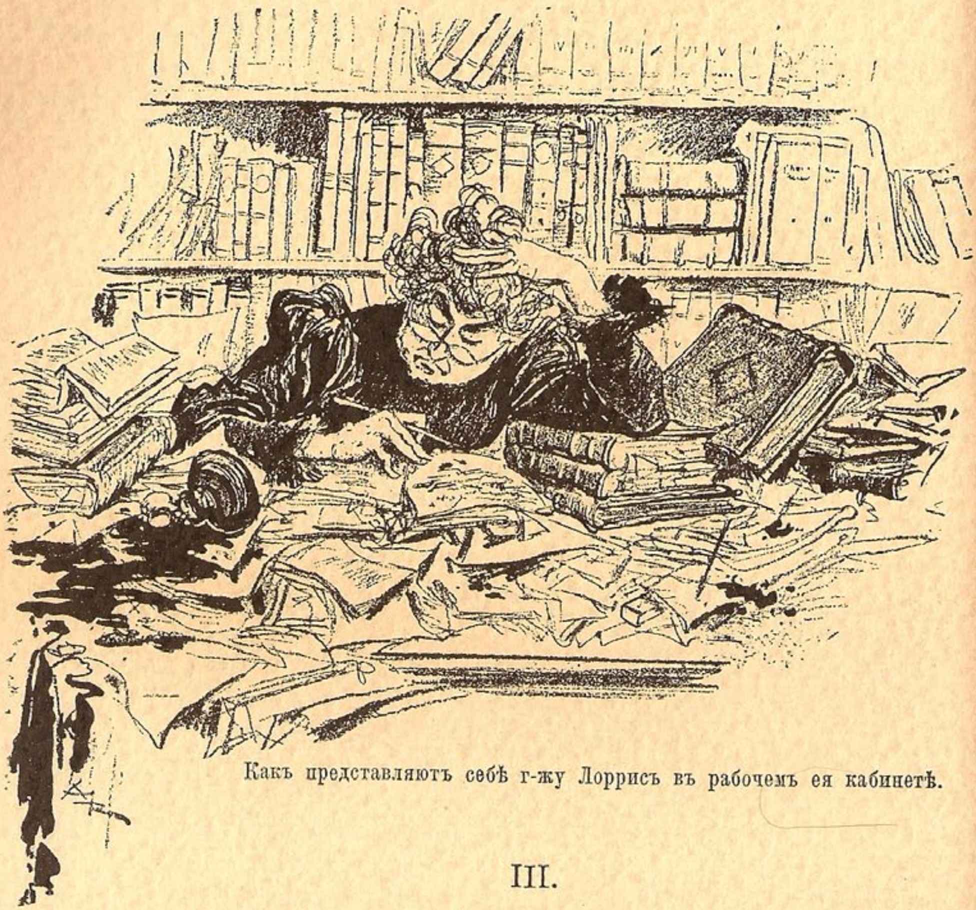
— Убѣждены ли вы, однако, въ совершенной его надежности?

— Еще-бы нѣтъ!.. Подождите немного!.. Сюльфатенъ! распорядитесь вытребовать сюда вашего паціента Ла-Героньера. Мы производили надъ нимъ наши опыты. Всѣ вы, разумѣется, знаете какъ нельзя лучше достопочтеннаго нашего соотечественника Адріена Ла-Героньера, дошедшаго до послѣдней степени тѣлесной и душевной анеміи. Организмъ его былъ до такой степени уже израсходованъ и надорванъ, что никто изъ

врачей не смѣлъ браться за его лѣченіе, несмотря на громадность обѣщаннаго гонорара, такъ какъ никому не хотѣлось платить въ случаѣ безуспѣшности лѣченія неустойку... Сотрудникъ мой Сюльфатенъ взялся, однако, за безнадежное на первый взглядъ предпріятіе, и вы увидите, что удалось ему сдѣлать втеченіе всего лишь полутора года изъ этого разслабленнаго, дышавшаго, если можно такъ выразиться, уже на ладонъ... Г-нъ Ла-Героньеръ идетъ теперь совершенно уже на поправку и въ непродолжительномъ времени будетъ обладать все равно что совершенно новымъ организмомъ.

— Все это прекрасно, но вѣдь слѣдуетъ также принять въ разсчетъ оппозицію въ палатахъ,—замѣтилъ одинъ изъ политическихъ дѣятелей.—Учрежденіе новой монополіи вызоветъ, пожалуй, сильныя возраженія со стороны народнаго представительства.

— Помилуйте, съ какой стати!.. Если представить въ палаты надлежаще изложенную пояснительную записку, доказать болѣзненное состояніе народа, какъ-бы роковымъ образомъ осужденнаго погибнуть отъ малокровія и вызываемаго имъ физическаго вырожденія... Здѣсь можно, знаете, нарисовать изящную картину малокровія, безпощадно обрушивающагося на организмъ, уже ослабленный вторженіемъ миріадовъ разныхъ микробовъ... И вдругъ эта докладная записка заканчивается побѣдною пѣснью. Вѣрное средство отъ погибели уже найдено! Это великое національное и патріотическое лекарство знаменитаго ученаго и филантропа Филоксена Лорриса. Великое національное и патріотическое лѣкарство умерщвляетъ всѣхъ бациллъ, вибріоновъ и бактерій,—изгоняетъ грозное малокровіе,—возрождаетъ національный темпераментъ,—возстановливаетъ всѣ функціи поврежденныхъ организмовъ,—побѣдоносно борется съ атрофіей мышцъ и преждевременной старческой дряхлостью и т. д., и т. д. Послѣ такой докладной записки монополія будетъ разумѣется вотирована большинствомъ не менѣе какъ въ четыреста голосовъ. Государственное казначейство и наша фирма пріобрѣтутъ при этой операціи, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, радость и славу дѣйствительнаго возвращенія здоровья и силъ современному человѣку, такъ много пострадавшему уже отъ переутомленія!!!

Какъ представляютъ себѣ г-жу Лоррисъ въ рабочемъ ея кабинетѣ.

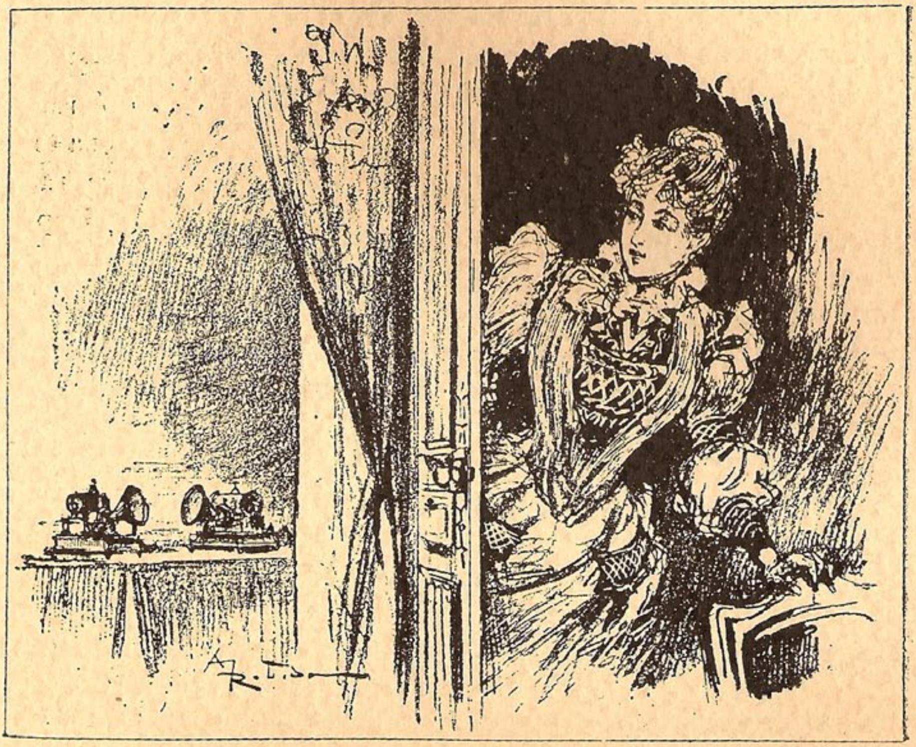
III.

Эстелла Лакомбъ присутствуетъ при супружеской распрѣ.—Благодѣянія науки въ примѣненіи къ семейнымъ разногласіямъ.—Другія прелести фонографа.—Маленькій сюрпризъ Сюльфатену.

Эстелла, проводившая цѣлые дни въ домѣ великаго ученаго, рѣдко лишь видѣла его жену, которую считала занятой составленіемъ ученаго трактата по высшей философіи. Невѣста Жоржа знала о внутреннемъ разладѣ въ семьѣ родителей будущаго своего мужа. Ей было извѣстно, что почти тотчасъ-же послѣ свадьбы обнаружилось непримиримое разногласіе между г-жей Лоррисъ и многоученымъ ея супругомъ, обладавшимъ систематически непреклоннымъ и властнымъ образомъ мыслей. Филоксенъ и его жена рѣдко встрѣчались другъ съ другомъ даже въ столовой, такъ какъ знаменитый изобрѣтатель, среди множества занятій, зачастую забывалъ обѣденный часъ.

Однажды Эстелла разыскивала какую-то справку въ одной

изъ многочисленныхъ библіотекъ Филоксена Лорриса, въ домѣ котораго книги и научныя коллекціи загромождали собою всѣ комнаты во всѣхъ этажахъ, захватывая всѣ углы и закоулки и пробираясь даже въ корридоры. Вдругъ она услышала ожесточенный споръ, завязавшійся въ маленькой комнатѣ, выходившей въ сосѣднюю большую залу. Невѣста Жоржа незадолго лишь передъ тѣмъ прошла черезъ эту залу и не замѣтила ничьего присутствія въ этой комнатѣ.

Перебранка между фонографами.

Она узнала голоса г-на Лорриса и его жены, чередовавшіеся съ короткими промежутками молчанія. Г-жа Лоррисъ обращалась къ мужу съ самыми горькими упреками и затѣмъ умолкала, безъ сомнѣнія, охваченная сильнѣйшимъ волненіемъ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновенье раздавался ворчливый голосъ Филоксена Лорриса, звучавшій иногда злобнымъ раздраженіемъ.

Бѣдняжка Эстелла чрезвычайно смутилась. Она усиленно кашляла и передвигала стулья, чтобы сообщить такимъ образомъ о своемъ присутствіи, но, безъ сомнѣнія, въ жару спора, супру-

жеская чета Лоррисовъ не обращала ни малѣйшаго вниманія на это предостереженіе и продолжала обмѣниваться упреками самаго интимнаго свойства. Не осмѣливаясь предстать передъ грозныя очи страшнаго Филоксена, молодая дѣвушка должна была остаться въ смежной библіотекѣ и противъ всякаго желанія инстинктивно вслушиваться въ происходившую рядомъ ссору.

— Еще разъ объявляю вамъ, что вы невыносимы, да, невыносимы до нестерпимости! Какую жизнь, позвольте васъ спросить, создали вы для меня? Вы, съ вашими особыми воззрѣніями и системами, были всегда непріятнѣйшимъ существомъ въ мірѣ!.. Проклинаю вашу науку, если только она на самомъ дѣлѣ надѣлила васъ такимъ характеромъ. Выражаясь вашими собственными словами, — плевать я хочу на ваши лабораторіи, на всю вашу химію и физику! Мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до вашихъ изобрѣтеній и открытій!.. Да, сударь, надѣюсь, что нашъ Жоржъ не будетъ такимъ ученымъ дикобразомъ какъ ваша милость! Онъ унаслѣдовалъ для этого слишкомъ многое отъ меня...

Эстелла узнала голоса г-на и г-жи Лоррисъ.

За этимъ святотатственнымъ заявленіемъ послѣдовало минутное молчаніе. Потомъ знакомый голосъ Филоксена Лорриса съ негодованіемъ возразилъ:

— Я вовсе не хочу встрѣчать на каждомъ шагу съ вашей стороны сопротивленіе моимъ планамъ и воззрѣніямъ... Неужели вы думаете, что у меня есть время разсуждать съ вами о хозяйственныхъ мелочахъ и разныхъ ничтожествахъ, которымъ женскіе умы приписываютъ такъ много значенія?..

Вы постоянно жалуетесь и говорите, будто я, погрузившись по уши въ научные опыты, не забочусь доставлять вамъ яко бы необходимыя развлеченія... Я не намѣренъ входить съ вами на этотъ счетъ въ безцѣльныя препирательства!.. Вы

совершенно безконтрольно распоряжаетесь своимъ временемъ и можете убивать его такъ глупо или умно, какъ вамъ вздумается!.. Вы требуете развлеченій, вечеровъ, свѣтскихъ праздниковъ, что-жь, пусть будетъ по вашему... Мнѣ все это какъ нельзя болѣе противно, но если вы ужь непремѣнно хотите, то я дамъ или, лучше сказать, мы дадимъ большой, художественный, музыкальный и вмѣстѣ съ тѣмъ научный вечеръ!.. Да, сударыня, онъ будетъ также научнымъ!.. Эту часть программы я беру на себя, относительно же всего остального разсчитываю всецѣло на васъ!..

Послѣ новой паузы, прерванной нѣсколькими фразами г-жи Лоррисъ, которыя Эстеллѣ не удалось хорошенько разслышать, Филоксенъ продолжалъ:

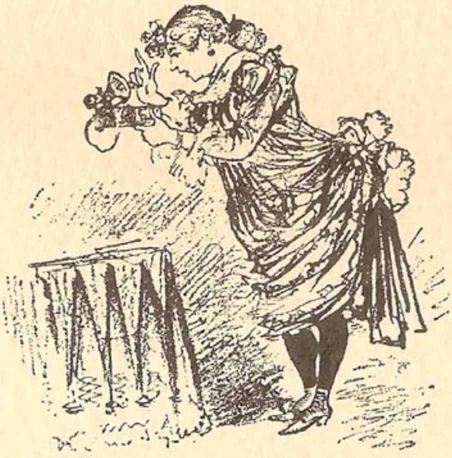
— Наше общественное положеніе, сударыня, создано этой самой наукой, отъ которой безсильно отскакиваютъ тупые ваши сарказмы. Вашъ неизлѣчимо легкомысленный умъ не въ состояніи даже подозрѣвать всей важности научныхъ трудовъ, поглощающихъ, какъ вы изволите знать, все мое время... Неустанное научное мышленіе, за которое вы меня упрекаете,—дни и ночи, проводимыя мною въ лабораторіяхъ въ упорномъ исканіи неизвѣстнаго, т. е. еще ненайденнаго,—энергическая борьба со всѣми стихійными силами, имѣющая цѣлью вырвать у природы ея тайны,—все это именно въ концѣ концовъ и создало могущество фирмы Филоксена Лорриса!.. Позвольте спросить теперь, сударыня, какую долю затраченныхъ фирмой гигантскихъ трудовъ и усилій взяли вы на себя? Вамъ предстояло только пользоваться плодами этихъ колоссальныхъ трудовъ, а вы!..

— Да, сударь, нашъ сынъ Жоржъ во многомъ походитъ на меня, и я сердечно этому рада... Изъ него не выйдетъ скучнаго полупомѣшаннаго ученаго, способнаго посѣдѣть и высохнуть среди ретортъ и разныхъ другихъ приборовъ вашей проклятой научной кухни! Бѣдное дитя! Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ душа моего прадѣда, истиннаго художника и, безъ сомнѣнія, человѣка, достойнаго жить, такъ какъ онъ, разумѣется, цѣнилъ жизнь и въ особенности любилъ хорошія ея стороны,—и въ самомъ дѣлѣ возродилась въ нашемъ Жоржѣ... Вы упрекаете его за это, а я хвалю, такъ какъ вовсе не считаю себя обязанной раздѣлять вашъ черствый, прозаическій образъ мыслей.

Эстелла не слышала продолженія разговора. Пріотворенная дверь комнатки внезапно распахнулась настежъ. Смущенная вынужденной своей нескромностью, дѣвушка уронила на полъ груду книгъ и робко уткнула голову въ отчеты Академіи Наукъ.

— Что съ вами, Эстелла?—спросила ее особа, вошедшая въ лабораторію.

Эстелла съ радостнымъ изумленіемъ подняла голову. Въ библіотеку вошелъ, вмѣсто грознаго Филоксена Лорриса, женихъ ея, Жоржъ, казавшійся къ тому же совершенно спокойнымъ, хотя, несмотря на его прибытіе, супружеская ссора въ сосѣдней комнатѣ по прежнему шла своимъ чередомъ. Сконфуженная дѣвушка, не смѣя намекнуть на это вслухъ, указала пальцемъ на дверь. Жоржъ весело расхохотался.

Г-жа Лоррисъ отводитъ душу передъ фонографомъ.

— Это сущіе пустяки,—сказалъ онъ,—маленькое объясненіе между папашей и мамашей,—легкая стычка, объясняющаяся вѣчнымъ разногласіемъ ихъ взглядовъ и мнѣній...

— Я бы давно ушла отсюда, но, право, не смѣла пройти мимо нихъ,—сказала шепотомъ Эстелла.—Я нахожусь здѣсь нѣсколько минутъ словно въ осадѣ и противъ воли вынуждена слышать...

— Вы не смѣете пройти мимо нихъ? Надѣюсь, однако же, что со мной вамъ нечего бояться!.. Пойдемте же! Вы увидите, смѣю увѣрить, любопытную сцену...

— Нѣтъ, мнѣ право неловко.

— Полноте, милая, пойдемте!

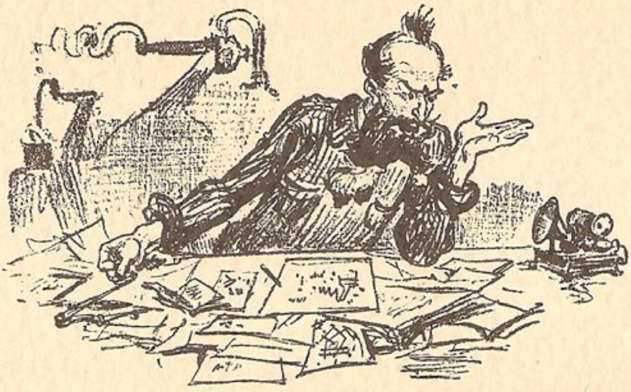
Онъ почти насильно вывелъ Эстеллу изъ библіотеки и заставилъ ее идти впереди себя. На порогѣ маленькой комнаты дѣвушка остановилась, словно оцѣпенѣвъ отъ изумленія. Да и было отчего. Голоса родителей ея жениха съ ожесточеніемъ продолжали препираться другъ съ другомъ, а между тѣмъ въ комнатѣ никого не было.

Жоржъ указалъ невѣстѣ движеніемъ руки на два фонографа, стоявшихъ другъ противъ друга на столѣ, посреди груды книгъ и разныхъ научныхъ приборовъ.

— Какъ вы видите теперь сами, папенька съ маменькой ведутъ легкую перебранку чрезъ посредство своихъ фонографовъ... Пусть ихъ бранятся на здоровье. Это никому не вредитъ, какъ я сейчасъ буду имѣть честь вамъ объяснить...

— Такъ значитъ они ссорятся по фонографу?—съ облегченнымъ сердцемъ спросила обрадованная Эстелла.

— Понятное дѣло по фонографу! Судите сами, можно-ли послѣ того не преклониться передъ благодѣтельными чудесами науки! Какъ вамъ извѣстно, между моими родителями съ самыхъ

Филоксенъ Лоррисъ поручаетъ своему фонографу передать г-жѣ Лоррисъ строжайшій выговоръ.

давнихъ временъ возникли уже несогласія... Вы знаете вѣдь, что мой отецъ—грозный и систематически властный ученый!.. Постоянно занятый научными изслѣдованіями и коммерческими предпріятіями, онъ бываетъ по временамъ, сказать правду, довольно крутенекъ... Мамаша у меня совершенно иного характера. Она не сходится во вкусахъ съ моимъ родителемъ, а это стало вызывать между ними, повидимому, на другой же день послѣ свадьбы разныя недоразумѣнія и столкновенія... Когда папаша бывало выходитъ изъ себя, онъ заканчиваетъ ссору презрительнымъ заявленіемъ: „*Вижу, г-жа Лоррисъ, что вы ничто иное какъ только... свѣтская дама!!!*“. Мамаша ему не уступаетъ. Въ то время, какъ все падаетъ ницъ передъ авторитетомъ ученаго, она мужественно отстаиваетъ личные свои

взгляды... Ежедневно, вслѣдствіе разногласія въ воззрѣніяхъ между моими родителями, дѣло у нихъ доходитъ до распри и ссоры.

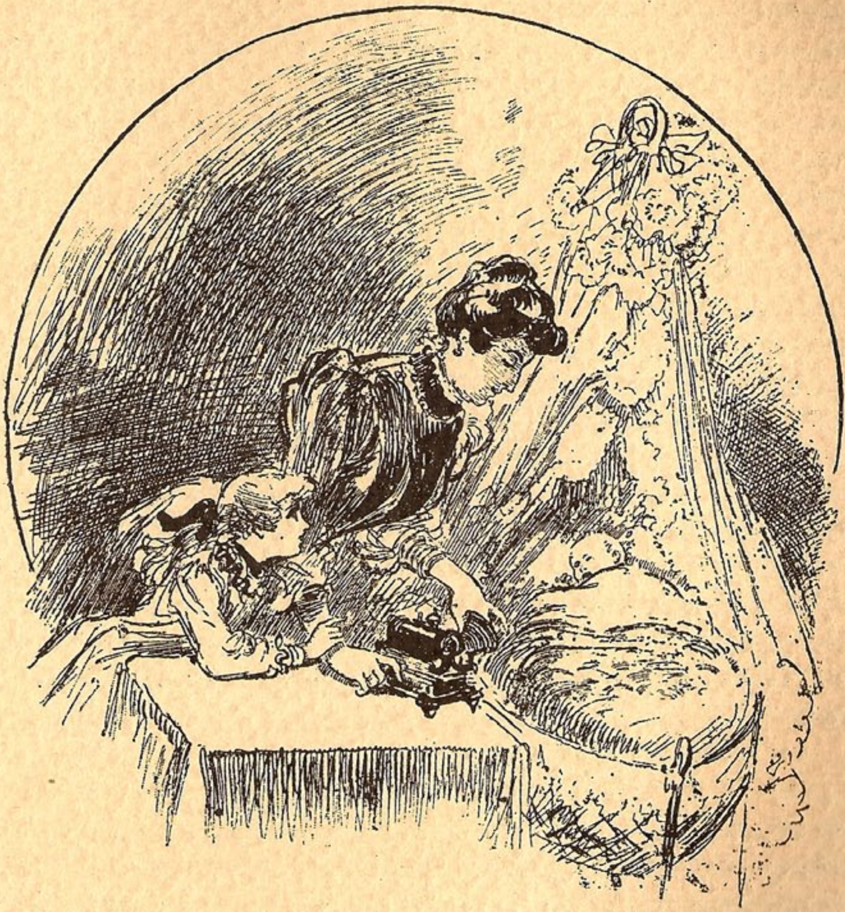
— Жаль, очень жаль!—грустно замѣтила Эстелла.

— Но это грѣхъ еще не столь большой руки, какъ вы предполагаете. Благодаря той самой наукѣ, которую мамаша ни за что не хочетъ уважать, семейная распря разражается между фонографами. Когда у папаши очень ужь накипитъ на сердцѣ, такъ что онъ непремѣнно долженъ разразиться выговоромъ и сдѣлать маменькѣ такъ называемую, сцену, онъ поспѣшно схватываетъ свой фонографъ и облегчаетъ душу, поручая этому инструменту передать кому слѣдуетъ увѣщанія, попреки, упреки и т. д. Само собой разумѣется, что фонографъ принимаетъ все безъ всякихъ возраженій и прекословій, которыя могли бы только усилить раздраженіе его хозяина. Затѣмъ, отославъ этотъ приборъ въ комнату, посвященную семейнымъ сценамъ, папаша совершенно успокоивается и какъ ни въ чемъ не бывало принимается за свою работу. Маменька, съ своей стороны, поступаетъ подобнымъ же образомъ. Когда она почему-либо недовольна папашей и желаетъ сдѣлать ему замѣчаніе, она тоже отчитываетъ его всласть передъ фонографомъ, а затѣмъ успокоивается. Набѣжавшая тучка разсѣялась, небо опять проясняется и за обѣдомъ или завтракомъ о предметѣ ссоры нѣтъ болѣе и рѣчи. Никому изъ постороннихъ не можетъ придти даже и въ голову, что между Филоксеномъ Лоррисомъ и его супругой только что происходила ожесточенная перебранка... Я сильно подозрѣваю, впрочемъ, что оба они давно уже перестали слушать воинственные доклады своихъ фонографовъ. Фонографы эти, собственно говоря, проповѣдуютъ теперь въ пустынѣ. Папаша присылаетъ сюда свой фонографъ, мамаша является со своимъ, пускаетъ въ ходъ оба аппарата и уходитъ. Никто обыкновенно и не слышитъ этого дуэта. Папаша находитъ, что ему недосугъ терять время на такіе пустяки, а потому, хотя и приспособилъ къ фонографамъ самодѣйствующіе приборы, долженствующіе записывать отвѣты, но никогда ихъ не прослушиваетъ. Впрочемъ, они всѣ хранятся у него въ особомъ картонѣ. Тамъ собраны въ строжайшемъ порядкѣ фонографическія клише всѣхъ супружескихъ нотацій, читанныхъ ему мамашей бо-

лѣе чѣмъ за двадцатилѣтній періодъ. Это замѣчательная и, быть можетъ, единственная въ своемъ родѣ коллекція!..

Тѣмъ временемъ фонографы замолчали. Супружеская распря пришла къ концу.

— Я, признаться, подозрѣваю у васъ, Эстеллочка, такое же предубѣжденіе противъ науки, какъ и у моей мамаши! Вы

Фонографъ записываетъ первый лепетъ ребенка.

должны, однако, признать теперь, что и въ наукѣ есть кое-что путное. Благодаря ей, можно жить въ состояніи полнѣйшаго несогласія, не выцарапывая, однако, другъ другу ежедневно глазъ!.. Знаете ли, что! Если мы вздумаемъ послѣ свадьбы ссориться другъ съ другомъ, — будемте дѣлать это всегда по фонографу!

— Разумѣется, это окажется гораздо удобнѣе,—со смѣхомъ отвѣчала Эстелла.

Розыскавъ требуемую справку, Эстелла собиралась уже уйти изъ комнаты, посвященной семейнымъ сценамъ, въ большую секретарскую залу, но Жоржъ остановилъ ее замѣчаніемъ:

— Вы только что видѣли, Эстеллочка, одно изъ самыхъ удачныхъ примѣненій фонографа.—Не думайте, однако, чтобы оно было единственнымъ въ своемъ родѣ. Такъ, напримѣръ, мамаша хранитъ у себя фонографическое клише перваго моего младенческаго крика при появленіи на свѣтъ Божій. Мнѣ самому доводилось нѣсколько разъ слышать этотъ крикъ, фонографически уловленный моимъ родителемъ. Само собой разумѣется, что можно сохранять въ видѣ фонографическаго клише не только первый крикъ младенца, но и послѣднія предсмертныя слова близкаго родственника, или даже какого-нибудь отдаленнаго предка... Случай познакомилъ меня надняхъ съ другимъ превосходнѣйшимъ примѣненіемъ фонографа. Оно, видите ли, въ нѣсколько иномъ родѣ, но эффектъ тоже выходитъ поразительный!.. Надо будетъ это вамъ разсказать... Какъ вамъ извѣстно, общій нашъ пріятель Сюльфатенъ, человѣкъ недоступный никакимъ увлеченіямъ, тревожитъ всѣхъ съ нѣкотораго времени изумительной своей разсѣянностью. Вообразите-же себѣ, что я нашелъ ключъ его тайны и выяснилъ истинную причину этой разсѣянности: почтенный инженеръ-медикъ измѣняетъ наукѣ; сердце его не принадлежитъ уже ей всецѣло!

— Г-нъ Ла-Героньеръ замѣтилъ вѣдь это еще въ Бретани.

— Тогда были еще только цвѣточки по сравненію съ тѣмъ, что дѣлается съ Сюльфатеномъ теперь! Мнѣ надо было надняхъ освѣдомиться у него о чемъ-то. Я зашелъ въ маленькій особый кабинетъ, куда инженеръ-медикъ Сюльфатенъ запирается для размышленія о предметахъ особенно важныхъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему надо разрѣшить какую-нибудь особенно сложную и трудную научную задачу. Вдругъ я слышу въ этомъ святилищѣ Минервы женскій голосъ, говорящій съ глубоко прочувствованнымъ выраженіемъ: „Милый Сюльфатенъ, обожаю тебя и никого кромѣ тебя во всю жизнь любить не буду!“... Можете вообразить себѣ мое изумленіе! Я, признаться, не утерпѣлъ и позволилъ себѣ бросить нескромный взглядъ

сквозь полуотворенную дверь, но не увидѣлъ въ кабинетѣ даже и тѣни красавицы, плѣнившейся Сюльфатеномъ. Оказалось, что онъ слушаетъ сладкія рѣчи фонографа, стоявшаго у него на письменномъ столѣ.

— Вы, разумѣется, поспѣшно ретировались?

— Какъ-бы не такъ! Напротивъ того, я вошелъ. Сюльфатенъ, словно внезапно пробужденный отъ чарующей грезы, поспѣшно остановилъ фонографъ и сказалъ обычнымъ невозмутимо серьезнымъ тономъ: „*Опять фонограмма изъ Чикаго. Тамошняя академія наукъ сообщаетъ снова нѣкоторыя возраженія по поводу сдѣланныхъ нами за послѣднее время примѣненій электричества. Эти американскіе ученые, съ позволенія сказать, настоящіе ослы*!“ Признаться, мнѣ было не легко сохранить надлежащій декорумъ. Я невольно подумалъ о томъ, что у этихъ американскихъ ученыхъ очень пріятные и нѣжные голоса. Во всякомъ случаѣ теперь мы посмѣемся вдоволь. Пойдемте-ка въ кабинетъ къ Сюльфатену! Я подготовилъ ему тамъ маленькій сюрпризъ.

— Что же такое вы сдѣлали?

Жоржъ остановился на порогѣ лабораторіи.

— Дѣйствительно, обдумавъ хорошенько, я зашелъ, пожалуй, уже слишкомъ далеко...

— Какимъ это образомъ?

— Признаться, я позволилъ себѣ отчасти даже неделикатность. Пользуясь тѣмъ, что Сюльфатенъ отвернулся, я похитилъ у него фонографическое клише объясненій американскаго ученаго и...

— И что же?

— Приказалъ воспроизвести его въ ста пятидесяти экземплярахъ, которые и размѣстилъ въ фонографахъ нашей химической обсерваторіи, соединивъ всѣ вмѣстѣ электрическимъ проводникомъ. Теперь все у меня тамъ, какъ говорится, начеку. Самъ Сюльфатенъ, усаживаясь въ кресло, замкнетъ токъ, и сто пятьдесятъ фонографовъ повторятъ ему то самое, что говорилъ тогда американскій ученый!

— Боже мой, что вы сдѣлали! Бѣдняжка Сюльфатенъ! Скорѣе отымите проволоку!..

Жоржъ еще колебался.

— Вы тоже думаете, что я зашелъ уже слишкомъ да-

леко? Теперь, однако, дѣлу не поможешь. Вотъ и Сюльфатенъ!

Въ главной лабораторіи, передъ разными приспособленіями и приборами самыхъ странныхъ формъ и разнообразнѣйшей величины, среди нагроможденныхъ книгъ, исписанныхъ бумагъ, ретортъ, колбъ и разныхъ физическихъ инструментовъ, работало человѣкъ пятнадцать первоклассныхъ ученыхъ. Все это были люди серьезные, болѣе или менѣе бородатые и всѣ безъ исключенія лысые. Одни изъ нихъ сидѣли, углубившись въ размышленія, другіе же внимательно слѣдили за производившимися опытами. Сюльфатенъ медленной поступью вошелъ въ эту лабораторію, заложивъ лѣвую руку за спину и слегка постукивая себя по носу указательнымъ пальцемъ, что служило у него признакомъ самаго интенсивнаго мышленія.

Сотоварищи его были до такой степени заняты каждый своимъ дѣломъ, что никто даже и не поднялъ головы, когда онъ прошелъ мимо въ свой уголъ и потихоньку пододвинулъ себѣ кресло. Передъ тѣмъ, однако, чѣмъ сѣсть, онъ, стоя у стола, началъ тамъ разбираться въ грудѣ бумагъ и разныхъ приборовъ. Видя, что онъ еще не садится, Жоржъ хотѣлъ уже на цыпочкахъ подбѣжать къ его креслу и перерѣзать проволоку. Задуманная имъ не совсѣмъ приличная шутка, разумѣется, осталась бы тогда невыполненной, но судьба судила иначе. Какъ разъ въ это самое мгновенье Сюльфатенъ, находившійся все еще въ состояніи глубокой задумчивости, тяжело опустился въ кресло.

Словно по мановенію волшебнаго жезла, или, какъ бы на театральной сценѣ, раздались отовсюду разомъ электрическіе звонки:

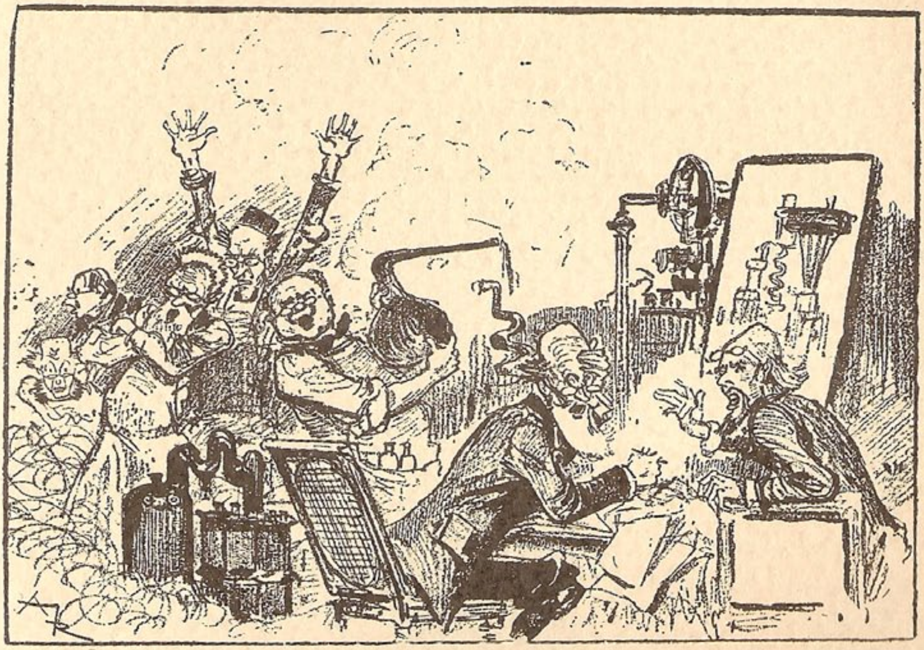
— Дзинъ! Дзинъ! Дзинъ!

Этотъ трезвонъ у всѣхъ фонографовъ не могъ не обратить на себя общаго вниманія. Всѣ невольно подняли головы. Сюльфатенъ съ изумленнымъ видомъ глядѣлъ на маленькій фонографъ, стоявшій на его собственномъ столѣ. Трезвонъ прекратился, и тотчасъ же затѣмъ всѣ фонографы дружно заговорили:

— „Сюльфатенъ, другъ мой, какъ ты милъ и очарователенъ! Я тебя обожаю и клянусь, что всю жизнь буду любить только тебя одного! Сюльфатенъ, другъ мой, какъ ты милъ

и очарователенъ! Я тебя обожаю и клянусь, что... Сюльфатенъ, другъ мой, какъ ты милъ и очарователенъ!..“ Фонографы не останавливались и, дойдя до послѣдняго восклицанія, переданнаго съ должною энергіей, начинали фразу снова самыми нѣжными модуляціями голоса.

Всѣ ученые оторвались отъ своихъ размышленій и опытовъ. Изумленные и сбитые съ толку, какъ и самъ Сюльфатенъ, они повскакали съ мѣстъ и попеременно глядѣли то на своего коллегу, то на нескромные фонографы. Наконецъ, нѣ-

Это просто скандалъ! Вы позорите французскую науку.

которые изъ нихъ, постарше, расхохотались, насмѣшливо поглядывая на Сюльфатена, тогда какъ другіе покраснѣли, наморщивъ чело и нахмуривъ брови съ такимъ обиженнымъ видомъ, какъ еслибъ имъ самимъ было нанесено личное оскорбленіе.

— „Сюльфатенъ, другъ мой, какъ ты милъ и оча“...

Фонографы внезапно умолкли, такъ какъ Сюльфатенъ перерѣзалъ проволоку.

Пользуясь общимъ смятеніемъ, Жоржъ и Эстелла, незамѣченные никѣмъ, удалились, затворивъ за собой двери. Имъ

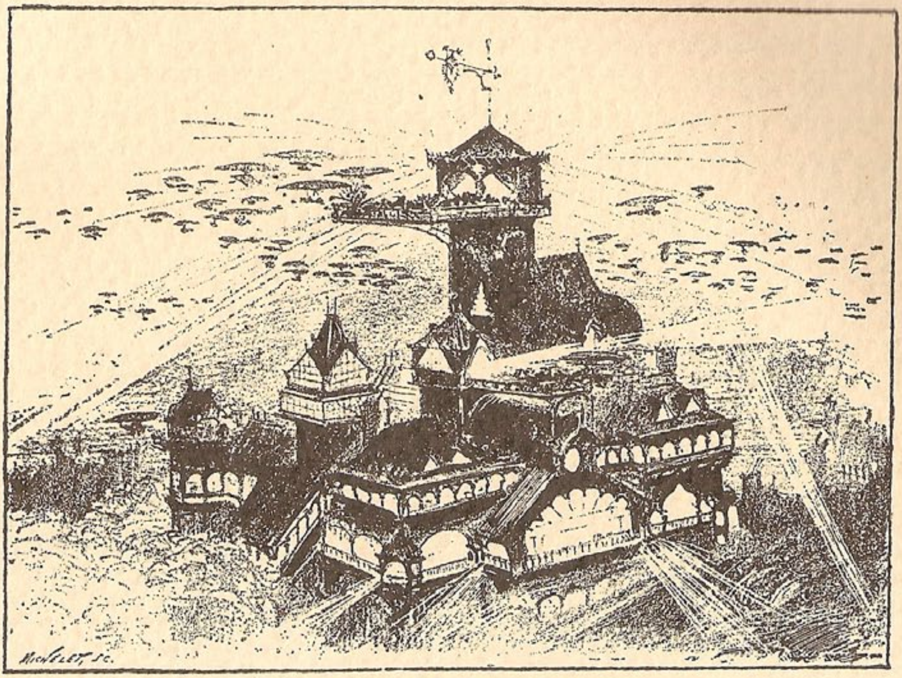
вслѣдъ доносился изъ лабораторіи смѣшанный гулъ протестовъ и восклицаній: „Ого!-Эге!—Вотъ такъ штука!—Не ожидалъ!—Скандалъ, да и только!—Что за гадость!—Это компрометируетъ французскую науку!“

— Бѣдняжка Сюльфатенъ!—сказала Эстелла.

— Ничего, онъ какъ-нибудь вывернется,—возразилъ Жоржъ.—Замѣтьте, Стеллочка, еще одно драгоцѣнное свойство фонографа. Онъ записываетъ клятвы влюбленныхъ и можетъ повторять ихъ по востребованію сколько угодно разъ. Вслучаѣ измѣны одной изъ сторонъ, другая можетъ вмѣсто всякихъ упрековъ привести въ дѣйствіе фонографъ, въ который вложено такое клише. Онъ не даетъ утратиться безслѣдно голосу возлюбленной и повторяетъ его нашему очарованному уху, какъ только мы этого пожелаемъ... Знаете ли, дорогая Эстелла, что я безъ вашего вѣдома изготовилъ уже нѣсколько клише съ вашего голоса и отъ времени до времени по вечерамъ доставляю себѣ удовольствіе слушать ихъ въ моемъ фонографѣ.

Современная женщина.

Званый вечеръ у Филоксена Лорриса.

IV.

Большой художественно-научный вечеръ въ домѣ Филоксена Лорриса.—Удовольствіе слушать фонограммы прежнихъ великихъ артистовъ и артистокъ.—Нѣкоторые изъ гостей.—Новая разсѣянность Сюльфатена.—Больныя фонограммы.

Филоксенъ Лоррисъ собирался дать большой художественный, музыкальный и научный вечеръ, вѣсть о которомъ сама по себѣ уже возбудила величайшее любопытство во всѣхъ парижскихъ кружкахъ. Въ присутствіи избраннаго общества, соединявшаго въ себѣ весь академическій и политическій Парижъ, —всѣхъ выдающихся людей науки и парламента,—въ присутствіи вождей партій,—министровъ и главы министерства, знаменитаго могучаго оратора Арсена Маретта, великій ученый разсчитывалъ, по выполненіи художественнаго отдѣла программы, изложить въ бѣгломъ обзорѣ научныхъ новостей послѣднія свои изобрѣтенія, преимущественно же идею о національномъ и патріотическомъ своемъ лѣкарствѣ,—заинтересовать ею министровъ и завоевать ей симпатіи въ парламентскихъ сферахъ. Редакторы, наиболѣе выдающіеся сотрудники и репортеры всѣхъ парижскихъ газетъ были приглашены на этотъ праздникъ и

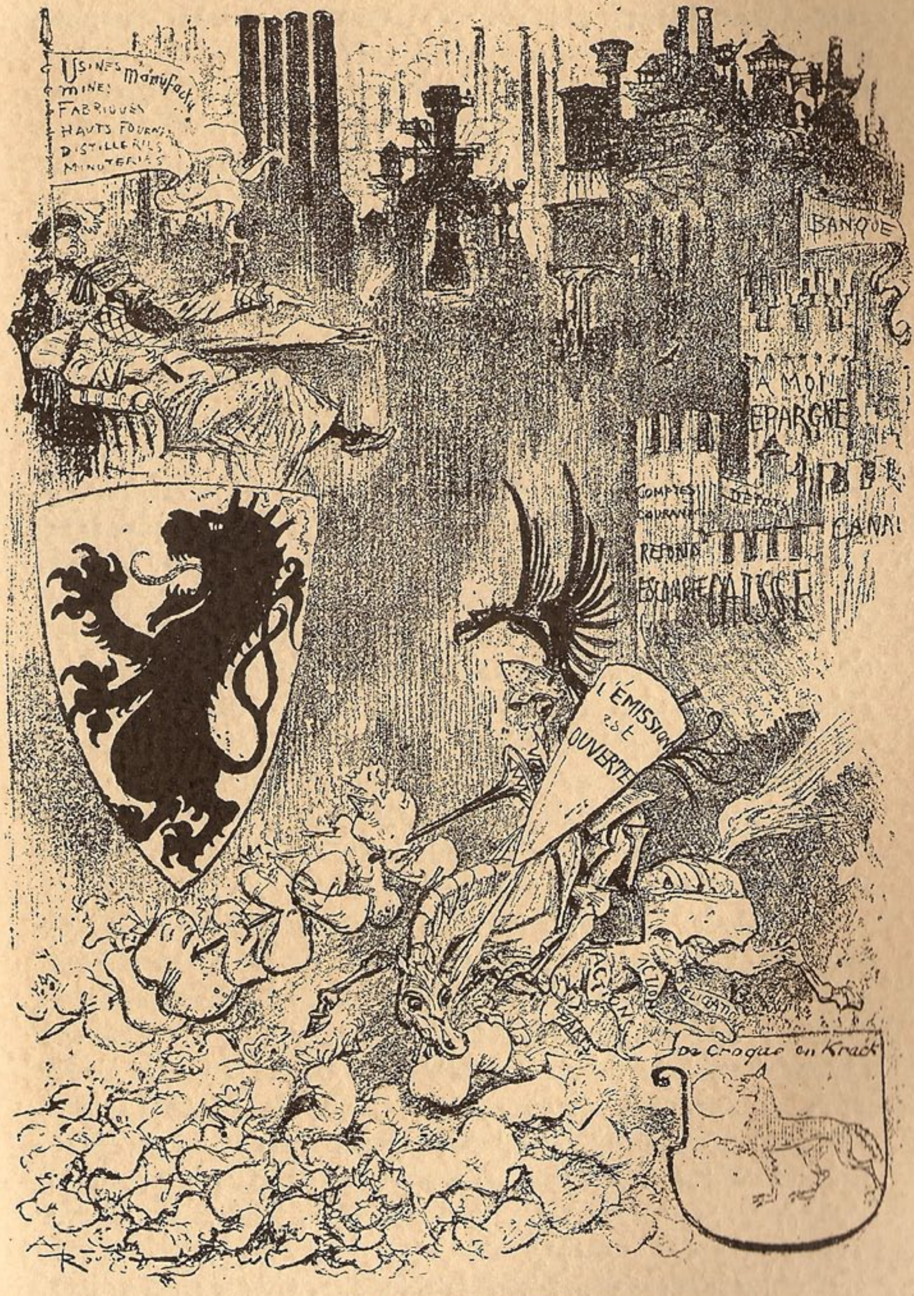
такимъ образомъ поставлены какъ бы въ необходимость говорить на другой день о колоссальномъ и филантропическомъ предпріятіи возрожденія измученной, переутомленной расы малокровныхъ людей съ расшатанными нервами,—возрожденіи, которое достигалось словно по мановенію волшебнаго жезла, оживляющей силой великаго противумикробнаго, очищающаго, подкрѣпляющаго, антималокровнаго и національнаго средства, дѣйствующаго на организмъ одновременно прививкою и въ качествѣ внутренняго лѣкарства! Такова была цѣль Филоксена Лорриса. Послѣ концерта,—въ публичной лекціи, дополненной примѣрами и опытами,—Филоксенъ Лоррисъ намѣревался лично представить докладъ о грандіозномъ своемъ предпріятіи. Блистательнѣйшимъ сценическимъ эффектомъ должно было при этомъ служить появленіе сюльфатеновскаго паціента Адріена Ла-Героньера, котораго въ Парижѣ знали рѣшительно всѣ. Всѣмъ было извѣстно, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ дошелъ до послѣдней степени отупѣнія и физическаго упадка. Подозрѣніе въ обманѣ являлось тутъ совершенно немыслимымъ. Живое наглядное подтвержденіе заявленій изобрѣтателя, однимъ словомъ, субъектъ, выводимый на сцену, былъ не какимъ нибудь безымяннымъ незнакомцемъ. Недавно еще всѣ искренно сожалѣли о гибели такого высокаго, свѣтлаго ума, пораженнаго преждевременной старческой дряхлостью. Тѣмъ съ большимъ изумленіемъ увидятъ теперь появленіе Ла-Героньера, совершенно исправленнаго и починеннаго—физически и нравственно—какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи,—достигшаго опять почти такой же всеобъемлющей мощи генія, какою обладалъ въ минувшія времена!..

Филоксенъ Лоррисъ возложилъ заботу о „легкомысленныхъ развлеченіяхъ", т. е. о художественномъ отдѣлѣ, на свою жену, которой должны были пособлять Жоржъ и Эстелла Лакомбъ.

— Вамъ поручается несомнѣнно важный въ данномъ случаѣ портфель мелочныхъ забавъ и легкомысленныхъ увеселеній,—милостиво объявилъ онъ имъ.—Я требую только, чтобъ все оказалось превосходнымъ и открываю вамъ для этого неограниченный кредитъ.

Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, Жоржъ и не думалъ скупиться.

Онъ не удовлетворился маленькими простыми фонограм-

Современные магнаты.

мами, достаточными для какихъ нибудь мѣщанскихъ вечеровъ. Его не соблазняли обыкновенныя музыкальныя клише, коллекціи „избранныхъ пѣвцовъ“ и „ангельскіе голоса“, продающіеся въ мелочныхъ лавочкахъ по двѣнадцати штукъ въ коробкѣ, подобно тому какъ продаютъ для болѣе серьезныхъ вечеровъ коробки съ двѣнадцатью знаменитѣйшими трагическими артистами, дюжиной извѣстнѣйшихъ адвокатовъ или парламентскихъ ораторовъ и т. п.

Посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ музыки, онъ добылъ себѣ, не щадя издержекъ, фонограммы превосходнѣйшихъ европейскихъ и американскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ лучшихъ пьесахъ ихъ репертуара. Не довольствуясь одними лишь современными артистами, онъ заручился также фонограммами прежнихъ артистовъ—давно уже закатившихся, нѣкогда блистательныхъ свѣтилъ и звѣздъ. Ему удалось даже получить изъ музея консерваторіи клише съ лучшихъ голосовъ прошлаго столѣтія въ лирическихъ и драматическихъ роляхъ, записанныя въ первое время по изобрѣтеніи фонографа. Благодаря этому гости Филоксена Лорриса должны были услышать Аделину Патти въ самыхъ дивныхъ ея пьесахъ и Сару Бернаръ, декламирующую одинъ за другимъ, словно жемчужины, стихи Виктора Гюго, или же въ драмахъ Сарду рыкащую словно львица, охваченная страстнымъ порывомъ. Кромѣ того, собраны были фонограммы многихъ другихъ великихъ артистокъ, отошедшихъ уже въ вѣчность, какъ напримѣръ, г-жъ: Міоланъ-Карвальо, Краусъ, Христины Нильсонъ, Терезы, Ришаръ и т. д.

Нѣкоторые безцеремонные продавцы пытались было подсунуть ему фоноклише Тальмы и Рашели, Дюпре и Малибранъ, но у Жоржа имѣлся тщательно составленный хронологическій списокъ. Онъ не далъ поймать себя на удочку поддѣльныхъ клише, будто бы снятыхъ съ голосовъ, на самомъ дѣлѣ умолкшихъ за долго до изобрѣтенія фонографа. Въ кружкахъ средней руки и даже среди свѣтскихъ дилетантовъ такіе фонографическіе подлоги, число которыхъ съ каждымъ годомъ къ сожалѣнію все возростаетъ, имѣютъ, какъ извѣстно, большой успѣхъ.

Наконецъ наступилъ давно жданный вечеръ. Весь кварталъ, занятый домомъ Филоксена Лорриса, освѣтился съ наступле-

ніемъ сумерекъ великолѣпнѣйшими электрическими огнями, окружавшими словно вѣнцомъ сіяющихъ звѣздъ все обширное скопленіе жилыхъ помѣщеній и лабораторій. Громадные электрическіе фонари горѣли также и надъ крышами зданій, образуя надъ всѣмъ кварталомъ нѣчто въ родѣ системы колецъ, украшающихъ Сатурнъ. Вскорѣ въ волнахъ электрическаго свѣта начали мелькать быстроходные воздушные экипажи, отличавшіеся отъ извозчичьихъ кабріолетовъ изяществомъ формъ и роскошью убранства. На нихъ слетались со всѣхъ концовъ горизонта къ великому ученому приглашенные гости. Городская полицейская стража на винтовыхъ самолетахъ постоянно рѣяла вокругъ воздушныхъ пристаней, удерживая въ почтительномъ разстояніи экипажи, не предъявлявшіе пригласительныхъ карточекъ.

Избранныя знаменитости изъ всѣхъ сферъ общественной жизни въ разнообразнѣйшихъ мундирахъ или во фракахъ,—разодѣтыя дамы, сіявшія брилліантами, проносились съ воздушной пристани въ парадныя залы на большихъ изящныхъ платформахъ, замѣнявшихъ на этотъ разъ обыкновенные подъемные механизмы.

Чтобы узнать имена наиболѣе выдающихся особъ, съ которыми будемъ имѣть честь встрѣтиться въ гостиныхъ Филоксена Лорриса, позволимъ себѣ бросить нескромный взглядъ въ записную книжку встрѣченной нами почти у самаго входа репортерши большой телефонической газеты „Эпоха“.

Въ числѣ прибывшихъ уже знаменитостей отмѣтимъ:

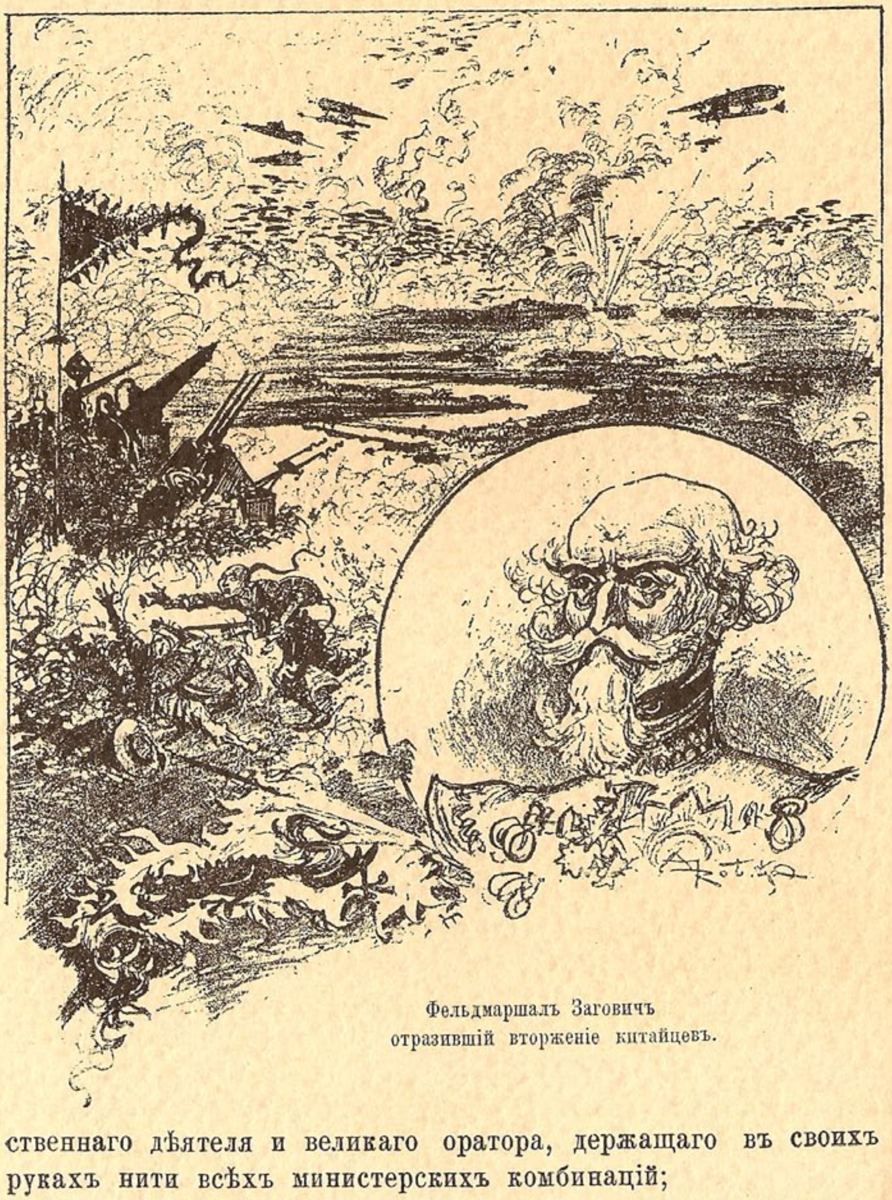
Вождя парламентской женской партіи г-жу Понто, состоящую депутатомъ отъ XXXIII парижскаго округа.

Многомилліарднаго банкира Понто, организатора столькихъ колоссальныхъ предпріятій, какъ, напримѣръ, большой электропневматической трубы заатлантическаго сообщенія между Франціей и Америкой и преобразованія Италіи въ общеевропейскій паркъ;

Филиппа Понто,—знаменитаго строителя шестого материка. Этотъ великій инженеръ только что прибылъ въ Парижъ, гдѣ въ данную минуту можно было всего выгоднѣе купить большую партію желѣзныхъ и чугунныхъ соединительныхъ частей, потребныхъ для скрѣпленія громадныхъ участковъ суши, получившихся отъ соединенія другъ съ другомъ полинезійскихъ

архипелаговъ, промежутки между островами которыхъ были уже предварительно засыпаны;

Арсена Маретта, — депутата отъ XXXIX округа, — государ-

Фельдмаршалъ Заговичъ
отразившій вторженіе китайцевъ.

ственнаго дѣятеля и великаго оратора, держащаго въ своихъ рукахъ нити всѣхъ министерскихъ комбинацій;

Престарѣлаго фельдмаршала Заговича, — бывшаго генералиссимуса европейскихъ вооруженныхъ силъ, отразившихъ въ 1941 году великое китайское вторженіе и уничтожившихъ послѣ во-

семнадцати-мѣсачныхъ битвъ въ обширныхъ равнинахъ Бессарабіи и Румыніи двѣ арміи Средиземнаго царства, въ каждой изъ которыхъ насчитывалось подъ ружьемъ по семисотъ тысячъ человѣкъ, снабженныхъ военными приспособленіями, гораздо болѣе совершенными, чѣмъ все, что имѣлось тогда въ Европѣ. Арміи эти состояли подъ начальствомъ искуснѣйшихъ азіатскихъ и американскихъ военныхъ мандариновъ.

Альбертъ Палла.

Старикъ-фельдмаршалъ, почтенный остатокъ минувшихъ войнъ, прекрасно еще сохранился, несмотря на свои восемьдесятъ пять лѣтъ. Рослый и прямой его станъ сразу выдѣляетъ фельдмаршала изъ группы тощихъ, худощавыхъ и низенькихъ инженеръ-генераловъ, которые провели всю жизнь, сгорбившись надъ книгами;

Знаменитѣйшаго Альберта Палла, — фотоникто-механика, члена Академіи Наукъ, грандіознаго артиста, снискавшаго себѣ на послѣдней художественной выставкѣ такой громадный успѣхъ оживленной картиной „Смерть Цезаря". Дѣйствующія лица на этой картинѣ движутся, кинжалы подымаются и спускаются, а глаза убійцъ вращаются и сверкаютъ съ неизреченно свирѣпымъ выраженіемъ, являющимся, сколько можно судить, послѣднимъ словомъ реализма въ искусствѣ.

Герцогъ Виѳанскій.

Заслуживаютъ также быть упомянутыми:

Его превосходительство Артуръ Леви, герцогъ Виѳанскій, посолъ его величества Альфонса V, короля іерусалимскаго. Онъ прибылъ прямо изъ великолѣпнаго своего швейцарскаго домика въ Бейрутѣ, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, славящемся превосходными своими морскими купаньями, должны были происходить чрезвычайно интересныя воздушныя прогулки съ состязаніемъ на призы между быстроходными самолетами;

Бывшій синдикъ конкурснаго управленія надъ Блистательной Портой,—главный директоръ общества игорныхъ домовъ на Босфорѣ,—Людовикъ Боннаръ-паша;

Его превосходительство Боннаръ-паша.

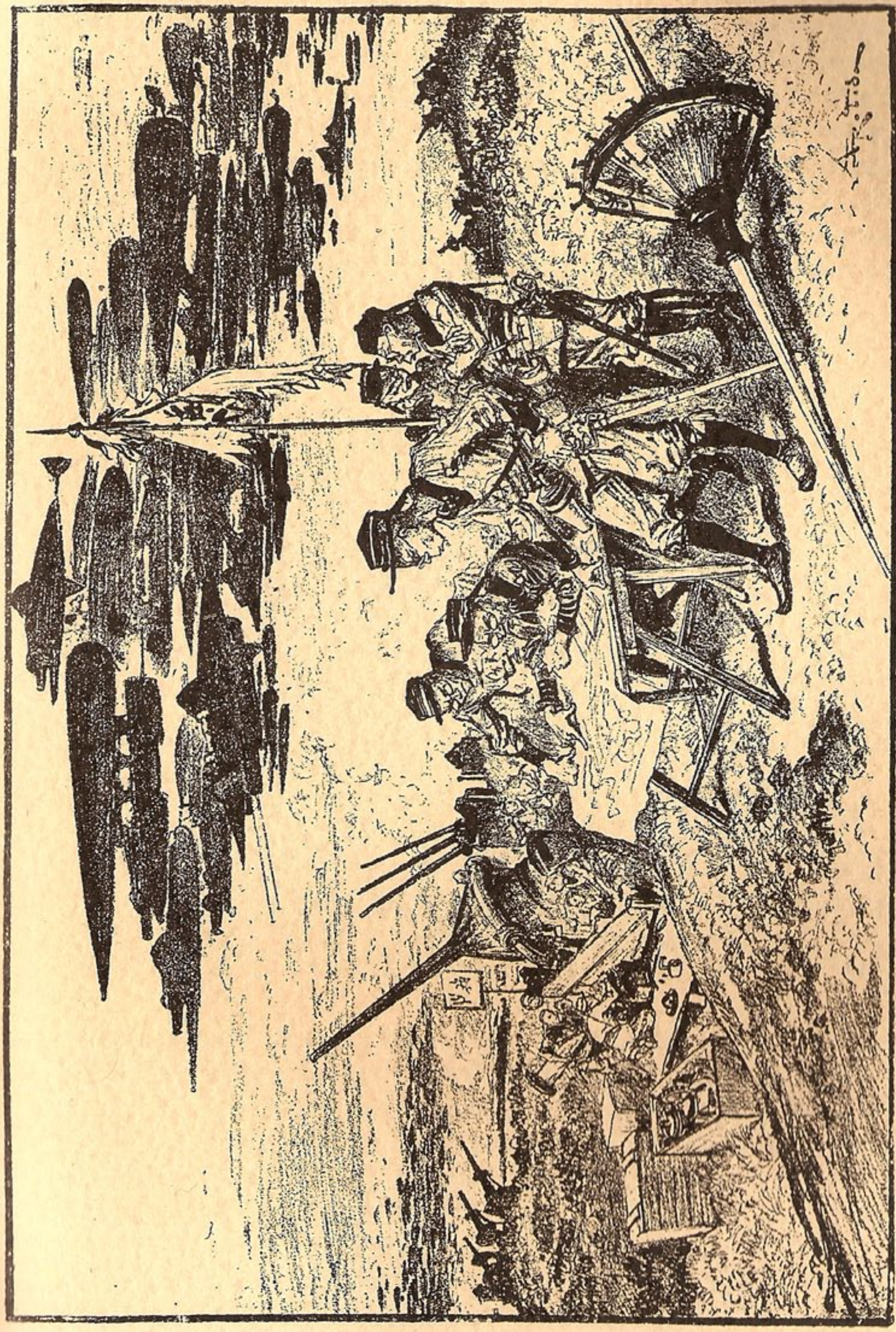
Нѣкоторые изъ восьмисотъ креселъ французской академіи, т. е. знаменитѣйшіе изъ знаменитыхъ нашихъ академиковъ обоего пола;

Вліятельнѣйшій изъ современныхъ публицистовъ,—редакторъ-издатель „Эпохи“, — Гекторъ Пикфоль, покровительства и расположенія котораго заискиваютъ монархи, вступающіе на престолъ, и президенты республикъ послѣ своего избранія. Онъ на дняхъ только дрался на дуэли съ наслѣднымъ придунайскимъ эрцгерцогомъ по поводу газетныхъ статей, въ которыхъ читалъ его высочеству строжайшіе выговоры за легкомысленное поведеніе. Въ настоящее время Пикфоль ведетъ переговоры съ упрямыми министрами болгарскаго королевства, разсчитывая вынудить у нихъ согласіе на бракъ юнаго наслѣднаго принца;

Достопочтенная дѣвица Купаръ — сенаторъ отъ департамента Сарты;

Ученѣйшая дѣвица Бардо, украшенная докторскими дипломами по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія;

Многочисленная группа бывшихъ президентовъ южно-американскихъ и океаническихъ республикъ, удалившихся отъ дѣлъ послѣ того, какъ нажили себѣ кругленькій капиталецъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ генералъ Мене-

Вторженіе китайцевъ въ Европу. Главнокомандующій 18-ю арміями, инженеръ-мандаринъ и его свита.

лай, сложившій съ себя званіе президента республики Антильскихъ острововъ, послѣ того, какъ ему удалось положить себѣ въ карманъ полностью весь государственный заемъ, реализованный въ Европѣ. Франція такъ понравилась почтенному генералу, что онъ рѣшилъ остаться въ ней на жительство и сдѣлаться настоящимъ парижскимъ обывателемъ.

Нѣсколько азіятскихъ и африканскихъ монарховъ, частью добровольно отказавшихся отъ престола, частью-же вынужденныхъ къ этому силою обстоятельствъ.

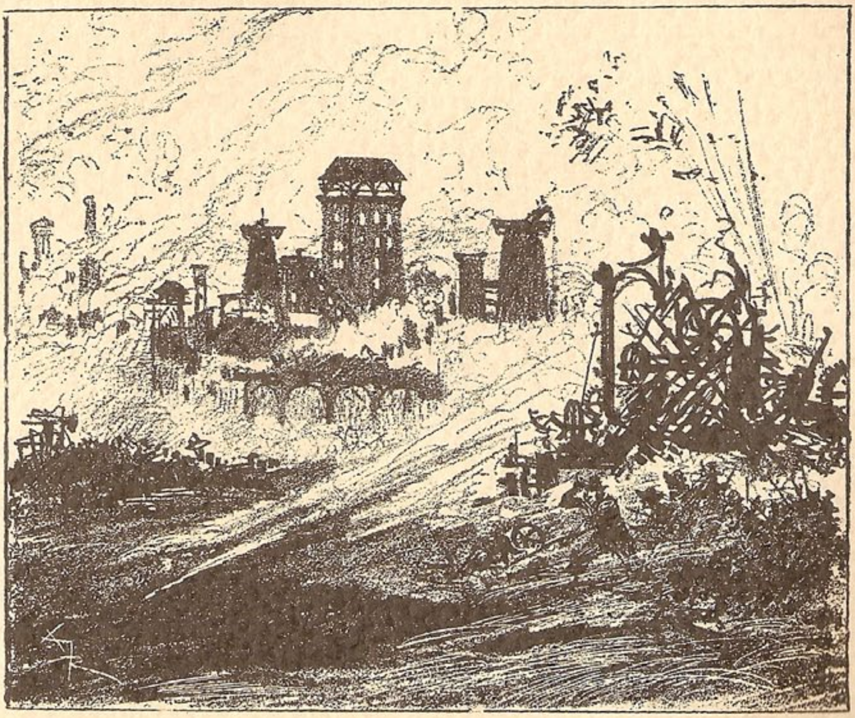

Жакъ Луазель.

Международные милліардщики: Іеровоамъ Дюпонъ изъ Чикаго, Антуанъ Гобеонъ изъ Мельбурна, Целестинъ Кальо изъ Женевы—владѣлецъ нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, управляемыхъ королями и князьями, состоящими у него на службѣ и получающими жалованье сообразно съ ихъ саномъ и родовитостью, и т. д., и т. д.;

Жакъ Луазель,—одинъ изъ представителей современныхъ финансовыхъ и промышленныхъ феодаловъ,—смѣлый дѣлецъ, пускавшійся въ молодости въ самыя рискованныя предпріятія,

вслѣдствіе чего первоначально раззорилъ восемьсотъ тысячъ акціонеровъ и вмѣстѣ съ ними самъ вылетѣлъ въ трубу. Пробывъ нѣсколько времени заграницей во избѣжаніе непріятностей съ судебнымъ вѣдомствомъ, онъ снова занялся финансовыми и промышленными операціями въ крупныхъ размѣрахъ. Первый пылъ увлеченій у него къ тому времени уже прошелъ, уступивъ мѣсто необыкновеннѣйшему генію по части организаціи синдикатовъ въ области закупки всего наличнаго сырья. Управляя дѣлами этихъ синдикатовъ, онъ въ нѣсколько

Революція въ 1922 году.

лѣтъ успѣлъ вернуть лично себѣ одному всѣ милліоны, потраченные въ неосторожныхъ спекуляціяхъ неопытной пылкой своей юности;

Извѣстный революціонеръ — Эваристъ Фагоръ, который въ 1922 году разыгрывалъ въ Рубе роль Іоанна Лейденскаго, но затѣмъ, наживъ себѣ во время революціи кругленькій капиталецъ, вернулся къ болѣе здравымъ идеямъ и живетъ теперь доходами съ собственныхъ движимыхъ и не-

движимыхъ имуществъ, пріютивъ свою философію мудреца, разочаровавшагося въ прежнихъ иллюзіяхъ, въ небольшомъ, но очаровательномъ кальвадосскомъ замкѣ. Онъ сталъ теперь настоящимъ патріархомъ и живетъ, окруженный многочисленной семьей и несмѣтнымъ множествомъ фермеровъ или инженеръ-земледѣльцевъ, поглядывая съ благодушной, но слегка насмѣшливой улыбкой, на развертывавшуюся передъ духовными его очами нескончаемую вереницу человѣческихъ заблужденій.

Немногіе представители остатковъ прежняго дворянства,— люди, сами по себѣ не имѣющіе ни малѣйшаго значенія. Тѣмъ не менѣе Филоксенъ Лоррисъ относится къ нимъ съ благоволеніемъ и довольно часто приглашаетъ ихъ къ себѣ на вечера и обѣды. Это дѣлается, впрочемъ, единственно лишь ради историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ ихъ фамиліями. Сами же они въ современномъ обществѣ играютъ въ большинствѣ случаевъ довольно жалкую роль мелкихъ департаментскихъ чиновниковъ, или младшихъ инженеровъ, не имѣющихъ передъ собой никакой будущности;

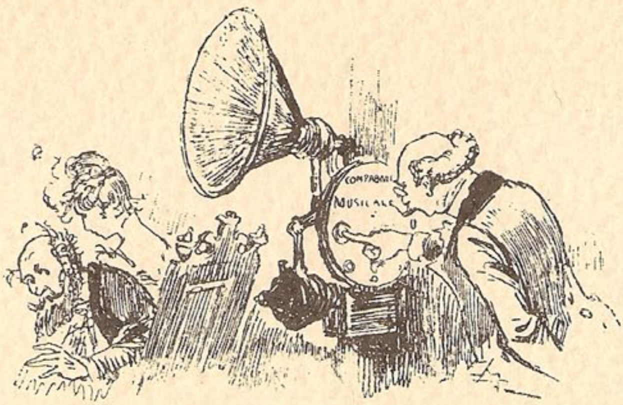

Представители прежняго дворянства.

Жанъ Гильденъ,—первоклассный ученый, старшій инженеръ-медикъ фирмы Филоксена Лорриса и главный сотрудникъ Филоксена въ бактеріологическихъ и микробіологическихъ изслѣдованіяхъ, которыя привели къ открытію, среди безчисленнаго множества видовъ разныхъ бациллъ, вибріоновъ и бактерій, между прочимъ, также и *микроба здоровья*. Послѣдующія изысканія выяснили всѣ главнѣйшія свойства этого микроба,—его привычки и образъ жизни, такъ что удалось опредѣлить условія, благо-

пріятствующія его размноженію путемъ прививки и культуры въ соотвѣтственныхъ бульонахъ...

Густая толпа гостей наполняла различные салоны громаднаго дома и тѣснилась даже въ переднихъ и корридорахъ, любуясь выставленными тамъ новѣйшими изобрѣтеніями великаго Филоксена. Желая доставить гостямъ маленькое развлеченіе передъ началомъ музыкальнаго отдѣла празднества, Филоксенъ Лоррисъ приказалъ пропустить черезъ телефоноскопъ большой залы клише, снятыя съ важнѣйшихъ событій, происходившихъ послѣ усовершенствованія этого прибора. Историческія сцены разныхъ катастрофъ,—бурныхъ засѣданій въ палатѣ депутатовъ и сенатѣ,—революціонныхъ эпизодовъ и кровопро-

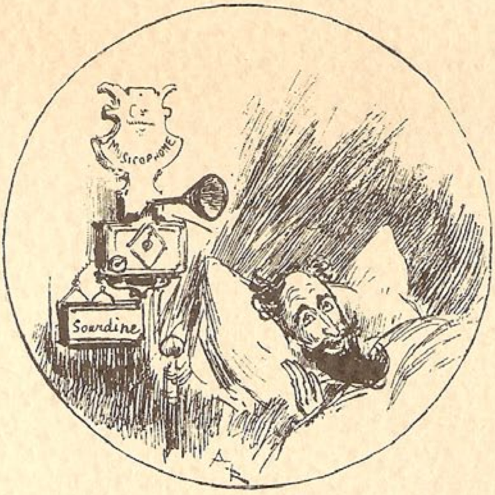
Не надо болѣе оркестра.

литій на поляхъ сраженій—до чрезвычайности заинтересовали все общество. Затѣмъ, когда гости уже съѣхались, признано было умѣстнымъ приступить къ выполненію музыкальной программы.

Извѣстно, что въ настоящее время на концертахъ и на балахъ обходятся безъ музыкантовъ и оркестра. Этимъ достигается сбереженіе мѣста и денегъ. Абонировавшись въ какомъ нибудь изъ многочисленныхъ модныхъ теперь акціонерныхъ музыкальныхъ обществъ, получаютъ по телеграфной проволокѣ надлежащій запасъ музыки въ старинныхъ аріяхъ древнихъ композиторовъ,—большихъ выдержкахъ изъ древнихъ и новыхъ оперъ, или-же, по желанію,—бальную музыку: вальсы и кадрили Метра, Штрауса, Вальдтейфеля и современныхъ композиторовъ.

Приборы, замѣняющіе собою оркестръ и доставляющіе музыку на домъ, отличаются простотою и совершенствомъ своего устройства. Между прочимъ, ихъ можно регулировать, смягчая силу звука, или-же возвышая его интенсивность, смотря потому, желаютъ-ли наслаждаться музыкой какъ-бы издали, съ цѣлью вызвать мечтательное настроеніе (когда имѣется на это время), или-же оглушить себя бурнымъ грохотомъ звуковъ, который въ первое мгновенье причиняетъ почти болѣзненное ощущеніе, но зато мигомъ опоражниваетъ голову отъ всѣхъ заботъ и треволненій нашей дѣловой электрической жизни.

Необходимо во всякомъ случаѣ устанавливать этотъ приборъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, чтобы кто-нибудь изъ гостей по разсѣянности не нажалъ, какъ это иногда случается, на кнопку, соотвѣтствующую наибольшей силѣ звука. Подобный неожиданный казусъ, если онъ случится среди интереснаго салоннаго разговора, производитъ иной разъ непріятное впечатлѣніе.

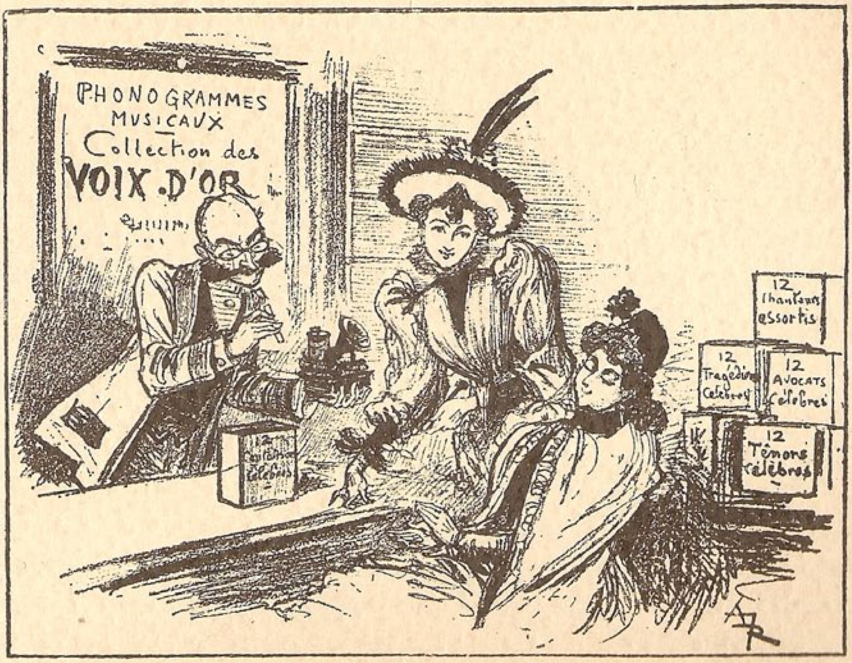
Можно наслаждаться музыкой лежа въ постели.

Вообще нельзя отрицать, что у насъ теперь до извѣстной степени злоупотребляютъ музыкой. Нѣкоторые страстные любители пускаютъ музыкальные свои фонографы въ ходъ во время обѣдовъ, когда безъ сомнѣнія было-бы несравненно раціональнѣе слушать телефонную газету. Наиболѣе утонченные меломаны убаюкиваютъ себя даже ночью музыкой.

Такое до сумасбродности громадное потребленіе музыки не представляетъ само по себѣ ничего удивительнаго. Дѣло въ томъ, что, за немногими исключеніями, наши современники со своей до-нельзя разстроенной нервной системой оказываются гораздо чувствительнѣе къ музыкѣ, чѣмъ ихъ отцы, обладавшіе болѣе спокойными нервами. Тогда какъ здоровые люди, вообще говоря, относятся съ презрительнымъ невниманіемъ къ болѣе

или менѣе гармоническимъ комплексамъ безцѣльныхъ шумовъ,— болѣзненно раздражительные меломаны приходятъ отъ каждой нотки въ такое же содроганіе, какъ лягушки, сквозь которыхъ пропущенъ гальваническій токъ.

Понятно, что Филоксенъ Лоррисъ не могъ удовлетвориться обыденнымъ концертомъ, поставляемымъ по телефону музыкальными обществами. Онъ предложилъ своимъ гостямъ увертюру знаменитой германской оперы, исполненную по телефоноскопическому клише, снятому въ 1938 году съ перваго ея представленія,

Въ музыкальномъ магазинѣ.

на которомъ дирижировалъ оркестромъ самъ композиторъ, скончавшійся впослѣдствіи, въ 1950 году, въ самый разгаръ своей славы.

Во время выполненія по телефоноскопу великаго произведенія внука Рихарда Вагнера, Эстелла Лакомбъ, сидѣвшая въ уголку возлѣ Жоржа, внезапно стиснула ему руку.

— Боже мой, что это такое? Послушайте-ка!—сказала она.

— Съ какой стати стану я слушать эту музыкальную алгебру и алхимію?

— Развѣ вы ничего не замѣчаете?

— Для того, чтобы замѣтить, надо предварительно понять, а мнѣ кажется это совершенно немыслимымъ, если не прослушать сперва каждую такую музыкальную фразу по меньшей мѣрѣ разъ тридцать пять къ ряду...

— Я слушала эту увертюру не далѣе какъ вчера. Меня интересовало попробовать, хорошо ли дѣйствуетъ клише...

— Какая-же вы, однако, лакомка!

— Представьте-же себѣ, что сегодня получается совершенно иное впечатлѣніе... Случилось что-то неладное... Музыка эта визжитъ и скрипитъ; отдѣльныя ноты словно цѣпляются другъ за друга... Увѣряю васъ, что вчера ничего подобнаго не было...

— Не безпокойтесь, никто этого не замѣчаетъ! Даже и я самъ былъ расположенъ видѣть въ этомъ визгѣ одну изъ особыхъ, непонятныхъ обыкновеннымъ смертнымъ прелестей партитуры. Взгляните-ка! Всѣ кругомъ чуть не падаютъ въ обморокъ отъ восторга и съ трудомъ лишь удерживаются отъ громкихъ изъявленій самаго беззавѣтнаго одобренія.

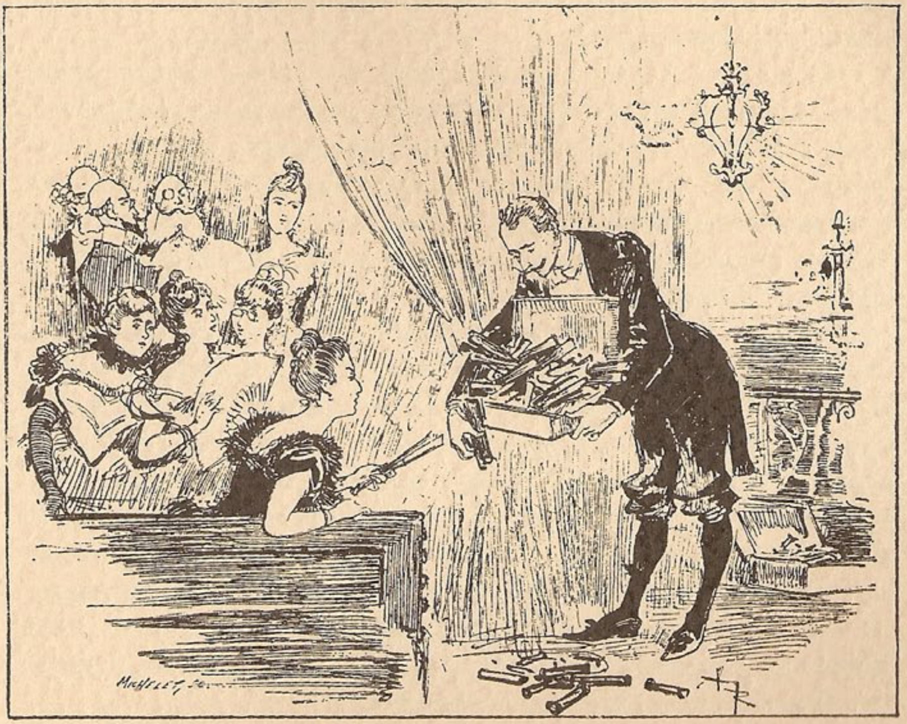
— Всетаки, знаете-ли, у меня на душѣ не спокойно... Всѣ клише были у Сюльфатена. Не знаю, что онъ съ ними сдѣлалъ. Онъ за послѣднее время сталъ до невозможности разсѣяннымъ... Я сейчасъ его розыщу!

Когда послѣдніе звуки увертюры знаменитой оперы стихли подъ громомъ рукоплесканій, инженеръ, которому было поручено выполненіе музыкальной программы, поставилъ на передаточный валъ телефоноскопа арію изъ „Фауста", исполненную лѣтъ десять тому назадъ въ Іокагамѣ знаменитой пѣвицей тамошняго театра французской оперы. Сама артистка появилась въ зеркалѣ телефоноскопа. Вначалѣ она немного жеманилась, но, вообще говоря, произвела своей наружностью самое пріятное впечатлѣніе.

Публика слушала ее сперва въ изумленномъ молчаніи, но, послѣ нѣсколькихъ уже мгновеній, поднялся ропотъ негодованія, совершенно заглушившій ея голосъ. Дѣло въ томъ, что у пѣвицы обнаружилась страшнѣйшая хрипота. Она визжала, словно немазанное колесо, гнусила и квакала по истинѣ невыносимѣйшимъ образомъ. Вмѣсто великолѣпной пѣвицы, обладавшей дивнымъ серебристымъ голосомъ, пѣлъ, если можно такъ вы-

разиться, жесточайшій простудный насморкъ, а между тѣмъ въ зеркалѣ телефоноскопа она продолжала улыбаться, веселая и торжествующая какъ десять лѣтъ тому назадъ,—въ самомъ разцвѣтѣ своей славы и красоты.

По знаку, поданному Филоксеномъ Лоррисомъ, инженеръ поспѣшилъ остановить исполненіе „Фауста“, помѣстивъ взамѣнъ въ телефоноскопъ исполненіе Аделиной Патти большой аріи изъ „Ламермурской невѣсты“. Уже при появленіи Патти,—этого со-

Простудившіяся фонограммы.

ловья девятнадцатаго столѣтія, ропотъ замолкъ. Впродолженіе цѣлыхъ пяти минутъ любители и любительницы музыки восторженно кричали „браво“ и, откинувшись въ кресла, заранѣе предвкушали ожидавшее ихъ наслажденіе. Дзинъ... дзинъ .. и г-жа Патти начинаетъ исполнять свою арію... Въ толпѣ слушателей пробѣжало движеніе. Всѣ переглядываются, непозволяя себѣ еще, однако, никакихъ замѣчаній... Патти продолжаетъ пѣть... Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что и она, подобно первой пѣвицѣ, жестоко простудилась. Ноты задерживаются

у нея въ горлѣ, или выходятъ оттуда измѣненными самой отчаянной хрипотой. Кажется, будто въ голосовой щели у этого соловья сидитъ не то чтобы одна кошка, а цѣлая стая котовъ, одновременно мяукающихъ на всевозможные лады. Все общество поражено понятнымъ недоумѣніемъ. Изумленные гости начинаютъ переглядываться и перешептываться. Кое-гдѣ въ заднихъ рядахъ слышится даже сдержанный смѣхъ. Тѣмъ временемъ въ зеркалѣ телефоноскопа граціозная и улыбающаяся дива, нимало не смущаясь, продолжаетъ съ визгомъ и хрипомъ исполнять свою арію!

Филоксенъ Лоррисъ, озабоченный мыслями о своемъ крупномъ предпріятіи, не сразу обратилъ вниманіе на несчастную случайность съ Аделиной Патти. Недовольный ропотъ гостей указалъ ему, однако, что съ концертомъ у него обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Онъ приказалъ тогда перейти къ третьему нумеру программы, гдѣ исполнителемъ являлся пѣвецъ прошлаго столѣтія Форъ.

Съ первыхъ же нотъ выяснилось, что этотъ несчастливецъ страдаетъ въ такой же степени простудой, какъ Патти и звѣзда Іокагамской оперы. Что бы это могло значить? На всякій случай рѣшено было перейти отъ пѣнія къ декламаціи. Оказалось, однако, что Муне-Сюлли, одинъ изъ знаменитѣйшихъ трагическихъ артистовъ минувшаго столѣтія, выступившій въ монологѣ Гамлета, былъ совсѣмъ безъ голоса. Не было также ни малѣйшей возможности разслышать Кокелена младшаго, въ одной изъ самыхъ забавныхъ сценъ его репертуара. Тоже самое приключилось и со всѣми остальными артистами. Странно! Что бы могла значить такая шутка?

Ужъ не мистификація-ли это?

Взбѣшенный до-нельзя Филоксенъ Лоррисъ приказалъ остановить телефоноскопъ, и самъ отправился розыскивать сына.

Жоржъ и Эстелла съ своей стороны всюду искали Сюльфатена. Филоксенъ Лоррисъ встрѣтился съ ними въ маленькой проходной комнатѣ.

— На васъ была возложена музыкальная часть программы. Потрудитесь же объяснить мнѣ, что все это значитъ?—спросилъ онъ.—Я открылъ вамъ неограниченный кредитъ, разсчитывая слушать превосходнѣйшихъ современныхъ и прежнихъ

артистовъ, а вы угощаете меня все, какъ на подборъ, охрипшими и осипшими безголосыми пѣвцами и пѣвицами.

— Положительно не понимаю, какъ это могло случиться,—сказалъ Жоржъ.—Мы, само собою разумѣется, купили превосходнѣйшія клише. Очевидно, съ ними случился какой-то необычайный, неслыханный казусъ!..

— Мнѣ это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что я, признаться, позволила себѣ испробовать многія клише на телефоноскопѣ г-жи Лоррисъ,—замѣтила Эстелла.—Исполненіе оказалось великолѣпнымъ. Не было ни малѣйшихъ слѣдовъ охриплости...

— Вы пробовали клише Аделины Патти?

— Должна сознаться, что пробовала.

— И не замѣтили у нея насморка?

— Вся пьеса была дивно хороша!.. Я передала клише г. Сюльфатену, котораго теперь ищу, чтобы спросить у него...

Жоржъ, который во время этого объясненія вошелъ въ кабинетъ Сюльфатена, поспѣшно вернулся оттуда съ нѣсколькими клише въ рукахъ.

— Ну-съ, я нашелъ теперь разгадку тайны! Сюльфатенъ оставилъ ночью наши музыкальныя фонограммы у себя на верандѣ, чуть что не подъ открытымъ небомъ... Нѣкоторыя изъ нихъ лежали тамъ до сихъ поръ. Ночь была холодная, и всѣ наши фонограммы простудились, или, правильнѣе говоря, отсырѣли. Наши клише теперь никуда не годятся.

— Что за животное этотъ Сюльфатенъ! Вѣдь надо же ему было испортить мнѣ весь концертъ! Это идіотство, да и только. Весь мой вечеръ теперь не удастся! Это выходитъ просто курамъ на смѣхъ. Вся печать начнетъ надъ нами издѣваться. Фирма Филоксена Лорриса нажила себѣ немало враговъ, и они не упустятъ случая поднять меня на зубокъ... Что теперь дѣлать?

— Не смѣю...—робко начала Эстелла и остановилась.

— Что тутъ стѣсняться! Говорите скорѣе!

— Видите-ли въ чемъ дѣло. Г-нъ Жоржъ купилъ мнѣ въ подарокъ дубликаты нѣкоторыхъ изъ лучшихъ пьесъ нашей программы. Я ихъ и пробовала вчера... Угодно, я сбѣгаю за ними? Они не побывали въ рукахъ у г. Сюльфатена и, безъ сомнѣнія, остались вполнѣ безукоризненными ..

— Бѣгите, милочка, поскорѣе бѣгите!.. Вы мнѣ спасаете жизнь!—воскликнулъ Филоксенъ Лоррисъ.—О музыка! до какой степени былъ я правъ, относясь съ недовѣріемъ къ притязательному твоему шуму и нелѣпому грохоту! Кажется, что теперь я скорѣе позволю содрать съ себя живьемъ кожу, чѣмъ соглашусь хоть разъ еще дать концертъ!

Немедленно вернувшись въ большой свой концертный залъ, онъ извинился передъ гостями, сваливая вину на ошибку младшаго сторожа своей лабораторіи. Вслѣдъ затѣмъ, когда Эстелла принесла собственныя свои клише, Филоксенъ просилъ ее самоё заняться передачей ихъ по телефоноскопу.

Эстелла была совершенно права. Клише оказались великолѣпными. Патти заливалась соловьемъ, у Фора не обнаруживалось ни малѣйшаго слѣда простуды, пѣвицы исполняли самыми дивными голосами чудныя творенія величайшихъ композиторовъ. Съ каждымъ появленіемъ въ телефоноскопѣ какой-нибудь знаменитой дивы, или извѣстнаго тенора, трепетъ удовольствія пробѣгалъ по рядамъ гостей, а дамы чуть что не падали въ обморокъ тутъ же въ креслахъ!

Еще разъ, значитъ, Сюльфатенъ оказался виновнымъ въ разсѣянности, чего съ нимъ передъ тѣмъ никогда не случалось. Надо признаться, что секретарь Филоксена Лорриса для человѣка новаго,—небывалаго еще до сихъ поръ образца,—свободнаго отъ всѣхъ несовершенствъ, переданныхъ намъ по наслѣдству поврежденными нашими предками,—становился изъ рукъ вонъ плохъ. Оказывалось, что прапрапрадѣдъ Жоржа,—художникъ, къ которому Филоксенъ питалъ такую ненависть, не производилъ въ мозгахъ у своего прапраправнука ничего подобнаго умопомраченію, нападавшему по временамъ на инженеръ-медика. Надо полагать, что химическая формула, по которой былъ составленъ Сюльфатенъ, все-таки не была вполнѣ безукоризненной. Во всякомъ случаѣ Филоксенъ Лоррисъ былъ положительно внѣ себя и рѣшился сдѣлать своему секретарю строжайшій выговоръ.

Новооткрытая бацилла здоровья. Борьба ея съ разными микробами.

V.

Глава мужской партіи депутатъ Арсенъ Мареттъ.—Лига эмансипаціи мужчины.—Опять Сюльфатенъ!—Арсенъ Мареттъ размышляетъ о своемъ большомъ сочиненіи.

Въ числѣ наиболѣе выдающихся представителей политики, финансовъ и науки, которыхъ Филоксенъ Лоррисъ разсчитывалъ заинтересовать своею идеей, особенно важно было для него заручиться содѣйствіемъ человѣка, являвшагося по своему вліянію и общественному положенію въ данную минуту всемогущимъ. Это былъ депутатъ Арсенъ Мареттъ, создававшій и ниспровергавшій министерства, — истинный вождь палаты депутатовъ и глава мужской партіи, организовавшій грозную оппозицію противъ женской партіи. Со времени фактическаго признанія за женщиной политическихъ правъ, Арсенъ Мареттъ старается поставить преграду чрезмѣрнымъ притязаніямъ, предъявляемымъ женщинами, и воздвигнуть оплотъ противъ женскихъ захва-

товъ. Съ этою цѣлью онъ недавно основалъ лигу эмансипаціи мужчины.

Эта попытка, въ которой, сказать по правдѣ, предстояла самая неотложная надобность, вызвала въ палатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно рѣзкій запросъ со стороны дѣвицы Мюшъ, депутатки Клиньянкурскаго квартала. Запросъ ея былъ поддержанъ самыми выдающимися ораторшами женской партіи, а также, увы,—нѣсколькими депутатами-мужчинами,—перебѣжчиками, имѣвшими постыдную слабость измѣнить благородному дѣлу мужчины.

Арсенъ Мареттъ

Арсенъ Мареттъ готовился заранѣе ко всему этому, а потому не былъ захваченъ врасплохъ. Онъ не побоялся встрѣтить лицомъ къ лицу обрушившуюся на него грозу. Въ бурномъ засѣданіи, подобнаго которому не видали у насъ со времени великихъ дней послѣдней революціи, онъ четыре раза всходилъ на трибуну, среди оглушающаго концерта бѣшеныхъ женскихъ криковъ и воплей. Несмотря на нѣсколько паръ пощечинъ и нѣсколько десятковъ царапинъ, оставленныхъ на его лицѣ наиболѣе озлобленными депутатками, ему удалось добиться большинствомъ 350 голосовъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, одо-

брявшаго строгій нейтралитетъ правительства по вопросу объ организаціи мужской лиги.

Великій ораторъ вышелъ изъ этой борьбы болѣе могущественнымъ чѣмъ когда либо. Съ тѣхъ поръ выяснилось, что, какъ въ палатѣ, такъ и вообще во Франціи, нельзя сдѣлать безъ его вѣдома и согласія ничего серьезнаго.

Отъ сочувствія, или по меньшей мѣрѣ нейтралитета Арсена Маретта зависѣлъ успѣхъ обоихъ крупныхъ предпріятій Филоксена Лорриса:—установленія монополіи великаго національнаго лекарства и затѣмъ, въ pendant къ этому, — переходъ къ системѣ міазматической войны,—полное преобразованіе всего государственнаго вооруженія Франціи въ отношеніи какъ личнаго состава арміи, такъ и матеріальной ея части, преимущественноже расширенія организаціи боевыхъ медицинскихъ корпусовъ.

Женская партія въ палатѣ депутатовъ.

Филоксенъ Лоррисъ убѣжденъ, что въ концѣ концовъ идея его непремѣнно восторжествуетъ, но чтобы избѣжать лишней траты времени, ему необходимо безотлагательно заручиться одобреніемъ Арсена Маретта. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что ученый всячески ухаживалъ за этимъ государственнымъ дѣятелемъ. Замѣтивъ, что Мареттъ въ достаточной степени уже насладился музыкой и начинаетъ засыпать, убаюкиваемый противъ воли оперными аріями, которыми угощалъ телефоноскопъ, Филоксенъ Лоррисъ увелъ депутата въ небольшую особую залу, гдѣ можно было серьезно съ нимъ поговорить, пока большинство посѣтителей продолжало еще забавляться мелочами и пустячками художественнаго отдѣла программы.

— Любопытство мое до крайности возбуждено, любезнѣйшій профессоръ,—сказалъ депутатъ.—Я невольно задаю себѣ вопросъ: въ чемъ именно могутъ заключаться научныя тайны,

которыя вы обѣщаете теперь разоблачить? По слухамъ, вы собираетесь произвести опять въ наукѣ радикальнѣйшій переворотъ...

— Я дѣйствительно разсчитываю представить коротенькій докладъ о нѣсколькихъ новыхъ научныхъ фактахъ и теоріяхъ. Разумѣется, все это будетъ общепонятно изложено и подтверждено практическими опытами... Дѣло въ томъ, однако, что открытые мною новые факты и теоріи до такой степени вторгаются въ область общественной и государственной жизни, что я, признаться, радъ случаю переговорить о нихъ здѣсь съ вами передъ докладомъ. Мнѣ было бы до чрезвычайности лестно заручиться одобреніемъ такого государственнаго дѣятеля, какъ вы, милостивый государь!..

— Вы говорите, что ваши новыя открытія имѣютъ гуманитарный и политическій характеръ?

— Вы сами будете немедленно имѣть возможность отвѣтить на этотъ вопросъ. Для этого прежде всего соблаговолите взглянуть туда,—въ правую сторону отъ васъ!

— На эту систему сложныхъ приборовъ?

— Да. Въ самой серединѣ ретортъ, разнообразныхъ согнутыхъ трубокъ, трубочекъ, мѣдныхъ колбъ, перегонныхъ кубовъ и т. п. вы видите нѣчто вродѣ резервуара, къ которому сходится все?..

— Да, вижу,—подтвердилъ Мареттъ, вставая съ намѣреніемъ коснуться пальцемъ до указаннаго ему резервуара.

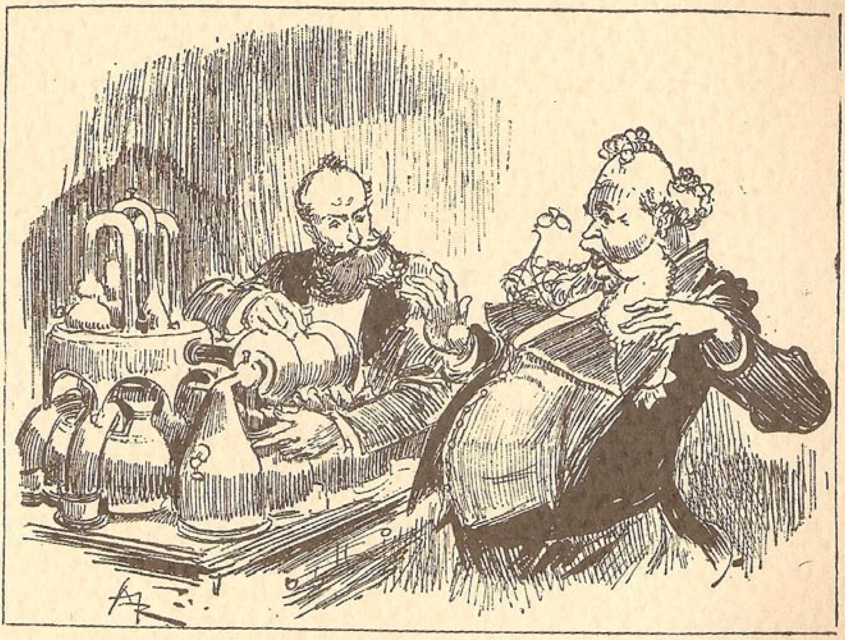
— Совѣтую вамъ лучше до него не дотрогиваться,—спокойно и хладнокровно замѣтилъ Филоксенъ Лоррисъ.—Въ резервуарѣ этомъ содержится теперь достаточное количество болѣзнетворныхъ ферментовъ для того, чтобъ заразить сразу все на двадцать верстъ кругомъ.

Арсенъ Мареттъ поспѣшно отскочилъ подальше отъ резервуара съ міазмами.

— Если бы дамы и господа, слушающіе теперь съ такимъ увлеченіемъ нашъ телеконцертъ, могли подозрѣвать, что достаточно чьей нибудь легкой неосторожности, дабы вызвать здѣсь совершенно неожиданно взрывъ самой страшной эпидеміи, то они наврядъ ли стали бы слѣдить съ такимъ вниманіемъ за руладами пѣвицъ! Поэтому до поры до времени мы ничего имъ не скажемъ... Между тѣмъ здѣсь, въ

этомъ приборѣ заключаются очень интересные міазмы, которые съ помощью соотвѣтственной культуры, а также путемъ сочетанія, смѣшенія и сліянія доведены до высшей степени заразительности и сгущены особыми способами для цѣлей, о которыхъ вы вскорѣ узнаете... Теперь, любезный другъ, соблаговолите взглянуть налѣво...

— Но эти аппараты, такіе же сложные, какъ и на правой сторонѣ?

Здѣсь хватитъ міазмовъ, чтобъ заразить все на двадцать верстъ кругомъ.

— Да, вы видите здѣсь группу перегонныхъ кубовъ, холодильниковъ, колбъ и трубокъ.

— Съ резервуаромъ посрединѣ.

— Совершенно вѣрно. Вотъ этотъ-то резервуаръ...

— Онъ можетъ быть еще опаснѣе резервуара на правой сторонѣ?

— На этотъ разъ вы ошибаетесь, милѣйшій депутатъ! Направо отъ насъ болѣзни, составляющія какъ бы арсеналъ для наступательной войны. Тамъ—самые ядовитые міазмы, которые тотчасъ же по объявленіи войны я, въ интересахъ отечественной обороны, готовъ выпустить на непріятеля. Налѣво отъ насъ—здо-

ровье. Тутъ мы имѣемъ арсеналъ чисто уже оборонительный. Въ немъ запасено благодѣтельное лекарство,—ограждающее отъ болѣзней,—исправляющее поврежденія въ нашемъ организмѣ и возстановляющее трату силъ, вызываемую у насъ всѣхъ чрезмѣрнымъ переутомленіемъ отъ электрической жизни, немилосердно крутящей насъ въ своемъ вихрѣ.

— Лѣвая сторона, признаться, нравится мнѣ болѣе правой!—замѣтилъ улыбаясь Арсенъ Мареттъ.

— Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какъ жалуются теперь всѣ на то, что тѣло наше изнашивается столь быстро въ вихрѣ нынѣшней электрической жизни. Мы всѣ нетвердо держимся на ногахъ.

— Увы!

— Мускулы у насъ совсѣмъ атрофировались.

Нѣтъ болѣе аппетита!

— Увы!

— Желудокъ вконецъ испорченъ.

— Увы! и трижды увы! У меня самого онъ совершенно не варитъ.

— Одинъ только мозгъ еще кое-какъ дѣйствуетъ.

— Чортъ возьми, однако! Какъ вы думаете, сколько лѣтъ можно мнѣ дать по наружности?

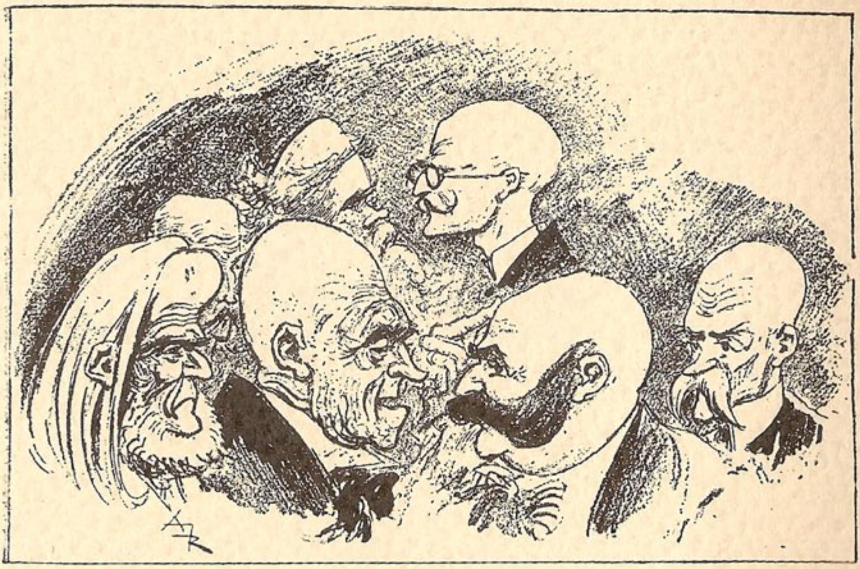
— Примѣрно такъ между семьюдесятью двумя и семьюдесятью восемью, но, я думаю, что вы на самомъ дѣлѣ много моложе.

— Мнѣ идетъ всего лишь пятьдесятъ третій годъ!

— Всѣ мы теперь становимся съ сорокалѣтняго возраста дряхлыми старцами, но успокойтесь! Здѣсь, въ этомъ самомъ резервуарѣ имѣется вѣрное средство исправить вашъ организмъ

такъ, что онъ будетъ дѣйствовать чуть-ли не лучше новаго... Надѣюсь, вы начинаете теперь предчувствовать важное значеніе темы моего доклада? Надо, однако, розыскать прежде всего моего сотрудника Сюльфатена и его паціента, недавно еще страдавшаго крайнею степенью переутомленія. Вы всѣ знали этого господина и, смѣю увѣрить, очень удивитесь, увидѣвъ его теперь. Позвольте мнѣ привести его сюда...

Сюльфатенъ исчезъ куда-то съ самаго начала концерта. Филоксенъ Лоррисъ, котораго вовсе не интересовали безцѣльная трескотня и шумъ музыки, не нашелъ въ этомъ ничего предосудитель-

Мы всѣ въ сорокъ лѣтъ становимся уже стариками.

наго. Безъ сомнѣнія, его секретарь предпочелъ бесѣдовать гдѣнибудь въ уголку съ людьми болѣе серьезнаго пошиба, чѣмъ заурядные меломаны. Дѣйствительно, въ сосѣднихъ гостиныхъ, группы, состоявшія преимущественно изъ французскихъ и заграничныхъ научныхъ знаменитостей, занимались интересными разсужденіями о различныхъ болѣе или менѣе важныхъ матеріяхъ въ ожиданіи начала научнаго отдѣла программы. Сюльфатена, однако, съ ними не было.

Куда онъ въ самомъ дѣлѣ запропастился? Ужь не поднялся ли онъ на верхнюю платформу подышать свѣжимъ воздухомъ? Филоксенъ Лоррисъ навелъ необходимыя справки, но,

какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что старшій его секретарь и не думалъ восхищаться созерцаніемъ дивнаго электрическаго освѣщенія, устроеннаго надъ крышей дома и бросавшаго яркіе снопы свѣта въ неизмѣримую глубь ночного неба, значительно выше искусственнаго звѣзднаго вѣнца изъ многихъ тысячъ маяковъ, украшавшихъ ночью чело Парижа.

— Ага, понимаю!— сказалъ Филоксенъ Лоррисъ, ударивъ себя по лбу. — Удивительно, какъ это я не догадался сразу! Сюльфатену выпалъ свободный часокъ, и достойный мой другъ, вмѣсто того, чтобы томиться непроходимой скукой на этомъ глупѣйшемъ концертѣ, отправился къ себѣ работать...

Флигель, въ которомъ находилась особая лабораторія Сюльфатена, оставался запертымъ для посѣтителей. Туда вынесли изъ парадныхъ комнатъ всѣ наиболѣе громоздкіе приборы, присутствіе которыхъ могло бы мѣшать гостямъ. Филоксенъ Лоррисъ поспѣшно направился въ этотъ флигель и постучалъ у дверей лабораторіи, думая, что Сюльфатенъ заперся тамъ, вѣроятно, на ключъ. Не получая отвѣта, онъ машинально нажалъ пальцемъ кнопку, и дверь, оказавшаяся незамкнутою, растворилась безъ всякаго шума.

Среди массы нагроможденныхъ приборовъ Филоксенъ Лоррисъ сперва было не замѣтилъ своего сотрудника. За то онъ услышалъ, къ немалому своему изумленію, женскій голосъ, въ которомъ звучало величайшее раздраженіе. Затѣмъ раздался негодующій сердитый голосъ Сюльфатена.

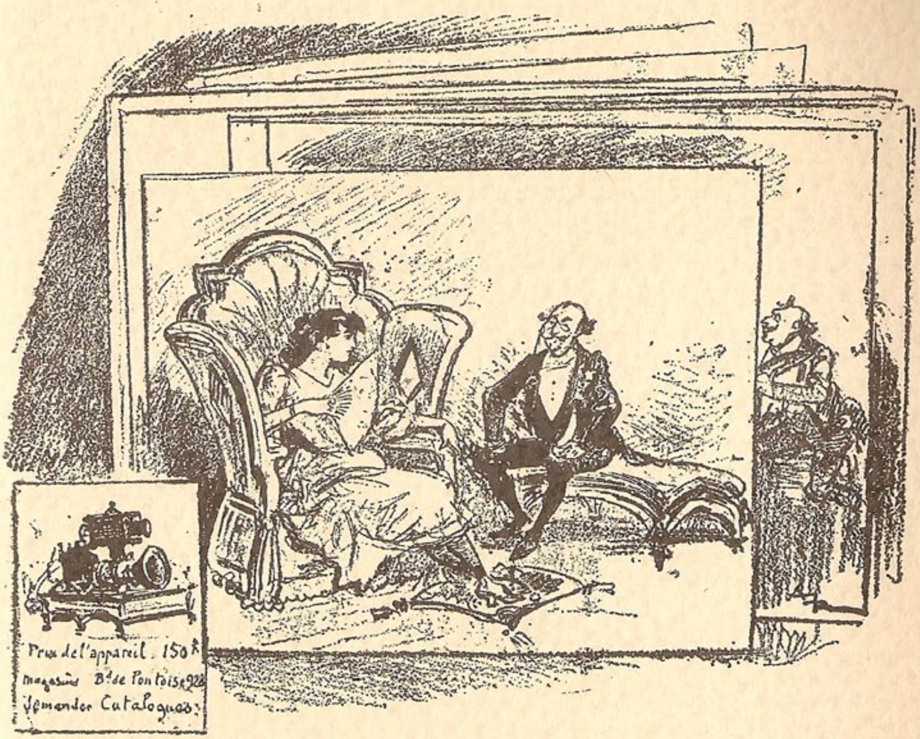
— Кого это мой Сюльфатенъ распекаетъ подобнымъ образомъ?—подумалъ изумленный Филоксенъ Лоррисъ, остановившись въ дверяхъ и не зная, слѣдуетъ ли ему войти, или, напротивъ того, удалиться. Его одновременно мучило любопытство и опасеніе оказаться нескромнымъ.

— Прежде всего, сударь мой, — говорилъ женскій голосъ, — я должна сказать, что вы начинаете мнѣ надоѣдать ежеминутнымъ вызываніемъ къ телефоноскопу. Довольно уже и того, что вы каждый день навѣщаете меня лично! Я и за это время могу досыта насмотрѣться на вашу хмурую... физіономію ученаго! Къ тому же и разговоры съ вами выходятъ ничуть не интересные!.. Мнѣ они положительно надоѣли!

— Вѣрю, что я не похожъ на идіотовъ, которые шныряютъ около васъ тамъ въ Мольеровскомъ дворцѣ!—возразилъ

Сюльфатенъ,—но теперь, сударыня, рѣчь не о томъ! Не увертывайтесь отъ объясненія!.. Извольте сейчасъ же сказать мнѣ, кто такой этотъ господинъ, который только что отъ васъ улизнулъ!.. Я непремѣнно хочу знать, кто онъ такой!..

— Поймите, что мнѣ надоѣли сцены, которыя вы постоянно дѣлаете! Мнѣ, наконецъ, наскучилъ строгій надзоръ, который вы изволите учреждать надо мной съ помощью фонографовъ и разныхъ другихъ гадостей. Поймите, что вы меня

Домашній фотофонографическій надзоръ.

оскорбляете всѣми этими машинами, записывающими мои слова и поступки! Я не хочу болѣе выносить такого обращенія съ собой!.. Надо мной смѣются рѣшительно всѣ въ театрѣ!

— Смѣю увѣрить, сударыня, что мнѣ вовсе не до смѣху.

— Я не могу сдѣлать у себя дома шага,—кого нибудь принять,—бесѣдовать съ пріятелями—безъ того, чтобъ тайно установленные аппараты не сняли фотографическихъ и фонографическихъ клише со всего, что я говорю и дѣлаю!.. Получивъ

эти клише и выслушавъ отъ фоношпіоновъ все, что у меня говорится, вы начинаете дуться, или выкидываете настоящій скандалъ. Мнѣ это надоѣло!..

— Спрашиваю еще разъ, кто такой былъ этотъ господинъ?

— Мозольный операторъ... нотаріусъ... сапожникъ... дѣдушка... племянникъ... парикмахеръ, однимъ словомъ, кто вамъ угодно!—скороговоркой продекламировалъ женскій голосъ.

— Не смѣйтесь же надо мной... Умоляю васъ, Сильвія, дорогая моя Сильвія! Вспомните!..

Подходя на цыпочкахъ, Филоксенъ Лоррисъ увидѣлъ, наконецъ, Сюльфатена, кричавшаго и жестикулировавшаго наединѣ передъ большимъ зеркаломъ телефоноскопа, отражавшимъ образъ дамы, столь же возбужденной и взволнованной, какъ и самъ инженеръ-медикъ. Это была рослая полненькая брюнетка, въ которой ученый узналъ звѣзду Мольеровскаго дворца, трагическую актрису-медіума Сильвію. Ему случалось видѣть ее въ нѣсколькихъ классическихъ роляхъ.

— Однако-же дѣло плохо!—подумалъ Филоксенъ Лоррисъ.— Мнѣ говорили, значитъ, правду. Сюльфатенъ начинаетъ пошаливать! Кто бы могъ этому повѣрить?

Сюльфатенъ, очевидно, на этотъ разъ не выдержалъ характера. Голосъ его все болѣе смягчался.

Вмѣсто гнѣва въ словахъ его звучалъ только оттѣнокъ упрека.

— Я вѣдь васъ прошу лишь объяснить мнѣ... Ахъ, Господи, вѣдь вы должны были бы понять это сами... Сильвія, припомните хоть то, что вы мнѣ говорили еще недавно... то, въ чемъ вы мнѣ клялись!..

Брюнетка въ зеркалѣ телефоноскопа нервно разсмѣялась.

— Чтобъ кончить разъ навсегда съ вашими сценами ревности, объявляю вамъ, милостивый государь, что всѣ клятвы съ моей стороны были, какъ говорится у насъ,—театральныя. Онѣ въ счетъ нейдутъ!..

— Нейдутъ?—бѣшено взревѣлъ Сюльфатенъ.—Ахъ ты, негодница!..

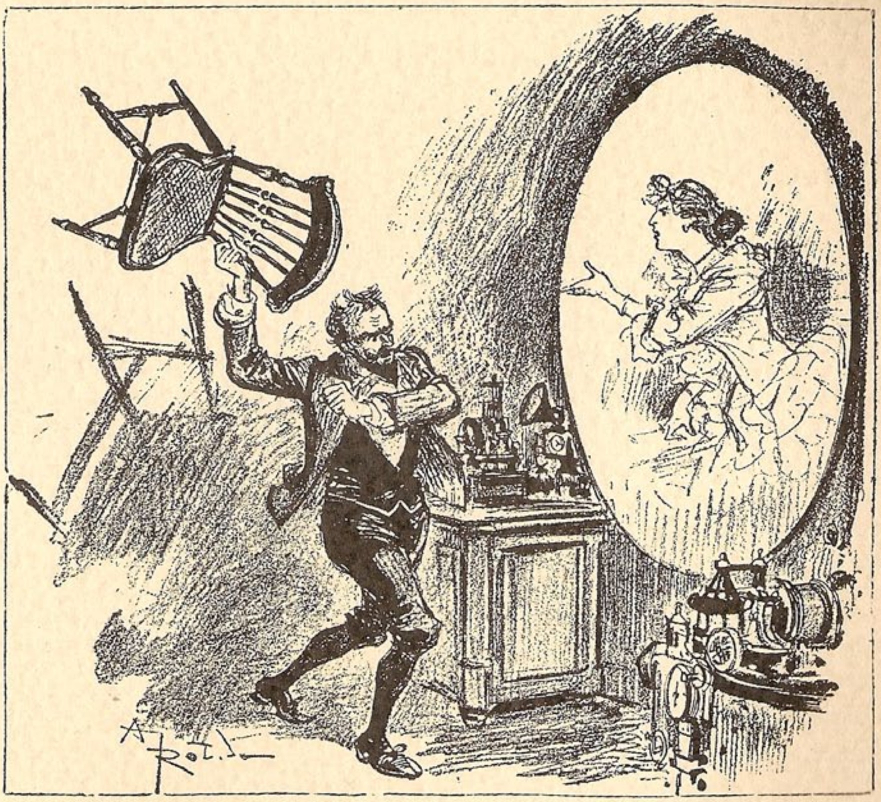
Трескъ и дребезжанье разбитаго стекла заставили Филоксена Лорриса устремиться впередъ. Образъ Сильвіи исчезъ, такъ какъ зеркальная пластинка телефоноскопа разлетѣлась

въ дребезги. Сюльфатенъ, пустившій стуломъ въ телефоноскопъ, попиралъ теперь ногами обломки инструмента.

— Ахъ ты негодная, ахъ подлая!.. Клятвы твои въ счетъ нейдутъ, такъ на-же! Вотъ тебѣ, вотъ!...

Филоксенъ Лоррисъ бросился къ своему сотруднику.

— Что вы дѣлаете, Сюльфатенъ? — Я краснѣю за васъ, стыдитесь!..

Сюльфатенъ пустилъ стуломъ въ зеркало телефоноскопа.

Сюльфатенъ внезапно остановился. Черты его лица, искаженныя бѣшенствомъ, смягчились и приняли обычное выраженіе.

Бросивъ на своего патрона слегка сконфуженный взглядъ, онъ замѣтилъ:

— Какая неловкость съ моей стороны! Вотъ до чего, подумаешь, можетъ дойти человѣкъ въ припадкѣ зубной боли... Придется, пожалуй, зайти къ дантисту...

— Вы, сударь, ведете себя такъ, какъ еслибъ находились въ состояніи невмѣняемости. Не довольствуясь тѣмъ, что оставили на ночь мои музыкальныя фонограммы у себя на балконѣ, гдѣ онѣ испортились отъ сырости, вы теперь ломаете и бьете ни въ чемъ неповинные физическіе приборы... Нечего сказать, вы обѣщаете далеко пойти!.. Впрочемъ, теперь дѣло не въ томъ, другъ мой! Постарайтесь собраться съ духомъ. Надо обезпечить успѣхъ нашей крупной операціи... Гдѣ Адріенъ Ла-Героньеръ?

— Право не знаю,—пролепеталъ Сюльфатенъ, проводя рукою по лбу.—Я давненько ужь его не видалъ.

— Но вѣдь его присутствіе необходимо!—вскричалъ Филоксенъ Лоррисъ.—Онъ нуженъ намъ, чтобъ доказать могущество нашего національнаго и патріотическаго лекарства. Хороши, нечего сказать, у меня помощники! Наказаніе Господне, да и только! Надо-же было, чтобы изъ моего сына вышелъ сантиментальный болванъ, изъ котораго самъ чортъ не выработаетъ порядочнаго ученаго!.. Я отказался отъ всякой надежды добыть изъ его мозговъ хотя какую-нибудь искру генія... Теперь оказывается, что и вы, Сюльфатенъ,—вы, котораго я считалъ вторымъ самимъ собою,—занимаетесь тоже глупостями! Извольте сейчасъ-же сказать, куда вы дѣвали Ла-Героньера? Что вы сдѣлали съ вашимъ бывшимъ больнымъ?

— Я сейчасъ наведу справки и все разузнаю...

— Поторопитесь-же и возвращайтесь съ нимъ скорѣе въ мой кабинетъ... Тамъ ждетъ насъ Арсенъ Мареттъ... Пожалуйста только поскорѣе! Музыкальный отдѣлъ уже оканчивается. Надо будетъ сказать Жоржу, чтобъ онъ добавилъ еще нѣсколько пьесъ.

Пока Филоксенъ Лоррисъ розыскивалъ Сюльфатена и затѣмъ присутствовалъ при сценѣ, закончившейся столь трагически для телефоноскопа, Арсенъ Мареттъ, оставшись наединѣ въ мягкомъ креслѣ, впалъ съ состояніе легкой дремоты. Ничего удивительнаго въ этомъ не было, потому что знаменитый государственный дѣятель, которому пришлось впродолженіе парламентскихъ вакацій усердно работать, сильно усталъ. Большихъ хлопотъ стоило ему, во первыхъ, фонографическое изданіе его рѣчей, такъ какъ пришлось пересмотрѣть одну за другой всѣ оригинальныя фонограммы, чтобъ измѣнить кое-гдѣ интона-

цію голоса, или даже исправить оборотъ рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мареттъ работалъ надъ большимъ сочиненіемъ, начатымъ уже много лѣтъ тому назадъ. Сочиненіе это требовало отъ автора громадной начитанности, несмѣтнаго множества историческихъ изысканій и свѣрки съ документами. Весь полученный такимъ путемъ сырой матеріалъ надлежало проплавить въ горнилѣ самаго интенсивнаго философскаго мышленія, чтобъ получить въ окончательномъ результатѣ строго обдуманное гармоническое цѣлое.

Это сочиненіе, долженствовавшее представлять величайшій интересъ для всѣхъ и каждаго и предназначавшееся для Библіотеки соціальныхъ наукъ, носило многообѣщающее великолѣпное заглавіе

ИСТОРІЯ НЕПРІЯТНОСТЕЙ,

ПРИЧИНЕННЫХЪ МУЖЧИНѢ ЖЕНЩИНОЙ,

СЪ ПЕРІОДА КАМЕННАГО ВѢКА И ПО СІЕ ВРЕМЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ НЕИЗМѢНЯЮЩИХСЯ ВО ВРЕМЕНИ ХАРАКТЕРНЫХЪ СВОЙСТВЪ ЖЕНСКАГО ПОЛА,

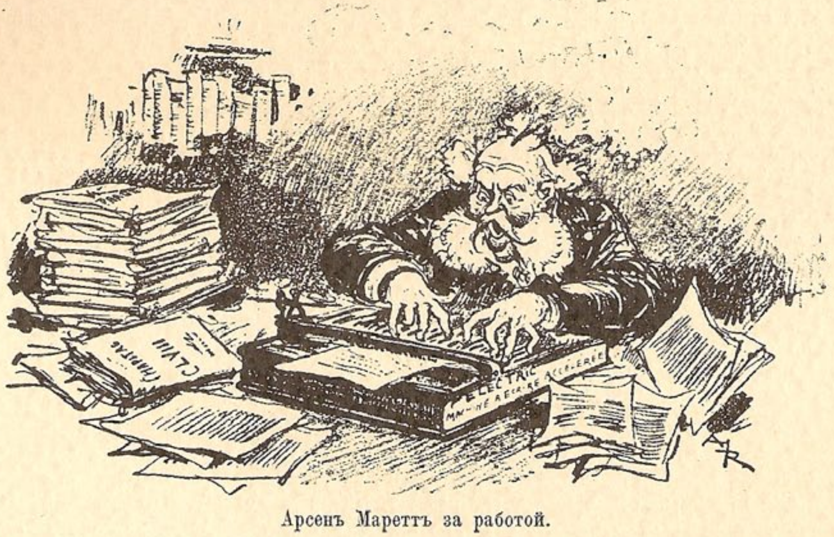
ПОДРАЗДѢЛЕННОЕ НА НѢСКОЛЬКО ЧАСТЕЙ.

Книга I.—*Давнишніе грѣхи женщины и пагубныя ихъ послѣдствія.*
Книга II.—*Лицемѣрная тиранія и деспотизмъ.*
Книга III.—*Повсемѣстное примѣненіе деспотическихъ наклонностей въ частной жизни.*
Книга IV.—*Смутныя времена и дѣйствительныя ихъ причины. Вѣка, ознаменовавшіеся легкомысліемъ и кровожадностью.*
Книга V.—*Царицы міра.*
Книга VI.—*Пагубное возрастаніе женскаго могущества со времени допущенія женщинъ къ общественнымъ должностямъ.*

Можно-ли себѣ представить, спрашивается, тему, болѣе обширную и въ большей степени способную приковать къ себѣ интересъ читателя,—тему, которая возбуждала-бы болѣе существенные вопросы и была-бы тѣснѣе связана съ тѣмъ, что во всѣ времена такъ сильно озабочивало человѣчество? Грандіозный научный трудъ Маретта, берущій мужчину еще въ доисторическій періодъ его существованія и выясняющій намъ болѣзненныя хроническія послѣдствія первыхъ его ошибокъ, перевернетъ, если можно такъ выразиться, вверхъ дномъ всю исторію. Дѣйствительно, Арсенъ Мареттъ замышляетъ создать новую историческую школу,—менѣе сухую,—не столь увлекающуюся политикой, но болѣе реалистическую, чѣмъ нынѣшняя.

Можно заранѣе уже предвидѣть совершенно неожиданныя разоблаченія историческихъ истинъ, долженствующія ниспровергнуть всѣ прежнія наши традиціонныя воззрѣнія. Свѣточъ исторіи выяснитъ наконецъ многія причины, остававшіяся до сихъ поръ невѣдомыми, или-же незамѣченными и выкажетъ народы и племена въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Понятно, что этотъ гигантскій трудъ вызоветъ своимъ появленіемъ самую ожесточенную полемику.

Это не безъизвѣстно и самому автору, но онъ приготовился къ борьбѣ и рѣшился мужественно отстаивать то, что считаетъ правымъ дѣломъ. Уже на основаніи одних только туманныхъ

Арсенъ Мареттъ за работой.

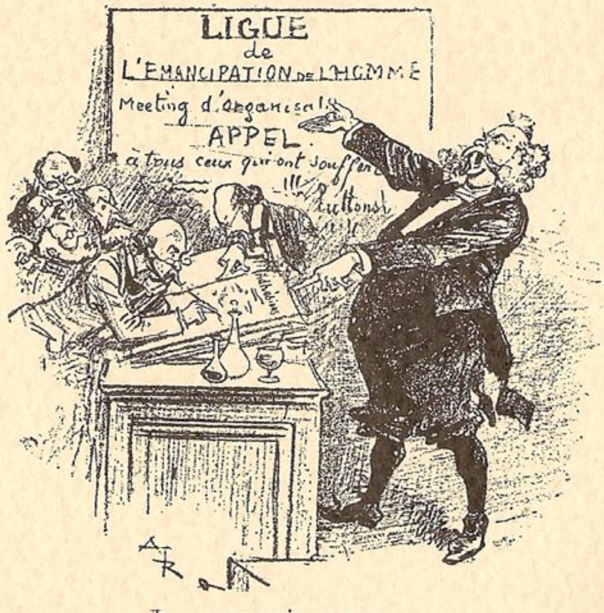
слуховъ женская партія, отличающаяся какъ въ парламентскихъ такъ и внѣпарламентскихъ сферахъ, самой неугомонной суетливостью, обрушивается при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ на Маретта. Онъ въ свою очередь нанесъ уже этой партіи первый серьезный ударъ основаніемъ лиги для эмансипаціи мужчины и поклялся издать наканунѣ будущихъ выборовъ свою „Исторію непріятностей, причиненныхъ мужчинѣ женщиной“.

Не трудно угадать, что самъ Арсенъ Мареттъ несчастный страдалецъ... Увы, глава лиги, отстаивающей права мужчины, былъ злополучною жертвою женщины!..

Въ давно минувшія времена своей молодости Арсенъ Ма-

реттъ былъ женатъ. Назадъ тому тридцать два года у него произошли серьезныя непріятности съ г-жею Мареттъ, легкомысленной и капризной, а по слухамъ,—даже невѣрной женой. Вслѣдствіе этихъ непріятностей и разногласій, г-нъ Мареттъ и его супруга въ одно прекрасное утро, словно сговорившись, покинули супружескій кровъ и разъѣхались каждый въ свою сторону. Г-нъ Мареттъ уѣхалъ направо, а его жена налѣво.

Это послужило началомъ эры сладостнаго спокойствія. Арсенъ Мареттъ воспрянулъ духомъ, вернулся къ дорогимъ его сердцу научнымъ изслѣдованіямъ и сталъ посвящать все

Лига огражденія правъ мужчины.

свое время устной и печатной борьбѣ противъ тираніи въ многоразличныхъ ея формахъ.

Втеченіе нѣкотораго времени супруги встрѣчались иногда въ гостиныхъ,—во время путешествій и на морскихъ купаньяхъ. Обмѣнявшись грозными взглядами, каждый изъ нихъ тогда поспѣшно отворачивался отъ другого. Потомъ г-жа Мареттъ куда-то исчезла, и Арсенъ, къ величайшему своему удовольствію, совершенно потерялъ ее изъ виду.

Откинувшись на спинку широкаго удобнаго кресла, авторъ

„Исторіи непріятностей, причиненныхъ мужчинѣ женщиной", дремлетъ, размышляя объ этомъ твореніи, долженствующемъ увѣнчать его карьеру и воздвигнуть его славу на прочномъ фундаментѣ. Передъ нимъ проходитъ въ волшебной грезѣ вереница выдающихся женщинъ всѣхъ временъ и народовъ,—женщинъ, которыя пагубной своей красотой, или не менѣе пагубнымъ умомъ, столь часто вліяли на ходъ событій и судьбы царствъ,—женщинъ, которыя, по убѣжденія Арсена Маретта, всегда и вездѣ оказывались не только своими недостатками, но даже и достоинствами, въ большей или меньшей степени зловредными для спокойствія народовъ.

Вотъ является передъ нимъ на разсвѣтѣ историческихъ временъ Ева. Безполезно было бы напоминать виновность этой первой женщины передъ человѣчествомъ и всѣ неисчислимыя послѣдствія грѣха, въ который она вовлекла перваго мужчину! Это не мѣшаетъ русоволосой Евѣ предводить съ побѣдоносною улыбкой несмѣтнымъ сонмомъ красавицъ, рождавшихся на пагубу своимъ современникамъ и потомкамъ. Въ числѣ ихъ назовемъ: Семирамиду, Елену Прекрасную, Клеопатру, и множество другихъ царицъ и принцессъ, безжалостно тиранствовавшихъ надъ благодушными вѣнценосными своими супругами. Тутъ были также ревнивыя невѣсты, заливавшія потоками крови владѣнія злополучныхъ мирныхъ государей,—грозныя меровингскія королевы,—гордыя средневѣковыя герцогини, вовлекавшія Францію въ опустошительныя войны и, наконецъ, фаворитки королей, умѣвшія своими интригами или даже просто коварной игрою хорошенькихъ глазокъ, нѣжно оттѣненныхъ длинными рѣсницами, вызывать пагубныя международныя войны!...

Тутъ-же вокругъ этихъ историческихъ фигуръ толпились женщины всѣхъ временъ и народовъ, не игравшія исторической роли. Вынужденныя довольствоваться ограниченной сферой частной жизни,—не имѣя возможности терзать и мучить цѣлые народы, губить и ниспровергать государства,—онѣ должны были удовлетвориться домашней тираніей, доведенной, если можно такъ выразиться, до художественной утонченности...

Эта мелочная тиранія, проявляющаяся на сравнительно ничтожной аренѣ домашняго очага, въ рамкахъ четырехъ стѣнъ квартиры, или даже одной комнаты, хотя и не раскидывается отъ одной границы обширнаго царства до другой, но является,

Греза Арсена Маретта.

быть можетъ, наиболѣе тягостной и невыносимой. Иго ея давитъ неустанно, безъ передышки, несчастную свою жертву...

Злополучный Арсенъ Мареттъ знаетъ это какъ нельзя лучше по собственному опыту.

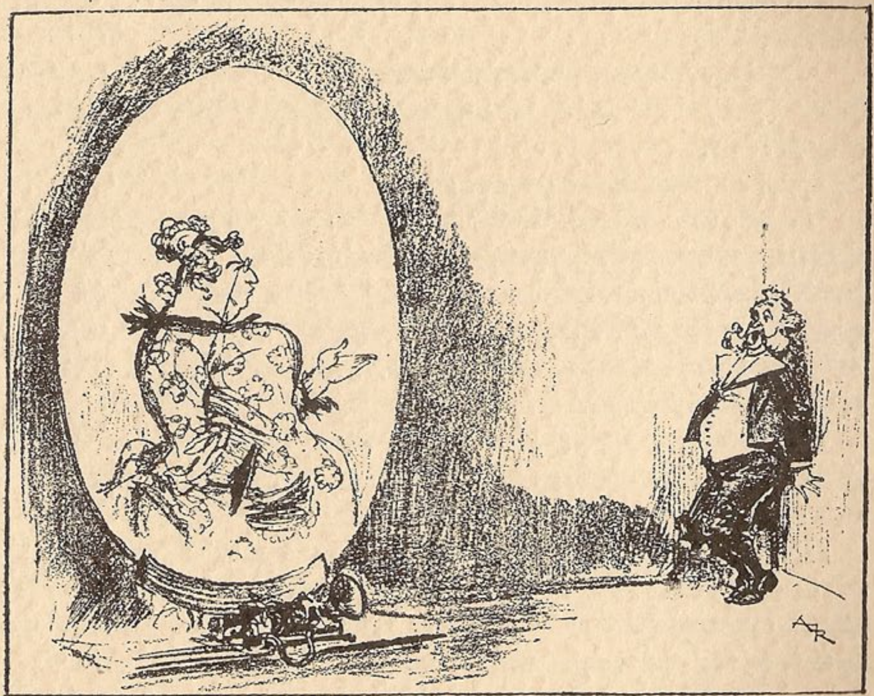
Странно, однако, что всѣ эти образы царицъ, фаворитокъ, вельможныхъ дамъ и простыхъ крестьянокъ, съ Елены Прекрасной до г-жи Помпадуръ включительно, обладаютъ замѣчательнымъ сходствомъ съ г-жею Мареттъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ она была назадъ тому тридцать два года передъ своимъ бѣгствомъ изъ-подъ супружескаго крова и какою постоянно вспоминаетъ ее себѣ обиженный и огорченный супругъ. Оказывается, что даже первая изъ всѣхъ женщинъ, Ева, была все тою-же г-жею Мареттъ—недурненькою блондинкой съ томными глазками. Гордая Семирамида—опять-таки г-жа Мареттъ, безпощадно стремящаяся къ деспотической власти! Фредегонда—разсерженная г-жа Мареттъ, готовая выцарапать глаза мужу, или пустить въ него тарелкой. Маргарита Бургундская,—вылитая г-жа Мареттъ. Марія Стюартъ, обладавшая язычкомъ, острымъ, какъ бритва, и за смертью своихъ мужей досаждавшая имъ Елизаветѣ Англійской—опять-таки оказывалась г-жею Мареттъ, съумѣвшей превратить медовый мѣсяцъ въ уксусный съ помощью словесныхъ обидъ, нанесенныхъ мужу. Даже Екатерина Медичи, обладавшая страшнымъ искусствомъ составлять самые утонченные яды и смертоноснѣйшіе элексиры краткой жизни—опять-таки напоминала г-жу Мареттъ, приказавшую однажды подать гостямъ ея мужа—важнымъ государственнымъ сановникамъ—вино, смѣшанное съ минеральной водою Гуніяди-яносъ!...

Да, всѣ эти женщины, съ первой и до послѣдней, какъ двѣ капли воды, походятъ на грозную г-жу Мареттъ... Всѣ онѣ являются какъ-бы отраженіями роковой неотвязной блондинки, терзавшей Арсена Маретта сперва на яву, а теперь мучающей его во снѣ.

Сливая такимъ образомъ воедино личныя свои, еще болѣзненныя, воспоминанія съ историческими фактами, Арсенъ Мареттъ видитъ, какъ проходятъ передъ нимъ въ строгой послѣдовательности всѣ главы значительно подвинувшагося уже впередъ научнаго его труда, историческій отдѣлъ котораго завершается философскимъ. Логическая цѣпь выводовъ побѣдо-

носно и неопровержимо констатируетъ психологическое явленіе, столь часто уже обращавшее на себя вниманіе мыслителей: женщина всегда остается женщиной, неизмѣнно тождественной всюду и во всѣ времена,—во всѣ вѣка и подъ всѣми климатами, тогда какъ у мужчины обнаруживается величайшее разнообразіе свойствъ, обусловленное вліяніями расы, исторической эпохи и графической обстановки.

Г-нъ Мареттъ чувствуетъ себя совершенно довольнымъ и

Г-жа Мареттъ сообщаетъ мужу о своемъ возвращеніи къ семейному очагу.

счастливымъ, думая о впечатлѣніи, какое не замедлитъ произвести грандіозная его „Исторія непріятностей, причиненныхъ мужчинѣ",—о вѣроятныхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ этого впечатлѣнія и о возможности для мужчинъ оградить, наконецъ, свою самостоятельность, столь дерзновенно попираемую до сихъ поръ женщинами.

Изъ этой историко-философской мечтательной дремоты вызвалъ Арсена Маретта неожиданно раздавшійся звонокъ телефоноскопа,—это безпрерывное дзинъ... дзинъ..., поминутно нарушающее нашъ покой и словно задающееся цѣлью безпрерывно

напоминать, что мы при существующихъ условіяхъ ничто иное, какъ частичка громаднаго электрическаго механизма, — нѣчто вродѣ петельки въ запутанной сѣти, сплетенной изъ многихъ милліоновъ проволокъ.

Привскочивъ въ креслѣ, онъ протянулъ руку и машинально пожалъ кнопку пріемнаго механизма.

— Слушайте: если депутатъ Арсенъ Мареттъ теперь на вечерѣ у г-на Филоксена Лорриса, то его просятъ подойти къ аппарату,— отчетливо сказалъ голосъ телефонистки съ главной станціи.

Оказалось, что вызываютъ какъ разъ самого великаго историка. Сонъ г. Маретта мгновенно разсѣялся. Онъ немедленно-же отвѣтилъ:

— Я здѣсь! Кто говоритъ?

Пластинка телефононоскопа мгновенно освѣтилась и послѣ нѣсколькихъ секундъ неопредѣленнаго мерцанія на ней отразился совершенно явственно образъ дамы, сидѣвшей въ рабочемъ кабинетѣ г-на Маретта, въ холостомъ убѣжищѣ, которымъ онъ обзавелся на холмахъ квартала Монморанси (въ XXXII парижскомъ округѣ). Это была уже пожилая, довольно полная дама, съ характерными чертами лица и очень густыми бровями, раскидывавшимися черной дугой надъ изогнутымъ римскимъ или, лучше сказать, орлинымъ носомъ.

Арсенъ Мареттъ упалъ, словно окаменѣлый, въ кресло. Несмотря на годы и произведенныя ими въ этой женщинѣ перемѣны, онъ тотчасъ-же узналъ ее. Это была она,—вѣчный непримиримый его врагъ, недававшій ему покоя даже во снѣ,— она—г-жа Мареттъ!

Когда-то она была стройной, весело улыбавшейся блондинкой, но тѣмъ не менѣе Арсенъ инстинктивно узнавалъ ее теперь послѣ тридцатидвухлѣтней разлуки въ величественной дородной дамѣ, стоявшей передъ нимъ съ нѣсколько обрюзглымъ, но все еще повелительнымъ видомъ.

— Да-съ, милѣйшій супругъ! Это я,—собственной моей персоной,—заявила она.—Надѣюсь, вы оцѣните мое добродушіе!.. Вы видите, что я, забывая законные поводы къ неудовольствію, которые вы мнѣ подавали, дѣлаю первая шагъ къ примиренію. Я нахожу, что намъ съ вами пора, наконецъ, забыть прежнія мелочныя разногласія!..

„Прежнее“—въ данномъ случаѣ обозначало происходившее тридцать два года тому назадъ. Мысль эта мелькнула у Арсена Маретта, но у него не хватило духу ее высказать.

— Волненіе, въ какое вы пришли, мой другъ, при свиданіи со мной, меня радуетъ. Оно говоритъ въ вашу пользу,— продолжала дама.—Вижу, что вы не совсѣмъ еще меня позабыли!.. Вѣдь я не ошибаюсь?...

— Не ошибаетесь,—едва слышно пролепеталъ Арсенъ.

— Подумаешь, какое долгое недоразумѣніе существовало съ вашей стороны и какъ прискорбно вы заблуждались!... Надѣюсь, впрочемъ, что одиночество васъ исправило?..

Арсенъ тяжело вздохнулъ.

— Очевидно, что вы теперь сознаете сами свою вину, а потому—не будемъ болѣе говорить о прошломъ. Я готова простить вамъ все,—великодушно забываю ваши прегрѣшенія и возвращаюсь на прежнее мѣсто у домашняго очага!... Ахъ, я вполнѣ понимаю сердечное ваше волненіе, но прошу васъ, Арсенъ, старайтесь его побѣдить! Помните, что вы въ гостяхъ на вечерѣ! Кланяйтесь отъ меня Филоксену Лоррису и его супругѣ! До свиданія, мы успѣемъ еще переговорить. Теперь я должна вѣдь кое-какъ устроиться въ вашемъ логовищѣ!...

Телефоноскопическое сообщеніе оказалось прерваннымъ, и г-жа Мареттъ исчезла. Арсенъ Мареттъ лежалъ съ минутку въ креслахъ безъ голоса и почти бездыханный, словно человѣкъ, пораженный громовымъ ударомъ. Оправившись, наконецъ, онъ вздохнулъ, поднялъ голову и сказалъ съ покорностью судьбѣ:

— Принесла-же, вѣдь, ее нелегкая! Тутъ, разумѣется, ничего не подѣлаешь!.. Можетъ быть, впрочемъ, это и къ лучшему. Мой историческій трудъ заканчивался немного вяло. Его заключенія выходили какъ будто блѣдными и слабоватыми. Присутствіе жены не преминетъ меня вдохновить... Она, разумѣется, станетъ меня мучить такъ, что и не приведи Господи. Справедливо говорятъ, однако, что нѣтъ худа безъ добра! Въ „Исторіи непріятностей, причиненныхъ мужчинѣ женщиной съ каменнаго вѣка и по сіе время“ важнѣе всего именно конецъ послѣдней части. Теперь я увѣренъ, что при содѣйствіи г-жи Мареттъ онъ окажется у меня блестящимъ фейерверкомъ громовъ и молній.

Солидныя дѣвицы и дамы.

VI.

Филоксенъ Лоррисъ излагаетъ свои проекты.—Общеобязательное здоровье, доставляемое употребленіемъ національнаго и патріотическаго лекарства.—Новая разсѣянность Сюльфатена.—Резервуаръ съ міазмами.

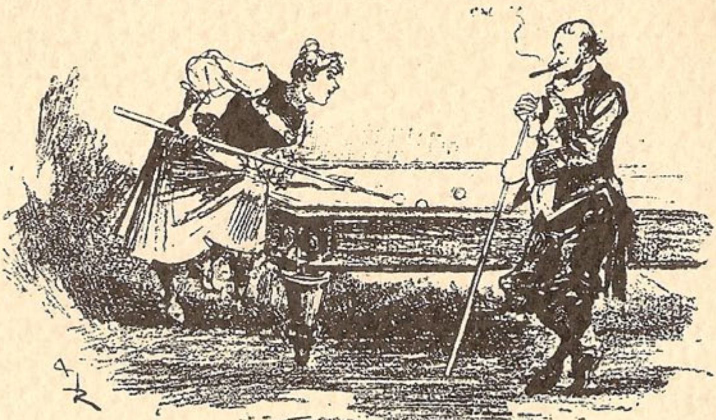
Сюльфатену удалось, наконецъ, розыскать бывшаго своего больного, Адріена Ла-Героньера, съ увлеченіемъ игравшаго въ билліардной залѣ оживленную партію съ прежней своей сидѣлкой, аппетитной толстушкой Гретли. Заставивъ своего паціента прервать эту партію, инженеръ-медикъ вернулся вмѣстѣ съ нимъ къ Филоксену Лоррису, вокругъ котораго успѣлъ уже сгруппироваться кружокъ серьезныхъ людей, неспособныхъ увлекаться такими пустяками, какъ инструментальная и вокальная музыка, хотя-бы даже въ произведеніяхъ наиболѣе выдающихся композиторовъ. Этотъ истинно-философскій кружокъ украшали своимъ присутствіемъ, между прочимъ, дѣвица Бардо, докторъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія и дѣвица Купаръ, сенаторъ Сартскаго департамента. Обѣ онѣ обсуждали съ Филок-

сеномъ Лоррисомъ какой-то спорный, не вполнѣ еще выясненный, отвлеченный научный вопросъ.

— Оставляю тебя съ этими барышнями,—сказалъ потихоньку Филоксенъ Лоррисъ сыну.—Поговори съ ними. Ты убѣдишься, что это образцовыя женщины, умы которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ вѣтренными мельницами... Помни, что ты можешь одуматься. Время пока еще не ушло!.. Ничто не мѣшаетъ тебѣ сдѣлать предложенiе той или другой изъ нихъ. Выбирай любую!

— Благодарю покорно!

Адрiенъ Ла-Героньеръ за послѣднiе нѣсколько мѣсяцевъ

Бывшiй больной и его сидѣлка.

очень измѣнился. Благодаря знаменитому нацiональному и патрiотическому лекарству, дѣйствiе котораго, по распоряженiю Филоксена Лорриса, испробовалъ надъ нимъ инженеръ-медикъ Сюльфатенъ, процесъ возстановленiя надорваннаго его организма подвинулся замѣчательно быстро. Адрiенъ, дошедшiй было до послѣдней степени физической немощи и умственнаго отупѣнiя, вернулъ уже себѣ, по крайней мѣрѣ, судя по наружности, прежнее здоровье и энергiю. Жизненная сила, почти совершенно изсякшая передъ тѣмъ, опять била могучей струею въ обновленномъ его организмѣ.

Пролежавъ нѣсколько времени, словно недоносокъ, въ изобрѣтенномъ Сюльфатеномъ согрѣвающемъ аппаратѣ и перенесенный оттуда въ кресло на колесахъ, гдѣ пробылъ еще съ

мѣсяцъ, изображая изъ себя нѣчто вродѣ сломанной куклы или несчастливца, разбитаго параличемъ, Адріенъ Ла-Героньеръ превратился опять въ настоящаго человѣка. Онъ ходилъ, думалъ и дѣйствовалъ, какъ подобаетъ гражданину, находящемуся въ здравомъ умѣ и полной памяти и въ тоже время пользующемуся вожделѣннымъ тѣлеснымъ здоровьемъ.

Филоксену Лоррису хотѣлось, чтобъ г-нъ Мареттъ и прочіе гости полюбовались этимъ дѣйствительно необыкновеннымъ результатомъ. Великій ученый намѣревался показать имъ образчикъ дивнаго исправленія человѣческой развалины, которую всѣ считали пришедшей въ полнѣйшую негодность. Однако-же Адріенъ Ла-Героньеръ, у котораго вмѣстѣ съ тѣмъ съ пробужденіемъ умственныхъ силъ воскресли также и прежнія замѣчательныя коммерческія способности, вступилъ въ горячее препирательство съ Сюльфатеномъ.

— Я совершенно вылечился, любезнѣйшій,—это рѣшено и подписано, а потому соглашаюсь немедленно уничтожить наше условіе, уплативъ громадныя суммы, вытребованныя у меня въ то время, когда я не пользовался всѣми способностями и былъ не въ состояніи оспаривать предложенныхъ мнѣ условій. Взамѣнъ этого, однако, я считаю себя вправѣ требовать, въ качествѣ вознагражденія, извѣстной доли въ барышахъ съ вашего національнаго патріотическаго лекарства!..

— Это не входитъ въ мои разсчеты,—возразилъ Сюльфатенъ.—Договоръ нашъ остается въ силѣ. Я не соглашаюсь его уничтожить, и вы будете мнѣ уплачивать ежегодныя преміи въ условленные сроки!.. Къ тому-же, любезнѣйшій, вы ошибаетесь, думая, что совершенно выздоровѣли. Починка у васъ произведена лишь поверхностно и только на время, такъ что васъ придется еще лечить...

— Однако-же, если я потребую уничтоженія контракта?

— Въ такомъ случаѣ вы должны будете разомъ уплатить всѣ преміи и неустойку!..

— Въ такомъ случаѣ я, не нарушая условія, подамъ на васъ въ судъ. Я буду жаловаться, что вы пробовали на мнѣ лекарства, въ благодѣтельномъ дѣйствіи которыхъ не могли быть увѣрены...

— Да вѣдь эти лекарства поставили васъ на ноги!..

— Слѣдовало ихъ пробовать не на мнѣ, а на другихъ...

Короче сказать, я служилъ для васъ объектомъ для производства опытовъ, а вы, вмѣсто того, чтобъ платить мнѣ за это, брали еще съ меня деньги. Мнѣ это кажется противузаконнымъ, и я непремѣнно буду съ вами судиться! Я вѣдь не какой нибудь таинственный незнакомецъ, попавшійся къ вамъ съ вѣтра, а паціентъ, извѣстный всему Парижу,—всей Франціи! Вы пользуетесь моей извѣстностью для того, чтобы дать

Національное и патріотическое лекарство.

ходъ вашему изобрѣтенію! Нѣтъ-съ, милостивый государь, я знаю, гдѣ раки зимуютъ! Совѣтую вамъ принять меня въ долю, если не хотите судиться!...

— Въ ожиданіи, однако, вы, по точному смыслу нашего договора, обязаны повиноваться мнѣ во всемъ!—возразилъ выведенный изъ терпѣнія Сюльфатенъ. — Извольте же немедленно идти со мною, или я заставлю васъ принять лекарство, которое вернетъ васъ въ прежнее положеніе. Надѣюсь, вы не забыли, въ какомъ состояніи находились, когда я взялся васъ лечить? Я имѣю полное право уложить васъ опять въ мой

согрѣвающій аппаратъ! Тамъ вы по крайней мѣрѣ ровно никому не мѣшали!.. Я обязался вѣдь только продлить вашу жизнь; ну-съ, вы и будете тамъ существовать для того, чтобъ выплачивать мнѣ преміи, причитающіяся на законномъ основаніи.

— Не стоитъ, право, и спорить изъ-за такихъ пустяковъ,— съ нетерпѣніемъ прервалъ его Филоксенъ Лоррисъ.—Ла-Героньеръ получитъ извѣстную долю въ барышахъ. Я на это согласенъ и слѣдовательно дѣло кончено! Тѣмъ временемъ г-нъ Мареттъ вѣроятно успѣлъ уже соскучиться...

Дѣйствительно, г-нъ Мареттъ прогуливался съ взволнованнымъ видомъ по маленькой гостиной, бормоча себѣ подъ носъ что-то такое, въ чемъ можно было только разслышать:

...Неискоренимый духъ властолюбія... орудіями котораго служатъ опасныя, пагубныя чары... глубокое коварство, скрывающееся подъ маской лицемѣрной нѣжности... женщина — это фальшивое и хитрое созданіе...

— Нѣтъ надобности обращаться къ вамъ, великій мужъ, съ просьбою о разъясненіи,— замѣтилъ Лоррисъ.—Я узнаю какъ нельзя лучше этотъ портретъ. Вы подготовляете рѣчь, долженствующую громить противузаконныя притязанія женской партіи...

Политическій дѣятель провелъ нѣсколько разъ рукою по лбу и сказалъ:

— Извините меня, господа, я увлекся!.. И такъ мы съ вами говорили?..

— Мы говорили, что я покажу вамъ человѣка, котораго вы знали назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ въ состояніи преждевременнаго полнѣйшаго старческаго изнеможенія, вызваннаго повальнымъ нынѣшнимъ умственнымъ переутомленіемъ!... Не угодно-ли будетъ взглянуть на него теперь?...

Филоксенъ Лоррисъ взялъ за руку бывшаго больного и поставилъ его такъ, чтобъ на него падалъ по возможности яркій свѣтъ.

— Любезнѣйшій Ла-Героньеръ!—вскричалъ Арсенъ Мареттъ.—Нѣтъ!... Быть не можетъ!.. Неужели это вы?

— Разумѣется я самъ,—отвѣтилъ улыбаясь бывшій больной.—Можете смѣло вѣрить собственнымъ глазамъ.

Затѣмъ, ударивъ себя нѣсколько разъ кулакомъ въ грудь, Ла-Героньеръ добавилъ:

— Здѣсь у меня все въ порядкѣ; пищевареніе—превыше всякихъ похвалъ, о мозговой-же дѣятельности считаю съ моей стороны нескромнымъ распространяться.

— Дѣйствительно, чортъ возьми, ноги у васъ, кажется, болѣе уже не подламываются. Недавно вѣдь вы совсѣмъ было впали въ младенчество. Неужели вы теперь опять изъ него вышли?

— Какъ видите, любезнѣйшій!

— Можно дѣйствительно сказать, что онъ вернулся изда-

Смѣю увѣрить, что все здѣсь въ исправности!

лека. Желая, чтобъ опытъ оказался по возможности болѣе убѣдительнымъ, мы приняли этого бѣднягу на свое попеченіе лишь въ то время, когда онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Онъ намъ надѣлалъ не мало хлопотъ. Въ первое время надо было воспитывать его на рожкѣ въ согрѣвающемъ аппаратѣ, чтобъ постепенно укрѣпить организмъ и сдѣлать его способнымъ къ воспринятію нашихъ прививокъ... Теперь можете сколько угодно осматривать и ощупывать г-на Ла-Героньера! Заставьте его продѣлать какія угодно мышечныя движенія—вы убѣдитесь, что съ нашей стороны нѣтъ ни малѣйшаго обмана!

Онъ сталъ опять настоящимъ молодцомъ,—двигается, ходитъ и говоритъ... Нутка, Ла-Героньеръ, покажите вашу прыть! Подымите вотъ это кресло!.. Онъ могъ-бы, кажется, подбросить вверхъ даже диванъ! Перейдемъ теперь къ изслѣдованію умственныхъ способностей, напримѣръ, хотя бы памяти! Потрудитесь сказать, каковъ былъ вчерашній биржевой курсъ двухпроцентной ренты? Прекрасно! Г-нъ Мареттъ надѣюсь вполнѣ убѣжденъ...

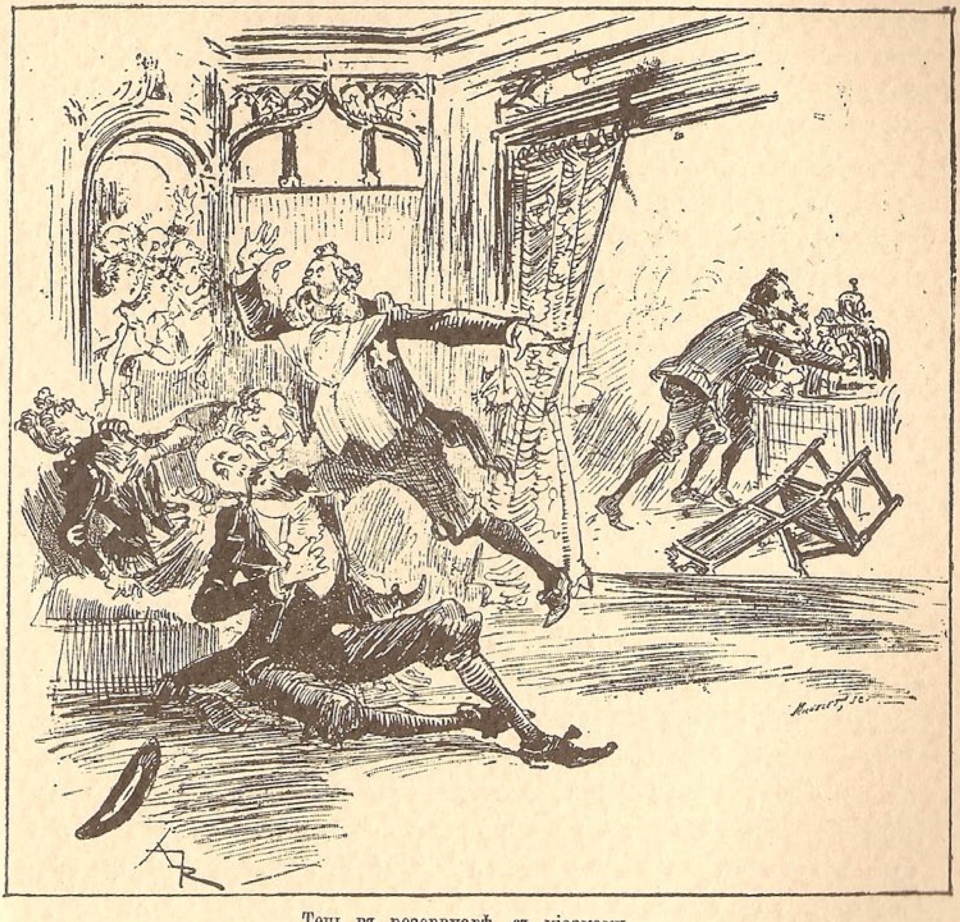
— Теперь, когда вы наглядно ознакомились съ благодѣтельными результатами, которыхъ намъ удалось достигнуть, я объясню вамъ способъ, при посредствѣ котораго они получены... Сюльфатенъ, передайте-ка сюда вотъ эти маленькіе флакончики!.. Да нѣтъ же! Не оттуда! Это вѣдь аппаратъ для изготовленія сгущенныхъ міазмовъ! Пожалуйста, будьте повнимательнѣе, другъ мой!.. Не дотрогивайтесь до крановъ!.. Боже мой, какой вы стали разсѣянный!

Дѣйствительно, Сюльфатенъ не успѣлъ еще вполнѣ успокоиться отъ перенесеннаго имъ потрясенія. Всегда отличавшійся до сихъ поръ философскимъ спокойствіемъ духа и самообладаніемъ, инженеръ-медикъ былъ теперь въ очевидно возбужденномъ состояніи. Онъ то и дѣло хмурилъ брови, нервно прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

Когда онъ, наконецъ, передалъ своему патрону требуемыя стклянки, Филоксенъ Лоррисъ продолжалъ:—Вы видите здѣсь благодѣтельное лекарство, которому я-бы желалъ присвоить наименованіе національнаго и патріотическаго. Въ маленькой бутылочкѣ находится жидкость для антимикробныхъ прививокъ... Въ большомъ флаконѣ—та-же самая жидкость, но только значительно разбавленная и смѣшанная съ различными препаратами, дѣлающими изъ нея могущественнѣйшій жизненный элексиръ!.. Съ антимикробной прививкой разъ въ мѣсяцъ достаточно будетъ принимать по двѣ капли этого элексира утромъ и вечеромъ... Я обязуюсь съ помощью такого простого способа леченія сдѣлать изъ нынѣшнихъ малокровныхъ и переутомленныхъ неврастениковъ крѣпкій, хорошо уравновѣшенный, здоровый народъ, въ жилахъ котораго будетъ струиться новая кровь, обогащенная красными шариками и очищенная отъ всѣхъ бациллъ, вибріоновъ и микробовъ. Для этого, однако, необходима поддержка вліятельныхъ политическихъ дѣятелей,—такихъ государственныхъ мужей, какъ вы, г-нъ депутатъ! Мнѣ нужно прави-

тельственное вмѣшательство! Я долженъ опереться на государственный авторитетъ для того, чтобы великое мое открытіе могло принести всю пользу, которую я отъ него ожидаю!.. Позвольте мнѣ изложить вамъ въ двухъ словахъ идею, которую я намѣренъ сейчасъ-же развить на публичной лекціи!..

— Излагайте,—благосклонно разрѣшилъ депутатъ.

Течь въ резервуарѣ съ міазмами.

— Законъ, предложенный вами, г-нъ депутатъ, и, благодаря увлекательному вашему краснорѣчію, одобренный всѣми парламентскими партіями, дѣлаетъ общеобязательнымъ употребленіе моего національнаго и патріотическаго лекарства, гарантируя вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ условіемъ правительственнаго контроля, фирмѣ Филоксена Лорриса монополію его приготовленія и эксплоатацію... Само собой разумѣется, г-нъ депутатъ, что

лица, способствовавшія безкорыстнымъ своимъ содѣйствіемъ успѣху предпріятія, получатъ законную долю въ барышахъ!.. И такъ, я продолжаю!... Мы устроимъ по всей Франціи конторы для антимикробныхъ прививокъ и продажи національнаго лекарства!.. Каждому французу разъ въ мѣсяцъ будетъ дѣлаться предохранительная прививка и выдаваться на руки флаконъ цѣлебнаго средства. Обязательность леченія не можетъ считаться стѣснительной ввиду того, что въ настоящее время существуетъ весьма много обязательствъ, исполненіе которыхъ требуется отъ всѣхъ гражданъ! Совершенно очевидные на этотъ разъ интересы общаго блага какъ нельзя болѣе оправдываютъ новое правительственное вмѣшательство!.. Закономъ этимъ, являющимся по истинѣ мѣрою общественнаго спасенія, вы предписываете всему французскому народу обязательное здоровье! Что вы на это скажете, любезнѣйшій депутатъ?

— Я преклоняюсь передъ вами и восхищаюсь великимъ вашимъ изобрѣтеніемъ!—отвѣчалъ Арсенъ Мареттъ.—Не позже, какъ черезъ четыре дня,—тотчасъ-же по возобновленіи парламентской сессіи,—я внесу законопроектъ о національномъ и патріотическомъ лекарствѣ!.. Отчего, однако, здѣсь такой странный запахъ?

— Я передамъ вамъ набросокъ законопроекта... Да, вы правы, запахъ дѣйствительно очень странный!.. Сюльфатенъ!.. Боже мой, что вы надѣлали!!!... Вѣдь вы сдвинули съ мѣста какую нибудь изъ соединительныхъ трубокъ. Тамъ гдѣ-то оказалась течь! Приведите-же скорѣе все въ порядокъ!

— Гдѣ это оказалась течь?—спросилъ Арсенъ Мареттъ.

— Тамъ, съ правой стороны,—въ резервуарѣ сгущенныхъ міазмовъ для боевого медицинскаго корпуса... Я говорилъ уже вамъ, что у меня имѣется еще проектъ радикальной реформы военнаго вѣдомства!

— Чортъ-бы побралъ всѣ ваши сгущенные міазмы!—простоналъ депутатъ, опрокидывая стулья, чтобы скорѣе добраться до дверей.—Подайте мнѣ воздушный кабріолетъ!.. Извините, меня ждутъ дома!.. Я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ!..

Сюльфатенъ и Филоксенъ Лоррисъ бросились къ аппарату розыскивать обнаружившуюся тамъ течь. Филоксену Лоррису вскорѣ удалось ее найти. Трубка, которую Сюльфатенъ по разсѣянности сдвинулъ немного съ мѣста, пропус-

кала сквозь обнаружившуюся скважину легкую струю міазмовъ, сгущенныхъ въ парообразную форму. Филоксенъ Лоррисъ и Сюльфатенъ до такой степени перепугались, что у нихъ на лбу выступилъ холодный потъ. Поврежденіе аппарата оказалось, однако, совершенно ничтожнымъ и почти незамѣтнымъ, такъ что его удалось тотчасъ-же исправить. Это было во всякомъ случаѣ большимъ счастьемъ. Еслибъ промедлили еще нѣсколько минутъ, то роковая разсѣянность Сюльфатена повлекла-бы за собой самыя бѣдственныя послѣдствія.

Испуганный видъ Арсена Маретта, пытавшагося пробраться сквозь толпу въ сѣни, гдѣ находились подъемныя платформы, встревожилъ гостей до того, что пришлось прервать исполнявшуюся телефоноскопомъ музыкальную пьесу. Изъ числа болѣе серьезныхъ особъ, не интересовавшихся музыкой, многія, съ дѣвицами Бардо и Купаръ во главѣ, бросились отыскивать хозяина дома, чтобы узнать отъ него причину такого казуса.

— Что съ вами, почтеннѣйшій профессоръ?—спросила дѣвица Бардо, считавшаяся однимъ изъ наиболѣе блистательныхъ свѣтилъ парижской медицины.—Вы какъ-будто не совсѣмъ здоровы?.. Какой здѣсь у васъ странный запахъ!..

— Успокойтесь, опасность теперь миновала, но голова у меня дѣйствительно кружится. Главное, не разсказывайте никому про несчастную случайность!.. Пусть всѣ какъ можно скорѣе ложатся въ постель... Это будетъ всего благонадежнѣе!

— Пожалуйста только никого не пугайте!—замѣтилъ Сюльфатенъ.—Особенно серьезныхъ послѣдствій это имѣть не будетъ. Течь, слава Богу, обнаружена и прекращена... Ахъ, мнѣ дурно!..

— Какой несчастный случай? Какая тамъ течь?—спрашивали испуганные голоса.

— Изъ резервуара съ міазмами,—простоналъ Арсенъ Мареттъ, который, вслѣдствіе сильнаго головокруженія, не могъ добраться до выхода и, вернувшись почти уже въ безсознательномъ состояніи въ маленькую гостиную, безсильно упалъ на диванъ.

— Успокойтесь! — вскричалъ Филоксенъ Лоррисъ, хватая себя за лобъ. — Все это пустяки. Мы отдѣлаемся легонькой эпидеміей!.. Такой, что и говорить-то о ней не стоитъ!.. Ай, какъ у меня болитъ голова!..

— Эпидеміей!!!

Смятеніе распространилось уже и въ большой музыкальной залѣ. О концертѣ никто и не думалъ. Гости тѣснились ко входу въ маленькій боковой залъ, сгорая нетерпѣніемъ узнать, что именно случилось. Услышавъ про эпидемію, всѣ поблѣднѣли. Многіе почувствовали себя дурно, а нѣкоторыя дамы упали въ обморокъ.

— Все ограничится легонькой заразной болѣзнью! Ручаюсь, что этотъ несчастный случай не повлечетъ за собою особенно пагубныхъ послѣдствій. Течь въ резервуарѣ была сравнительно ничтожной!..—объяснялъ прерывающимся голосомъ великій ученый.

— Мнѣ теперь тоже что-то нездоровится,—сказала дѣвица Бардо, щупая себѣ пульсъ.

— Это совершенно естественно, но, впрочемъ, пожалуйста не тревожьтесь!

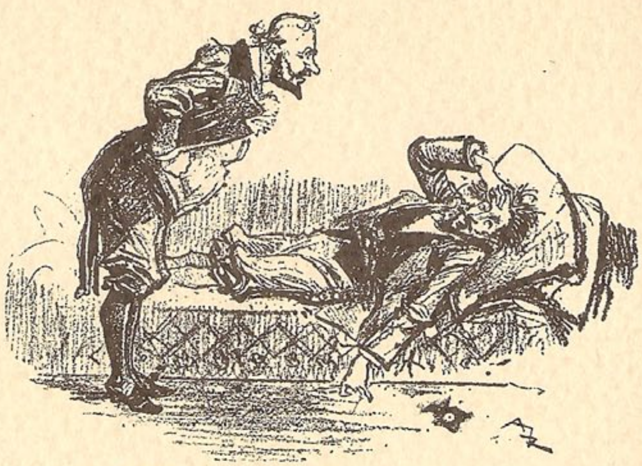
Не прошло и пяти минутъ, какъ зала, гдѣ произошелъ несчастный случай съ резервуаромъ сгущенныхъ міазмовъ, была уже переполнена людьми, которые, явившись освѣдомиться, въ чемъ дѣло, тотчасъ-же заражались сами и, спустя нѣсколько мгновеній, заболѣвали. Вскорѣ поднялся противъ Лорриса настоящій концертъ ожесточенныхъ жалобъ. Смертельно блѣдные и обезсилѣвшіе гости валялись въ изнеможеніи на диванахъ, стульяхъ и даже на полу. Другіе, охваченные, напротивъ того, лихорадочнымъ возбужденіемъ, мучились сильнѣйшими нервными припадками. Филоксенъ Лоррисъ до такой степени наглотался міазмовъ, что, вслѣдствіе сильнаго головокруженія, не въ состояніи былъ сдѣлать необходимыхъ распоряженій. Очевидно, надо было удалить всѣхъ изъ маленькой залы, пребываніе въ которой было сопряжено съ особенной опасностью, и хорошенько провѣтрить эту комнату. Видя, что туда набирается все большее число гостей, Ла-Героньеръ догадался растворить тамъ по крайней мѣрѣ окна настежъ.

Онъ съ безпокойствомъ считалъ біенія собственнаго своего сердца и щупалъ у себя пульсъ, но не могъ подмѣтить ровно никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ онъ не поддавался заразѣ и чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Успокоившись за самого себя, бывшій больной тѣмъ не менѣе испугался при мысли о томъ, что его врачъ

захворалъ и, розыскавъ Сюльфатена, предложилъ ему свои услуги.

— Вы говорили, что мое леченіе еще не докончено. Пожалуйста, не устройте такой штуки, чтобы оставить меня, какъ говорится, на бобахъ! Вѣдь если вы теперь умрете, я окажусь совсѣмъ на мели. Я готовъ всячески за вами ухаживать, не требуя за это съ васъ никакой платы, или хотя-бы даже скидки съ вашего гонорара, на что имѣлъ-бы несомнѣнное право!.. Какъ это, однако, могло случиться, что я остаюсь здоровымъ въ то время, какъ всѣ кругомъ захворали?..

— Благодаря сдѣланнымъ вамъ прививкамъ, вы обезпе-

Теперь уже мнѣ приходится васъ лечить.

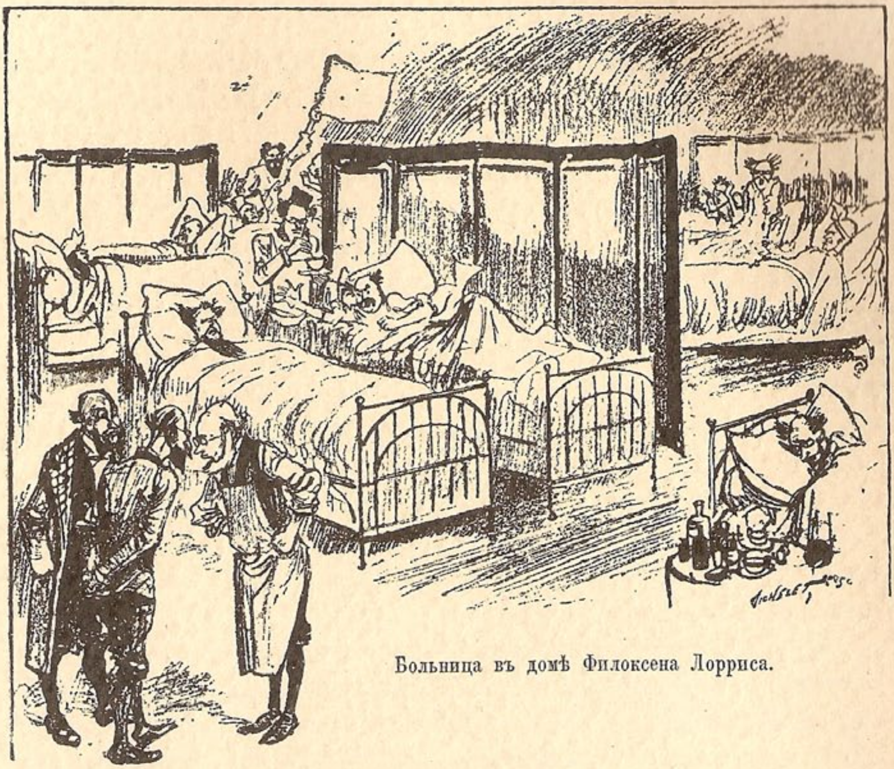
чены отъ зараженія міазмами,—отвѣчалъ Сюльфатенъ прерывающимся голосомъ.—Предложите гостямъ разъѣхаться. Тѣ, кто не входилъ въ эту комнату, отдѣлаются... легкой головной болью.

Ла-Героньеръ продолжалъ такимъ образомъ служить живою рекламой для новаго изобрѣтенія Филоксена Лорриса. Невоспріимчивость его къ заразѣ явилась блестящимъ подтвержденіемъ цѣлесообразности теоріи общеобязательныхъ прививокъ національнаго и патріотическаго лекарства, которую великій ученый развивалъ Арсену Маретту. До сихъ было достовѣрно извѣстно лишь, что это лекарство исцѣляло отъ пагубныхъ послѣдствій переутомленія. Теперь-же несомнѣнно выяснилось, что примѣ-

неніе его въ формѣ прививокъ дѣлаетъ организмъ невоспріимчивымъ къ милліонамъ микробовъ, распространившихся въ атмосферѣ вслѣдствіе несчастнаго случая съ новоизобрѣтеннымъ аппаратомъ Филоксена Лорриса.

Смертельный нашъ врагъ малокровіе, грозное малокровіе!

Больница въ домѣ Филоксена Лорриса.

VII.

Катастрофа въ домѣ Филоксена Лорриса.—Тридцать три мученика науки.— Возникновеніе новой, несуществовавшей передъ тѣмъ, заразной болѣзни. — Серьезный философскій трудъ г-жи Лоррисъ.—Знаменитый ученый оказывается въ крайне затруднительномъ положеніи.

Домъ Филоксена Лорриса обращенъ въ больницу. Изъ тридцати четырехъ особъ, вошедшихъ въ маленькую залу, гдѣ находился резервуаръ съ сгущенными міазмами, тридцать три заразились. Одинъ только Адріенъ Ла-Героньеръ остался вовсе незатронутымъ. Прочіе гости великаго ученаго, не входившіе въ зараженную залу, отдѣлались легкимъ нездоровьемъ, которое на другой же день быстро разсѣялось.

Больные остались въ домѣ Филоксена. Дамы были размѣщены по особымъ комнатамъ, а мужчины — въ парадныхъ аппартаментахъ, раздѣленныхъ ширмами на небольшія больничныя палаты. Къ счастью, эпидемія дѣйствительно оказалась не изъ тяжелыхъ, хотя и представляла чрезвычайное разнообразіе симптомовъ, одновременно напоминавшихъ множество другихъ уже извѣстныхъ заразныхъ болѣзней.

Благодаря счастливой случайности, Жоржъ Лоррисъ, его мать и Эстелла находились какъ разъ на противуположномъ концѣ дома въ то время, когда въ маленькой залѣ разразилась по неосторожности Сюльфатена эпидемія. Они отдѣлались поэтому легкимъ недомоганіемъ вродѣ мигрени, сопровождавшейся головокруженіемъ, могли тотчасъ-же принять на себя завѣдываніе больницей, которую пришлось устроить тутъ-же въ домѣ и всецѣло посвятить себя уходу за больными. Филоксенъ Лоррисъ, Сюльфатенъ и Арсенъ Мареттъ лежали въ одной и той-же палатѣ. Они больше другихъ надышались ядовитыми міазмами, а потому заразились сильнѣе, чѣмъ всѣ прочіе гости. У всѣхъ трехъ обнаруживалось поэтому сильнѣйшее горячечное состояніе.

Филоксенъ Лоррисъ и Сюльфатенъ все время ссорились и перебранивались другъ съ другомъ. Великій ученый, въ пылу горячности, осыпалъ своего сотрудника ѣдкими насмѣшками и желчными упреками.

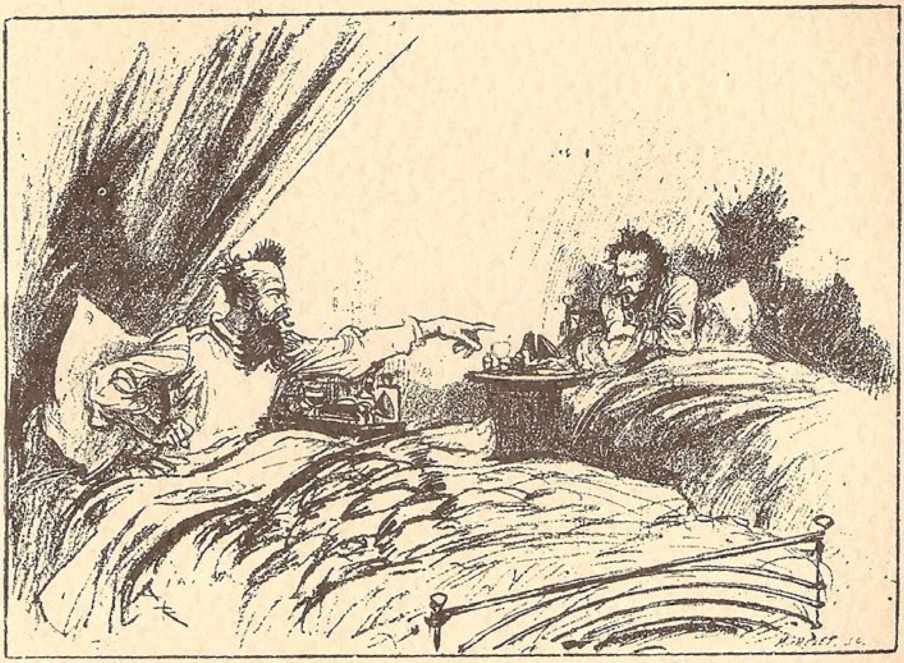
— Вы, г-нъ инженеръ-медикъ, съ позволенія сказать, оселъ!— говорилъ онъ.—Настоящій ученый никогда не позволилъ-бы себѣ подобной разсѣянности! Даже такой легкомысленный вертопрахъ, какъ мой молокососъ Жоржъ, не сдѣлалъ-бы ни за что на свѣтѣ такой пакости. Я, признаться, считалъ васъ человѣкомъ совсѣмъ иного пошиба!.. Какое разочарованіе! Какой скандалъ! Вѣдь наше грандіозное предпріятіе провалится теперь изъ-за васъ!.. Вы сдѣлали меня посмѣшищемъ передъ лицомъ всего ученаго міра!.. Это вамъ даромъ не пройдетъ! Я предъявлю къ вамъ искъ судебнымъ порядкомъ и потребую возмѣщенія проторей и убытковъ за неудавшееся предпріятіе!

Что касается до Арсена Маретта, то онъ въ безсознательномъ бреду декламировалъ отрывки рѣчей, произнесенныхъ въ палатѣ депутатовъ, или-же цѣлыя главы изъ своей „Исторіи непріятностей, причиненныхъ мужчинѣ женщиной“. Иногда онъ воображалъ себя дома, принималъ Сюльфатена за свою жену, обращался къ нему съ самыми краснорѣчивыми филиппиками и говорилъ:

— Ахъ вы, смѣшная, безсовѣстная старуха! И къ чему вы, спрашивается, вернулись?.. Вамъ хочется опять забрать въ когти прежнюю вашу жертву и снова наслаждаться моими мученіями?..

Дѣвица Бардо, докторъ всѣхъ наукъ и одна изъ самыхъ

блестящихъ медицинскихъ свѣтилъ Парижа, черезъ недѣльку совсѣмъ поправилась. Въ первое время она страшно разсердилась и совершенно серьезно намѣревалась возбудить противъ Филоксена Лорриса судебное преслѣдованіе, но ея негодованіе улеглось, когда она принялась изучать новую болѣзнь, сначала на себѣ самой, а потомъ и на другихъ. Болѣзнь оказалась дѣйствительно очень интересной. Ее никоимъ образомъ нельзя было принять за видоизмѣненіе какой либо изъ признанныхъ и классифицированныхъ уже заразныхъ горячекъ. Въ первой

Филоксенъ Лоррисъ и Сюльфатенъ все время ссорятся другъ съ другомъ.

своей фазѣ она представляла много общаго одновременно съ ними всѣми, проявляясь самыми разнообразными, сложными и хитросплетенными симптомами, осложнявшимися не менѣе странными аномаліями. Затѣмъ однако ея теченіе внезапно становилось въ высшей степени необычайнымъ и своеобразнымъ.

Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что это была совершенно новая болѣзнь, созданная въ лабораторіи Филоксена Лорриса и начавшая, мало по малу, эпидемически распространяться оттуда по всему Парижу. Нѣсколько случаевъ ея было уже констатировано въ самыхъ различныхъ кварталахъ. Рас-

пространеніе заразы слѣдовало, повидимому, приписать тому обстоятельству, что ее разнесло по всему городу вѣтромъ, когда Ла-Героньеру вздумалось открыть настежъ окна въ маленькой залѣ, гдѣ находился резервуаръ съ сгущенными міазмами. Могло случиться, впрочемъ, что болѣзнетворные зародыши были разсѣяны гостями, которые вернулись домой, ощущая лишь легкое недомоганіе. Какъ бы ни было, образовалось нѣсколько очаговъ, изъ которыхъ эпидемія послѣдовательно расходилась во всѣ стороны, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе опредѣленный характеръ.

Дѣвица Бардо изучаетъ сама на себѣ новую болѣзнь.

Выслушавъ нѣсколько докладовъ дѣвицы Бардо, инженеръ-медика и доктора всѣхъ наукъ, медицинская академія назначила коммиссію изъ врачей обоего пола для всесторонняго изученія новой болѣзни. Коммиссіи этой было поручено сорвать маску съ таинственной незнакомки,—заключить эпидемію въ рамки научной классификаціи и отыскать для нея соотвѣтствующее имя. Желаемаго соглашенія на этотъ счетъ, однако, не послѣдовало. Каждый изъ членовъ коммиссіи подготовилъ особый мемуаръ, въ которомъ высказывалъ свои особыя заключенія и предлагалъ для новой болѣзни особое наименованіе. Разладъ, обнаружившійся при такихъ условіяхъ среди послѣдователей Эскулапа, тѣмъ болѣеу грожалъ философскому спокой-

ствію, свойственному этой корпораціи, что мнѣнія медицинскихъ свѣтилъ радикально расходились также и по вопросу о леченіи новой эпидеміи. Къ счастію, Филоксенъ Лоррисъ наконецъ выздоровѣлъ. Въ промежуткѣ между двумя приступами горячки геніальный умъ великаго ученаго обратилъ вниманіе на выяснившійся фактъ полнѣйшей невоспріимчивости Адріена Ла-Героньера къ зараженію микробами новой эпидеміи. Эта невоспріимчивость, очевидно, обусловленная предшествовавшими прививками національнаго и патріотическаго лекарства, послужила для Филоксена драгоцѣннымъ указаніемъ. Чтобы провѣрить на опытѣ блеснувшую у него мысль, онъ сдѣлалъ самому

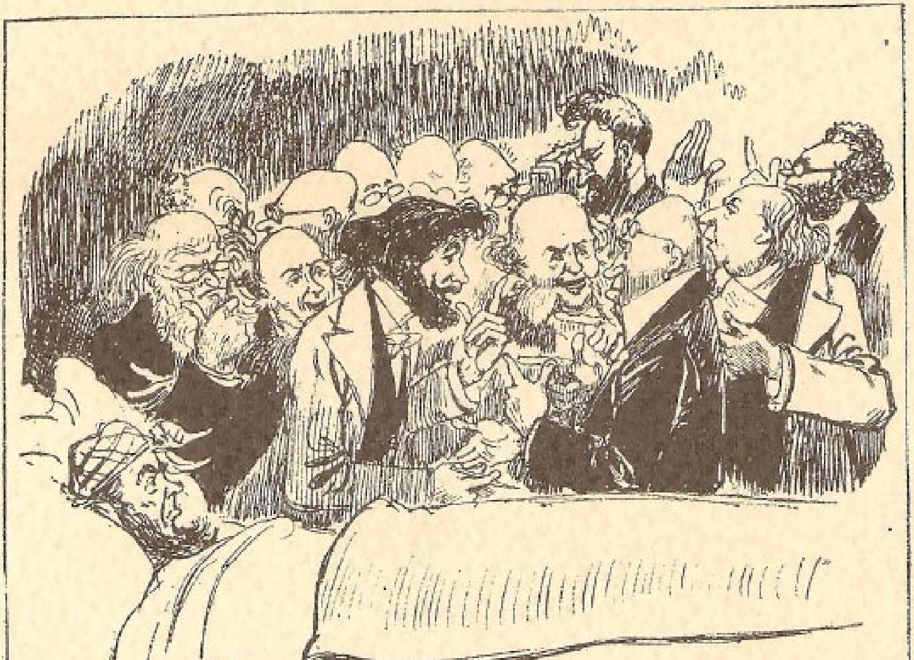

Да вѣдь это новая болѣзнь!

себѣ прививку и черезъ два дня совершенно поправился. Великій ученый не счелъ, однако, нужнымъ вступать въ какія-бы ни было объясненія съ коммиссіей врачей,—оставилъ ихъ судить и рядить о наименованіи новой болѣзни и наилучшихъ способахъ ея леченія, а самъ тѣмъ временемъ сдѣлалъ прививку всѣмъ находившимся въ его домѣ больнымъ и, къ величайшему изумленію медицинскаго факультета, сразу поставилъ ихъ на ноги. Исторія съ новой эпидеміей, надѣлавшая втеченіе приблизительно двухъ недѣль столько шума во вредъ репутаціи геніальнаго изобрѣтателя, внезапно приняла иной оборотъ. Враги Лорриса воспользовались, правда, благопріятнымъ случаемъ для того, чтобъ подпустить ему массу шпилекъ и выставить въ

смѣшномъ видѣ несчастную случайность съ изобрѣтенными міазмами.

Когда, однако, Филоксенъ Лоррисъ и его сотрудникъ Сюльфатенъ, возставъ съ одра болѣзни, мгновенно вылечили себя самихъ и всѣхъ больныхъ, находившихся у нихъ въ домѣ, тогда какъ медицинскій факультетъ все еще блуждалъ въ дремучемъ лѣсу взаимно противорѣчащихъ гипотезъ и невообразимо странныхъ теорій касательно невѣдомой новой болѣзни,—

Разногласіе между врачами.

общественное мнѣніе разомъ перемѣнило фронтъ. Лорриса и Сюльфатена провозгласили мучениками науки. Со всѣхъ сторонъ посыпались имъ поздравительные адресы.

Итакъ, они были признаны мучениками науки. Всѣ гости, присутствовавшіе у нихъ на вечерѣ, удостоились до извѣстной степени той-же чести. Дѣйствительно, всѣ въ большей или меньшей степени хворали и тѣмъ самымъ пріобрѣли законное право на пальму мученичества.

Наиболѣе вліятельныя и лучше всего освѣдомленныя газеты

воздавали имъ публично почести и обстоятельно описывали вынесенныя ими муки.

Телефоноскопическая газета „Эпоха", издатель-редакторъ которой, Гекторъ Пикфоль, былъ тоже на пресловутомъ вечерѣ и слѣдовательно принадлежалъ къ числу мучениковъ науки, напечатала жирнымъ шрифтомъ на первой своей страницѣ слѣдующую замѣтку:

„Въ то самое мгновеніе, когда знаменитый изобрѣтатель, великій Филоксенъ Лоррисъ, готовился увѣнчать свою карьеру,

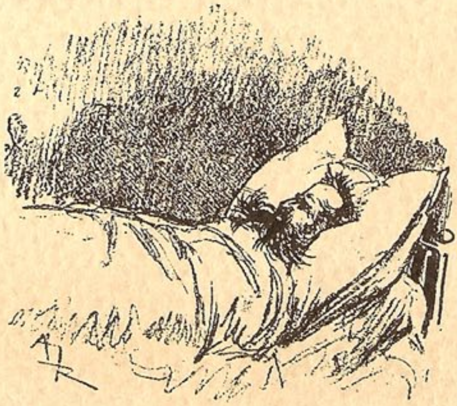
Знаменитый Филоксенъ Лоррисъ.

подаривъ сперва Франціи, а затѣмъ и всему остальному человѣчеству не одно, какъ говорили объ этомъ первоначально, а цѣлыхъ два колоссальныхъ открытія, онъ чуть не погибъ жертвою грандіозныхъ своихъ опытовъ, вмѣстѣ съ отборнымъ цвѣтомъ столичнаго нашего общества".

„Да, Филоксенъ Лоррисъ сдѣлалъ не одно, а цѣлыхъ два колоссальныхъ новыхъ открытія, первое изъ которыхъ должно произвести коренной переворотъ въ военномъ искусствѣ и окончательно выбить его изъ прежней колеи, а второе — произвести подобный-же переворотъ въ врачебномъ искусствѣ,

заставивъ его покинуть избитыя тропы, по которымъ оно блуждаетъ еще со временъ Гиппократа".

„Оба эти великія открытія, несмотря на кажущуюся противоположность другъ другу, находятся въ тѣсной взаимной связи".

Мученикъ науки.

„Первое изъ нихъ влечетъ за собою упраздненіе прежнихъ армій и всѣхъ прежнихъ враждебныхъ дѣйствій, мѣсто которыхъ заступитъ медицинская война. Ее будетъ вести единственно боевой медицинскій корпусъ, снабженный орудіями и приборами, насылающими на врага самые вредоносные міазмы. Этимъ устраняется употребленіе взрывчатыхъ веществъ и даже удушливыхъ газовъ прежней химической артиллеріи. Они будутъ замѣнены артиллеріей міазмовъ: микробами и бациллами, которые при содѣйствіи электрическихъ токовъ заразятъ всю вражескую территорію".

„Какое дивное преобразованіе, какой громадный шагъ впередъ! Беллона, благодаря Филоксену Лоррису, не станетъ обагрять кровью свои лавры!

Мученикъ науки.

„Второе открытіе непосредственно ставитъ знаменитаго ученаго въ первые ряды благодѣтелей человѣчества. Это — великое національное и патріотическое его лекарство, дѣйствующее путемъ прививки и принимаемое внутрь, — лекарство, формула котораго составляетъ

пока еще тайну изобрѣтателя. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію подтвержденная уже опытами способность этого лекарства сразу возвращать здоровье и силу переутомленному люду, кровь котораго обѣднѣла отъ непомѣрныхъ притязаній, предъявляемыхъ

Мученикъ науки.

„Эпоха“ телефоноскопическая газета.

Комната знаменитаго больного. Горячка продолжается.

Послѣднія извѣстія о болѣзни г. Лорриса.

ко всѣмъ намъ условіями бѣшенаго вихря жизни въ нашъ электрическій вѣкъ“.

„Благодѣтель человѣчества, великій Филоксенъ Лоррисъ вдвойнѣ достоинъ этого почетнаго титула! Онъ,—этотъ современный магъ,—возвращаетъ всѣмъ здоровье, возрождая физическую и умственную энергію благодаря составленному имъ лекарству. Вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозная его идея медицинской войны навсегда закончила кровопролитную эпоху взрывчатыхъ ве-

ществъ, истреблявшихъ безчисленные батальоны молодыхъ здоровыхъ воиновъ, покрывая поля сраженій окровавленными клочьями ихъ труповъ... Медицинская война является громаднымъ прогрессомъ надъ всѣми предшествовавшими способами военныхъ дѣйствій уже потому, что, задаваясь единственно только цѣлью устранять возможность сопротивленія со стороны непріятеля, она будетъ поражать его эпидемическими болѣзнями, которыя хотя и свалятъ на нѣкоторое время съ ногъ все населеніе вражескаго края, но окажутся смертельными лишь для организмовъ, пришедшихъ уже передъ тѣмъ въ состояніе полной негодности".

„Подобно тому, какъ это случилось при изобрѣтеніи пороха, когда монахъ Шварцъ, начавшій эру взрывчатыхъ веществъ, сталъ первою жертвой великаго своего открытія, также и Филоксенъ Лоррисъ, начиная эру медицинской войны изобрѣтеніемъ необходимыхъ для того дивныхъ составовъ и приспособленій, чуть не погибъ въ своей лабораторіи, на аренѣ грандіозныхъ своихъ научныхъ побѣдъ, сраженный вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ Сюльфатеномъ сгущенными міазмами, приготовленными съ цѣлью изслѣдованія и опыта".

„Дѣйствительно, онъ чуть не погибъ. Къ счастью Провидѣніе сохранило ему жизнь, являющуюся залогомъ торжества научныхъ знаній. Онъ долженъ еще пособить переходу человѣчества въ новую блестящую стадію развитія. Благодаря ему священное дѣло прогресса и цивилизаціи значительно подвинется теперь впередъ!"..

„Онъ едва не погибъ, но остался въ живыхъ... Распростертый на одрѣ болѣзни и терпѣливо вынося тяжкія свои страданія, благородный мученикъ науки какъ-бы расплачивается ими за колоссальный свой геній".

Въ большомъ телефоноскопѣ, выставленномъ передъ помѣщеніемъ редакціи „Эпохи" и доставлявшемъ парижанамъ возможность любоваться зрѣлищемъ наиболѣе сенсаціонныхъ событій, показывалась утромъ и вечеромъ комната больнаго съ кроватью, на которой лежалъ знаменитый ученый, страдавшій новоизобрѣтенной имъ заразной горячкой. Рядомъ съ телефоноскопомъ вывѣшивался бюллетень, составлявшійся по утрамъ и вечерамъ наиболѣе выдающимися медицинскими свѣтилами.

„Знаменитый ученый лежитъ въ бреду“.

„Знаменитому ученому становится немного лучше“.

„У знаменитаго ученаго обнаружилось ухудшеніе“.

Эти бюллетени издавались до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ зеркалѣ телефоноскопа не отразился мученикъ науки, облачившійся уже въ халатъ и принявшійся какъ ни въ чемъ не бывало за работу.

Государственный дѣятель, великій исторіографъ и ораторъ Арсенъ Мареттъ, удостоившійся тоже чести считаться мученикомъ науки, поспѣшилъ тотчасъ-же по выздоровленіи внести

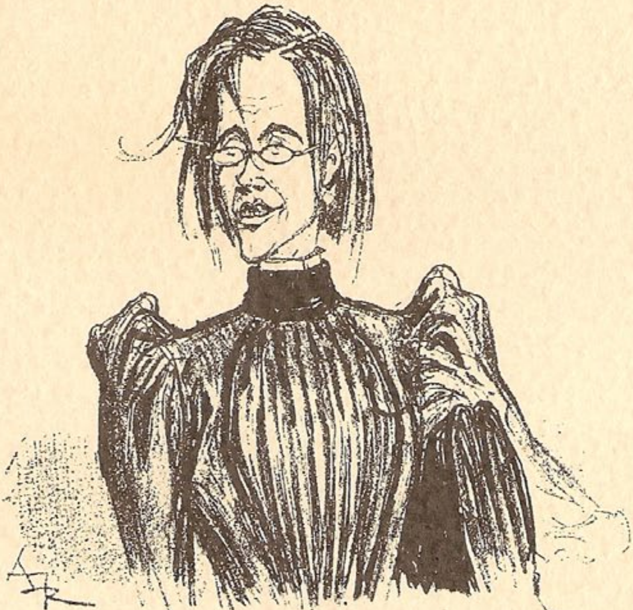

Мученикъ науки. Знаменитый ученый уже выздоравливаетъ.

въ палату законопроектъ о національномъ патріотическомъ лекарствѣ и потребовалъ признанія этого законопроекта неотложнымъ. Втеченіе цѣлыхъ уже двухъ недѣль только и было толковъ, что объ изобрѣтеніяхъ Филоксена Лорриса. Они являлись безсмѣнною злобой дня,—темою всѣхъ дебатовъ въ академіяхъ наукъ. При такихъ обстоятельствахъ законопроектъ, внесенный Мареттомъ, нельзя было положить подъ сукно. Онъ былъ разсмотрѣнъ чрезвычайной парламентскою коммиссіей, обсуждавшей совмѣстно съ знаменитымъ ученымъ его по статьямъ, разобраннымъ, впрочемъ, уже заранѣе до послѣднихъ мелочей столичными газетами. Когда вслѣдъ затѣмъ законопроектъ

былъ внесенъ въ парламентъ, за него высказались почти всѣ партіи, какъ правительственныя, такъ и оппозиціонныя. Благодаря поддержкѣ, оказанной ему въ палатѣ депутатовъ г-жей Понто, а въ сенатѣ дѣвицей Купаръ, представительницей Сартскаго департамента, женская партія впервые оказалась на одной сторонѣ съ мужскою и вотировала вмѣстѣ со сторонниками лиги эмансипаціи мужчины, организованной Арсеномъ Мареттомъ.

Законъ былъ одобренъ громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Адвокатъ дѣвица Купаръ.

Сущность многочисленныхъ его статей заключалась въ слѣдующемъ:

1) Прививка національнаго и патріотическаго лекарства обязательно предписывалась разъ въ мѣсяцъ всѣмъ французамъ, начиная съ трехлѣтняго возраста.

2) Монополія изготовленія великаго національнаго, патріотическаго, антимикробнаго и очистительнаго лекарства, исцѣляющаго малокровіе и возстанавливающаго израсходованныя силы, предоставлялась на пятидесятилѣтній срокъ фирмѣ Филоксена Лорриса.

3) Знаменитому Филоксену Лоррису народное представительство единодушно вотировало національную благодарность.

Спѣшимъ присовокупить, что великій ученый согласился принять единственно лишь большую золотую медаль замѣчательно художественной работы, на которой, съ одной стороны, изображался онъ самъ ввидѣ Геркулеса, побѣдителя современныхъ гидръ. Надпись на оборотной сторонѣ медали увѣковѣчивала память объ изобрѣтеніи національнаго и патріотическаго лекарства.

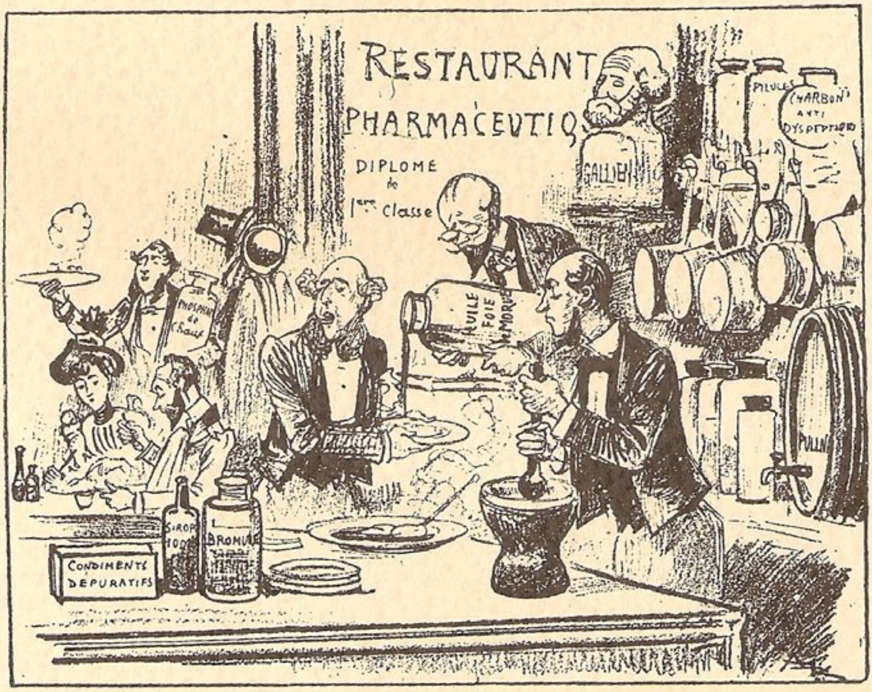
Современный Геркулесъ истребляетъ зловредныхъ микробовъ.

Борьба съ микробами. Медаль въ честь Филоксена Лорриса.

Послѣ того оставалось уладить только второстепенные во-

просы, относившіеся до организаціи новой общеобязательной повинности. Это было возложено на самого Филоксена, назначеннаго полномочнымъ главноуправляющимъ ея эксплоатаціи. Сверхъ того, по совѣту Филоксена Лорриса, учреждено было новое министерство общественнаго здравія, портфель котораго былъ предоставленъ выдающейся адвокатшѣ и политической дѣятельницѣ дѣвицѣ Купаръ, сенатору Сартскаго департамента, докладывавшей въ сенатѣ законопроектъ о національномъ и патріотическомъ лекарствѣ.

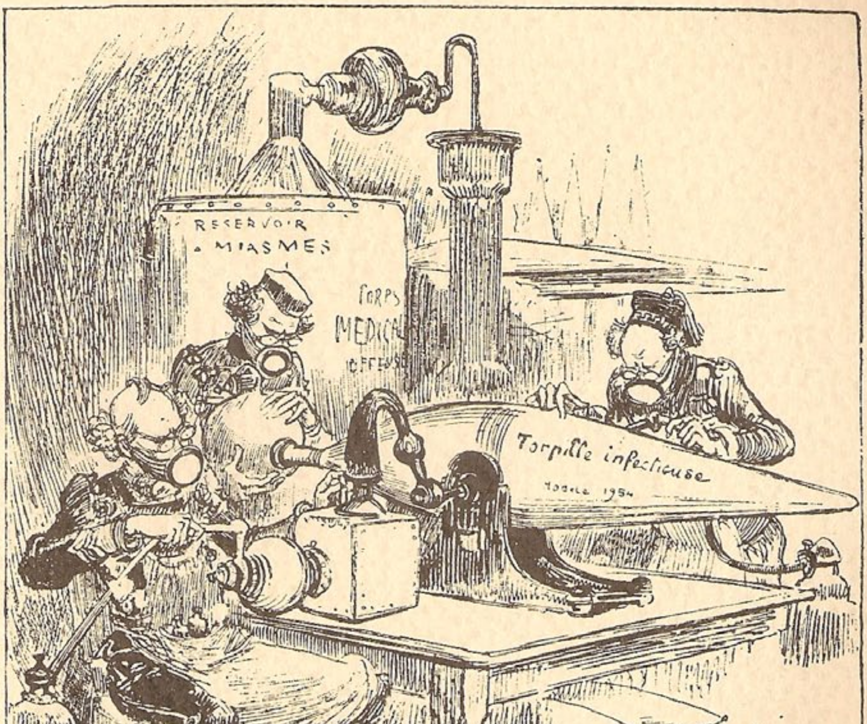

Фармацевтическій ресторанъ. Дипломъ 1-го разряда.

Правительственная регламентація всего, что относится до гигіены и общественнаго здравія неизбѣжно повлечетъ за собой массу упрощеній и окажетъ населенію Франціи громадныя услуги.

Національное и патріотическое лекарство будетъ во многихъ случаяхъ вполнѣ достаточнымъ для возстановленія пошатнувшагося здоровья и приведенія въ должный порядокъ попорченныхъ или переутомленныхъ организмовъ, безъ всякаго вмѣшательства врачей и аптекарей.

Страдающіе малокровіемъ, разстройствомъ пищеваренія, болѣзнями печени, почекъ, кишечнаго канала и т. д. не замедлятъ почувствовать значительное облегченіе. Имъ не къ чему будетъ прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ, какими въ сущности являлись обѣды и ужины въ фармацевтическихъ ресторанахъ, которые такъ размножились за послѣднія нѣсколько лѣтъ. Правда, что обѣды тамъ приготовлялись по рецептамъ

Война міазмами. Изготовленіе снарядовъ.

магистрами фармаціи и провизорами, являвшимися одновременно учениками Эскулапа и профессоровъ гастрономіи, но зато эти обѣды обходились довольно дорого.

Филоксенъ Лоррисъ избавился такимъ образомъ отъ дальнѣйшихъ заботъ по крайней мѣрѣ объ одномъ изъ крупныхъ своихъ предпріятій. Дѣло съ національнымъ и патріотическимъ лекарствомъ было, какъ говорится, въ шляпѣ. Великій ученый

былъ этому очень радъ, такъ какъ начиналъ чувствовать уже кое-какіе симптомы мозговой усталости. Онъ страшно много работалъ за послѣдніе нѣсколько дней и подъ конецъ сталъ тоже подвергаться припадкамъ разсѣянности, такъ что иногда чуть самъ не смѣшивалъ флаконовъ великаго національнаго и патріотическаго своего лекарства съ колбочками сгущенныхъ міазмовъ. Теперь онъ могъ вздохнуть свободнѣе и, слѣдуя привычкѣ выбивать клинъ клиномъ, т. е. переходить отъ одной утомительной работѣ къ другой столь-же утомительной, но приводящей умственныя способности въ новое возбужденіе,

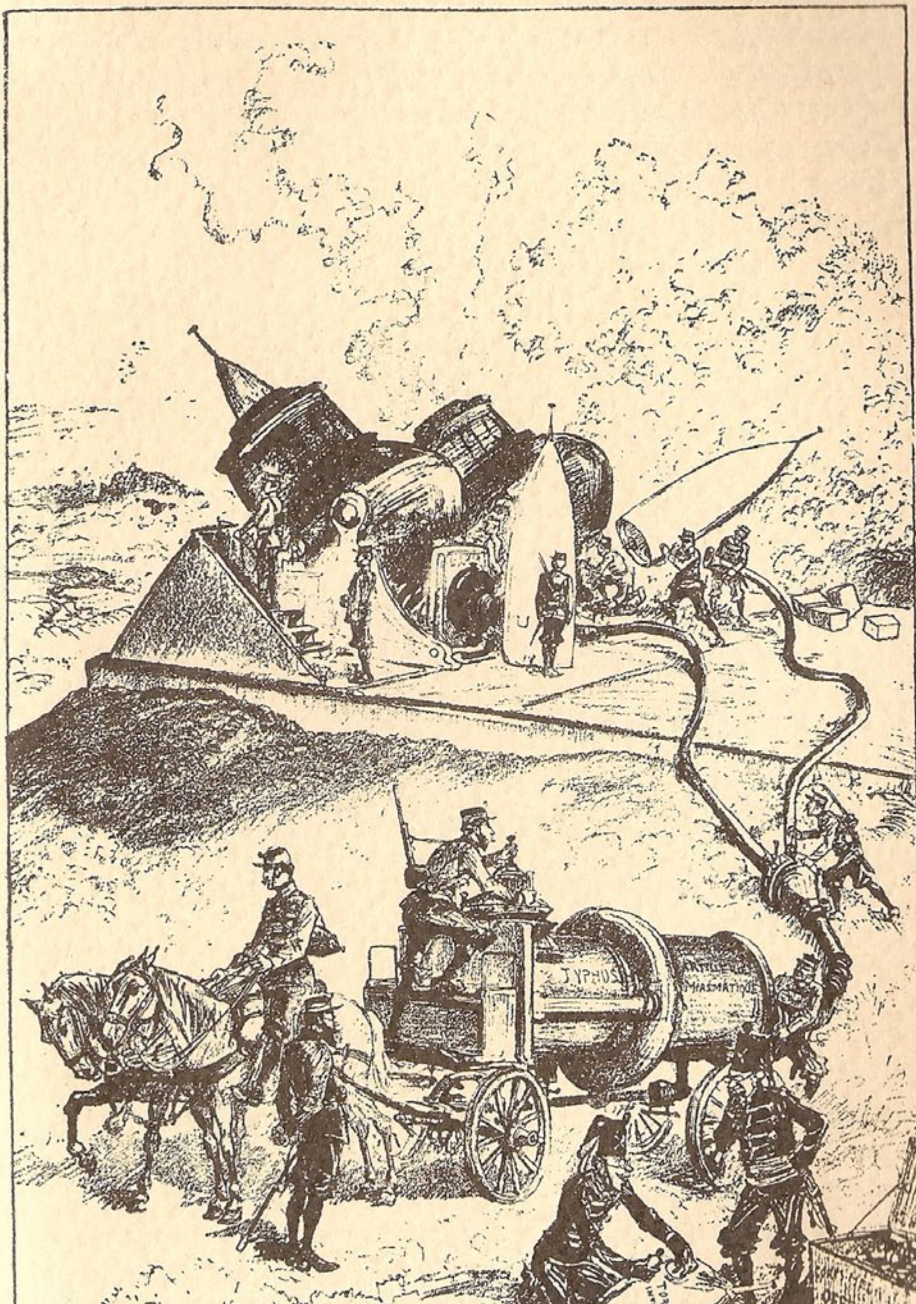

Война міазмами.
Засѣданіе коммиссіи по реорганизаціи боевого медицинскаго корпуса.

принялся съ величайшимъ жаромъ заканчивать свои изслѣдованія надъ изготовленіемъ сгущенныхъ міазмовъ и примѣненіемъ ихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

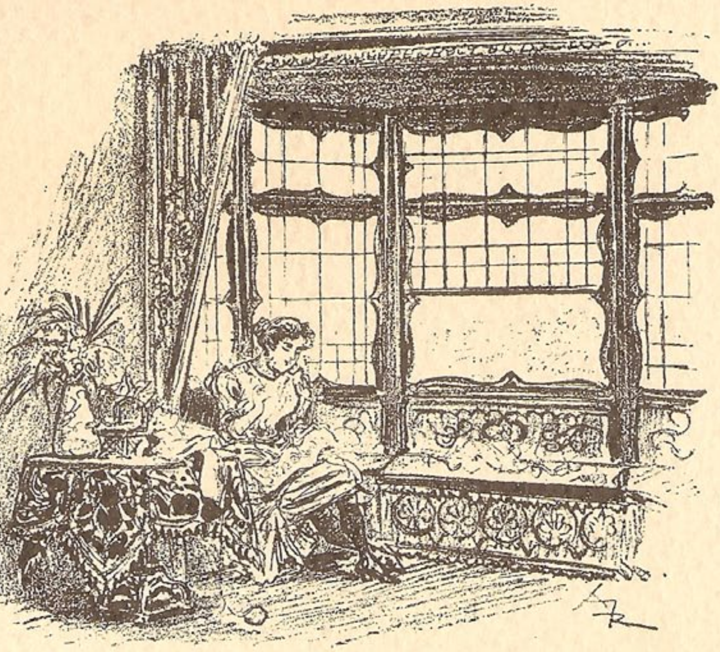
Назначенная военнымъ министерствомъ коммиссія генералъ-инженеровъ должна была выработать, подъ покровомъ самой глубокой тайны, проектъ организаціи боевого медицинскаго корпуса. Коммиссія эта собиралась ежедневно по вечерамъ подъ предсѣдательствомъ великаго ученаго.

Эстелла Лакомбъ за послѣднее время почти не показывалась въ лабораторію. Она заходила туда, правда, по утрамъ и

Война міазмами.

являлась къ Сюльфатену, но затѣмъ спѣшила удалиться въ кабинетъ г-жи Лоррисъ, доступъ въ который былъ строго воспрещенъ всѣмъ друзьямъ и знакомымъ ея мужа,—свѣтиламъ научной, промышленной и политической дѣятельности. Всѣмъ имъ было объявлено, что г-жа Лоррисъ занимается въ этомъ святилищѣ глубочайшими философскими размышленіями, клонящимися къ разрѣшенію самыхъ туманныхъ задачъ метафизики, о которыхъ трактуетъ въ подготовляющемся къ печати большомъ научномъ своемъ сочиненіи.

Рабочій кабинетъ г-жи Лоррисъ.

Невѣста Жоржа Лорриса до такой степени пріобрѣла довѣріе и любовь будущей своей свекрови, что подъ конецъ проникла въ это святилище и ознакомилась съ работами, мысль о которыхъ приводила ее до тѣхъ поръ почти въ такой-же трепетъ, какой вызывали у нея обширныя научныя соображенія Филоксена Лорриса. Однажды г-жа Лоррисъ таинственно привела ее въ маленькую комнатку, которую великій ученый называлъ научнымъ рабочимъ кабинетомъ своей супруги.

Это была небольшая веселенькая зала, убранная множествомъ цвѣтущихъ и декоративныхъ растеній и прицѣпленная,

словно стеклянный павильонъ на выдающемся углу парадаго фасада, откуда открывался великолѣпный видъ на паркъ и на безбрежное море крышъ и монументовъ французской столицы.

— Видите, какъ велико мое довѣріе къ вамъ, милая Эстелла,— сказала г-жа Лоррисъ.—Я открою вамъ завѣтную свою тайну. Мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ еще обратились въ инженера и будете въ состояніи меня понять.

— Увы, сударыня! Я къ величайшему моему прискорбію и несмотря на всѣ мои усилія оказываюсь такимъ плохимъ инженеромъ, что г-нъ Филоксенъ Лоррисъ постоянно упрекаетъ меня за это...

— Тѣмъ лучше, милочка! Это радуетъ меня отъ души и даетъ мнѣ смѣлость открыть вамъ завѣтную тайну... Я запираюсь здѣсь для того...

— Чтобъ размышлять о вашемъ серьезномъ философскомъ трудѣ, о которомъ г-нъ Лоррисъ разсказывалъ какъ-то надняхъ нѣсколькимъ членамъ Академіи Наукъ...

— Неужели онъ позволилъ себѣ такую нескромность?

— Г-нъ Лоррисъ не вдавался въ подробныя объясненія и объявилъ только, что вашъ трудъ подвигается впередъ...

— Вотъ онъ мой серьезный философскій трудъ! Можете любоваться имъ сами!—воскликнула г-жа Лоррисъ, покатываясь со смѣху.

Изумленная Эстелла увидѣла натянутую на пяльцы канву, на которой будущая ея свекровь вышивала шелками и гарусомъ. Возлѣ пялецъ стоялъ изящный рабочій столикъ, на которомъ лежали, среди груды модныхъ журналовъ, нѣсколько хорошенькихъ, оконченныхъ уже вышивокъ гладью.

— Видите-ли, я запираюсь здѣсь, чтобъ работать надъ этими бездѣлушками, пристрастіе къ которымъ должна тщательно скрывать отъ многоученыхъ моихъ пріятельницъ, подвизающихся на аренѣ политической дѣятельности, или украсившихъ себя дипломами инженеровъ и докторовъ по всевозможнымъ отраслямъ знанія. Чтожъ дѣлать, если мое легкомысліе упорствуетъ въ своей борьбѣ противъ тираніи мужа и научныхъ его теорій, являющихся воплощеніемъ нашего ученаго и политехническаго вѣка!.. Не угодно-ли будетъ и вамъ присоединиться къ моему протесту?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! Еще-бы не присоеди-

ниться!.. Богъ съ ней съ лабораторіей! Я предпочитаю остаться здѣсь съ вами!—воскликнула обрадованная Эстелла.

Съ тѣхъ поръ Филоксену Лоррису почти не приходилось уже видѣться съ молодой дѣвушкой, такъ что онъ началъ совершенно забывать объ ея существованіи. Жоржъ имѣлъ однажды случай въ этомъ убѣдиться. Какъ-то разъ, въ промежутокъ между утренними работами въ лабораторіи сгущенныхъ міазмовъ и вечерними засѣданіями въ организаціонномъ комитетѣ новаго боевого медицинскаго корпуса, великій Филоксенъ счелъ возможнымъ посвятить нѣсколько минутъ исполненію своихъ обязанностей отца семейства.

— Кстати, въ какомъ положеніи твоя женитьба?—спросилъ онъ у сына.—Я хорошенько не помню, какъ мы съ тобою на этотъ счетъ уговорились? Зачѣмъ теперь у васъ дѣло стало?

— Единственно только за соблюденіемъ установленныхъ закономъ формальностей,—отвѣчалъ Жоржъ.—Вамъ, папаша, остается лишь назначить день...

— Прекрасно, жаль только, что я такъ сильно занятъ!.. Передай-ка мнѣ записную книжку!.. Ну, чтожь? Развѣ въ будущій четвергъ? Нѣтъ, впрочемъ! Надо вѣдь, чтобъ прошла недѣля между оглашеніемъ и свадьбой... Придется, значитъ, отложить до субботы! У меня остается тогда какъ разъ свободный часъ около полудня. Напомни фонокалендарю у моего изголовья о томъ, что въ субботу двадцать седьмого состоится бракосочетаніе Жоржа... Кстати, чортъ возьми!—съ которой-же изъ двухъ?

— Я, признаться, не понимаю вашего вопроса.

— Я спрашиваю, на комъ-же именно ты женишься: на дѣвицѣ Бардо,—докторѣ всѣхъ наукъ, или же дѣвицѣ Купаръ,—сенаторѣ Сартскаго департамента... Надо признаться, любезнѣйшій сынокъ, что со мной за послѣднее время случались припадки разсѣянности... Я положительно иду уже подъ-гору, другъ мой!.. Вообрази себѣ, что мнѣ зачастую приходилось встрѣчаться съ обѣими этими дѣвицами въ засѣданіяхъ комитета. Разъ какъ-то я сдѣлалъ отъ твоего имени предложеніе докторшѣ Бардо, а два дня спустя, по совершенно непонятной для меня забывчивости, сдѣлалъ совершенно такое-же предложеніе и сенаторшѣ... Боюсь, чтобы изъ этого не вышли теперь для меня серьезныя затрудненія и непріятности!

Для тебя-то разумѣется получается самая выгодная комбинація... Ты, счастливчикъ, можешь теперь выбрать себѣ любую изъ двухъ!.. Обѣ, видишь-ли, безотлагательно изъявили свое согласіе. Онѣ вѣдь дѣвицы серьезныя и считаютъ совершенно неумѣстнымъ тратить по пустому свое собственное и чужое время... На которой-же изъ двухъ окончательно останавливаешь ты свой выборъ?

— Ни на которой! — воскликнулъ Жоржъ, съ трудомъ лишь удерживаясь отъ смѣха.—Разсѣянность у васъ, папаша, оказывается не въ примѣръ сильнѣе, чѣмъ вы сами подозрѣвали. Вы совершенно забыли о третьей дѣвицѣ, которая объявлена уже моей невѣстой, а между тѣмъ на ней-то именно я и женюсь!

— Кто-же она такая, чортъ возьми?

— Эстелла Лакомбъ.

— Ай!—эта молоденькая барышня,—насквозь еще проникнутая легкомысліемъ минувшихъ вѣковъ!.. Признаться, я совершенно о ней не думалъ, считая тебя окончательно выздоровѣвшимъ отъ столь нелѣпаго увлеченія!.. Впрочемъ, теперь мнѣ некогда. Мы еще успѣемъ съ тобой переговорить и какъ-нибудь уладимъ дѣло... До свиданія!

Въ субботу двадцать седьмаго числа фонокалендарь напомнилъ Филоксену Лоррису, что день, назначенный для бракосочетанія его сына, наступилъ. Экая, подумаешь, напасть! Утромъ надо было произвести въ лабораторіи цѣлый рядъ весьма важныхъ опытовъ надъ сгущенными міазмами, а вечеромъ предстояло въ комитетѣ чрезвычайное засѣданіе!.. Филоксенъ Лоррисъ поспѣшно одѣлся и спросилъ по телефону у сына:

— На которой-же изъ невѣстъ разсчитываешь ты жениться, другъ мой?

— Разумѣется, на Эстеллѣ Лакомбъ.

— Такъ это, значитъ, у тебя рѣшено?

— Рѣшено и подписано. Приглашенія на свадьбу разосланы, и мамаша уже одѣвается...

— Мнѣ некогда съ тобою спорить... тѣмъ болѣе, что ты непростительно упрямишься!.. Пусть будетъ по твоему, другъ мой! Предупреждаю тебя, однако, въ послѣдній разъ, что твои потомки наврядъ-ли окажутся сильными въ математическихъ наукахъ.

— Считаю долгомъ примириться съ этой печальной перспективой.

— Смотри-же, не пеняй потомъ на другихъ! — объявилъ сыну великій Филоксенъ и затѣмъ добавилъ:

— Однако-же для меня выходитъ тутъ, съ позволенія сказать, въ чужомъ пиру похмѣлье! Я съ двумя другими твоими невѣстами оказываюсь совсѣмъ на мели!.. Ты, другъ мой, окончательно сбилъ меня съ толку непостижимымъ легкомысліемъ, съ которымъ устраиваешь свою жизнь и портишь себѣ столь прискорбнымъ образомъ будущность. Вотъ теперь у меня на рукахъ остаются изъ-за тебя двѣ дѣвицы: докторъ Бардо и сенаторъ Сартскаго департамента Купаръ. И все это, подумаешь, изъ-за твоей милости!.. Онѣ дѣвицы солидныя и, разумѣется, маху не дадутъ, а предъявятъ ко мнѣ судебнымъ порядкомъ иски о вознагражденіи за убытки!.. Между тѣмъ мнѣ не до судебныхъ разбирательствъ. Я занятъ теперь въ высшей степени интересными проектами новыхъ изобрѣтеній. Какъ бы тутъ выпутаться изъ бѣды?

— Я въ данномъ случаѣ не могу ничѣмъ вамъ помочь.

— Постой-ка, мнѣ пришла счастливая мысль: сенаторша и докторша окажутся какъ нельзя болѣе пригодными для Сюльфатена!..

— Обѣ заразъ?

— Нѣтъ, только которая нибудь одна изъ двухъ. Онъ человѣкъ серьезный и удовлетворится любою изъ нихъ!.. Онъ вѣдь не тебѣ чета, дружокъ! Мозги у него не повреждены вліяніемъ легкомыслія предковъ. Онъ сталъ теперь прежнимъ Сюльфатеномъ, какимъ былъ до маленькаго своего грѣхопаденія!.. Теперь никакія сантиментальныя глупости не въ состояніи уже на него дѣйствовать. Онъ утратилъ къ нимъ всякую воспріимчивость. Я убѣжденъ, что для Сюльфатена совершенно безразлично жениться на сенаторшѣ, или докторшѣ. Обѣ онѣ стóютъ въ его глазахъ другъ друга!...

— Но вѣдь въ такомъ случаѣ у васъ, папаша, всетаки же останется на рукахъ одна невѣста.

— Да, чортъ возьми, это правда! Ты можешь похвастать, что заварилъ со своей женитьбой кашу, которую мнѣ придется расхлебывать какъ-разъ въ такое время, когда положительно не досугъ заниматься всѣми этими пустяками!..

Куда-же намъ дѣвать другую невѣсту? Клянусь Богомъ, я не знаю, куда ее пристроить!

— Выдайте ее замужъ за прежняго вашего паціента Адріена Ла-Героньера!.. Онъ, впрочемъ, собирался жениться на Гретли, убѣдившись, что она отлично умѣетъ за нимъ ухаживать!..

— Теперь ему въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Онъ вѣдь уже не боленъ. Къ тому-же никто не мѣшаетъ ему жениться на дѣвицѣ Бардо, снискавшей себѣ репутацію блистательнѣйшаго изъ нашихъ медицинскихъ свѣтилъ. Сюльфатенъ въ свою очередь не безъ нѣкотораго честолюбія... Его можно женить на сенаторшѣ!.. Надо будетъ непремѣнно уладить оба эти дѣла, прежде чѣмъ идти по твоей милости къ мэру!...

Новоизобрѣтенный мигрень.

VIII.

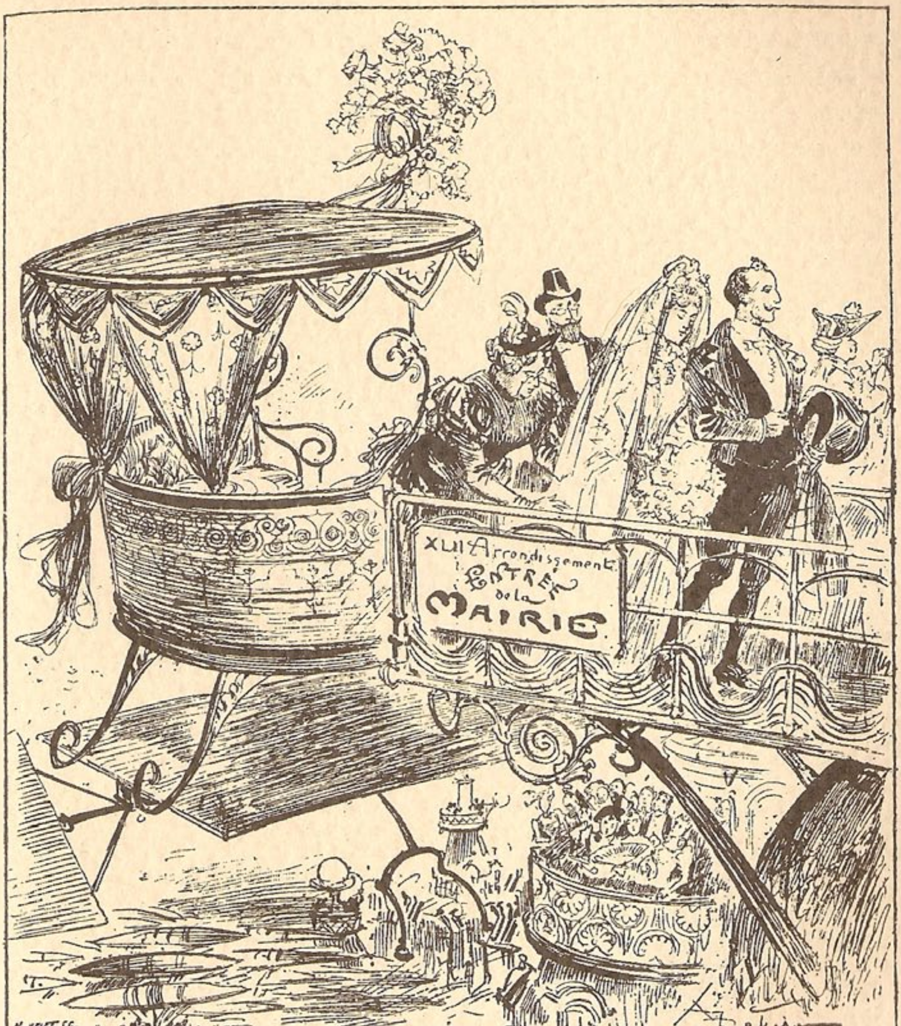
Женитьба Жоржа Лорриса —Затруднительные переговоры, которые приходится вести его родителю.—Улаживаются еще двѣ свадьбы. — Возвращенiе въ Керноель.—Наступленiе вакацiй.—Прибытiе дачниковъ съ разстроенными нервами.

Наконецъ, по устраненiи всѣхъ препятствiй и улаженiи почти всѣхъ недоразумѣнiй, Жоржу и Эстеллѣ удалось сочетаться бракомъ.

Бракосочетанiе это имѣло торжественный и весьма внушительный характеръ. Въ то время, когда Филоксенъ Лоррисъ готовился, скрѣпя сердце, пожертвовать четвертью часа драгоцѣннаго своего времени, чтобы явиться въ мэрiю и расписаться тамъ въ книгѣ, онъ самъ былъ осчастливленъ неожиданнымъ, посѣщенiемъ адвоката. Одновременно съ этимъ посыпался на него цѣлый градъ повѣстокъ и фонограммъ отъ присяжныхъ повѣренныхъ, судебныхъ приставовъ и т. д. и т. д. Дѣло въ томъ, что обѣ дѣвицы — докторша Софiя Бардо и сенаторша Сартскаго департамента Губертина Купаръ,—каждая съ свой стороны, возбудили противъ него судебнымъ порядкомъ искъ по поводу нарушеннаго его сыномъ обѣщанiя жениться. Какъ та, такъ и другая требовала шесть миллiоновъ франковъ вознагражденiя за протори и убытки.

Филоксенъ Лоррисъ не любилъ откладывать дѣла въ долгiй

ящикъ и предпочиталъ какъ можно скорѣе выпутываться изъ нежелательныхъ усложненій. Ворча сквозь зубы и проклиная свою участь, онъ подошелъ къ телефоноскопу и приступилъ къ многотруднымъ переговорамъ, имѣвшимъ цѣлью склонить дѣ-

Свадьба Лорриса. Прибытіе въ мэрію.

вицъ Бардо и Купаръ къ прекращенію процесса, который могъ повести только къ скандалу и даже повредить карьерѣ ихъ обѣихъ. Великій ученый совѣтывалъ имъ поэтому взять назадъ поданныя уже въ судъ исковыя прошенія и вмѣсто молодого

вѣтренника Жоржа Лорриса, который во всякомъ случаѣ не могъ-бы жениться на двухъ невѣстахъ разомъ и къ тому-же былъ положительно ихъ недостоинъ, выбрать себѣ въ женихи знаменитаго инженеръ-медика Сюльфатена, правую руку и вѣроятнаго преемника самого Филоксена. Другимъ, столь же подходящимъ женихомъ, могъ служить достопочтенный Адріенъ Ла-Героньеръ, —инженеръ и докторъ всѣхъ наукъ,—спеціалистъ по финансовой части, — мастеръ устраивать крупныя промышленныя операціи,—недавно лишь исправленный и починенный заново великимъ чудодѣйственнымъ національнымъ лекарствомъ, въ барышахъ отъ котораго онъ по условію будетъ имѣть изрядную долю.

Поспѣшимъ воздать должную справедливость практическому уму обѣихъ дѣвицъ. Подъ вліяніемъ объясненій Филоксена Лорриса справедливое ихъ негодованіе быстро улеглось, и онѣ согласились, вмѣсто того, чтобъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ, вступить въ личные переговоры съ отвѣтчикомъ.

Чтобы не тратить даромъ времени, Филоксенъ Лоррисъ одновременно установилъ телефоноскопическое сообщеніе съ обѣими дѣвицами. Такимъ образомъ ему не приходилось повторяться. Рѣчь его была приготовлена такъ, что могла оказаться пригодной для обѣихъ.

Послѣ двухчасовыхъ телефоноскопическихъ преній все было наконецъ улажено. Д-цы Бардо и Купаръ смѣнили гнѣвъ на милость и на пластинкѣ телефоноскопа отразились мирно улыбающіяся ихъ лица. Филоксенъ Лоррисъ привелъ тогда въ дѣйствіе всѣ звонки своего дома, требуя Сюльфатена и Ла-Героньера къ себѣ въ кабинетъ или къ телефоноскопу, чтобъ сообщить имъ о положеніи дѣлъ. Начались новые переговоры весьма щекотливаго свойства.

Приличія ради Филоксенъ Лоррисъ прервалъ телефоноскопическое сообщеніе съ дѣвицами. Такимъ образомъ онъ обезпечилъ себѣ возможность спокойнаго и серьезнаго обсужденія безъ напрасной траты времени на разныя околичности.

Четверть часа ушла на объясненія.

Другая четверть часа употреблена была на обсужденіе.

Итого потеряно было еще полчаса. Зато Филоксенъ Лоррисъ имѣлъ удовольствіе заручиться согласіемъ Сюльфатена и бывшаго его паціента на комбинацію, улаживавшую нелѣ-

Старый міръ обреченъ на сломъ.

пую путаницу и спасавшую фирму Филоксена Лорриса отъ скандальнаго процесса.

Какъ только Сюльфатенъ и Ла-Героньеръ изъявили свое согласіе, знаменитый ученый, испустивъ вздохъ облегченія, нажалъ пальцемъ кнопку, устанавливавшую сообщеніе съ обѣими бывшими истицами.

Увы, онъ слишкомъ поторопился! Съ первыхъ-же словъ Филоксенъ Лоррисъ убѣдился, что разсѣянность сыграла съ нимъ опять плохую шутку. Торопясь скорѣе окончить переговоры, онъ упустилъ изъ виду выяснить довольно существенный пунктъ и оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ: которая изъ двухъ дѣвицъ выйдетъ замужъ за Сюльфатена и которая сдѣлается г-жею Ла-Героньеръ? Имъ обѣимъ было предоставлено право выбора, и обѣ онѣ отдали предпочтеніе знаменитому инженеръ-медику Сюльфатену, ввиду того, что его организмъ никогда не испытывалъ потребности въ починкѣ, и что передъ нимъ открывалась великолѣпнѣйшая карьера.

Начавшіеся теперь переговоры оказались не впримѣръ болѣе трудными и щекотливыми, чѣмъ предшествовавшія объясненія. Къ счастью, Сюльфатенъ съ первыхъ-же словъ догадался прервать сообщеніе съ Адріеномъ Ла-Героньеромъ, который остался у себя дома, чтобъ пріодѣться къ свадьбѣ. Въ противномъ случаѣ самолюбію бывшаго больного пришлось-бы порядкомъ пострадать.

Переговоры длились еще цѣлый часъ.

Филоксенъ Лоррисъ былъ внѣ себя отъ нетерпѣнія. Сколько, подумаешь, времени пришлось ему потерять даромъ—и все по винѣ этого вертопраха Жоржа, который теперь воркуетъ себѣ спокойно съ своей невѣстой на такую избитую вконецъ тему, какъ любовь, которая, съ позволенія сказать, стара, какъ міръ! Онъ, разумѣется, и не думаетъ, что отцу приходится изъ-за него ломать себѣ теперь голову, разбираясь въ такой путаницѣ, въ которой самъ чортъ ногу сломаетъ!

Наконецъ все удалось уладить къ общему удовольствію. Д-ца Купаръ,—сенаторъ Сартскаго департамента, согласилась выдти замужъ за инженеръ-медика Сюльфатена, съ условіемъ, что ея мужъ вступаетъ по формальному договору въ товарищество съ фирмою Филоксена Лорриса, съ правомъ по смерти Филоксена пріобрѣсти себѣ въ собственность отъ его наслѣд-

Національный бретонскій паркъ.

никовъ и самую фирму. Дѣвица Бардо,—докторъ всѣхъ наукъ и спеціалистка по медицинѣ,—согласилась, въ свою очередь, принять предложеніе Адріена Ла-Героньера. Она обезпечила себѣ, такимъ образомъ, возможность наблюдать въ высшей степени интересный случай возстановленія поврежденнаго организма. Будущій ея мужъ являлся замѣчательнымъ образчикомъ чудодѣйственной силы медицинской науки. Понятно, что блистательнѣйшему свѣтилу этой науки было какъ нельзя болѣе умѣстно прибрать его къ рукамъ.

Тогда оказалось возможнымъ возстановить сообщеніе съ Адріеномъ Ла-Героньеромъ,—повѣдать ему о выпавшемъ на его долю счастьѣ, и окончательно договориться насчетъ будущихъ двухъ свадебъ.

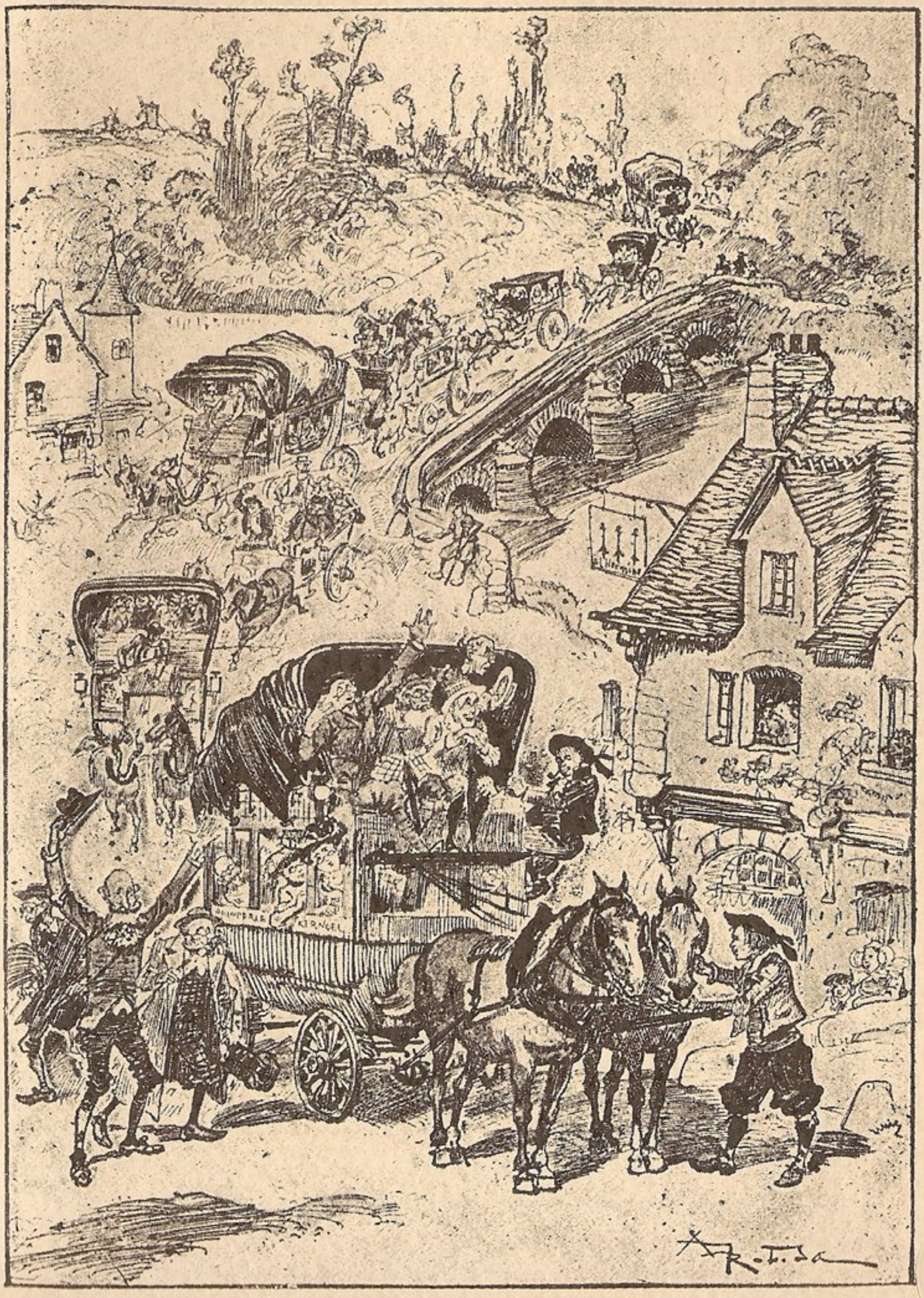
Освободившись отъ всѣхъ своихъ тревогъ и опасеній, Филоксенъ Лоррисъ наскоро поздравилъ обѣ сосватанныя имъ счастливыя парочки и приказалъ подать воздушный свой экипажъ, чтобы слетать въ мэрію и такимъ образомъ исполнить родительскія обязанности, оказывавшіяся для него столь обременительными.

Въ сущности онъ уже запоздалъ къ заключенію гражданскаго брака. Онъ только что собирался выйти изъ кабинета, какъ снова раздался звонокъ телефоноскопа, заставившій его остановиться.

Мэръ LXII округа устранялъ разомъ всѣ затрудненія, предлагая ему присутствовать по телефоноскопу при заключеніи гражданскаго брака.

Филоксенъ Лоррисъ, чрезвычайно довольный любезностью мэра, которому впрочемъ и самому было недосугъ, охотно принялъ его предложеніе и безотлагательно телефонировалъ родительское свое согласіе.

Онъ имѣлъ такимъ образомъ удовольствіе не только сберечь время, которое пришлось-бы потратить на эту поѣздку, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжалъ также и встрѣчи съ нѣсколькими приставами. Они не были своевременно извѣщены о состоявшемся примиреніи и явились въ мэрію при самомъ заключеніи брака передъ молодыми супругами, чтобъ лично заявить имъ отъ имени дѣвицъ Бардо и Купаръ о возбужденіи судебнаго преслѣдованія. Выполненіе этой судебной формальности обошлось ровнехонько въ 7.538 франковъ и 90 сантимовъ.

Національный бретонскій паркъ. Прибытіе нервно-переутомленныхъ.

Когда всѣ, кому слѣдуетъ, росписались въ книгѣ, достопочтенный мэръ, чтобы не тратить по пустому драгоцѣнное время, передалъ Жоржу фонограмму рѣчи, которую надлежало, собственно говоря, выслушать новобрачнымъ. Сердечно поблагодаривъ мэра, Жоржъ положилъ фонограмму эту въ карманъ. Само собой разумѣется, что онъ обѣщалъ прослушать съ должнымъ вниманіемъ и почтеніемъ на другой-же день, или когда-нибудь позже, оффиціальныя увѣщанія, содержавшіяся въ этой рѣчи.

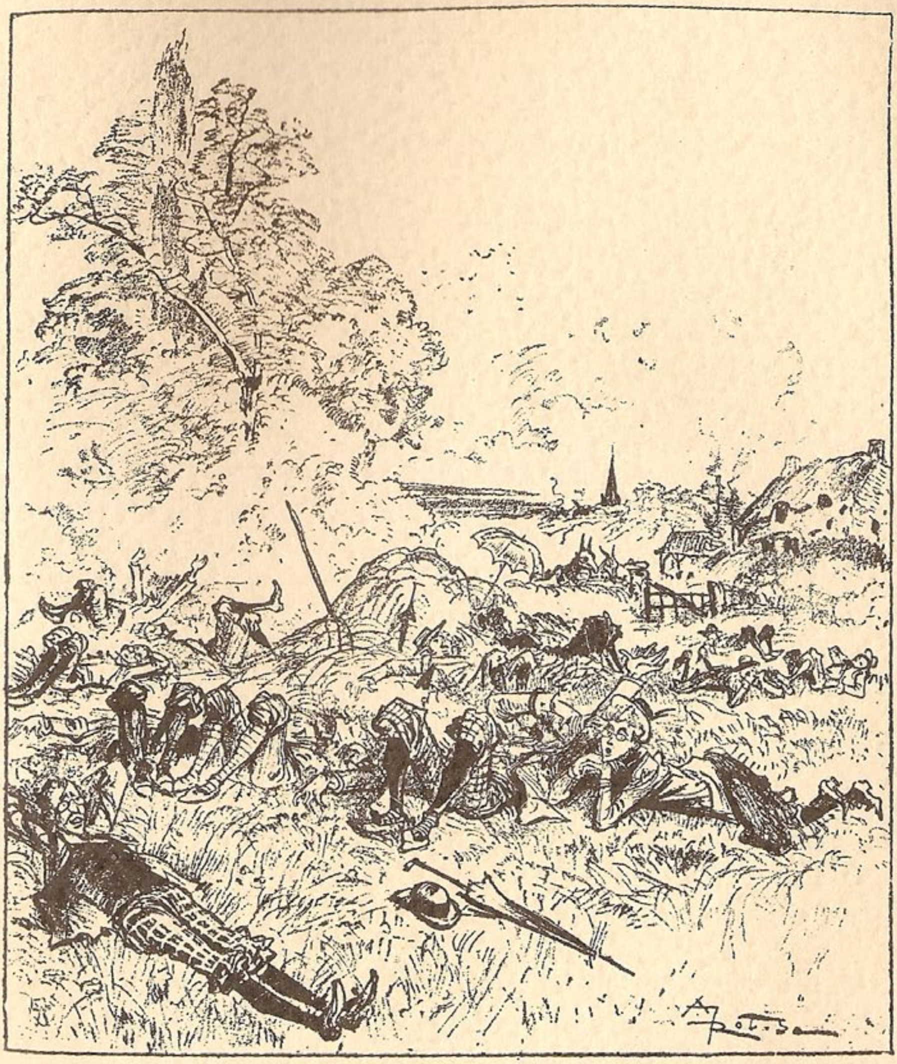
Свадебный поѣздъ направился затѣмъ къ церкви, гдѣ толпились уже наиболѣе выдающіеся дѣятели въ области науки, промышленности, политики, торговли, литературы, изящныхъ искусствъ и т. п. Болѣе тысячи двухсотъ воздушныхъ экипажей колыхались надъ церковною папертью. Нельзя представить себѣ ничего очаровательнѣе вереницы этихъ изящныхъ экипажей, проводившихъ затѣмъ новобрачныхъ до дома Филоксена Лорриса.

Послѣ полудня молодые сѣли снова въ воздушный корабль и быстро помчались въ мирный уголокъ, огражденный закономъ отъ захватовъ современной науки, а именно въ національный бретонскій паркъ, посѣщенный уже ими при обручальной поѣздкѣ.

Молодая чета снова прибыла въ Керноель. Жоржъ Лоррисъ выхлопоталъ себѣ особое разрѣшеніе доставить въ одну изъ маленькихъ мѣстныхъ бухточекъ чрезвычайно уютный воздушный швейцарскій домикъ, въ которомъ онъ и поселился съ Эстеллой, въ двадцати пяти саженяхъ надъ уровнемъ морского прибрежья. Тамъ, въ освѣжающемъ вѣяніи морского вѣтерка, смѣшивавшемся съ благоуханіемъ луговъ и лѣсовъ, раскидывалась передъ ними восхитительно живописная панорама скалистыхъ мысовъ, украшенныхъ старинными колокольнями, дикихъ бухтъ и дремучихъ дубовыхъ лѣсовъ, окаймлявшихъ трепетнымъ изумрудомъ своей зелени древнія развалины феодальныхъ замковъ, или еще болѣе древніе таинственные кельтскіе долмены...

Жоржъ и Эстелла, сами того не замѣчая, провели уже нѣсколько недѣль въ этой чарующей пустынѣ, когда вдругъ она наполнилась дачниками. Начались уже вакаціи. Всѣ мѣстные дилижансы, брички, рыдваны и колымаги—катились наполненныя блѣдными измученными людьми, головы у ко-

торыхъ тряслись при каждомъ толчкѣ колесъ по камнямъ и ухабамъ. То былъ ежегодный наплывъ горожанъ, искавшихъ себѣ спокойствія и старавшихся запастись новыми си-

Національный паркъ. Прибытіе дачниковъ.

лами на лонѣ матери-природы. Все это былъ переутомленный людъ съ разстроенной нервной системой, задыхавшійся отъ перенесенной борьбы и жаждавшій успокоиться среди мирныхъ полей, лѣсовъ и луговъ. Бѣдняки сердечно радовались

выпавшей на ихъ долю возможности хоть на время вырваться изъ бѣшенаго вихря электрической жизни!

Нельзя было безъ состраданія смотрѣть, какъ вылѣзали изъ всѣхъ каретъ, дилижансовъ и колымагъ, остановившихся у Керноельскихъ воротъ, измученные и разслабленные несчастливцы. Завидѣвъ гдѣ-нибудь траву, они тотчасъ бросались за нее, ложились въ свѣже-скошенныхъ лугахъ или въ сѣнѣ—кто на животъ, кто на спину, радостно вздыхая и трепеща отъ удовольствія.

Несчастливцы эти прибывали отовсюду несмѣтными толпами!...

Наконецъ-то имъ удавалось вдохнуть въ себя чистый воздухъ, незагрязненный мерзостнымъ дымомъ чудовищныхъ заводовъ и фабрикъ! Здѣсь можно было дать полный отдыхъ мозгу и нервамъ, почувствовать неизреченное счастье возрожденія къ радости жизни!

Всѣ они какъ-будто говорили: „Мы и оправимся здѣсь,—на этихъ мягкихъ, зеленыхъ, благоухающихъ лугахъ,—на бережкѣ—въ освѣжающемъ вѣяніи морского вѣтерка. Мы здѣсь отдохнемъ, воскреснемъ духомъ и соберемся съ силами для борьбы, ожидающей насъ въ будущемъ... Пусть-же алчный и грозный механизмъ соціальной жизни въ вѣкъ электричества работаетъ теперь безъ насъ, увлекая въ своемъ вихрѣ злополучныхъ илотовъ, слишкомъ крѣпко захваченныхъ цѣпкими его зубчатыми колесами для того, чтобы они могли высвободиться изъ нихъ и дать себѣ отдыхъ хоть на нѣсколько недѣль“.